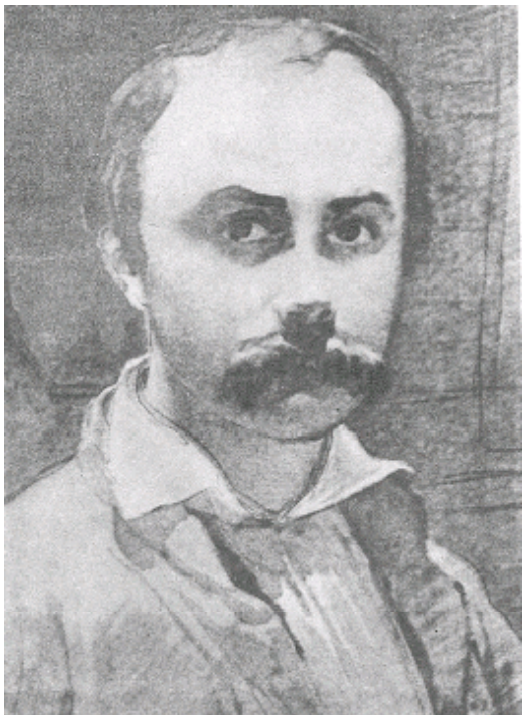
Леонид Большаков

Быль о тарасе

Книга вторая : На Арале



Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Евангелие от Матфея, глава 5.

И ПОСВЯЩЕНИЕ, И ВСТУПЛЕНИЕ

Мариэтта Шагинян посвятила Аральской экспедиции одну из глав своей книги "Тарас Шевченко", впервые изданной в горьком сорок первом и вскоре защищенной как диссертация на степень доктора филологии.

Много воды с тех пор утекло, книге полвека, после нее выли сотни статей и десятки монографий о выдающемся сыне Украины, а она современна и сейчас, в наше время.

И безусловно актуальна содержащаяся в ней постановка вопроса изучения, исследования аральской вехи жизни и творчества Шевченко.

"Самый добросовестный биограф Шевченко, А.Конис-ский, и тот сообщил об Аральской экспедиции, в которой участвовал поэт, ничтожно мало. Он использовал побочный материал..., но не счел нужным найти и изучить материал самой экспедиции. Его интересовало, как и решительно всех биографов и мемуаристов, лишь "непосредственно относящееся к поэту". Под непосредственно относящимся подразумевался случайный запас внешних сведений о Шевченко - большей частью житейского характера, упоминание его имени, бывшие с ним случаи, высказывания о нем и его собственные..."

Развивая свои мысли, М.С.Шагинян снова и снова подчеркивала, какой урон делу принесло (и приносит) то, что "никто не потрудился изучить самое Аральскую экспедицию, ее труды и дни". Она не переставала думать о том и позже, вплоть до последних лет своей жизни. Свидетельствую это, вспоминая наши беседы в любимых ею Дубултах, на берегу Рижского залива; так и чувствовалось, что в ней самой, совсем старой, почти слепой, не угасло,

не остыло желание зарыться в бумаги экспедиции, распыленные по многим фондам. С живым, молодым интересом расспрашивала меня об "аральском" в архиве Оренбурга и смотрела снизу вверх с такой укоризной, что хоть лети домой, беги в архив, читай нечитанное или недочитанное, штудируй, думай, пиши. Однажды Мариэтта Сергеевна решила проверить исполнение своего требования и сообщила мне расписание предстоящего года собственной жизни, уже на девятом ее десятке: когда будет в Москве, когда намерена находиться в Ялте, поехать за границу и в те же Дубулты. Встретились мы снова в Дубултах, но... меня увлекала тогда НЕ АРАЛЬСКАЯ глава его, Тараса, жизни.

До нее добрался только сейчас. И, разумеется, в полном согласии с той, которой возношу свою хвалу, с ее убеждением = утверждением: прежде чем писать о Шевченко на Арале, надо скрупулезно разведать по возможности все, что происходило там и в то время. Понимаю я это все бесконечно широко - вижу за ним и собственно Аральскую экспедицию, и Раимское укрепление с Ко-саральским фортом, и степи, пустыни вокруг, и губернаторство в целом, и ханства по другую сторону, и Европу, где бушевали революции.

В общем, чтобы познать дела и дни такого человека, как он, нужно ощутить нерв и пульс всего мира. А уж среду непосредственную, ближайшую - в первую голову и во всех, даже малейших, деталях. С каждым событием - большим или малым. С каждым именем - громким или совсем тихим, никем вовек не произносившимся.

...Как гласит Евангелие от Луки (глава 12):"Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы."

Часть первая: МЕСЯЦ В РАИМЕ

О БУТАКОВЕ, И НЕ О НЕМ ТОЛЬКО

1.

...Он лежал на перине, хранившей грешный и сладкий запах попадьи Аделаиды. Нынче она не придет - поп Василий объехал аванпосты, раскиданные невдалеке от Раима, свершил требы и вполпьяна воротился. Не придет Аделаида. Прощайте, синьора... Ну, а для чего же тогда дожидаться рассвета в душной горнице? "Вот и еще одного автора на клубничку потянуло",- подумал, верно, читатель, взявший в руки мою книгу отнюдь не для того, чтобы окунуться в дела постельные и подышать воздухом банального греха.

Вовсе не моды ради - вдруг заявившей о себе и у нас моды на сдергивание покровов с самых что ни есть интимных отношений меж людьми - начал я с греховодницы Аделаиды и перины, в этот раз попадьи не дождавшейся.

...Хотя нет, не с нее, а с него, томящегося в несбывшемся ожидании ласк и утех.

Кто же он, сей разочарованный? На чью долю нынче достался только аромат поповой женки?

Быль моя - о Тарасе. То и другое (то, что быль, и то, что о нем) заявлено с самого начала, а если совсем точно - с названия. По чести скажу: не вижу ничего зазорного (и очень даже хотел бы) показать своего главного героя не только в обыкновенно принятых, "хрестоматийных" делах и заботах, но также в естественных побуждениях, даже слабостях, без которых живого человека нет.

Хранителям художественного наследия Шевченко известен его выразительный автопортрет: идет он по берегу Арала и ... грезит об интимном, томится по женщине. Набросок смел, даже дерзок, для выставки не предназначен; его не воспроизводят (так было, так, пожалуй, и будет). Но можем ли мы не помнить, что автору шаржа на себя исполнилось тогда всего-навсего тридцать четыре и не было у него ни жены, ни невесты, что солдат как монах (пусть и не давал обета), что Раим совсем небольшое укрепление, где каждый каждого видит час за часом - жизнь в нем поистине публичная.

Вернуться к этому еще придется. Пока же - назад, к первым, начальным строкам.

Повинюсь чистосердечно:не мои то строки. Возьмите их, пожалуйста, в кавычки и примите во внимание: это, мягко говоря, плод буйной фантазии еще не сложившегося тогда литератора, годы спустя ставшего заслуженно известным писателем, всеми ценимым историческим романистом,

лауреатом высоких премиий. Повесть четвертьвековой давности, с тех пор, кажется, не переиздавалась, но и в библиотеках, и у меня на полке она есть, доступная глазам, рукам, умам людей моего поколения (поколения своего автора), а равно последующих - наших детей, внуков, скоро уж и правнуков.

"Что написано пером..." Каким же ответственым должно быть перо, чтобы не уложить не тем славного героя в постель с "грешным и сладким" запахом матушки, да когда еще уложить...

О н - в приведенном "клубничом" абзаце - это, разумеется, не Шевченко, Бутаков- вот кто. Но Бутаков не в истине его жизни того напряженного месяца, а в совершенно очевидном вымысле, вызванном НЕЗНАНИЕМ.

"В ночь перед отплытием разве уснешь? Не потому, что в тревоге, в беспокойстве, нет, тут совсем иное, тут нетерпение и в тысячный раз вопрос - не позабыта ль какая малость?- хоть и знаешь, что никакая малость не позабыта..."

Нетерпение и тревога сомнений не вызывает - они были, они, если хотит.е, подтверждаются документально. А вот такое, постельное, нетерпение, такая, с попадьей в мыслях, тревога оставляют осадок недобрый. Невесть отчего и зачем оговорил писатель порядочного человека; вступиться же за свою честь тому не дано - давным давно в могиле. И за женщину постоять (хотя Аделаиды в Раиме не было, но попадья Елена обитала); приверженность ее к горячительному подтверждение имеет, а что касается неверности отцу Захарию, то она не доказана, и, значит, поставлена в укор быть не может.

...О, братья и сестры мои по литературной ниве, как надо нам быть верными правде, особенно когда называем имя не сочиненное - настоящее! Ну, попадья еще так-сяк - Бог с нею. Была или не была? Вроде и имя не настоящее - кто узнает? Но Бутаков - человек из истории, личность выдающаяся. Срока давности в отношении таких, как он, не существует. И разве правда менее занимательна, чем выдумка?

В ночь перед отплытием - значит, с 24 на 25 июля - Бутакову было не до любовных утех. Как и весь этот месяц с лишком - от момента прихода в Раим. Собрать, снарядить шхуну - дело хлопотное, ответственное, только бы справиться. А тут еще и сроки. Каждый день значение имеет, каждый час на счету. Далеко ли уплывешь, много ли сделаешь, если промедлишь, время упустишь? Июль уходит быстрее быстрого, август - сентябрь - вот и вся кампания, сделать же нужно так много, что враз и не пересказать.

Ни себе, ни другим покоя он не давал. Шевченко засвидетельствовал это даже поэтически - в стихотворении. "Ну що б, здавалося слова..." Помните, грустил матрос на вахте и запел народную? Запел тихо:

Щоб капитан не чув, бо злиха
Якийсь лихий, хоч і земляк...

Бутаков был с Украины; не о ком другом тут сказано - о нем.

...Нет, современный беллетрист его характера не разглядел. Кто-кто, но Шевченко такой вольности в отношении человека, которого и знал , и уважал, сочинителю не спустил бы.

Пишу так потому, что уверен.

2.

В экспедиции Бутаков был главным. В судьбе Шевченко роль его неоспорима. И коль скоро речь о нем возникла уже здесь, не премину рассказать о нем побольше. Можно сделать это и позже. Но отчего не тут?

На Арал его привела не только "собственная воля". Как и Шевченко, он нес на себе тяжесть опалы.

Так назначение сюда и расценивали - что в среде морской, что в своей (тоже морской) семье. Брат Дмитрий писал брату Григорию: "он бы (это о нем, Алексее) больше мог выиграть, если бы не пускался в эту экспедицию". Отправляясь туда, сходились во мнении Бутаковы, подвергает он себя многоликому риску, в том числе и такому, как быть забытым ("когда его самого нет близко, то об нем могут и позабыть").

Не для того ли и отсылали, чтоб на такое именно забвение обречь?

Шевченко изгнали в солдаты тоже с надеждой, что исчезнет он с горизонта, уйдет бесследно из людской памяти.
"За возмутительные и пасквильные стихотворения..."

А за что ополчились на Бутакова? За справедливость к людям независимо от их положения, прямой, честный нрав в делах и помыслах, бескомпромиссное благородство во всем. Но и за слова, речи тоже. Те, что говорил на следствии после путешествия на транспорте "Або". Те, что поверял бумаге - страницам "Отечественных записок"; описывая в трех очерках памятное ему кругосветное плавание, не утаил и "дерзких" взглядов на вопросы глобальные, на дела в обществе. Наконец, сказанное им на обеде у Малевинских, где, как писал тот же Дмитрий, "он был очень неосторожен в разговорах" и "при многих посторонних ругал князя доволно громко".

Князя - это Меншикова Александра Сергеевича, начальника главного морского штаба, вершителя судеб на флотах Российской империи.
Светлейшему донесли, и вот он тут, в глухомани, которой еще недавно не мог бы себе и представить.

Несколько лет назад, после "Або", Алексей Иванович писал: "Мне сдается, что пока наш светлый восседает на "престоле,из черного древа", мне мудрено чего-нибудь дождаться. Если дела пойдут слишком плохо, то я полагаю, что лучше всего оставить флот - может быть не удастся ли как-нибудь в гражданской службе. Да вот беда: мне не хочется выходить из флота; у меня все есть надежда, что если когда-нибудь светлый перестанет у нас владычествовать или отправится к Данилычу, то я возьму свое, а главное может быть тогда науки не будут в таком гонении и новый министр, для прославления своего царствования, снарядит ученую экспедицию вокруг света, коею, может быть, мне бы и пришлось командовать - вот что теперь сделалось моим больным местом".

Но Меншиков к "Данилычу" (прадеду своему родному, всем известному другу и соратнику Петра 1) не отправлялся и владычествовать никак не кончал (похоже, даже не собирался) .Косые взгляды в сторону строптивого продолжалис,,, нового кругосветного путешествия ждать становилось все тяжелее, и "риска забвения" он не испугался, от Аральского моря уклоняться не стал, назначение принял даже не без воодушевления. Новое море - новые возможности. Тем более, когда море неизвестное, исхоженное...
"Я теперь веселый иду наоте шкчемне море Аральске. Не знаю, чи вернуся тшько... А щу, ift-богу, веселий..." Так писал в последнем своем письме из Орской Тарас Шевченко, веселыйот предвкушения хотя бы куцой свободы и, прежде всего, рисования без запретов.
-Изучать природу, постигать тайны творения, открывать новые, великие истины - для этого надобно больше ума, труда и воображения, нежели для самой великой поэмы,- рассуждал примерно так же будущий "Колумб Арала", а пока всего лишь лейтенант флота.
...Для Бутакова начиналась его поэма- действительно главная в жизни.

3.
Антипод Поэта - бездумный рифмоплет. Антипод Художника -заурядный ремесленник-маляр.
Антиподом Бутакова был и оставался Меншиков.

Светлейшему князю-адмиралу море в детских грезах не являлось. Биография его складывалась вполне "сухопутно": начинал со службы дипломатической, продолжал в гвардейской артиллерии, отличился в боях 1810-1814 годов, был возведен в директора канцелярии начальника генштаба, сопровождал Александра 1 в поездках за границу, потом утвердился в министерстве иностранных дел. Предлагали ему командовать Черноморским флотом, но тогда в нем возобладал здравый смысл - отказался по незнанию морского дела. И все-таки запало, видно, предложение в его голову. Вынужденный уйти в отставку ("позаботился" о том Аракчеев), Меншиков, уже почти сорокалетний, живя в родовой деревне далеко от морей-океанов, занялся вдруг неведомой ему... морской наукой.

Вернувшись два года спустя к делам, он снова выполнял дипломатические поручения, а затем опять воевал, командуя то десантным отрядом на восточном берегу Черного моря, то осадой крепости Варна (под которой был в третий раз ранен). Вскоре после этого его и назначили начальником главного морского штаба. Так в 1829 году стал заниматься Меншиков "устройством флота". Много лет занимался, и не одному Бутакову мечталосьо времени, когда "светлый"

господствовать перестанет. Истинные моряки видели в этом человеке посрамление самого для них дорогого - флота России.

Алексей Иванович был из семьи черноморского моряка, впоследствии вице-адмирала. (Сведения здесь и далее - из единственной биографической книги о нем: скромной брошюры В.И.Дмитриева, 1955 года издания, "А.И.Бутаков"). Моряками стали и все пять братьев Бутаковых. Алексей, среди них старший, заболел морем уже в раннем детстве. В двенадцать поступил в морской кадетский корпус, занялся необходимыми флотским офицерам науками, преуспел и в них, и в практике на судах, и в изучении языков, так нужных при кругосветных плаваниях. О них мечталось всего более. Тем паче, что перед глазами всегда был первый российский "плаватель круг света" адмирал И.Ф.Крузенштерн, тогда директор их корпуса.

Семнадцатилетним Бутакова произвели в мичманы. Как одного из лучших выпускников морского корпуса его определили в офицерский класс - будущую академию. Закончил с блеском. Наступило время служить - назначили вахтенным на балтийский корвет.

И сразу же столкнулся он со всеми бедами российского флота, поставленного под начало самоуверенного, беспринципного, а в морском деле еще и неграмотного Меншикова. Главнокомандующим, собственно, значился великий князь Константин, но "генерал-адмиралу", царскому сыну, шел ... седьмой или восьмой год от роду (во главе флота Николай 1 поставил его в четыре), и бразды правления находились в руках вовсе не ребенка. Находились - и использовались - для поощрения очковтирательства, казнокрадства, рутинерства, насаждения муштры и палки. Совсем молодого Бутакова возмущало это до глубины души. Служил, однако, вполне исправно, выслужился в лейтенанты. Продолжая ходить по Балтике, деятельно участвовал в переводе флота с парусов на паровую тягу. Не переставал совершенствоваться в науках и языках - английском, французском, итальянском. Занялся даже переводами литературных произведений (их печатали "Библиотека для чтения", "Сын отечества", другие издания). Но мечты уносили гораздо дальше. В непознанное, неизведанное...

И вот в 1840-м получил он назначение старшим офицером на военный транспорт "Або". Транспорт, отправлявшийся в КРУГОСВЕТНОЕ плавание.

Рвался к открытиям, готовил себя к самым большим трудам и серьезнейшим опасностям, все это было и на деле, однако многое оказалось попранным оттого, что командиром "Або" Меншиков назначил бездарного, жестокого и корыстолюбивого капитан-лейтенанта Юнкера.

Юнкер пьянствовал и безобразничал; ему доставляло удовольствие сталкивать, ссорить меж собою офицеров, издеваться над матросами; он думал не о деле, а о наживе, откровенно запуская руку в казну. Бутакову, как старшему офицеру транспорта, пришлось затратить много усилий, чтобы не дать горе-командиру распоясаться в полной мере.

С 5 сентября 1840-го по 20 сентября 1841 года "Або" преодолел огромные расстояния через Балтийское и Северное моря, Английский канал, остров Тенериф, мыс Доброй Надежды, Никобарские острова в Индийском океане, Малаккский пролив и далее, вплоть до Петропавловска-на-Камчатке. Кроме исполнения прямых служебных обязанностей, Алексей Иванович занимался в походе и на стоянках гидрографией и метеорологией, ботаникой и зоологией, минералогией и историей, изучал быт, нравы и культуру аборигенов разных мест, делал зарисовки увиденных им типов. Работал увлеченно, страстно, и был бы вполне доволен, если б не портил настроение командир - жестокий к матросам, несправедливый к офицерам, столь же невежественный, сколь и грубый.

Противодействие ему, без которого к месту было бы не добраться, Юнкер потом представил как заговор против его персоны и , больше того, преступление против законного порядка. Меншиков, не долго думая, против Бутакова и других офицеров траспорта распорядился открыть следствие. Но и обвиненный, кривить душою Бутаков не собирался. Вот слова его - из письма к близким людям, сохранившегося в "бутаковском" фонде ЦГАВМФ: "Капитан наш оказался подлецом в высшей степени, который ухнул тысяч 50 или 60 казенных денег, переморил 20 человек команды из 60 и бесчестил собою русский мундир во всех частях света... А между тем его отстаивают, потому что нельзя же показать князю, что он ошибся в выборе... Возвратясь сюда, Юнкер прикинулся несчастным человеком, против которого офицеры были в заговоре, который в продолжении двух лет был страдальцем... Чтобы останавливать его в мерзостях, мы подавали ему иногда рапорты на него самого, и в них высказывались, разумеется, многие горькие истины - и нас ославили каверзниками;

мы не подписывали шнуровых книг и не свидетельствовали незаконных расходов, потому что не хотели пачкать себя в самом явном воровстве - это приписали заговору против Юнкера..."

Если бы не голоса Литке, Нахимова. Беллинсгаузена и других уважаемых моряков, последствия могли оказаться суровейшими. Заступничество высоких авторитетов помогло: погонов флотского офицера Бутаков не лишился, такая угроза его миновала. Но назначение на Аральское море и отъезд ту да, в глухомань Средней Азии, на флотах и в столице расценили не иначе, как опалу.

Подчеркну это еще и еще раз - обстоятельство из важных.

Сейчас экспедиция для сьемки и промера неизведанного моря находилась на старте.

Готовилась в путь...

В связи с этим поводов для волнений у Алексея Ивановича было сколько угодно и без матушек Аделаид да батюшек Василиев. Без всякой - разной напраслины...

4.

"Не придет Аделаида..."- сокрушался КНИЖНЫЙ Бутаков. По мысли автора той повести, БУТАКОВ ПОДЛИННЫЙ - недаром же на печатных страницах сохранены фамилия-имя-отчество да и многое другое, к нему действительно относящееся.

А вот слова (насчет того же!) Бутакова не сочиненного (они из письма, отправленного им с берега Сырдарьи в начале октября того самого года): "В дамском обществе придется отказать себе наотрез. В Раиме, правда, есть жемчужина и львица попадья... да то в Раиме, столице здешних мест в 80 верстах отсяда; что же до нашей братьи провициалов, то где нам дуракам чай пить..."

Отсюда- это с Косарала. Но и пристань на Сырдарье была неб л и з к о. Как свидетельствовал в своей книге "Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю"(1896) А.И.Макшеев:"Плотина, в версту длины (через проток, соединяющий озеро Раим с Джалангачем - Л .Б.), была готова только к осени 1848 года, а до этого времени сообщение Раима с пристанью производилось посредством будар и других мелких лодок по расчищенному среди камыша проходу". Кто-кто, а он этот путь знал: "После обеда я часто отправлялся на пристань, где Бутаков со своими матросами деятельно собирал шхуну "Константин". Сделав поход от Каспия до Арала, матросы бодро работали с раннего утра до позднего вечера, несмотря ни на палящий зной, ни на мириады комаров. Только купанье днем и полога ночью спасали их несколько от этих невзгод".

Не придетАделаид а... Уж это так, совершенно точно. Не было у Бутакова "душной горницы"- для скороспелой постройки на берегу определение мало подходящее (хотя духота в ней и присутствовала), "перина", доставленная из Оренбурга, принимала своего хозяина только для сна, тяжелого, короткого (и "сладких" запахов не хранила), никакой "синьоры" он не ждал - в круговерти работы не приходило такое в голову, да и заведись у него, бравого офицера-моряка, прелестница какая в Раиме, добраться сюда НЕЗАМЕЧЕННОЙ было бы ей невозможно.

На матушку мог вдоволь смотреть Макшеев, имел возможность поглядывать (или даже заглядываться) Шевченко - на пристани до начала плавания были они не более, чем гостямия, жили же в пределах самого Раимского укрепления. Опять Макшеев, та же его книга, которую, кроме особо оговоренных случаев, цитирую и дальше: "В Раиме, в ожидании окончания сбора шхуны, мне пришлось прожить более месяца. Постройки в укреплении... далеко еще не были сделаны все, и потому я поместился среди площади в кибитке, обращенной дверьми к полуразрушенной могиле батыря Раима, от которой получили название урочище и самое укрепление. В кибитке жил со мною Т.Г.Шевченко..."

Примем это к сведению и оставим "Аделаиду" в покое. В невыдуманной истории первых недель по приходе Аральской экспедиции в Раимское укрепление л ю б о в н о и интрижке с грешным за пахом места нет. Но начав с ее ОПРОВЕРЖЕНИЯ, занявшись этим, вовсе не важным, а ко всему и ПРИДУМАННЫМ, эпизодом, я еще лучше понял, как же неосторожны подчас не только начинающие сочинители, но и зрелые вроде бы ученые мужи, ничтоже сумящееся решающие на том же уровне многие задачи с неизвестными. Причем не только "пустяковые", но и, если хотите, ГЛОБАЛЬНЫЕ. Скажем, метящие всю поэзию Тараса пятнадцати аральских его месяцев одним и тем же географическим обозначением "Косарал". Будто даже не существовало Раимского

укрепления, а хождения по морю в этом плане были бесплодными абсолютно... И сколько таких (пусть меньших) недоразумений можно назвать!

Жаль, что не прочесть нам листки "Раимской мухи" лекаря Со-киры. Много прояснило бы нам даже "какое-то унылое, монотонное жужжание", которое стали со временем в них замечать земляки героя "Близнецов"- родные ему хуторяне на Украине. Стократно пожалеешь, что не вел Шевченко дневник, не писал писем и вообще о будущих биографах не думал.

..."Итак, я на Раиме..." Писано рукою Тараса. Но за этим что? Как узнать, каким образом докопаться?

НЕСБЫВШИЙСЯ РАЙ "ЛЕО ФОН ШУЛЬЦА»

1.

Искать "от сих и до сих" нельзя.

Нужен мне сейчас весь сорок восьмой, "согласен" на сорок девятый, выписанное же наугад, по наитию, дело приводит в пятьдесят третий.

Можно отложить, не смотреть, зря времени не тратить. А ведь не отложишь - манит и оно. Все в истории перемешано круто, обзор должен быть широким и тогда только разглядишь нужное.

...Ерофеев? Шульц? Матвеев?

Три знакомых мне - в связи с ним, Тарасом,- имени на одном архивном листе!

Приказ по Отдельному Оренбургскому корпусу от 19 октября 1853 года, номер 217-й:

"Бывший начальник Раимского (ныне Аральского) укрепления отставленный от службы подполковник Ерофеев по произведенному над ним военно-судному делу оказался виновным в нетрезвом поведении и в допущении разных беспорядков по занимаемой им должности..."

Не оправдали как ни добивался. Виновен- это главное.

АН нет, не главное, оказывается. Приказ издан не ради подтверждения известного в корпусе факта. Преимущественно для другого, о чем дальше:

"Прикосновенные в делу изобличились виновными: генерального штаба капитан (ныне подполковник и дивизионный квартирмейстер 24-й пехотной дивизии) Шульц - в преувеличении доносов своих на подполковника Ерофеева, дозволении себе писать донесения на иностранных языках и в помещении в доносах своих в высшей степени дерзких и грубых выражениях на счет Ерофеева, и производивший над Ерофеевым следствие Уральского казачьего войска подполковник Матвеев - в действиях, не согласных с данною ему инструкциею, медленном производстве следствия и таковом же приеме от Ерофеева имущества, в неправильных распоряжениях и пристрастии, оказанном против Ерофеева..."

Обвиненными оказались обвинители? Бывает и так - до сих пор бывает.

"За что г.корпусной командир конфирмациею изволил определить: подсудимому Ерофееву, который, несмотря на оправдание комиссиею в некоторых случаях, изобличается в нетрезвом поведении, вменить в наказание нахождение под судом и увольнение от службы; подполковника Шульца арестовать на две недели с содержанием на гауптвахте, а Матвееву сделать строгий выговор.

Таковую конфирмацию государь император высочайше соизволил утвердить в 3-й день минувшего сентября.

О чем делаю известным по корпусу". (Гос. архив Башкортостана, ф.2, оп.1,д.15216).

Командиром корпуса давно уже был не Обручев, а Перовский. На перемену власти Ерофебв и рассчитывал. Но вряд ли пришло к нему удовлетворение и с новым приказом, подписанным в отсутствие корпусного командира начальником штаба генерал-майором Фантоном де Веррайоном. Лицом, надо сказать, колоритным и тоже Шевченко известным.

Так что в ряд первоначально всплывших имен напрашиваются, при чтении приказа 1853 года, еще два - из высоких начальственных.

Но это так сказать косвенное.

А если прямого нет? Я бы, конечно, не отказался от "Раимской мухи" или любого материала с упоминанием Тараса Шевченко. Однако даже владея ими, не отодвинул от себя ни один, пусть

мельчайший, документ-штрих, хоть что-то добавляющий к характеристике ЕГО времени, мест ЕГО обитания, людей, ЕГО окружавших.

С тем и возвращаюсь к трем лицам в приказе В.А.Перовского.

Прикосновенны они и к главному герою книги.

- Итак, я на Раиме...

Это Сокира, но это и Шевченко.

2.

По мнению капитана Шульца рай находился именно здесь.

Обнаружил это Лев Петрович волею случая и , конечно, генерала Обручева в 1846 году.

На тот момент не оказалось в поле зрения корпусного командира никого другого; свободным от поручений был только он; ему и вручили предписание - без промедления отправиться к низовьям Сырдарьи.

Владимир Афанасьевич Обручев давно вынашивал мысль о заведении третьего степного укрепления, устройство которого, после Оренбургского и Уральского, диктовали интересы и военные, и торговые; теперь требовалось выбрать наиболее подходящее для этого место.

Такое-то поручение получил от главного начальника края Шульц, капитан отделения генерального штаба при Отдельном Оренбургском корпусе, человек не без знаний и в местах этих не новичок, но, как говорили о нем, увлекающийся.

Поехал. Увидел. И счел, что преуспел. Все при возведении укрепления в облюбованном им месте сулило, по его мнению, выгоды несомненные.

Сведения, доставленные к исходу того же, сорок шестого, с берегов Сырдарьи и Аральского моря в Оренбург, были поистине всеобъемлющими.

Капитан Шульц не упустил ничего.

Судоходство? Пожалуйста! "В настоящее время судоходства на Сырдарье не существует, хотя, к удивлению, суда ее лучше, нежели как можно было предполагать. Они построены в виде дощанника с двумя носами, из коротких кусков дерева, отделанных квадратно и скрепленных железом..." Далее подробности - технические, географические, политические и всякие прочие, безусловно нелишние.

Рыболовство? Посланец Обручева его не обошел. "Урочище Раим примечательно по богатству рыбной ловли, которая может быть произведена в водах, омывающих подошву главного возвышения с трех сторон, в самой р.Сырдарье и далее в устьях оной до взморья". Не ихтиолог, он тем не менее уяснил все разнообразие здешнего рыбье гонаселения. Тут, доносил Шульц, водятся и белуга (а по казахски куреме), и осетр (бикре), и севрюга (кокур), и шип (белре), а кроме того множество других видов. Подробнейше охарактеризовал "туземные" способы лова, орудия его.

Охота? Есть и она. "Окрестности ур.Раима представляют немаловажные выгоды относительно охоты. Здесь водятся тигр (по киргизски джулбарс), кабан, волк, лисица, корсак, барсук, дикая коза и сайгак; из птиц: лебедь, пеликан, колпица, фазан, цапля, красный гусь, журавль, утки и кулики разных пород, горная куропатка, драхва, белый орел..."

Но главное, по Шульцу, это почва, растительность, все, что кормить должно1 и гарнизон, и поселенцев, и их скот.

Вот о почве: "Верхний слой земли до двухфутовой глубины того возвышения, на котором построена гробница батыра Раима, составляет глина сероватого цвета. Если рыть глубже, то встречается песчаноглинистый грунт... Правый берег Сырдарьи от переправы Тальбугут до Хануткуля, в местах нетопких, но волнообразных, имеет почву отменно плодородную..." Тут же о лугах: "луговые места с травами, густо растущими, вышиной в пояс человека, как аржаник, визель и плющ, а также стелющимися по земле, как полевой горошек, клевер и мята. Киргизы, кочующие по Сырдарье, вовсе не косят луговых трав и не делают запаса сухого фуража для своих стад, но режут, о в случае нужды, ножами камыш, растущий в низменных окраинах займищ".

Окрестные луга покорили его особенно, вызвав нескрываемый экс-таз:"Луга, могущие доставить корм на целый год лошадям гарнизона в 1000 человек, а также и стадам водворившихся постоянно 400 семейств, находятся не в дальнем расстоянии от ур.Раима. Пространство, занимаемое лугами между бухтами Джалангач и Раим. составляет 8 квадратных верст, или 838 десятины; с

каждой десятины можно выкосить по меньшей мере 1,5 стога сена, полагая стог в 100 п., выходит всего 124800 п., что составляет годовую пропорцию на 600 лошадей.

Подсчеты Шульца были вдохновенными и вдохновляющими.

А он заливался дальше и дальше.

Пастбища: "Находятся при подошве возвышения Раим, на берегах прилегающих бухт и в окрестностях".

Камыш: "Его можно найти преимущественно на островах реки, в низменных лощинах и рытвинах нагорного берега".

Пашни, огороды: "Мест, удобных для хлебопашества и заведения огородов при ур.Раим, ...достаточно".

Наконец, своя соль: "Самосадочную соль белого цвета достают игенчи, обитающие в аулах близ Раима из оз.Тузкуль... это озеро имеет верст 12 в окружности..."

Отчет капитана Шульца (АВРП, ф.Главный архив, 1-9, д.5, ллЛ 451 -1466) занимает десятки густо исписанных страниц, содержащих в себе не только выводы, а и факты, выкладки. Примеры, примеры, примеры... Заключения автора они делали по особому доказательными. Как же, сам там был и все это видел. САМ был... СВОИМИ ГЛАЗАМИ видел ... И тамошних людей (скажем, сырдарьинских рыбаков, которые "имеют угрюмый и суровый вид, неутомимы и бесстрашны на воде"), и камыш ("в котором может укрыться человек, сидящий на верблюде"), и орудия хлебопашцев ("мотыга и корыта составляют их единственные вспомогательные средства").

У Обручева доклад специального посланца вызвал доверие полное. Отправившись из Орской крепости к Сырдарье в мае 1846-го, Шульц уже в конце сентября благополучно вернулся, и ну рассказывать, ну описывать радужные свои впечатления.

Бывалые высказывали сомнения. Сомневался в истинности рекомендации восторженного капитана оберквартирмейстер корпуса полковник Бларамберг Иван Федорович. В своих "Воспоминаниях" (М., Наука, 1978) он впоследствии напишет: Шульц "описал этот район в слишком светлых тонах, о чем я не преминул поставить в известность шефа, потому что побывал там в 1841 г. и заснял его". Однако, увы... "Генерал Обручев, очень довольный проектом, не обратил внимания на мои замечания, но позже убедился, что я был прав".

Позже... Строительство укрепления в этом пункте было предрешено; уже зимой 1846-1847 гг. во-всю развернулась подготовка, вплоть до постройки судна для плавания по Аральскому морю.

Огромный караван к облюбованному месту вел в мае-июне сорок седьмого сам командир корпуса. Вел и - привел. Но, приведя, огорчился и разгневался. Там же, у Бларамберга, читаем: "Прибыв наконец к небольшому предгорью или, скорее, холму, возвышавшемуся недалеко от бухты Камышлыбас, на правом берегу Сырдарьи, и получившему свое название от находящегося на его вершине киргизского захоронения Раим, генерал Обручев обманулся в своих ожиданиях, потому что, хотя он и нашел в окрестностях достаточно воды, почва представляла собой неплодородную глину, а вместо обширных лугов он обнаружил необозримый камыш, который годится на корм лошадям лишь на первой стадии роста".

Еще определеннее о том же сказано в книге А.И.Макшеева "Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских" (1891): "Шульц принял на Сырдарье камыш за траву и донес, что около урочища Раим, в 60 верстах от устья реки, можно накашивать до миллиона пудов душистого сена. Это известие обрадовало Обручева, и он стал просить разрешения построить на Раиме укрепление. Из Петербурга ему возражали, но он настаивал, говоря, что если мы не займем низовьев Сыра, то могут занять англичане!... Ему дали, наконец, разрешение... По прибытии на место он увидал ошибку Шульца, но, после всей предыдущей переписки с министерством и после громадных расходов на снаряжение войск в степь, принужден был основать укрепление".

Это, однако, свидетельства со стороны. Есть и исходившее от Обручева непосредственно. Напомнив в одном из рапортов военному министру основные доводы Шульца, он вынужден был признать: "в бытность мою... на Раиме... я не нашел на всем пространстве оного ни пастбищных мест, ни луговых трав - кроме одного камыша, растущего в лиманах урочища Раима и Джаланчага,-но как капитан Шульц в истребованных от него по сему предмету донесениях отозвался, что большая часть из луговых трав - от бывшего в то время разлития реки Сыра - затоплена водою, а пастбищные места потравлены киргизским скотом, то для разрешения сего обстоятельства и обнаружения истины предложено было сождать весны будущего года, т.е. нового появления трав".

Снова из названной книги Макшеева: "Для успокоения своей совести Обручев оставил Шульца в Раиме отыскивать траву. Шульц, конечно, ее не нешел и упорно настаивал, что трава обратилась в камыш вследствии сильного разлива Сыра".

И снова Бларамберг: "Он оставил в форте и капитана Ш. (в издании 1978 года - С., но это явная ошибка - Л.Б.), который провел там всю зиму 1847-48 г. и вернулся потом на линию с верблюдами и порожними башкирскими телегами".

Теперь "Лео фон Шульц", как иронически, не без насмешки, величали его про себя офицеры и чиновники в Раиме. Орской крепости, Оренбурге, встречал новый транспорт. "Крестный отец укрепления" предвкушал совсем скорое свое отбытие в места цивилизованные.

Угрызений совести он не испытывал, полагал себя даже героем. Как же, явился сюда среди первых, все тут идет от него. Признавать ошибки капитан склонен не был. Ошибались все - только не Шульц.

3.

Шевченко в лицо его пока не знал, был к нему вполне равнодушен и среди встречавших раимский транспорт не выделил никак.

Зато Матвеева... О, не узнать Матвеева, хотя и видел его недолго, он не мог. Даже на расстоянии, любом расстоянии, чувствовал его душу и признал бы, кажется, в самой большой людской массе по излучению душевной доброты, испытанной на себе.

Уже несколько месяцев Матвеев пребывал в Раиме. Почему - знал тоже. Увидев его, навстречу не бросился - субординация! Но внутренне обрадовался: хорошо, когда рядом доброжелатель, а при

нужде и заступник.

Вскоре после оренбургской их встречи, недели через три чиновник особых поручений при военном губернаторе подполковник Матвеев отправился в командировку во Внутреннюю киргизскую орду и провел там дней сто - если совсем точно, то девяносто семь. Туда и обратно по 797 с половиной верст... множество переездов там, куда был послан с ответственной миссией... Оренбург - Уральск - ханская ставка - ханские владения... Отчет о поездке он представил сразу по возвращении - 1 ноября 1847 года.

Ехал, чтобы "вникнуть в положение дел Орды и в степень самовластия действий надворного советника Матвеева (советника Временного совета), удовлетвориться, точно ли народ недоволен Советом, терпит от него угнетения, ропщет на неправосудие должностных лиц и подвергается поборам". Проверил основательно: и характер деятельности своего однофамильца - полномочного чиновника министерства государственных имуществ, и условия жизни великого множества казахов - подданных Росийской империи. Первоначально отведенных на поездку двух месяцев ему не хватило - остался на третий, "разменял" четвертый, но и до сути положения докопался, и радикальные предложения внес, и многое тут же, на месте, поправил. (Рапорты и другие бумаги из командировки - в ГАОО, ф.б, оп.10, д.5836).

Не констатировать неладное, негодное и тем довольствоваться, но по мере сил и прав искоренять, исправлять, устранять все, что противоречило порядку и справедливости, шло во вред людям,- это его, Матвеева, заботило всего больше.

Едва стал отходить от одной командировки, как назрела, и приблизилась вплотную, следующая.

"По случаю открывшихся в начале настоящего года беспорядков в управлении Раимского укрепления , я признал необходимым командировать туда находящегося при мне для особых поручений подполковника Матвеева для исследования означенных недостатков..."

Так начинался один из рапортов Обручева, посланных в 1848 году военному министру.

Жалобы на Ерофеева вызывали тревогу. Обвиняли его в пьянстве, поборах, самоуправстве и других грехах (обнаруживали они себя что ни день, то больше). Чуть не с каждой оказией слал рапорты капитан Шульц; разоблачения были все более пугающими. Медлить не приходилось - терпению наступал конец, и его высокопревосходительство, позвав Матвеева, распорядился: "В путь!" Исполнению приказа не мог помешать даже суровый, метельный январь, особенно злой в степной и пустынной бесконечности

Встреча превзошла все ожидания. Начальник укрепления оказался в самом неприглядном виде и поистине плачевном состоянии. Был он не только пьян, но и нем: от беспробудной пьянки случился удар, лишивший его "употребления языка". Губернаторскому посланцу не оставалось ничего иного, как принять командование на себя, а уже потом заняться разматыванием всего клубка дел своего злополучного поверяемого.

Подтвердилось, по сути, все, что в вину ему ставилось. Уже вскоре после воцарения здесь стали замечать Ерофеева "в нетрезвом поведении, от чего проистекали вредные для службы последствия". Выражались они в разном - охотном приеме подарков, то-бишь взяток, попрании достоинства людей, превышении власти. Захотел, к примеру, и захватил не замышлявших ничего худого степняков, отобрал у них лошадей и ружья, а самих взял в оковы. Вел себя, в общем, как хотел, ни с кем и ни с чем не считался, все более убеждая "в неспособности начальствовать без явной опасности для укрепления или... при действиях в степи".

Гбворили о художествах сего начальника и после того, как был он отстранен от своей должности. Известны рассказы служившего тут прапорщика Нудатова, записанные много лет спустя журналистом Д.Клеменсовым; вспоминал и слышанное им о Ерофееве.

"Не заставши в Раиме Ерофеева, смененного и отданного под суд,-излагал Клеменсов,- г.Н. передавал нам со слов Шевченко, присланного в укрепление при Ерофееве, такие подвиги самодурства этого милого человека и добряка, от которых немало человеческих душ отправилось с жалобами на тот свет".

То. что Нудатов прибыл сюда уже при Мотвееве, сомнений не вызывает (и прямыми, и косвенными данными подтверждается приезд его в дальнее укрепление через полгода - или "около полугода"- ПОСЛЕ ШЕВЧЕНКО). Но разве может быть опровергнуто утверждение самого губернатора о том, что с февраля 1848 года исполняющим должность раимского начальника стал Матвеев? И, следовательно, опальный поэт-художник явился сюда уже через четыре месяца после смещения (пока не утвержденного "наверху") скомпрометировавшего себя офицера?

Пересказывая ерофеевские похождения, Нудатов ссылался на Шевченко. Что ж мог слышать и от него - фольклор живуч, а эпизоды были из тех, которые своей анекдотичностью запоминались.

Как затеял Ерофеев "экскурсию" по Сырдарье и на середине реки, весьма-пьяный, сбросил в воду не менее пьяного священника в рясе; потом его выловили, водворили на баркас и продолжали накачиваать водкой....

Как пришла в голову идея переправиться на левый берег да "пово-о евать" там; закончилось тем, что враждующие тамошние обитатели "под шумок" надумали поквитаться меж собой и результаты оказались для многих плачевными; для многих, но не для сумасбродного начальника, доложившего в Оренбург о своем геройстве...

И так далее, и все в том же духе.

"При получении жалования укрепление не успокаивалось до тех пор, пока вся получка не переходила в руки маркитанта..." В рассказах Нудатова Ерофееву отведены десятки строк. Восходили они, разумеется, не только к рассказам Шевченко. Не его одного, но... и его тоже.

Сейчас навстречу транспорту ехал Матвеев. Хозяином тут был он. Хотя - официально - Ерофеев еще значился начальником Раимского укрепления. Сюда его высочайше назначил царь, только ему дано было сказать и решающее слово насчет дальнейшей судьбы проштрафившегося ставленника.

Представление военного губернатора (оно, не раз цитируемое, находится в ЦГВИА, ф.395, оп.40, д.737) звучит, на мой взгляд, вполне доказательно, но в столице с приговором не поспешили.

"Государь император, не видя, в чем заключаются беспорядки, допущенные подполковником Ерофеевым, и имея в виду, что штаб-офицер сей, по представлению генерала Обручева, получил награду и утвержден начальником укрепления,- высочайше повелеть соизволил: истребовать о сем подробное и точное сведение..."

Да, соглашался Обручев, офицер этот "всегда был лучшим из штаб-офицеров" и тут же, в подтверждение, сообщал вполне объективные данные о нем: сын поручика, учился в кадетском корпусе, по окончании его, в чине прапорщика, вступил в Литовский егерский полк, здесь стал и подпоручиком, и поручиком, по собственной охоте получил перевод в Отдельный Оренбургский корпус, отличился в Хивинском походе, а затем и других степных экспедициях, заслужил два ордена,

внеочередные чинопроизводства и почти одновременно, в сорок седьмом, получил -"за отличие"- подполковника и престижную должность начальника укрепления.

Но укрепление-то было Раимским - глухоманью из глухоманей, от всего оторванным. Ни цивилизации, ни семьи... горстка одних и тех же олюдей, коротавших дни в картежной игре и пьянстве... Очень скоро стал опускаться в этот омут сам. Несколько месяцев и - наступил крах.

В конце концов царь повелел: "отчислить подполковника Ерофеева от должности, с состоянием по армии (то-есть без увольнения из военного сословия - Л.Б.), и сообщить генералу Обручеву, что штаб-офицер сей, по окончании следствия, подлежит суду".

Следствие вершилось без всякой спешки. Дело закончилось только в пятьдесят третьем - несколько лет спустя. Чем закончилось, тоже известно. Правда, через некоторое время Ерофеев в строй вернется - в том же корпусе, но во вновь образованном одиннадцатом батальоне. Женится на купеческой дочери Авдотье Петровне, станет немолодым отцом позднего первенца Владимира (ЦГВИА, ф.801,оп.91 /36,1 отд., 1 ст., д.63). Это, впрочем, случится за пределами тех лет, которые занимают меня сейчас.

Шульц, Ерофеев, Матвеев... "Аральская книга"- как и предыдущая, первая,- уже по началу судя, населена будет густо.

Под эгидой Ерофеева он не служил, общение с Шульцем продолжалось недолго. Но в жизни укрепления они были, стало быть причастны и к нему - пусть косвенно да причастны. Ну а Матвеев... Тут уж и говорить не приходится: в биографии поэта место у Матвеева прочное.

Предвижу упрек: меньше всего пишу о Тарасе. С упреком согласен. Но с оговоркой: мне важен ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ, "интерьер" же тут - время и край, люди и нравы.

Его самого в раимские, аральские дни представить без этого не удастся. "...я на Раиме..."

Приглядывался, знакомился, вписывался.

"1. РАИМЬ'

1.

Так и звучат во мне слова монаршьей рецензии:

- Клянусь честью! Не хотел бы я жить в такой дыре!

Форма отклика была предельно четкой, французская речь высокого рецензента - лаконичной и образной, что же касается содержания, то отличалось оно недвусмысленной откровенностью:

- Не хотел бы в такой дыре...

Будто Шевченко или иной кто рвался туда, напрашивался сам.

Напоминаю: его императорское величество Николай 1 вынес свой изысканный приговор Раиму ранней весной того же 1848 года в Зимнем дворце, объявив его при свидетелях, среди которых был один из авторов представленных планов местности и проектов укрепления военный инженер Бларамберг.

Осмотрев (всю жизнь помнил Иван Федорович) "план новой крепости Раим на Яксарте и окрестности вокруг нее, представляющие собой пустыню и песчаные степи", государь заявил:

- Ma foi! Je ne voudrais par vivre dans un trou pareil!

Но, объективности ради, пожаловал представлявшего планы кольцом с бриллиантами и именным своим шифром - знаком особого благоволения.

Пожаловал за эти самые проекты - планы, которые всегда и везде, как было, есть и будет, премного отличаются от того, что из них получилось.

В натуре все выглядело еще тусклее.

-...такой дыре...

Натуру первого года существования укрепления "отрецензировал", да еще в рифму, и многоопытный инженер Нешель, питомец Дерптского университета. Свою оценку он мог бы выразить и на французском, и на немецком, но ... предпочел русский, владел которым не безупречно. "Нешель был весьма ученый и симпатичный человек,- вскользь заметил Макшеев, знавший его лично,- но сильно коверкал русский язык и никак не мог различить слов: жесть, честь, шесть, шерсть,

шест и проч." Для поэта, безусловно, такое "знание" чревато курьезами. Однако тут оно только подчеркивало суть - и отнюдь не пародийную:.

Раим стоит на высокой горе,
Недалеко от Аральского моря;
Кто на этой горе не бывал,
Тот на свете горя не видал.

Г о р е у Нешеля и дыра у Николая созвучны.

2.

А шевченковское не созвучно?

Строки в "Близнецах":

"... С восходом солнца мы близко уже подошли к Раимскому укреплению. Вид со степи на укрепление грустнее еще, нежели на Калу-Иргиз. На ровной горизонтальной линии едва-едва возвышается над валом длинная, камышом крытая казарма. Вот и весь..."

(Автограф, по которому все это печатается,- черновой, кое-что в нем не дописано. Восстанавливается по смыслу: "Вот и весь РАИМ").

"...Между двумя широкими озерами высовывается высокий мыс, на котором построено укрепление, называтся Раим, от а б ы, воздвигнутой здесь за сто лет над прахом батыря Р а и м а, остатки которой вошли в черту укрепления".

(Более подробное описание, обещает Сокира, будет "в следующем листке", но и тут еще успевает сказать о "сей безотрадной пустыне", а дальше и о "необитаемом острове"- что одно, что другое о Раиме также).

"Подробнейшего" описания "теперешнего местопребывания" в повести не последовало. Но то, что не далось прозе, оказалось под силу карандашу.

1. Раимъ.

Рука Шевченко...

На переднем плане давящие своей массой причудливые изгибы былого надмогильного сооружения; они, остатки абы, в отличие от всего прочего, несут в себе определенный колорит - все остальное солдатски серо, безлико.

Да и что "остальное"? "Длинная, камышом крытая казарма"- это раз... Примыкающие постройки поменьше... Лазарет, что за ними, третьим планом...

Взгляд у художника точный. Удалось схватить и передать основные черты едва родившегося форта, уловить и соблюсти на рисунке основные размеры.

Размеры, как равно внешний вид построек и схематический план помещений, отыскались в бумагах семьи Обручева среди материалов фонда 120 Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Достаточно сопоставить сепию Шевченко с пометой "1. Раимъ", и чертежи технические.

Вот этот: "Чертеж вновь выстроенной казарме при южном фасе укрепления и таковая же выстроена при северо-западном фасе без задних пристроек; пристройки под литерами А.Б.С. для помещения офицеров".

Двадцать пять окон только по фасаду. Офицерские квартиры обращены к югу, солдатские жилища - к северу.

Минувшей зимою в них уже обитали. Под "Чертежом ВНОВЬ ВЫСТРОЕННОЙ казарме..." собственноручная подпись: "Начальник Раимского укрепления подполковник Ерофеев". Утвердил он не только замысел - исполнение и наличие. А Ерофеев это 47-й, начало 48-го...

Тут же стоит рассмотреть и "Чертеж ВНОВЬ ВЫСТРОЕННОМУ лазарету", оформленный аналогично: и план, и фасад, и подпись. Масштаб: два сантиметра - двадцать пять футов. По фронту, значит, 70, даже больше, метров. Эта постройка ко времени подхода транспорта существовала тоже.

Были еще некоторые строения, баня, аптека и кухня лазарета, гауптвахта, каменная кибитка (в папках Обручева сохранились и они). Но сколько-нибудь оформленного вида все это хозяйство не имело, да и построенное законченностью не отличалось. Вспоминал Макшеев:

"...Постройки в укреплении, такие же как и в Уральском ("Кале-Иргизе"!- Л.Б.), далеко еще не были сделаны все, и потому я поместился среди площади в кибитке, обращенной дверьми к полуразрушенной могиле батыря Раима..."

ЭТУ кибитку, в которой обитал и Шевченко, мы на картинке видим -она впереди абы, у н е е расположился рисовальщик, отсюда видна ему характерная часть укрепления.

Именно таким и увидел художник укрепление не издалека и даже не вблизи, а как бы и з н у т р и.

1. Раимъ.

Единица перед географическим названием в моих глазах приобретает смысл особый.

Первый взгляд... первое представление... первое осмысление...

И ПЕРВАЯ РЕЦЕНЗИЯ? В самом начале здешней жизни? Задолго до той, которую мы прочтем в "Близнецах"? Сомнений в этом у меня нет. Сепия - явно - из июня-июля 1848-го.

Шевченко угнетает пустота, безжизненность площади за могилой батыря. Это чувствуется уже в том, как выводит из нее разномастных (и пока безликих) обитателей укрепления - военных и штатских, как "оживляет" трубу казармы клубящимся дымком. Семерка стоящих и идущих, поближе и подальше, кольца, ух'одящие в небо, пусть слегка, но все-таки оживляют и площадь, и постройки, утверждая п р и с у т с твие жизнив этом совершенно унылом месте.

...А что за кибитка в центре площади?

Снова сошлюсь на Клеменсова - Нудатова:

"Первая встреча г.Н. с поэтом, находившимся в укреплении уже около полугода, произошла НА ПАРАДЕ У ЦЕРКОВНОЙ ПАЛАТКИ..."

"Меня поразила,- говорит г.Н.,- какая-то странная неуклюжая фигура, разгуливавшая ПО ЦЕРКОВНОЙ ПЛОЩАДИ..."

Но та ли площадь на рисунке? Эта самая?

Нет. ТА - позади кибитки Макшеева и Шевченко, ЗА НЕЮ, а не впереди.

Художника привлекла экзотическая восточная а б а, и оставило равнодушным временное, походное подобие храма божьего, хотя оно тоже несло в себе определенную экзотику.

Церковная палатка,о которой вспоминал Нудатов, появилась тут с приходом прошлогоднего транспорта.

"В 1847 году в Раимское укрепление передана походная церковь упраздненного Уфимского полка и назначен священник Афанасий Абашевский, Оренбургской епархии". Справка - из одиннадцатого выпуска "Материалов по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска" (1913). С затратами по этой статье в губернаторстве мирились; впрочем, все оговаривалось заранее:"Все деньги на заготовление щерковных вещей и на провоз их назначено употребить из церковного капитала, имеющегося в комиссариате, а взамен того такая же сумма должна быть взята из сбора башкиро-ме-щеряков и обращена во вновь составляемый неприкосновенный военный капитал". (Стр. 125-125).

Служба, таким образом, шла с самого начала существования укрепления. Столько же времени действовал церковный намет (это определение звучало благообразнее, благолепнее) с четырьм я вызолоченными крестами. Потом его отсюда увезут и вернут на линию - еще понадобится. Но произойдет акт отправки не ранее того, как появится в укреплении церковь новая, постоянная.

Теперь сопоставим два шевченковских рисунка, с одной точки сделанных. В правом верхнем углу первого, уже рассмотренного (а в томе 11-го), есть цифровая помета: N 114-7. (Составителями томов живописи и графики, в том числе этого, восьмого, изданного в 1963-м, нумерация часто игнорировалась). Под названием, данным составителями ("Укрепление Раим. Внутренний вид"), идет составительская же строка: "Сепия.19.У 1 - 25.УП 1848". И эти же даты - под карандашным рисунком того самого тома, 148-м от начала (чернильная нумерация, на оригинале,- N114-130). Что, выходит, рисунок - фантазия? Откуда иначе быть тут церкви?

Реконструкция, убеждают комментаторы, как бы предвидя возражения. "Сопоставляя данный рисунок с сепией под N11, можно допустить, что церковь Шевченко рисовал не с натуры, а с проекта уже в июне-июле 1848 г., когда строительство церкви еще не начиналось..." Но осенью-зимой того же года она была уже "почти отстроена" и, как докладывал Бутаков адмиралу Меншикову, оставался "только купол".

К весне сорок девятого установили и его. (Церковное оборудование, церковная утварь, все, включая набор колоколов, прибыло в укрепление тем же транспортом, что и Аральская экспедиция). Шевченко видел церковь в законченном виде, бывал в ней, действующей, слышал ее колокола; так что же - перерисовал ч е р т е ж? и тем д о в о льствовался?

Разумеется, нет. А потому логичнее отнести рисунок к работам 1849 года и подкрепить им вывод, что Шевченко проявлял живой художнический интерес к местам, приковавшим его внимание хоть однажды.

...Так и смотрю я на два рисунка с одной точки.

Пока есть то, что на сепии.

Идут первые дни на новом месте...

3.

Макшеев: "Раимское укрепление было построено в виде неправильного многоугольника, на мысу нагорного берега Сырдарьи, круто возвышающегося саженей на 17 над разливами реки, которые образуют, с востока и запада от мыса, озера Раим и Джалангач, а с юга - проток между ними..."

На акварели - Раим, западная его оконечность.

Сам Шевченко засвидетельствовал: Уроч. Раимъ с запад а.

Вода, омывающая мыс,- Джалангач. Противоположный берег далеко, но глаз у обитающих здесь - что в кибитках, что в избе - зоркий, от него не ускользнуть ничему, хоть сколько нибудь подозрительному. Тут и живут, и служат - сторожат покой. Сторожат его, кажется, даже одинокое дерево, даже куст на склоне. Маленькая картина несет большой смысл, настроение - раздумье, тревогу и умиротворение одновременно.

Художник где-то тут. Рядом. Близко. Он смотрит как бы изнутри -и души своей, и своей судьбы, и еще непознанной этой природы, каждый уголок которой своеобычен и неповторим, как неповторима природа вообще.

"Между двумя широкими озерами высовывается высокий мыс..."

Приметил еще до прихода в Раим. Потом, обойдя все окрестности, выгодную точку нашел. В один ли прием, в два или даже три, но замысел исполнил, притом наилучшим образом.

По рисованию он соскучился. Запрет на кисть и карандаш угнетал. Теперь своим делом мог заниматься сколько угодно. Обретенная свобода видеть и живописать пьянила.

Но прикомандировали-то егокэкспедиции!

Забывать об этом Тарас не мог, не имел права. Не то, чтобы понуждал кто-то - Бутаков, или Поспелов, или тот же Макшеев.

Помнил без напоминаний. Да и хотелось... самому хотелось Сырдарью увидеть. Не издалека - поближе.

Первую же возможность не упустил.

ПРИОБЩЕНИЕ К СЫРДАРЬЕ

1.

Прямое свидетельство Алексея Ивановича Бутакова: "20 числа (июня 1848) я закончил перевозку на берег Сырдарьи всех членов и принадлежностей новой шхуны, а 21 начал собирать ее".(ЦГАВМФ, Ф.19,д.32,л.13об).

Перевозили на тех же одноконных телегах, которые доставили части и снаряжение плоскодонной парусной шхуны из Оренбурга. Все в транспорте получили отдых. Все, кроме морской

команды и тех, кто шхуну вез. Пристань была не близко, но за сутки с доставкой ее к берегу управились.

Вот она, уже (или еще) в первоначально, ЧЕРНОВОМ СВОЕМ ВИДЕ, на сепии с белилом: "Шхуны "Константин" и "Михаил" (л.16). Будущий "Константин" кажется много меньше, чем на самом деле (14,3 метра - 47 футов - длиною, 4,9 метра - 16 футов - шириною, 1,9 метра - 6 футов - глубиной трюма). Но на переднем плане он не весь. Присмотришься -часть его в некотором отдалении. Вот-вот соединятся, чтобы строиться, снаряжаться уже целиком. Пока же... Таким предстало судно глазам Шевченко к концу июня, вероятно не раньше. Чуть поодаль - судно на плаву, под парусами, на реке и море ПРИЖИВШЕЕСЯ. (Почему только нарекли его составители "Михаилом", а не "Николаем"?) И лодка, что на тихой водной глади - маленькая лодка с ветрилом, натягиваемым человеком в фуражке,- своя тут, исконная, снизу вверх, с почтением "глядящая" на неживого пока, но жаждущего жить МОРСКОГО БОГАТЫРЯ, который в конце концов разорвет деревянные "путы" и отправится по Сырдарье, по Аралу, заждавшимся хозяина - защитника. Людей на листе на видно: лодочник да еще часовой у флагштока возле палатки. Но ОЩУЩЕНИЕ РАБОТЫ И ЖИЗНИ во всем. Строится шхуна... строится дом...

На акварели под номером 15-м постройка дома, в отличие от сепии, описанной раньше, приближена к нам максимально. Не настолько, чтобы вытеснить собою все прочее - реку, лодки на берегу и вдали, "Николая" на причале, строящегося поодаль "Константина", кибитку и палатку-времянку, казака на лошади, вглядывающегося в просторы речные. Но именно он, недостроенный дом, внимание рассматривающих рисунок приковывает с первого же взгляда.

А, между прочим, это то строение, за которое Ерофеев уже ... отчитался. Держу в руках "Чертеж казарме, выстроенной на берегу реки Сырдарьи для отряда казаков". ВЫСТРОЕННОЙ! Внизу и здесь его пером начертано начальственное засвидетельствование сего как бы непреложного факта. План... фасад... профиль... Двенадцать окон, двести с лишним футов в длину и тридцать в ширину... Однако и в конце июня 48-го до заселения не так уж близко; есть "коробка", ост о в помещения, есть стропила, но зияют пустотою двери и окна, нет кровли, не видно печных труб; казарма же на самом берегу, а река коварна, устойчивой погоды не сулит.

Дни, а не день, как предположил сначала,- два, может три дня пробыл он (уезжая ближе к вечеру?) среди будущих мореходов, на "пристани", которая пока была в основном на листах чертежей, не больше. Прожил не зря: и с товарищами лучше спознался, и с в о е д е л о сделал. Обе картинки - и акварель, и сепию - исполнил не без чувства, скомпановал и нарисовал достаточно удачно. На сепию с "Константином" и "Николаем" сразу положил глаз Бутаков. ему и вручил.

Ну а еще две сепии береговойработы (те, что в восьмом томе идут под номерами 17-м и 18-м)? К ЭТИМ дням я их не причисляю. Близость сюжетов очевидна, в отдельных деталях можно разглядеть даже сходство, но и различия, несходства предостаточно.

2.

Но есть еще одна акварель, истоки которой на этом же сырдарьинском берегу, на том самом месте и в те июнъско-июльские дни. ...9. Укрепление Раи м. Вид с верфи на Сырдарье...

Ее я обособляю потому, что она, в отличие от большинства других, здесь рассмотренных или названных, не этюдна и не документально-репортажна, но в полной мере художественна, ЗАКОНЧЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННА.

Акварель размером 20,5 на 29,8 - развернутая картина, малое пространство которой вместило в себя необыкновенное богатство художественного мира автора.

Названия он не придумал (как не искал их и во многих других случаях). На борту лодки вывел: Т.Ш е в ч е н к о, 1 8 4 8.) Остальное волен видеть, воспринимать, додумывать зритель.

Сколько их таких зрителей, у картины этой будет? Один или... единицы? Выставочной судьбе ее не быть - ему она заказана. Пишет -переживает, пишет - раздумывает. И уже не нужны, ни к чему точные детали: тут это, там то. Важен строй мыслей и чувств стоящего у воды служилого, за спиною которого прибрежный простор с единственной зеленью - камышом, единственными пристанищами - палатками да кибитками, а на высоком мысу - скудное и скучное укрепление; в десятках шагов - шхуна строящаяся, которая, вместе с той, что под парусами, уйдет скоро в плавание

по неизведанному морю, подхватит и его, оторвет от матушки ш земли, пусть даже неласковой, унесет невесть куда, и как все сложится, что суждено - кому это знать дано? кто нагадать в силе?

Из всех его работ, запечатлевших Раим с окрестностями, эта, на мой взгляд, наиболее обобщающая. В ней не частности, но образ, и не только образ - миросозерцание, мировоззрение, философия.

І небо невмите, і заспані хвіли;
і понад берегом геть-геть
Неначе п'яний очерет
Без вітру гнеться. Боже милий!
Чи довго буде ще мені
В оцій незамкнутій тюрмі,
Понад оцим нікчемним морем
Нудити світом?..

Стихотворение могло родиться позже. (Акцентирую на этом не потому только, что в нем "море": Сырдарья, преддверие Арала, как море и воспринимается,- как море и на картине). Но где еще, как не в его стихах, искать и находить нам разгадки смысла и настроения работ Шевченко - художника? Вот бы выпустить однажды альбом, в котором под каждой акварелью и сепией стояла не "составительская" тусклая строка, поэту чаще всего чужая и чуждая, а его собственная поэтическая строчка, исторгнутая душой...

Сила обобщения и в акварели, котороую автор пометил: "Уроч.Ра-имъ с запада". Помета географическая. Но как просится в девиз, в эпиграф ее шевченковское поэтическое:

І Bupic я на чужиш
І сивпо в чужому Краі...

3.

Рисовал жадно.

М а к ш е е в: "...я поместился среди площади в кибитке..."

И дальше:

"В кибитке жил со мною Т.Г.Шевченко. По утрам он рисовал с меня портрет акварелью, но сходство ему не удалось и потому он его не кончил. Руки и отчасти платье доделал потом казак Чернышев, родной брат известного художника, и в таком виде портрет сохранился у меня. Я дорожу им, как прекрасною картинкою и как памятью о Шевченке".

Интерьер кибитки известен по дошедшей до нас сепии "Т.Г.Шевченко малюе товарища". (А в надписи на обороте - не авторской, но и не сегодняшней, скорее всего из века шевченковского - отчетливо читается: "Шевченко с карандашом в руке. Перед ним натурщик". То и не то - не так ли?) Верхний свет высвечивает всю обстановку временного, но уже достаточно обжитого, жилища, не только кровать и топчан, стол и стул - предметы необходимые, а и то, что составляло уют, заботу о красоте, о тепле походного очага, обретшего после долгого и тяжелого перехода более или менее основательную почву. Каждый предмет здесь говорит о созвучии, совпадении вкусов обитателей - сошедшихся поначалу, может, и случайно, но отнюдь не случайно сжившихся. И Библия на полке-подвеске их общая, и гитара, свисающая сверху, общая (хоть и не представляем ее в руках Шевченко, повенчанного людьми с кобзой, и только с кобзой). Библия -собственность поэта, гитара - офицера, но одно и другое тут нераздельно.

Художник чувствует себя в этом "доме" свободно - вся фигура и вся поза его такая домашняя. Однако, согласимся, в непринужденности этой та особая внутренняя сосредоточенность, когда творческий процесс уже идет, но еще внутри, карандаш пока не соприкоснулся с бумагой, только до желанного мига так близко, одно-единственное движение руки. Не торопится и не торопит натурщик. Лицо его в тени, торс золотится в луче - стоит, подбоченясь, молодец молодцом. Не красуется - стоит, и все тут. Он тоже свой. Марковей Сидоров? Крестьянский сын и сам нижегородский крестьянин, денщик Макшеева, привлекавший всех и проворством, и умением без суеты приспособиться к любым условиям? Предположение - не утверждение, но важно и оно, бесспорно-важно...

Та же кибитка, то же верхнее освещение и в "Портрете неизвестного с гитарой".

Гитара уже не на крюку или какой другой подвеске, она в руках человека, сидящего на кровати, пальцы его касаются струн, а лицо задумчиво...

По белому телу подушки нацарапано: Р а и м ъ.

Раим и только Раим. Кибитка и только кибитка. Июнь-июль сорок восьмого и только они, месяцы эти. В начале будущего года, поселившись на продолжительное время в укреплении, такого интерьера Шевченко иметь не сможет (кибитка со своего места давно уйдет, а гитара вместе со своим владельцем еще осенью отправится в Оренбург).

Гитара - инструмент сугубо личный, она всегда имеет хозяина, как бы тянется к нему, льнет именно к его рукам.

Человек в с в о е и кибитке, на с в о е и кровати, со с в о е и гитарой... Кого только ни называли, желая подствить вместо "неизвестного" фамилию того, кто определенно был в поле зрения рисовальщика! Отдал дань всевозможным гипотезам и я, возражая против атрибутирована работы в качестве портрета участника Аральской экспедиции Томаша Вернера или портрета Алексеева (знакомого уже по Новопетровскому), называя Козьму Рыбина, унтер-офицера корпуса топографов. Но, как вынужден был признать, вопрос о том, кто же на самом деле позировал Шевченко, все еще остается нерешенным.

Не решен он и доныне. Однако теперь я думаю о ...Макшееве. Да-да, хозяине и кибитки, и кровати, и гитары. А, стало быть, о том "портрете акварелью", который Шевченко рисовал с него "по утрам", но не закончил - "сходство ему не удалось" (потом "руки и отчасти платье" дописывал Чернышев -казак Чернышев) и в результате портрет стал "прекрасною картинкою", оставшейся доброй "памятью о Шевченко".

Портрет этот числится среди ненайденных, исчезнувших.

Еще в 1920 году он находился у потомков Макшеева в Петербурге, а где сейчас - неизвестно. Меж тем цену шевченковскому в семье знали, и все, что было связано с ним, берегли. Наталья Алексеевна Макшеева, дочь Алексея Ивановича, в 1927 году опубликовала в третьей книге журнала "Життя и революція" статью "Т.Г.Шевченко в Аральской экспедиции", в которой, в частности, впервые обнародовала раимское письмо врача "Лаврина" с припиской Шевченко - автограф большой ценности. Вероятно ли, что портрет мог стать жертвой равнодушия наследников и кануть в небытие? Было бы такое в высшей степени удивительным и необъяснимым. Нет, нет и нет -поступить так ЭТИ люди не могли...

Тогда где же портрет мог оказаться? Прежде всего, в руках заинтересованных коллекционеров, потом - при благоприятном стечении обстоятельств - в шевченковской галерее, в шевченковском музее. Именно такая судьба постигла "Портрет неизвестного с гитарой".

Выходит, всерьез думаю о Макшееве? А почему бы не думать? Что мешает?

.Портрет акварелью... Но сколько аналогичной путаницы в определении способа исполнения известно! Алексей Иванович в искусстве живописи, рисования силен не был. Ошибиться, спутать мог он запросто.

Мундир, не присущий чин у... Портрет не парадный, не официальный, требующий соблюдения всех атрибутов костюма: "сходство не удалось", так как художник к нему особенно и не стремился, увидев в процессе работы возможности более заманчивые.

Потому не окончи л... Не окончил, как представляется мне, оттого, что Макшеев, не обнаружив желанного сходства, к работе остыл и позировать перестал. До замысла Шевченко он дорос гораздо позже и "прекрасную картинку" доделал двоюродный брат А.Ф.Чернышева - Чернышев Александр, урядник Оренбургского казачьего войска.

Жили офицер и хуложник вместе - в кибитке у развалин абы в честь легендарного батыра.

'. Для Шевченко кибитка эта стала в их раимский месяц и художественной мастерской.

Но в общем-то "мастерская" была много шире, чем кибитка. Едва ли не каждый день и час Раим открывал что-то новое, расширял границы представлений о нем и ... границы собственные.

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕЗНАЕМОЕ

1.

Подумаем о поездках в окрестности укрепления.

Первая была 27 июня. Макшееву ее "удалось сделать" (слова собственные) вместе с Матвеевым и Шульцем. Участвовал в ней также генерал Шрейбер, который на следующий день, или день-два спустя отправлялся в обратный путь. Совсем скоро отбывал и Шульц, пробывший здесь, по воле Обручева, год с лишним.

(Дабы еще раз напомнить его "заслуги", прибегну к рассказам Нудатова, перелагавшего слышанное в укреплении таким п о л у л е г ендарным образом:

"Командир Оренбургского корпуса... дал некоему Шульцу офицеру генерального штаба, официальное поручение исследовать неведомые дотоле берега Сырдарьи и отыскать на них удобные места для возведения укреплений, пристаней и всего прочего. Исполнительный немец отправился во главе солидной экспедиции, пробродил где-то несколько месяцев и, возвратившись, донес Обручеву, что берега представляют собою нечто вроде Эдема; травы там выше роста человека, растительность тропическая, климат превосходный, лазурь небес и вообще все прелести, какие только могут сниться истому немцу в Одиновой Валгалле. (В скандинавской мифологии дворец бога Оди-на, куда после смерти переносятся души погибших в бою героев.-Р е д.) Прельщенный прелестью немецкого описания, Обручев отправился в экспедицию самолично, предполагая основать укрепление - порт на одном из лучших пунктов реки по указанию Шульца. То, что представилось глазами начальника края, было настолько далеко от радужных немецких описаний, что Обручев, наскоро возведя кое-какие необходимые постройки, поторопился удрать от этих мест, сделавши перед этим категорическое распоряжение:

- Вот что, друг, если ты этот проклятый Богом край называешь раем, - так сиди же тут, пока не вырастишь пахучих трав в рост человека, не притянешь сюда лазоревых небес и всего того, что расписал в своем донесении...")

От поездки 27 июня тоже зависело, какими будут выглядеть Раим и он, Шульц, в глазах высокого начальства, Шрейберу, Матвееву, Макшееву предстояло писать рапорты генералу Обручеву, больше того - докладывать ему лично, и Лев Петрович - "Лео фон..."- не мог быть к этому обстоятельству равнодушным.

"В долине Акгерик мы нашли действительно обширные поля, покрытые почти поспевшим уже хлебом..."

Выписываю из "Путешествий..." Макшеева.

Действительно обширные... Звучит подтверждением того, что было, выходит, под сомнением? Прямым ответом на вопрос?

Ехали не развлечения, не прогулки ради, но для дела, в котором следовало разобраться, и не только с целью реабилитации, или дальнейшего посрамления, злосчастного капитана.

Поля нашли, хлеб увидели...

Со временем Обручев в донесении военному министру доложит: "Почва земли на Акгерике солонцевато-иловая, местами солонцевато-глинистая и песчаная и вообще суха так, что без искусственного орошения она не может дать произрастания хлебных семян, а для того, чтобы сообщить почве влажность и сделать ее через это плодоносною, киргизы устроили в долине Акгерика, где она отделяется от р.Сыра, плотину для подготовки почвы земли к предстоящему весеннему засеву..." Сообщит он подробности: "...пахотные поля туземцев на урочище Акгерик и в других низменных местах по течению р.Сыра заключаются из небольших квадратов, обнесенных невысокими насыпями, которые орошаются водою, пропускаемою из одного квадрата в другой посредством канавок, на этот предмет вырытых; пропуская воду в оные из резервуаров с переливкою черпаками из одного резервуара в другой, таким образом орошают киргизы свои посевы". Оправдаются и прогнозы участников поездки на Акгерик, увидевших там достаточно хорошие хлеба. "Приемлю честь присовокупить, что кочующими в песках Каракума киргизами в исходе 1848 года вывезено было из окрестностей Раимского укрепления на 1600 верблюдах разного хлеба для собственного своего пропитания; из чего следует заключить, что эти киргизы ежегодно пользуются там покупкою хлеба..." (ГАОО, ф.6, оп.6, д. 12734).

Рапорт Обручева основывался на множестве свидетельств, в том числе Матвеева и Шрейбера. О хлебопашцах в нем почти не говорится - командир корпуса счел это излишним. Матвеев же вопрос о том, к т о есть кто, не обошел. Ездили они к казахам кичкене-чиклинского рода, буляк-асановского отделения (ГАОО, ф.6, оп. 10, д.6024, лл.4-8).

Посмотрели поля и уехали?

Не встретили ни одного казаха-сеятеля, не вошли ни в одну юрту?

Но для гостеприимных хозяев это было бы позором...

И тут я обращаюсь к наброскам из шевченковского альбома 1846-1850 годов. Они начинаются со второй страницы обложки: тут карандашный эскиз казаха в юрте. Места не много - некогда, на Украине, делал на этом же листе зарисовки и записи, требовавшиеся ему тогда, они и заняли большую часть площади. На первом листе альбома, тоже ранее использованном, композиций, уже чернильных, две, на обороте третья. Наблюдений-мыслей больше и больше. Эскизы, не все, воспроизведены в восьмом томе на листах 56 и 57. А выполненная на их основе сепия - на листе 13. Работал над нею не на выезде - "дома". Эскизы обрели плоть и кровь, лица и мускулы; определеннее стали занятия казаха и казашки. Там, в своей "мастерской", по свежим следам поездки, вспомнились ему детали быта, одежда и все то, что привлекало внимание в юрте. Жаль, оригинал исчез, а репродукция несовершенна. Но и она позволяет судить, с каким интересом, насколько сочувственно отнесся Шевченко к увиденным им вблизи исконным хозяевам здешних мест.

Однако... Вопрос понимаю, недоумение чувствую. Да, я полагаю, что среди участников поездки в долину Акгерик был и он. Отношение к нему Матвеева, Макшеева, да и Шрейбера, известно, о задуманном выезде не знать Шевченко не мог, положение рисовальщика экспедиции этой, вполне легальной, поездке не препятствовало. От кого предложение исходило, не так уж важно. А наброски и законченная сепия - аргумент достаточно весомый.

Аргумент в пользу того, что 27 июня он увидел новое, незнаемое.

2.

Вторая поездка, выделенная Макшеевым, состоялась 9 июля. Не было уже Шрейбера, но трое других в путь пустились. Четвертый - Шевченко?

Отправились "на Тальбугут и вдоль береговой Сырдарьинской насыпи, для осмотра так называемых сенокосов укрепления".

- Впечатления этих поездок были совершенно различны,-резюмировал автор книги. "Около Сыра только местами встречались сухие места с мелким камышом, вместе с кой-какою травою, а большею частию нам пришлось пробираться верхами по воде, иногда по брюхо лошади, среди камыша высотою в два конных всадника". В общем, "ни одного клочка земли с чистою луговою травою, без примеси камыша".

Камыш - не на одном рисунке Шевченко. Но универсальный ли "показатель": зафиксирован тот или иной момент на бумаге? не запечатлен? Художник - не фотограф: за карандаш, перо, кисть берется лишь тогда, когда не взяться не может. Главное для него - побольше увидеть. И смотрит на окружающее вовсе не "экономически"- с позиций необычности, красоты.

Да, это так: лугов, которые приглянулись тогда Шульцу, на самом деле нет - "травы заросли камышом, а при том местность эта, от ранней весны до осени заливается водою", для добывания кормов "необходимо выжигание и истребление камышей" и вообще надеяться на что-либо тут не приходится: все, что охватывал взор, правильнее было "назвать озером, болотом, камышовыми крепями и т.п., но отнюдь не лугами". (Уже цитированный рапорт: ф.6, оп.6, д. 12734). Но есть своя красота и в болоте - не только в луге...

Поемные луга - от переправы Тальбугут до южной оконечности Акайрюк, на пространстве в двадцать верст, могущие, по Шульцу, давать до миллиона пудов сена,- оказались блефом.

Опростоволосившемуся фантазеру-капитану крыть было нечем. Теперь он напирал уже на свои заслуги в исправлении плотины Тальбугут и некоторых канав (каналов), благодаря чему, мол, удалось достигнуть осушения части пространств по правому берегу Сырдарьи. Матвееву явно не хотелось унижать незадачливого спутника - и в этом проявлялась доброта его души, в которой Шевченко убеждался все больше. Не кто иной, а он, Матвеев, в феврале-марте того года, сразу по отстранении Ерофеева и принятии укрепления, взялся за плотину, береговую насыпь, каналы и добился - все-таки добился - того, что к весне они были основательно поправлены. Шульц инициативы не проявлял - до приезда его бездельничал, пьянствовал. Матвеев заставил его работать - и что-то в нем действительно пробудилось, в голове и впрямь зашевелились кое-какие деловые

мысли. Гордится Тальбугутом как детищем собственным? Что ж, пусть гордится. Отнимать у него этот ш а н с не станет, даже в рапорте подчеркнет: были т руды, были лишения, в деле отличился.

(Со временем, инспектируя укрепление, генерал-майор Федяев заметит: "ежели идея эта была подана капитаном Шульцем, то офицер этот принес гарнизону Раима весьма большую пользу". Е ж е л и... Сказано довольно нерешительно. Обручев на отзыв Федяева откликнется более уверенно:"Весьма основательно и похвально для г.Шульца".)

Раим с его окрестностями, ближними и дальними, раскрывался перед Шевченко с разных сторон.

3.

Новостей хватало.

Двадцать второго или двадцать третьего июля по укреплению прошел слух о снаряжаемом в Бухаре караване. От купеческого приказчика частной торговой компании Шилова пришли два его письма к своим хозяевам, в которых сообщалось, что эмир бухарский отправляет к высочайшему двору своего посланца, тот повезет с собою на многих верблюдах неслыханное количество восточных даров, а в придачу ко всему поведет королевского слона, и что для каравана избран путь кратчайший - через Раимское укрепление, потом Орскую и Оренбург. В Бухаре, информировал Шилов, рассчитывают "на защиту со стороны укрепления на Раиме". Матвеев это известие расценил как весьма важное. Уже двадцать четвертого его спешный .рапорт ушел, вместе с письмами приказчика, к Обручеву; распорядиться должен был военный губернатор. Но меры предпринял и сам: на всякий случай распорядился и о команде для встречи на Сыре, и о всяких средствах переправы. (ГАОО, ф.6, оп.Ю, д.5979, лл. 8-14).

В начале июля, скорее уже четвертого, домчала до укрепления весть о новом нападении хивинцев на съемочный отряд Яковлева. Снова на Яковлева - как и тогда, во время перехода, неподалеку от Дустановой могилы. Досталось также топографам, работавшим поодаль, по своему, особому плану.

М а к ш е е в: "3 июля около переправы Майлибаш показались в виду отряда две партии вооруженных всадников, из которых одна, человек в 150, устремилась на Яковлева, а другая, человек в 100, на отдельную съемочную партию топографа Христофорова, состоявшую из 20 казаков. Яковлев, выдержав первую атаку хивинцев, сам понесся вперед и, прогнав их за Сырдарью, поскакал выручать Христофорова, которого неприятель уже теснил, но, увидя приближение к нему помощи, отступил. Встреча с хивинцами не имела никаких неприятных последствий".

Теперь Шевченко знал и Яковлева, и Христофорова, и кое-кого другого из подвергшихся нападению. Хорошо, что обошлось. Храбрый, однако, человек - Яков Петрович Яковлев. Ему почти ровесник, солдатский сын, уже в семнадцать стал участвовать он в съемках, рекогносцировках, геодезических работах и все тут, в этих степях и пустынях, часто совсем не мирных, под этим солнцем, палящим и иссушающим. Только за тридцать сподобился стать прапорщиком -как же, не из дворянских, а солдатских детей, другой род, другая порода. Геройская порода!

Но обойти судьбу ему все ж не удалось. 11 июля набросилась на отряд сибирская язва. Скосила она больше половины лошадей. Назад люди возвращались пешком, неся и топографическое, и прочее имущество, даже седла со сбруей и то на себе. (Напасть эту Шевченко вспомнит в повести "Близнецы", написав там, от имени Сокиры, как "в укреплении... лошади от сибирской язвы десятками падают").

Хотя...одиннадцатого в Раиме о море на лошадей еще не знали. Тот день был отмечен другим: прибытием двух кантонистов, Степана Кучина и Федора Дегтярева. Их, солдатских сыновей, навсегда обращенных в военное сословие, с детства и до старости повенчанных с армейской службой, ускоренно обучили метеорологическим наблюдениям и отправили в распоряжение Макшеева, в этом деле вроде бы специалиста. Конечно, в Академии генштаба представление о метеорологии давали, с приборами и тем, как ими пользоваться, знакомили, но много больше знаний и, главное, навыков почерпнул он в Оренбурге от Нешеля (того самого, кому принадлежала "поэтическая" характеристика здешнего укрепления: "Кто на этой горе не бывал, тот на свете горя не видал". Нешель, по должности старший гражданский инженер для бурения артезианских колодцев, был виртуозом в разных областях, а не только в добывании воды, основательно знал и

метеорологию; его наставления Макшеев записал и запомнил. Теперь он занялся вместе с кантонистами наливкою барометров и проверкою инструментов. Откладывать не приходилось: спустят шхуну на воду и отправится в плавание с Бутаковым. Сам захотел, Обручев согласился. Да только до скорого уже отплытия метеослужбу надо было и устроить, и наладить. Тем сейчас занимался. А Шевченко смотрел на совсем юных кантонистов и вздыхал украдкой. От рождения подневольные... вроде крепостных...

Метеорологические наблюдения шли повсюду под эгидой Петербургской Академии наук. От нее исходили инструкции, там испрашивались инструменты, туда следовало отправлять и добытые сведения. На Васильевском острове Академия наук находилась поблизости, чуть не бок о бок, с Академией художеств, и все чаще вспоминалась Тарасу его "альма-матер", вспоминались те, кто учил-наставлял его, с кем делил далекие уже дни, вечера и ночи в Петербурге.

Инструкция предписывала все, что нужно было предпринять "для устройства метеорологического кабинета на месте" - все до деталей, не обходя ни малейшей. Если по пунктам, то требовались: а/ "комната, одной стороною обращенная к северу, и в такой местности, чтобы флюгер открыт был для каждого ветра", б/ дождеметр, устроенный на валу крепости, в/ часы и фонарь для вечерних и ранних утренних наблюдений, г/ "полштофа спирту для выварки барометров" и т.д., и т.п. "Заведывание метеорологическими наблюдениями" поручалось старшему здешнему лекарю Келькевичу Селиверсту Станиславовичу. (ГАОО, ф.6, оп.6, д. 12286). Это способствовало и более скорому знакомству с ним Шевченко - свидетеля, а затем участника встреч Макшеева с будущим главным наблюдателем погоды. Келькевич был из небогатой шляхетской чольской семьи, закончил Виленскую медико-хирургическую академию, служил в Екатеринославском гренадерском полку, но... во время службы обнаружились связи его с участниками конспиративных кружков, даже антиправительственных выступлений и, хотя он сам ни в чем таком не сознался, а прямых улик не нашли, лекаря отправили подальше - перевели на службу в Войсковую врачебную управу Оренбургского казачьего войска. (ГАОО, ф.191, оп.1, д.1). Служил тут уже пять лет, растерял связи с товарищами, родными, но интереса к тому, что в западных губерниях - и за ними, в Европе, - происходило, не утратил. У него с Тарасом оказались общие знакомые - хотя бы в той же Орской крепости. Говорить о чем было. Иногда говорили и о "политике".

Июль, 17-е (я по-прежнему следую за хронологией Макшеева). В Раим явился приказчик купца Баранова. Известие, доставленное им подполковнику Матвееву, касалось бухарского каравана. Сообщил: три тысячи верблюдов с грузами подошли к Майлибашу и расположились поблизости от переправы через Сырдарью. В караване находился ханский посол, следовавший с дарами к российскому монарху, там же был и слон, о котором в Раиме узнали около месяца назад, когда о миссии приватно уведомил Шилов. Исправляющий должность начальника укрепления в сопровождении небольшой свиты и казачьего конвоя отправился за Сыр; он не возвращался ни в этот день, ни два или три дня последующих. Бутаков и Макшеев ждали его еще и по той причине, что Матвеев должен был привезти с собою книгу, купленную приказчиком-гонцом на базаре в Бухаре и, по заверениям теперешнего владельца книги, принадлежавшую погибшим там англичанам - то ли Стоддарту, то ли Конолли. Это, последнее, заинтересовало всего больше: британские офицеры приобрели известность своими дерзкими поездками в страны Среднего Востока и длительным пребыванием в тех местах в конце 20-х - начале 40-х годов. Из последней командировки оба они не вернулись - были арестованы и казнены. Имущество их, в том числе книги, попали в руки торговцев и продавались всем, кто желал купить: лишь бы платили.

Доселе Шевченко имен этих англичан не слышал. Но теперь, когда речь шла о книге, да еще с такой удивительной биографией, когда с обостренным интересом книгу ожидали оба Алексея Ивановича, нетерпение передалось и ему.

А вот насчет разочарования столь же определенно сказать не могу. Разочарования? Макшеев, а потом и Бутаков его не скрывали. Названия купленной им книги приказчик сообщить сразу не мог. Рассчитывали, полагаю, на труд А.Конолли "Путешествие на север Индии из Англии через Россию, Персию и Афганистан", вышедший в 1838 году в Лондоне. Оказалось не то, а нечто совсем иное. Матвеев передал им сборник описаний и рисунков... мундиров французских войск времен Империи. "Трудно определить, к чему была нужна такая книга английским путешественникам", - и впоследствии, много лет спустя, удивлялся Макшеев. Ну а художника Шевченко многокрасочные

рисунки одежды наполеоновской армии не привлечь не могли. "Путешествие..." Конолли он бы все равно не прочел по совершенному незнанию английского языка.

4.

В летописи жизни любая запись важна - тем более, привязанная к определенному, точному дню.

Одно влечет за собою другое, цепочка эта непредсказуема.

История с книгой, о которой поведал 17 июля приказчик купца Баранова, обострила интерес к годам, событиям, людям на азиатских загадочных пространствах.

К Чарльзу Стоддарту и Артуру Конолли... К посольствам К.Буте-нева и П.Никифорова... А всего неожиданнее - к Яковлеву, храброму командиру топографов, лично, как оказалось, знавшему и английских, и наших, российских, пролагателей путей вглубь Азии.

Макшеев: "...Подпоручик Яковлев (замечу, что повышение в чине состоялось 2 июля, но известие об этом до Раима еще не дошло, да и до Оренбурга тоже - Л.Б.) .бывший свидетелем в Буха рейх (Стоддарта и Конолли; подчеркивания и пояснения всюду мои) ареста, рассказал мне (Макшееву) об этих путешественниках следующее: "В 1841 году, когда отправлялись наши миссии, - генерального штаба капитана Никифорова в Хиву и майора Бутенева в Бухару, капитан Конолли был в Хиве, а полковник Стоддарт в Бухаре, оба в качестве частных путешественников. Из Хивы Конолли пробрался в Ташкент и Кокан, откуда, по настоянию хана, ушел в Бухару со свитою, человек в тридцать индийцев, среди которых были, как говорят, два англичанина. По прибытии в Бухару Бутенева, Конолли жил при нем, а Стоддарт за городом, куда перебрался потом Конолли, и вскоре оба переселились в город. Бутенев сделал им визит, но не застал их дома, на другой день они ответили ему визитом, а на третий их посадили в тюрьму за какие-то бумаги. Вскоре находившихся при них людей вывели на базар, одели и отпустили на родину, а вещи Стоддарта и Конолли продали, бумаги же и карты сожгли. Бутенев запретил своей свите и конвою покупать что-либо из вещей английских путешественников".

Рассказ Яковлева Макшеев изложил не во всех подробностях. Излагал он, пожалуй, лишь то, чего прежде сам не знал и впервые уяснил сейчас.

Действующие лица неизвестными для него не были. Много слышал и раньше о поездках Конолли и Стоддарта по разным странам дивился то отваге их, то безрассудству, печалился о безвременной и трагической смерти, тем более, что унесла она не только жизни, но и труды этих людей (все, что при них было, исчезло).

В Оренбурге помнили Бутенева с Никифоровым, которые в начале мая 1841 года отправлялись оттуда в Бухару и Хиву, чтобы договориться об улучшении условий русской торговли с ханствами, обеспечении безопасности российских купцов, освобождении захваченных в плен. Год продолжалась миссия этих посольств России, не раз грозила им гибель, но хоть по главным позициям и не договорились, вернулись не без важных сведений и необходимого для будущего опыта.

Яков Петрович был при посольстве горного инженера майора К.Ф.Бутенева, в которое входили также известный впоследствии востоковед Н.В.Ханыков, создавший в результате поездки обширный труд "Описание Бухарского ханства", видный натуралист А.Леман (вскоре он !умер, но и свою книгу о путешествии написать успел), а также геолог Богословский, немало полезного собравший о строении и недрах южного соседа России.

Вести работу им приходилось с предельной осторожностью. Как писал Ханыков: "Мой несчастный друг, полковник Стоддарт, бесспорно, ускорил свое заключение в тюрьму в Бухаре тем, что сразу же по прибытии в этот город начал наводить справки о числе пленных, приведенных сюда туркменами для продажи, о том, как обращаются с этими несчастными, и т.д." Такая же участь могла постичь не только подданных Великобритании.

...Возвращаясь к записи Макшеева, перечитывая ее, задерживаюсь на словах: "бумаги и карты сожгли". Россиян в Раиме волновала судьба и английских коллег, и дела их - дела жизни.

"Мы с нетерпением ожидали его (Матвеева) возвращения, потому что приказчик обещал Бутакову прислать с ним приобретенную им на бухарском базаре книгу, оставшуюся после погибших...в Бухаре..." Нетерпение исходило во многом из этого. М ы включало в себя и Шевченко.

Еще не построенный, от всего и вся удаленный, глубоко захолустный, Раим вдруг оборачивался чуть ли не...столицей. Такие проблемы наваливались, что было впору решать их министрам, пропускать через самые высокие сферы. Но сферы находились далеко, а решать следовало сразу. Потом, конечно, будет переписка, да только потом, когда главное слово окажется произнесенным, уже вступит в силу.

Все (любые!) безотлагательные решения лежали на подполковнике Матвееве Ефиме Матвеевиче - казачьем сыне и казачьего войска офицере, сейчас тут одновременно "царе, Боге и воинском начальнике".

Был он так занят, что навязывать ему свое общество Тарас не смел. Ни просьб, ни жалоб не возникало, особых вопросов тоже. Встречались больше мимоходом. Однако важно было просто чувствовать: понадобится - Матвеев рядом, в случае чего - доверится. Защищенность его это повышало. Хотя и, повторяюсь, прибегать к защите покуда не требовалось.

...В тот день Ефиму Матвеевичу выпало быть и канцлером и военным министром. Началось все с визита высокого гостя - султана Алтынгазы Нурумова. Привело его к Матвееву дело первостатейное.

СУЛТАН ПРОСИЛ ПОМОЩИ

1.

Алтына Матвеев раскусил едва ли не с самого начала своего начальствования в Раиме. "Алтын - еще молодой человек, не лишен предприимчивости и молодечества, но жадный на взятки и хищение в высшей степени. Потребность самого грабежа не чужда и Алтыну: он и другие здешние киргизы не раз испрашивались у меня сделать набег на засырских киргиз и даже на урочище Даукара, что, конечно, я всегда отклонял... (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6024).

Но в этот раз он не попрашивался- бил тревогу, и по поводу основательному. С гневом и в то же время с опаской говорил о султане Буре Тяукине - виновнике вечных раздоров и всегдашних неприятностей.

Недели две назад Буре с шайкою из ста, или даже поболее, человек напал на аулы бия Кичкене-Чиклинского рода, Асанова отделения Байдуллы Худайкулова, кочующего близ реки Кувандарьи. Это было местью за то, что бий, подданный российский, силою обстоятельств увлеченный в ноябре 1847 года за Сыр, вознамерился перекочевать обратно, на правую сторону Сырдарьи, под покровительство и защиту русского царя. Байдулла со своими ближайшими товарищами погиб -расправились с ним беспощадно.

Нурумов, как только узнал об этом, собрал отряд из четырехсот всадников и бросился на Куван, чтобы разбить и захватить враждебного султана. Выехали 20 июня, но... вернулись ни с чем. Буре Тяукин, узнав о движении большой массы своих противников, предпочел от сражения уклониться и ушел в укрепление Акмечеть, к брату своему, Илькею. Туда же вынудил он откочевать и всех тех, кто находился до этого на Кувандарье. Дойдя до урочища Исбергентас, преследователи увидели только остатки недавнего стана Буре и его биев. Стана, по всему судя, немалого - следы говорили о том, что совсем недавно тут стояло, по меньшей мере, девять кашей или артелей. Ни самого султана Буре Тяукина, ни головы его двадцать шестого июня (в тот дейь вернулись) с собою они не привезли.

И вот новое нападение - на отряд прапорщика Яковлева. Оно тоже было злым делом Буре и его брата, готовых на любые подлости в отношении русских, а равно верных им казахских родов-отделений.

Так утверждали Алтынгазы Нурумов и его главный свидетель Бек-мурза Альдеев, посетившие подполковника Матвеева 8 июля. В своих доводах они были убедительны. Визиту к начальнику укрепления предшествовало расследование, предпринятое ими по собственным своим каналам.

Сразу после нападения, по горячим следам его, Алтын послал туда опытного Бекмурзу с другими верными, надежными людьми. Возвратившись, эти люди привезли с собою сведения точные, сомнений не вызывавшие.

По их мнению, набег сюда был совершен по воле Илькея и Буре прежде всего для того, чтобы поживиться хлебом и не дать его другим, поживиться новым урожаем и обречь на голод своих недругов.

В долине Акгерика - "начальник Матвеев убедился в этом сам" -поспел, благодаря Аллаху, урожай большой, хороший. И туда, куда 27 июня ездили высокие гости (имелись в виду генерал Шрейбер, Матвеев, Шульц и сопровождавшие их, среди которых, полагаю, был Шевченко), неделю спустя поскакали хищники, человек сто, чтобы отнять хлеб уже собранный, забрать его с собою, весь остальной же, еще не убранный или не обмолоченный, сжечь. Но получилось так, что недалеко от Майлибаша на пути оказался с"емочный отряд русских. Шакалы набросились на них, но храбрецы не испугались и обратили противника в бегство.

Только это, наверное, не последняя попытка. От своих черных замыслов они не откажутся - непрошенных гостей можно ждать в любое время. Сейчас мятежные султаны выжидают. Илькей стал лагерем на Сырдарье, у брода. Остановив бухарский караван, следующий на линию, он взимает с купцов зякет. Буре, получив известие, будто богатые казахи переправили на остров Кускермес, находящийся при устьях Сырдарьи, много скота и наиболее ценное имущество, послал туда сотню грабителей. Хорошо, что на пути стала полноводная Сырдарья. Утопив одного из своих людей, они ретировались восвояси. Теперь султаны-братья договорились соединить силы и ограбить перекочевавших на Кускермес сообща.

Алтынгазы Нурумов не без тревоги об"явил, что в степи распространяются слухи, будто хивинский хан собирается в поход против Раимского укрепления и окрестных аулов. Говорят, что, готовясь к этому, он посылал высокопоставленных гонцов к хану кокандскому -просить помощи. Тот, вроде бы, отвечал, что свои войска обратил против русских, якобы продвигающихся к Сыру от Сибирской линии, но еслр владыка Хивы пойдет с войском к Сырдарье, то подмогу вышлет.

Еще одной новостью, принесенной Нурумовым (ему же доставленной Бекмурзой и другими разведчиками), была отправка - опять же по слухам - девятнадцати человек из тех, которые напали на отряд Яковлева, в засаду у дороги между Раимским и Уральским укреплениями. Перед ними поставили цель: не пропускать почтарей ни в одно, ни в другое направление. 8 июля почта из Раима заслон миновала благополучно, но только оттого, что казахов, которые ее везли, предупредил встретившийся в пути знакомый. Испытывать судьбу те не стали -развернулись, поехали в обратном направлении, а позже, уже с Куль-кудука, проследовали дорогой не главной.

Матвеев слушал с полным вниманием. Конечно, султан Алтынгазы опасность мог и преувеличить; что же касается слухов, то не каждому, как убеждал опыт, следовало верить.

И все же вести настораживали. Обстановка в непосредственной близости к укреплению была совсем не мирной, напротив даже - тревожной.

В ближайший из дней отправки официальной почты (11 июля) послал он военному губернатору Обручеву подробный рапорт обо всем, что сообщил ему Нурумов. Две недели спустя, уже от Обручева и за его подписью, донесение ушло в Петербург, в два столичных адреса: военному министру и государственному канцлеру. Им, главным образом, о сговоре ханов - деле не столько оренбургском, сколько государственном. Слухи насчет этого будоражили всего больше и требовали повелений свыше.

То же, что в державном санкционировании не нуждалось, подполковник вершил своею властью, особых распоряжений не ожидая.

Нужна ли ему была чья-то санкция для отправки в степь военного отряда, способного обезопасить Яковлева, Христофорова и всех, кто выполнял важные задания по с"емкам местностей, заодно предупреждая новые посягательства на землевладельцев и плоды их трудов? Пусть Буре с Илькеем не строят планов безнаказанных грабежей, пусть знают, что у мирного, работящего народа есть надежная защита, и козням их не осуществиться. Отважный прапорщик Яковлев, степняк закаленный, помешал недругам разорить посевы и юрты, увезти хлеб и угнать людей. Не окажись на пути шайки российские воины, стерли бы злые силы, смели с лица земли тех, кому со всей искренностью пожелали они - Шрейбер, Матвеев, Шульц, Макшеев, Шевченко - мира и

благополучия. Осталась бы та дружелюбная, работящая казахская семья только на Тарасовом рисунке... Но нет, эти люди теперь не одни - постоять за них есть кому!

Так сказал и султану Алтынгазы с его спутником Бекмурзой. Нурумов себе на уме - думает больше о собственном величии. А вот Бекмурза Альдеев... Нет, держать этот их разговор в тайне он не станет. Ну и хорошо - пойдет на пользу...

2.

Так кто же есть начальник степного укрепления? Вершитель всей политики, главнокомандующий всеми силами, судья во всех делах-спорах.

Политики не только внутренней, но и внешней. В Петербурге есть государственный канцлер, в Оренбурге Пограничная комиссия, в Ра-име чиновник ее, Абдулкадыр Субханкулов, но как наверху вершит все г о с у д а р ь, так и в укреплении один начальник. Субханкулову недаром официально предписали "содействие начальнику оного в сношениях с туземцами" (ГАОО, ф.6, оп. 10, д.5936), поставив его тем самым в положение подчиненное.

Этого человека Тарасу рекомендовал Федор Лазаревский; под конец апреля, напутствуя в дорогу, он писал: "Там будет чиновник нашей комиссии Субханкулов; в нужде - пусть ее Бог мимо несет -обратитесь к нему... через него можно будет ко мне пересылать письма..." Познакомились, конечно, - на таком пятачке не разминешься; тем паче, когда связывают общие приятели, взаимные рекомендации. Но при всем том первым и главным для него в вопросах связей со степью и степняками, в делах политики внешней, в познании, постижении того, что заключает'в себе бесконечно емкое понятие "Восток", едва ли не с первых дней по прибытии сюда стал не Субханкулов, а Матвеев.

Еще только следуя в Раим, Шевченко понял, что экспедиция их будет на в и д у. Об этом говорили, когда сходились вместе, Бутаков, Поспелов, Макшеев. Сам царь повелеть соизволил: "обзор Аральского моря произвесть с соблюдением величайшей осторожности, дабы не возбудить никакого подозрения соседственных азиатских народов". Из этих именно соображений он, государь, распорядился: не производить обзора "устья реки Амударьи и лежащего при оном острова ", избегать всякого рода "недоразумений". Обручев в своем пространном письменном наставлении акцентировал на том особо: "отнюдь не осматривать южный берег этого моря, островов, лежащих против р.Амударьи и устья этой последней реки, дабы не возбудить неудовольствие хивинского правительства и тем не поставить во враждебное положение". (ГАОО, ф.6, оп.10/2, д.2). Морская кампания вызывала тревогу - как-то все сложится? Однако сейчас в нем жили не будоражащие сполохи беспокойства о собственной жизни, а обостренные чувства человеческого, поэтического, художнического любопытства, желание, жажда познать здешний народ во всей его несхожести с виденным и известным, причем не только с внешней стороны, но и, главным образом, изнутри.

Если кто в Раиме и мог служить для Шевченко авторитетом в делах межнациональных - русско-казахских, российско-азиатских - отношений, так это Матвеев.

Прочтя в фондах Оренбургского архива многие десятки листов, написанных им по сему поводу в течение 1848-1849 годов, не мог я удержаться от удивления и тут же, в толстой тетради выписок, сделал свое резюме: "Вряд ли целый институт ученых географов, этнографов, экономистов и т.д. способен был сделать за год(!)больше, чем этот, в ученом мире не известный, академическими почестями не обремененный, военный человек. Донесения-отчеты его, служебные рапорты и прочие официальные бумаги дают достаточно полную картину жизни края, удивляя точностью представлений и определенностью выводов" .Моя рецензия была непосредственной и вполне искренней как непосредственными иличностными являлись сами прочитанные материалы, под каждым из которых стояла подпись: "п о д п о л ковник Матвее в".

Свою компетентность он не переоценивал. Напротив даже, предупреждал: "недостаточно ознакомившись с здешнею страною и обитателями ее для того, чтобы передавать об этом", он, мол, не смеет гарантировать, что сообщаемые сведения иногда не "поверхностны или ошибочны". Относясь к собственным возможностям трезво, Матвеев предостерегал: начальники степных укреплений, а равно отрядов в них, люди исключительно военные, в дипломатии не искушенные,"и потому возлагать на них доставление верныя и подробныя сведения о положении дел в степи было бы неудобно". Сведений требовалось все больше: "о состоящих при укреплении ордынцах, а также и

о положении около Раима,... о слухах и делах между дальними ордынцами, о положении дел в Хиве, Бухарин, соседственных с ними областях и о выходящих оттуда торговых караванах". Этим, по убеждению Матвеева, заниматься надлежало специальному "благонадежному и знающему киргизские обычаи чиновнику" Пограничной комиссии вкупе с двумя или тремя "почтенными ордынцами", опирающимися на "необходимое число киргизов". Только такой, по его мнению, совет мог давать истинно полные сведения, но вовсе не начальники укреплений, "что не относится к прямой их обязанности". И тем не менее, пока соответствующего решения принято не было, временный начальник Раима все глубже вгрызался в жизнь степи, не упуская из виду ничего. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6024).

. Что ни говори, а лучший источник информированности об этом Шевченко представить себе невозможно. Однако ему, художнику и поэту, было достаточно на тот момент и просто достоверного ко мментарияк тому, что мог увидеть и услышать сам, просто даже "азиатского" микроклимата укрепления и окрестностей, которые в июне-июле ощутил, наверное, совсем неплохо.

3.

Разные люди - разные "восточные" типы- встретились ему в июньско-июльском Раиме.

Послушаем информацию со стороны- Матвеева и Макшеева.

От первого узнаем мы о казахской знати в укреплении. "Что касается до султана Алтына и бия Кульбая, - читаем в использованном тут, и не однажды, донесении, - то, ознакомясь с ними достаточно, я могу, кажется, безошибочно заключить следующее: К у л ь б а и, грязный старик, без всякого веса между киргиз, алчный на поборы..., готовый всегда покуситься на грабеж; безграмотный, полудикий, без понятия о религии, кроме кой-каких обрядов закона Магометова, как и все здешние киргизы, которые не знают первых праздников, едят все и даже не гнушаются падалью; Д л т ы н..." (но его характеристика Алтынгазы уже приводилась).

Макшеев, напротив, приметил человека простого: "К пристани часто приходил байгуш-киргиз, оставшийся около Раима во время прибытия сюда русских и получивший за это в потомственную собственность клочок земли на берегу Сыра. Бедняка звали Джулбарсом, потому что для потехи русских он забавно представлял из себя тигра. Где он теперь и осталось ли у него потомство - не знаю".

Этих людей видел и Шевченко. Не мог не видеть - были они поблизости, в поле зрения. Да, в записях его, в рисунках что тот, что другой персонально не обозначены, по именам не названы. Но служебных рапортов, как Матвеев, или отчетов, как Макшеев, он не писал, дневника не вел, даже к письмам не тянуло. Смотрел, наблюдал, впечатления накапливал, над чем-то задумывался, к чему-то оставался равнодушным - освоение нового шло во многом подсознательно; творческий процесс от канцелярского далек, у каждого свои пути, различные, даже противоположные, законы.

Сокира, попав сюда же, "разнообразил" свою "Раимскую муху" просто: "описывая быт кочующих полунагих киргиз, сравнивая их с библейскими евреями, а аксакалов их-с патриархом Авраамом". Шевченко пока не "описывал"; неопишети годы спустя, когда будет заниматься "Близнецами". (Не захочет растягивать, утяжелять их внедрением новых вставных кусков?). Пишущий поверяет бумаге не все ему известное, не все им накопленное. Но без увиденного много г о не родится выношенное главное. Еще недавно незнакомый, только сейчас узнаваемый народ он высвечивает Библией и сочувствует ему, симпатизирует явно.

Народ это много людей, и людей разных. Всматривался в пресыщенного Кульбая... смотрел на нищего, но веселого "Джулбарса"... читал характеры и судьбы...вероятно прославлять милосердие всемилостивейшего государя и тем быть может колебать преданность хивинскому правительству каракалпаков, сословию которых шесть пленных принадлежат, а седьмой киргиз".

Медицинским своим авторитетом Матвеева поддерживали лекари Белов и Лавров, писавшие, например, что "единственным спасительным средством к сохранению жизни Худайкулова может быть только немедленное освобождение его из-под ареста и возвращение на родину". Насчет этого узника в конце концов согласие получить удалось, но, пока предписание шло из Оренбурга, он умер. Теперь на грани жизни и смерти находились переведенные в лазарет Мамын Султанов и Даукара Саксыбаев. От врачей Шевченко слышал, что дни пленников сочтены, родных степей им больше не увидеть.

Неужели и нынче доводам Матвеева Обручев не внемлет?

(Не внял! Как следует из материалов архивного дела - ГАОО, ф.6, оп. 10, д.5999, "не изволил из"явить согласия" и несколькими месяцами позже. Только год спустя оставшаяся в живых четверка была передана начальнику транспортной команды для доставления в...арестантскую роту).

...Не все мог сделать даже всесильный, казалось, Матвеев, главный раимский начальник.

ЧЕТВЕРО В ОДНОЙ ЛОДКЕ

или

Совсемкраткое отступление в сегодня

1.

В те самые недели в Раиме разворачивался очередной акт человеческой трагедии.

Семь с лишним месяцев в арестантской укрепления под строгим караулом пребывали пленники, захваченные отрядом подполковника Ерофеева во время одного из ноябрьско-декабрьских 1847 года столкновений с хивинским войском, рвавшимся разрушить новый форпост России.

Было их поначалу одиннадцать, в живых оставалось семеро. Четвертым умер Картбай Худайкулов, сгоревший в чахотке. Матвеев, едва прибыв в укрепление и приняв его под свое начало, стал испрашивать дозволение освободить всех этих арестантов - хотя и виновных, конечно, но больных. Писал не раз, убеждая и доказывая, что пленные "видимо истомляются тюремным заключением и без сомнения перемрут бесполезно в заточении, а, возвратясь на родину, они стали бы….

Когда пишешь о прошлом, рука твоя в какой-то момент обязательно потянется к географическому атласу, географической карте. Где оно тут, место, о котором думаешь и рассказываешь?

Но и на самой подробной сегодняшней карте Раима нет, Раим не ищите.

Исчез он давно - Шевченко еще тянул солдатскую свою лямку.

Сначала Раимское укрепление официально переименовали в Аральское, произошло это в самом начале 50-х годов. В середине же их, а если точнее, то в 1855-м, как писал в своих "Заметках о киргизской степи" современник событий Ар.Грен, "чрез восемь лет существования, вследствие каких-то неудобств, Аральское укрепление было оставлено, а гарнизон его и поселенцы, в числе 17 семей, переведены в урочище Казала, где и основан форт N1". В другом месте, чуть дальше, сообщал он небезынтересные подробности: "Летом 1855 г. Аральское укрепление было оставлено... Лесной материал, еще^бд-ный к употреблению, был взят с собою, а дома и стены укрепления разрушены. Упомяну при этом, что немалых трудов стоило разломать раимские постройки, так хорошо окрепли их глиняные стены, образовав совершенно плотную однородную массу".

(О прочности построенного Грен писал и в "Заметках об укреплениях в Оренбургском крае вообще и на Сырдарьинской линии в особенности", помещенных в 1861 году "Инженерным журналом". Стены основных построек были сложены из воздушного кирпича, приготовлявшегося "из смеси одной части глины по об"ему и половинной части рубленой соломы (или осоки, куги, камыша)". Кирпичи сушили на солнце; вес каждого из них составлял до двадцати фунтов...

Но... констатируем факт: с давних пор Раим как укрепление, Раим как заметный, еще недавно перспективный населенный пункт существовать перестал.

А все же что-то от него осталось?

С этой мыслью и стремилась туда четверка любознательных орен-буржцев, поставивших перед собой задачу - в два-три года, а в общем дело даже не в сроках, побывать во всех главных местах, связанных с именем Тараса на Сырдарье и Аральском море. "Помарэкс-88" - такое название придумали молодые еще люди для обозначения своего предприятия. Это аббревиатура от слов "По маршруту экспедиции А.И.Бутакова". В распоряжении друзей был только законный их отпуск, совсем не длинный; выпал он в первый год на сентябрь и пройти на лодке - обыкновенной, весельной - удалось чуть более ста пятидесяти километров.

Конечно, с остановками.

Первая (следовали от Казалинска, куда добрались поездом) - была в Раиме.

Назову участников: Кононов Игорь Иванович, Жосан Николай Тимофеевич, Киселев Олег Михайлович, Желобов Юрий Яковлевич, и с разрешения руководителя, Игоря Кононова, воспроизведу две записи из дневника экспедиции.

Мы как бы посмотрим на все их глазами.

Итак-

Из дневника "Помарэкса-88"

6 сентября в Раиме. Якорь бросили рядом с водокачкой, построенной в 1905 году. Отсюда качают воду на Аральск. Познакомились с местными жителями, в том числе с рабочим водокачки Кужабаем Шаниязовым. От него узнали интересную и загадочную историю, связанную с пребыванием в этих местах Тараса Шевченко. Оказывается, отец Кужабая - Шанияз Канысов, родившийся в 1884 году, будучи еще мальчишкой, наткнулся во время прогулки недалеко от крепости на занесенную песком кирпичную кладку. Заинтересовавшись, мальчик разобрал ее и обнаружил склеп. Там находилось тело русского офицера, которое из-за создавшегося особого микроклимата не поддалось разложению. Гроб и стены склепа были обшиты золотистым сукном или парчой. Офицер лежал на возвышении из камыша. Испуганный мальчик рассказал обо всем местному мулле и тот , об"явив тело святым, приказал заложить вход в могилу, что было и сделано. Впоследствии Шанияз узнал, что умерший был товарищем Тараса Шевченко и поэт в память о дружбе рядом с могилой в небольшом углублении, обложенном кирпичом, зарыл тетрадь со стихами. Вот такая история. Отличить правду от вымысла нелегко, а пока Раим хранит свою тайну. Местные старики говорят, что когда-то приезжала сюда экспедиция с Украины - искали все ту же тетрадь да не нашли, уехали.

Укрепление Раим находится сейчас в четырех километрах от Сыр-дарьи и мы идем к нему по разбитой дороге. Впереди над степью возвышается песчаная гора - на ней и находится крепость. Рядом приютился поселок. Сначала идем в школу, а потом вместе с учителем истории Байзаком Бимахановым поднимаемся к крепости. С вершины отлично видны все окрестности. Место для военного укрепления идеальное. С одной стороны озеро Раим, с другой озеро Джалангач, с третьей Сырдарья.

В местной школе бережно хранят память об Аральской экспедиции. Байзак вместе со школьниками кропотливо ведет краеведческую работу, в будущем ребята хотят создать в крепости музей. А пока делают первые шаги: в мае 1988 года здесь была поставлена памятная доска, на которой выведено: "В 1848-1849 гг. в крепости Раим был украинский художник и поэт Т.Г.Шевченко".

...Сегодняшний день полностью посвятили Раиму. Николай Жосан занялся составлением плана-схемы былого укрепления, а остальные пошли осматривать окрестности. Мало что осталось от крепости. С трудом различаются контуры фундаментов казарм, сторожевых вышек, некогда мощного крепостного вала. Время, песок, ветер уничтожили их. Может там, в толще песка, нам удастся соприкоснуться с историей?

Быстро темнело и мы двинулись к нашей стоянке на Сырдарье. Солнце, закончив свой каждодневный бег по небосклону, медленно садилось на ровную как блин поверхность пустыни. Его последние лучи купались в нагретом за день прозрачном воздухе и освещали всю западную часть горизонта.

7 сентября. Продолжаем начатые вчера раскопки. В душе у каждого надежда. А вдруг... Посильную помощь в поисках нам оказал Кужабай Шаниязов. Раньше их семья жила рядом с крепостью, поэтому местность он знал как свои пять пальцев. Кужабай указал на склон горы, где, по его предположению, должен был находиться склеп. Мы сделали несколько пробных шурфов, но внезапно поднялся сильный ветер, который обрушил на нас тучи песка. Раскопки пришлось прекратить. Наверное, в будущем следует организовать в Раим специальную экспедицию, оснащенную мощными механическими средствами, которая подтвердит или опровергнет легенду о шевченковской тетради.

...После обеда вновь сели за весла. Мы плывем к морю путем, которым ровно сто сорок лет назад из Раима на шхуне "Константин" отправился для описи и промера Аральского моря лейтенант Бутаков. К вечеру со стороны моря внезапно задул'"аралец". Он поднял большую волну и легко гнул пятиметровый камыш. Грести стало намного труднее, вахта на веслах сократилась до получаса. Вскоре пришлось разбивать лагерь, ветер мешал нашему дальнейшему продвижению вперед...

Две записи в дневнике. Не добавлю и не исправлю ничего. Что увидели-услышали, то в книжку и занесли. План былого укрепления, каким он проступает сквозь толщу истории сейчас... Легенду о тетради с шевченковскими стихами, закопанную рядом с могилой умершего "товарища-офицера", комментировать особенно не приходиться, но, согласимся, в устах Кужабая, сына Шанияза, потомка коренных сыр-дарьинских кочевников, звучит она по-особому и волнует искренностью... А какая уверенность в том, что все это правда, если человек берет в руку лопату и копает, ищет!... Впрочем, комментарий возможен и, значит, нужен - хотя бы к загадочной истории о склепе с телом русского офицера. Есть реальные предположения, которыми нелишне поделиться. Но это не сейчас - потом. Не хочу нарушать хронологию изложения - это раз, не вижу целесообразности затягивать "отступление" - два.

Возвращаюсь во дни Тараса.

ИЗ.ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

1.

Морская кампания сорок седьмого, по мнению Обручева, была неудачной. И тем не менее спустя полвека самая видная газета края - "Туркестанские ведомости" - вспомнила ее как событие незаурядное, достойное нескольких солидных подвалов. "В нынешнем году исполнилось 50 лет со времени первой попытки произвести опись Аральского моря, - писал "А.Р." (А.П.Романович, генерал-майор, исследователь Средней Азии). - Труд этот был поручен офицеру одного из оренбургских батальонов поручику Мертваго, бывшему флота лейтенанту. После него осталась записка об этом предприятии, предназначавшаяся по-видимому для печати. Записка эта, переданная нам лет десять тому назад дочерью покойного Мертваго, О.П.Рагозинской, печатается ниже". Записка П.С.Мертваго в сочетании с заметками Романовича позволяла довольно верно представить себе "Наши первые шаги на Аральском море" (именно так были озаглавлены три публикации декабря 1897 года - 14-го, 18-го и 21-го).

"Не его (то-есть Мертваго) вина, - констатировал А.Р., - что оно (плавание...) не увенчалось успехом: шхуна "Николай"... была плохим судном, плавание началось поздно, инструментов, необходимых для описи моря, не было, и, наконец, сам начальник экспедиции, бывший, очевидно, хорошим морским офицером, не соответствовал, однако, назначение, так как гидрографические работы требуют специальной опытности и знаний, которых по роду прежней его службы во флоте, исключительно строевой, у него не было. Исполненный лучших намерений и столь ревностно помогавший Мертваго генерал В.А.Обручев также немало повредил успеху дела обрезкою киля шхуны и своею торопливостью..."

Справка о Мертваго Павле Семеновиче.Представитель именитого рода оренбургских дворян, он с ранних лет жизни пошел по морской линии. После пятнадцати лет службы на Балтийском море, в 1845 году, был по собственному желанию уволен. Но год спустя отставной капитан-лейтенант поступил на службу в Оренбургский линейный батальон N 2 с переименованием в поручики. В 1847-м участвовал в походе для основания Раимского укрепления и на шхуне "Николай" произвел первые исследования Аральского моря. В 1848-1850 гг. Мертваго состоял на службе в Неплюевском кадетском корпусе. Впоследствии, вернувшись на флот, дослужился до чина капитана первого ранга. ("Общий морской список", часть X, с.680-681). Шевченко встречался о ним осенью-зимой 1849-1850 гг. в Оренбурге, во время завершения работ описной экспедиции. Тот неизменно интересовался результатами плаваний А.И.Бутакова и его помощников, делился с ними своими наблюдениями. Немаловажен факт его причастности к живописному искусству. В1890 году в Ташкенте на выставке экспонировались две картины, созданные по рисункам Мертваго: "Десятивесельная шлюпка, везомая на башкирской телеге" и "Шхуна "Николай" под парусами в море". Последний факт мне сообщил ташкентский историк и искусствовед Г.Н.Чабров, ныне покойный.

Шхуна "Николай" стояла под парусами и сейчас, в июле 1848-го. В этом году она успела уже походить по морю.

Но о том успеется. Прямое свидетельство П.С.Мертваго предпочтительнее комментария к нему. Так где ж, если не здесь, его обнародовать?

2.

Из Записок Павла Мертваг о, сохраненных егод очерьюи напечатанных только однажды во време на далекие.

...Из сведений, сообщенных в "Русском Инвалиде", усматривается, что для экспедиции в устье Амударьи предназначаются два парохода и две баржи, не для простого крейсерства, а на подвиги военные против Хивы. Обстоятельство это невольно напоминает мне 1847-й год и вместе с тем обязует сказать кое-что о прародительнице настоящей Аральской экспедиции, шхуне "Николай", которая, под моим присмотром, в 1847 году была построена в Оренбурге, перевезена степью за 1000 верст на берега р.Сырдарьи, спущена на воду и под моим начальством совершила первое плавание в Аральское море, не посещавшееся до 1847 г. никем. Благодарность за этот первый шаг и положительное сведение о нем вполне принадлежит бывшему командиру Отдельного Оренбургского корпуса генералу от инфантерии В.А.Обручеву.

В 1847 году по высочайшему повелению приготовлялось войско в экспедицию в степь для построения на правом берегу р.Сырдарьи в урочище Раим укрепления Раимского, ныне называемого Аральским. Для рекогносцировок устья Сырдарьи предназначалось по примеру, как это было в 1839 году, в Оренбурге построить два баркаса, вооруженных орудиями, которые частями могли бы быть доставлены на Сырдарью! Для постройки баркасов от морского министерства были присланы один штаб-офицер (примечание А.Р. -"вероятно, капитан-лейтенант Краббе" - Л.Б.), кондуктор корпуса корабельных инженеров и необходимые мастеровые. В.А.Обручев, имея в виду близость Аральского моря, которое не имело надлежащего очертания на карте, желал по возможности определить его точнее, составить подробную карту, с промером глубины. На все подобного рода работы его высокопревосходительство полагал не потребуется времени более одного месяца.

Но, не взирая на краткость времени, он находил, что желание его не может осуществляться на судах такого рода, как баркасы, на которых производить опись моря и держаться в нем месяц или более было бы невозможно. Обстоятельство это навело его на мысль о возможности устроить палубное судно... Мысль эта была окончательным решением. После чего он обратился с просьбой к бывшему главному командиру Астраханского порта контр-адмиралу Басаргину о высылке ему подробного чертежа с полным вооружением упомянутых судов и нанял плотника, астраханского мещанина Петра Михайлова.

Но, приступая к постройке судов, необходимо было найти в Оренбургском крае морского офицера для командования и управления судном в море. Просить содействия в этом у морского министерства на этот раз оказалось излишним, так как в Уфе находился по делам службы оренбургского линейного батальона поручик Мертваго (переименованный из отставного капитан-лейтенанта, которому и предписано было явиться в Оренбург и предоставлена честь построить по указанному чертежу, свезти и командовать шхуною "Николай", а во время плавания составить подробную карту Аральского моря.

Приступая к решению первой задачи, на правом берегу р.Урала пред домом корпусного командира на козлы положен был приготовленный сосновый брус, предназначенный служить килем шхуны "Николай", длина коего согласовалась с чертежом, т.е. 49 фут. Вес и длина киля навели сомнение в возможности провезти чрез предстоящие пески Каракума, если судно будет выстроено согласно с чертежом. Преждевременная боязнь вынудила В.А.Обручева урезать, по глазомеру своему, приготовленный киль почти на семь футов. После этого пришлось оставить присланный чертеж в покое, а постройку продолжать по усмотрению, так же на глазомер рубить штевни и шпангоуты. Вместе со шхуною изготовлялись, также из соснового леса, две косные лодки - 6 - и 10-весельная.

Постройка была начата в первых числах апреля и к 20 мая, за исключением косных лодок, шхуна "Николай" была разобрана по частям, с мачтами уложена на башкирских телегах, а 6- и 10-вес. лодки были поставлены в своем виде на особо устроенных дрогах. С приго-товлением обоза оставалось уложить имеющиеся морские инструменты, хранившиеся в отделении Генерального штаба, куда были они сданы после Хивинской экспедиции в 1839 году /.../ По осмотре его высокопревосходительством этих инструментов, он, к крайнему своему сожалению, нашел, что компасы на обратном пути из Хивинского похода сильно были поковерканы и помяты, так что не могли служить с пользою в плавании без надлежащего исправления. По неимению же в Оренбурге

инструментальной мастерской пришлось отправить их для исправления в кузницу 2-го батальона, откуда мною были приняты и со всеми прочими упомянутыми инструментами уложены на 6-весельный ял, на котором на ремнях поставлен и укреплен был и хронометр. На 10-весельную лодку помещен был железный камбуз шхуны. Шестьдесят подвод одноконных и 30 верблюдов, запряженных тройками, и 12 с баркасами под моим надзором тронулись в путь из Оренбурга в Орскую крепость, а оттуда Аральский флот в арьергарде первой колонны прибыл в Уральское укрепление, называемое ныне Иргизским /.../

На пути от Орской крепости до Иргиза гребные мои суда сильно порассохлись от палящего солнца, так что между швами обшивки свободно проходил палец. Это заставило меня во время дневок отрывать пояс, осаживать и оконопачивать.

По приходе в Раим 30 июня /.../, перевозили части шхуны, по случаю разлива, на обсушившийся островок у правого берега Сыр-дарьи. Тут тотчас было приступлено к сборке шхуны и приготовлению такелажа. С восходом солнца и до заката его высокопревосходительство был безотлучно при работе, и здесь, под кустом саксаула, до самого спуска шхуны в воду В.А.Обручев с командиром шхуны, по обычаю киргиз на корточках, вкушали обеденную трапезу, после которой, не отдыхая, приступали к работе. Его высокопревосходительство все время разыгрывал роль старшего офицера и беспрекословно выслушивал мои советы и наставления; был даже случай, что я сделал неприятное для меня замечание за излишнюю его торопливость в постановке помп... Извинения с его стороны, хотя заслуживали внимания, но оконченную им работу все-таки привелось разломать и помпы вынуть /.../

...С обычною поспешностью /Обручев/ сделал немаловажную ошибку, которой указать мне своевременно не удалось, так как я в то время был еще в Уфе. Когда был прислан из Астрахани чертеж, по этому чертежу были заказаны в Самаре паруса для шхуны, а мастера не известили о том, что размер судна противу чертежа изменен. Следовательно, уменьшен был и рангоут. Когда были паруса привезены, доброта и вид их угодили вполне его высокопревосходительству, по глазам же моим он заметил противное. На хвалу его я заметил, что паруса, хоть и хорошо сшиты, но по величине своей требуют перешивки. Замечание это крайне не понравилось и, чтобы сохранить их в том же виде, он приказал свернуть и лично упаковал их на подводу, на которой и прибыли они в Раим.

Путешествие наше первоначально сопровождаемо было проливными дождями, которые, к неудовольствию моему, проникли в паруса; затем жары в 40 и 45 на солнце оставили следы на парусах. Доложил о том, что некоторые из парусов сопрели; к счастью, была в запас взята парусина и ... я успел, вместо примерного исправления погнивших частей, перекроить /их/...

10 июля Обручев прислал в Раим морскую провизию: солонины 225 пудов, посоленной не илецкою солью, а собранною подрядчиком на пути с солончаков, без всяких специй /.../, гороху 2 пуда, ячневой крупы 2 пуда, гречневой 2 пуда, 221 /2 пуда сухарей разных, три ведра вина и три ведра уксусу, а вместо русского масла 2 пуда сала говяжьего. У бочек с солониною, по прошествии двух часов после привоза на остров, от разложения мяса вырвало дно...

11 июля был общественный праздник на острове; все население, не занятое службою, явилось к предназначенному спуску шхуны "Николай". Спуск ее, как и все спуски, совершился при оглушительном крике "ура!" Восторг и радость моего "старшего офицера" были невыразимы /.../

12 июля его высокопревосходительство в сопровождении всех начальников колон, коменданта раимского и лиц, служащих в его штабе, прибыл на шхуну. После благодарственного Господу Богу молебствия и окропления святою водою он разместился с своею свитою на баркасах и спустился по течению к устью, а я снял швартовы и пошел вслед за ними, но по мелководью в одном лишь месте, простирающемся на расстоянии 1/2 кабельтова, пройти не мог иначе, как выгрузив шхуну совершенно и затем повалив ее на бок, и тогда она с помощью завезенного якоря при пособии баркасных гребцов была протащена на требуемую глубину /.../ 13-го числа июля в 9 часов вечера я бросил якорь в устье Сырдарьи на глубине 12 фут противу острова Косарала, избранного е.в.п. для ночлега. В 11 часов ночи ветер засвежел с порывами от норд-веста, якорь не выдержал по своей легкости и шхуну подрейфовало прямо на риф, идущий к востоку от Косарала. Брошенный даглист помог плехту (речь идет о якорях - Л.Б.) и шхуна остановилась. Ветер с 2 час.ночи, переходя к северу, начинал стихать; плехт был поднят. В 9 часов утра В.А.Обручев с некоторыми лицами

прибыл на шхуну и приказал сняться с якоря, а баркасам со всеми прочими лицами приказал следовать за шхуною.

Миновав пресную мутную воду Сырдарьи, я доложил е.в.п., что шхуна в море, но словам моим В.А.Обручев не поверил, находясь под сильным впечатлением от удовольствия, видя свое создание на широком просторе вод. Не поверил он и указанию границы пресных вод до пробы на вкус, после чего полетела пробка вверх с привезенной им бутылки шампанского./.../

После этого ведено было подойти баркасу к борту, и В.А Обручев с гребною своею флотилией отправился в Раим.

До заката солнца при западном ветре шхуна шла тем же курсом на юг. В 10 ч. вечера я привел к ветру, поворотил на левый галс и, возвратившись к Косаралу, встал на якорь, чтобы с утра начать топографическую с"емку восточного берега. Здесь к общему удовольствию, когда приступлено было к выдаче для варки пищи заготовленной по новому способу солонины, она оказалась во всех бочках разложившейся до такой степени, что уже была пронизана крупными червями... Лучший морской продукт был весь вывален за борт... и команда шхуны осталась на все время плавания без мясной пищи. Для казаков постный стол не диковинка; ежедневно кашица и каша, приправленная салом, елась ими без претензий, но киргиз, представлявший вид лоцмана и вызвавшийся...провести шхуну в Амударью до Кунграда, употребляемою казаками пищею не мог довольствоваться и настоятельно требовал у меня махан (свежей говядины). А к этому задул свежий ветер, развело волнение, качка боковая и килевая навела на лоцмана болезнь и боязнь до такой степени, что он забыл махан и ради Аллаха просил одной милости - свезти его на берег... И так не стало на шхуне ни лоцмана, ни солонины.

Ветер стих и подул с севера и дул так до 15 августа, во все время способствуя мне производить съемку от восхождения до захождения солнца, с помощью одного топографа, унтер-офицера Акишева, которого приобучил я к управлению шхуною, и уроки мои послужили ему с пользою, так что Акишев в 1848 г. командовал шхуною во время описи северной части Аральского моря.

15 августа после штиля, во время ночи, надо было полагать, что ветер с восходом солнца изменится, и предположения мои оправдались: задуло с юга. Пресная вода была на исходе, команда целый месяц на скудной пище, сам командир порционных и столовых не получал, взамен которых ему было дано 1/2 пуда солонины, оставшейся от стола генерала от инфантерии Обручева. Обед командира начинался чаем, ужин - чаем с сухарями. Вид такого тощего продовольствия может быть служил примером смирения казачьим желудкам. Ко всему этому шхуна "Николай" не могла лавировать с выигрышем, и когда я упомянул В.А.Обручеву о лавировке, он даже крайне был недоволен, услышав слово "лавировать":

- Зачем вам лавировать? Ветер так - вы идите туда, ветер этак -идите сюда! Выдумали еще - лавировать!!

Следуя этому правилу, при южном ветре необходимо было сняться с якоря после окончания съемки на последней станции и идти к северу. Пройдя миль двадцать к западу, я взял курс к полуострову Кугарал, произвел здесь съемку и отправился к устью Сырдарьи, чтобы налиться водою. С окончанием съемки в северной части устья ветер снова поворотил к северу и не переставал в течение всего сентября. 20 августа закончена была вся провизия, держаться в устье при свежем ветре было не к чему, оставалось одно: поднять якоря и идти в Раим (что я и сделал).

В первых числах сентября мне привелось прибегнуть к помощи шхуны и перевезти на ней десант 4-го оренбургского баталиона вверх по Сырдарье на сто верст, до хивинского укрепления Джанкала, для защиты мирного аула киргиз, просивших помощи у начальника Раим-ского укрепления против грабителей хивинского хана, каракалпаков.

После счастливого поражения хищников шхуна "Николай" совершенно разоружилась и покойно ожидала кампании 1848 года, а командир ее с вверенным ему отрядом при одном горном единороге в 13 дней прибыл в Орскую крепость, а 4 октября представил отчет В.А.Обручеву. Он, к удивлению моему, остался крайне недоволен, что в течение целого месяца не было пройдено и снято все Аральское море, и привел мне в пример, что Колодкин описал Каспийское море в три года; Аральское же, по его мнению, пустяки!..

Без секстана и хронометра, на антоновой пище, с пель-компасом, исправленным в кузнице, лотом, лагом с вьюшкою, четырех и получасовыми и половина-и четвертьминутными склянками произвести подробную съемку, промер всего моря, сходить и промерить устье Амударьи, стараться открыть места, где можно запасаться пресною водою, на враждебном берегу под прикрытием пяти казаков противу разбойничьих шаек и тигров, - на все это его высокопревосходительство В.А.Обручев определил и находил весьма достаточно времени одного месяца.

Первоначально назначался на шхуну "Николай" гражданский инженер г.Нешель для астрономических наблюдений; ему были вручены хронометр и секстан. Первый привезен был в Раим благополучно и шел хорошо пока стоял в шестивесельном яле. Когда же потребовалось ял спустить на воду, г.Нешель перенес его в кибитку,... к великому огорчению, хронометр остановился и оказался испорченным. Обстоятельство это отняло у Нешеля возможность следовать со мною с ученою целью, да и поместить на шхуне естествоиспытателя не было возможности.

Далее шла приписка того же "А.Р." (А.П.Романовича).

"...Заметим в заключение, что опись Аральского моря была блистательно произведена в 1848 и 1849 годах на шхунах "Николай" и "Константин" под начальством лейтенанта А.И.Бутакова, помощником у которого состоял корпуса флотских штурманов прапорщик Поспелов. Составленная ими карта до сих пор служит руководством при плавании в Аральское море."

Публикуя Записки Мертваго, Романович снабдил их своими, вполне квалифицированными, примечаниями, поясняя не только морские термины, но и кое-что другое.

Например, первое упоминание Косарала имеет такую сноску, данную, напомню, в декабре 1897 года: "Теперь этого острова не существует; он уже давно слился с матерым берегом, но местность устья еще и в настоящее время носит название Косарал. На ней еще сохранились развалины Косаральского форта, выстроенного в 1848 году. В этом форте провели зиму 1848-49 г.г. морские офицеры Бута-ков и Поспелов, произведшие опись Аральского моря, и поэт, художник Т.Г.Шевченко, в числе прочих нижних чинов входивший в состав экипажа..."

Или другой пример, касающийся характеристики шхуны "Николай" и не только ее: "Парусные суда, смотря по их роду и качествам, могут при противном ветре идти вперед при угле от 20 до 60 градусов между линиями ветра и курса. Поэтому, если ветер противный, они выбираются к пункту назначения, идя под этими углами к ветру то одной, то другой стороною, что и называется лавировкою..."

По строгому счету, Записки Мертваго к документам шевченковским не относятся. Но где граница между относящимся и неотнос я щ и м с я? Без ощущения времени нет понимания личности. Без "Николая" 1847 года не было бы Аральской флотилии-1848, художником которой становился Тарас Шевченко.

3.

"Николай" успел походить по морю и в этом году. Даже отличиться сумел, хоть несколько реабилитировав себя перед Обручевым; прошлогодними результатами его плавания генерал остался недоволен.

Основываясь на рапорте подполковника Матвеева, датированном 15-м июня 1848 года, командир Отдельного Оренбургского корпуса доносил военному министру, что шхуна "Николай", отправленная из Раима для обозрения северных берегов Арала еще в апреле, благополучно вернулась к укреплению 8 июня. "Это судно, - доносил Обручев, - во время двухмесячного плавания в море не подверглось никакому повреждению, хотя и выдержало один сильный шторм на 18-саженной глубине; весь экипаж, состоявший из 18 человек, совершенно здоров". (ГАОО, ф.6, оп.Ю, д.5979).

Какими успехами плавание увенчалось? Что удалось сделать?

Во-первых, во время "означенного плавания шхуны" был произведен обзор северо-западного и северного берегов на протяжении 840 верст. Прапорщики корпуса топографов Голов и Акишев определили положение заливов, островов, проливов в этой части моря. "Дальнейшая точка, которой достигли наши плаватели в прямом направлении, отстоит от устья Сырдарьи на 200 верст. Карту

с"емки с описанием... я буду иметь честь представить вашему сиятельству по получении такой от начальника Раимского укрепления..."

И во-вторых, урядник Уральского казачьего войска Жиган сумел собрать некоторое количество образцов обнаруженного по берегам каменного угля, всего около двенадцати фунтов, и тешила мысль о возможности удовлетворения собственных потребностей в топливе на месте, без привоза его из далей дальних.

Открытие аральского угля вызвало в Обручеве нескрываемую радость. "Так как открытие настоящего каменного угля в окрестностях укрепления на Раиме могло бы быть весьма полезно по своим последствиям", он, губернатор, предписывал Матвееву обратить на это внимание особое, вплоть до придания судам - "если нельзя без того обойтись" - небольших команд во главе с офицерами "для дальнейшего исследования каменного угля и самой разработки его формаций".

Об угле генерал раструбил по всем инстанциям. Об успехе донесли самому государю императору, повелевшему произвести Жигана в хорунжие, а его команду одарить милостями: бывшего за лоцмана "киргиза-вожака" Насыбая Айтуганова - кафтаном, казаков - двадцатью рублями серебром на всех. Благодаря тому, что царские рубли надлежало раздать "по принадлежности", мы и знаем имена "о т л и ч ившихся", а именно: Ермолая Бурнаева, Григория Соколова, Василия Чувилова, Ульяна Замаренова, Евстафия Лобикова, Ивана Панова, Григория Асанова, Ерофея Ковалева, Павла Ковалева, Ефрема Голубова, Акима Костина, Якова Водолазова. Правда, долго еще шли споры - был ли в команде тот? был ли этот? (один рубль так и остался лишним, его вернули на приход).

Теперь "Николай" покачивался на сырдарьинских волнах, всем своим видом демонстрируя превосходство над неискушенным в морских делах "Константином". Гордился им Ион Саввич Жигин, который, как засвидетельствует Обручев, "оправдал в полной мере доверенность по управлению шхуною в неизвестном море".

Испытывал удовлетворение Голов Андрей Степанович, прапорщик корпуса топографов, в апреле-июне - старший (и единственный) офицер на "Николае".

Экипаж судна-ветерана помогал снаряжать свой завтрашний флагман и...готовился к компании новой.

4.

Многих людей привелось узнать Шевченко во время своих наездов к пристани. Заметок он не оставил, рисунки безымянны: дорога любая фамилия, тем паче с характеристикой, в других доступных источниках.

Макшеева, к примеру, поразил "своею опытностью, сметливостью и предприимчивостию" уральский казак Соколов. Благодаря архиву можем уточнить: Григорий Соколов, ас помощью тех же макшеевских "Путешествий..." представить себе этого человека в его настоящем, невыдуманном облике.

Послушаем рассказ Макшеева.

- Соколов окончил уже свой 25-летний срок службы, но так привык к походам, что оставался в степи вместо своего сына. Он прибыл на Сырдарью в 1847 году и при постройке шхуны "Николай" обратил на себя внимание генерала Обручева, который приказал ему приходить к себе каждый день пить водку.

- На следующий день, когда корпусной командир с своею свитою садился обедать, явился Соколов. На вопрос, что ему нужно, Соколов смело отвечал: "ваше высокопревосходительство изволили приказать мне ежедневно приходить пить водку". Корпусной командир указал ему на графин, стоявший на отдельном столике. Соколов подошел к столику, презрительно посмотрел на миниатюрную рюмочку, отвернул полу своей шинели, вытащил из кармана огромный стакан и вылил в него весь графин.

- Что ты делаешь? - невольно спросил экономный хозяин.

- Я, ваше высокопревосходительство, старовер и из чужой посуды не пью, - бойко отвечал Соколов.

Между тем, добавлял Макшеев, для него решительно все равно было, из чьей посуды пить, лишь бы только побольше. В этом я имел случай убедиться не раз...

Макшеев знал его и по Раиму, и по следующему своему степному походу, три года спустя. Что ни говори, колоритную рисует он личность. Из тех, которые привлекали Шевченко всегда, И когда писал своих "Гайдамаков", и когда лепил героев повестей, и при выборе типов для зарисовок художественных.

Бурнаев был человеком без фамилии- звали его все Ермолаем да Ермолаем. Фамилии даже не знали, и обнаружилось это во время представления к наградам за уголь. Кормщику, как наиболее опытному, полагалась пятерка, - сумма,по тому счету, немалая. Стали составлять список и на первом же, кормщике, застряли. Имя известно, но... одно лишь имя, ничего больше. Вроде Буренин... Так и записали: Ермолай Буренин. Приказ вышел не скоро. А когда дело дошло до раздачи наградных, выяснилось: никакого Буренина в отряде уральских казаков не было, и вообще нет такого во всем войске. Искали, пока не установили: рулевым на "Николае", кормчим шхуны в этом рейсе являлся именно Бурнаев.

До работы Ермолай был охоч. Вернулся из плавания - собирал новую шхуну. Сборку закончили - занялся кормовой рубкой, рулевым устройством. Не то, чтобы взял тут на себя все. Работал радом с каспийскими матросами, питерскими корабельщиками. От зари до зари работал, в зной, в непогоду. Как мог помогал. И рассказывал про реку, про море - всякое повидал, все испытал. Неласковая тут вода, коварная, чего угодно ждать от нее можно...

Первым в коварстве здешней воды убедился Макшеев. И произошло это самым прозаическим образом.

Десятилетия спустя вспоминал:

- День был нестерпимо жаркий... Я отправился купаться, но не на свое обычное место. Долго я плавал то по течению, то против, наконец устал, приплыл к стоящей около берега бударе и придержался за нее. Отдохнув немного, я лег на спину и, оттолкнувшись от будары ногами, почувствовал, что я под водою; начал барахтаться и никак не мог всплыть на верх. Момент инстинктивных усилий вынырнуть прошел и дал место сознанию в их бесполезности и в необходимости покончить свои дни в глубине Сырдарьи; я успокоился физически и нравственно, - и вдруг почувствовал прикосновение воздуха, открыл глаза и вижу, что плыву на спине далеко от берега широкой и быстрой Дарьи. Тогда, собравшись с последними силами, я направился к берегу и доплыл до него, только гораздо ниже будары. Несколько часов потом я чувствовал сильное биение сердца.

...Сама река будто предупреждала: не шути со мною! опасно!

ВСЕ РАВНО, ЧТО СИБИРЬ

1.

Первого письма Макшеева из Раима в подшивке,к сожалению, не оказалось. Может оно и не дошло... А вот второе и последнее из его раимских писем зачитали в семье, как говорится, до дыр. Многие места на первых страницах протерты или оборваны, последующих нет вообще, но... что есть, и тем ценнее сохранившееся в деле N 2 фонда 201 ЦГВИА.

Писал 21 июля 1848 года.

"В последнем письме (том, что не пришло или исчезло потом - Л .Б.) я сообщал вам, неоценимые родители, что отправляюсь для описи берегов Аральского моря (в письме, посланном 31 мая из лагеря близ Уральского укрепления, речи об этом не шло...) и не надеялся уже более писать из Раима, но к великому моему удовольствию представился случай - сегодня идет почта. Месяца через полтора надеюсь также сообщить вам о себе, а с конца октября возобновить прежнюю регулярную переписку.

Но что буду писать? Здесь все так однообразно и природа так пуста и дика, что, право, не найдется о чем и поговорить. Впрочем, вы, верно, не рассердитесь, если я за неимением дела наболтаю кое о чем.

Я живу в Раиме с месяц. Это маленькое укрепление, только что заложено прошлого года. Оно стоит совершенно 111 среди бесконечной степи в 700 с лишком верстах от нашей европейской границы. Все необходимое сюда доставляется с линии, начиная от бревен и хлеба. Дороговизна здесь страшная, впрочем на меня она не имеет влияния, потому что я запасся всем в Оренбурге. Офицеры ведут общий стол, это единственное..."

Дальше можно разобрать только отдельные слова. Но та же информация есть и в книге; там говорится: "Общество в Раиме было) небольшое, но дружное. В это время существовал еще общий стол, который спасал офицеров от скуки и одиночества и пьянства и давал им возможность иметь прекрасный обед за дешевую цену. Конечно, все привозное было страшно дорого и недоступно для бедных офицеров, но они получали даром мясо от казны и зелень с огородов околс пристани и могли приобретать дешево рыбу. При мне купили pas живого осетра в пуд весу за 50 копеек. Впрочем, такая дешевизна] происходила отчасти от того, что сырдарьинские б а и г у ш и, бедняк" киргизы, не понимали еще хорошо значеция денег. Рассказывали, чт(в первое время по прибытии на Раим солдаты расплачивались с ними j вместо серебряных денег, мундирными пуговицами.

О дешевизне наилучшей, наиценнейшей рыбы есть и в письме: "Мы здесь часто едим свежую осетрину, вообразите, за живого осетра в пуд весом платят обыкновенно полтинник!"

И об огородах говорится: "Несмотря на короткость времени существования Раима (год), гарнизон обзавелся уже огородами, на которых овощи растут прекрасно, особенно огурцы. На днях поспели дыни, а скоро созреют и арбузы".

Он об"ективен - видит хорошее и плохое, доброе и злое.

"От укрепления начинаются пески Каракума, которые простираются с лишком на 300 верст и препятствуют несколько сообщению и устройству даже маленьких поселений. "Здесь Христос не хаживал", говорят казаки. "Сказано Азия, вишь Азия и есть". Некоторые из кочующих киргизов, в особенности по берегу Сырдарьи, занимаются хлебопашеством, но увы! весьма в малом размере. Они не имеют ни сохи, единственным их орудием является мотыга..."

Следующих страниц письма нет. Жаль. Возвращаясь к прочитанному, разбираю неразобранное. Что-то получается. Пишет: время проходит не скучно, в беседах... Однако далее нотка тревоги: "но послезавтра отправляюсь в море..."

Тут уже пообвык, а как все сложится там? Человек он все же с у х о п у т н ы и.

2.

Сегодня идет почта...

Мог воспользоваться оказией и Тарас. Написать приятелям в Орс-кую, в Оренбург, на Украину. Бесконечно, казалось, давно не писал и не получал писем.

Писать отсюда он не обещал. Распрощался до будущих, далеких, верно, времен. Никто и знать не будет: где он? живой? Сегодня живой, завтра конец - уж лучше не бередить душу. Ни хорошим людям, ни себе.

Оренбургское и орское доходят без конвертов. То один что-то слышал, то другой расскажет.

Недоброе, говорят, творится вокруг славного коменданта Левит-ского Гаврилы Гавриловича. Сживают его со света. И понятно, за что - не такой, как Мешков, как иные солдафоны. "За противузаконные снисхождения..." Вроде бы уже и от должности отчислен? Не переживет старый вояка опалы!..

И насчет холеры твердят все упорнее - спознались с нею, дескать, уже Бузулук, Бугульма, Уфа; вот-вот в Оренбург нагрянет, а там и дальше гулять пойдет. Не приведи, Господь, избавь людей от злой напасти...

Послушать раимцев, так все им ведомо. Даже про то, что в Европе происходит. А и впрямь, как там события разворачиваются? Во Франции, в Германии, в Австрии - всюду? Не решился ли двинуть туда полки самодержец всероссийский?

Слухи - не новости, веры им мало, а все ж хоть что-то да получаешь...

Далеко не все слухи без оснований. Вот этот, например, - о том, что царь Николай назначил секретныйко.митет для генеральной проверки состояния цензуры всех издаваемых в столице газет и журналов. Править в комитете повелел не кому другому, а...Меншикову. Тому самому - Александру Сергеевичу. Адмиралу, махровому ретрограду, злому недругу Бутакова... Меры Меншиков принял крутые: и без того жестокая, цензура стала еще бескомпромиснее. К тому, выходит, идет, что запрет п и с а т ь с него, Тараса, не снимут никогда...

Нет, Раим к письмам не побуждает.

Что, спрашивается, может написать он богобоязненной Варваре Николаевне, княжне Репниной, или не менее набожному Андрею Лизогубу? Уж не о пьяных ли выходках батюшки, который из всех церковных даров предпочитает винные порции, опробывая их помногу и часто?

Матвеев рассказывал, что святой отец отличался этим и на прежних местах службы. Кому следовало знали, что генерал от инфантерии Обручев еще в апреле писал обер-священнику армии и флотов следующее: "...в Раимском укреплении, хотя и назначен вами священник Захарий Семихатов, но он, как доведено до сведения моего, привержен к горячим напиткам, а потому к служению в столь отдаленном крае, как Раимское укрепление, устроенное близ Аральского моря, где нет никакой возможности заменить его другим священником, наблагонадежен". (ГАОО, ф.6, оп.15, д.1120, л.114). Уж если такому голосу не вняли, то что и говорить, на что надеяться?

Раимское укрепление - все равно что Сибирь. Столь решительная поправка в географию Российской империи была внесена не кем попало, но, напротив, лицами высокими, державными.

Поясню это на примере, почерпнутом из деловой переписки того же времени (ГАОО, ф.6, оп.14, д.22).

Еще в 1843 году, по воле правительствующего сената, началась замена находившихся в обращении государственных ассигнаций и депозитных билетов кредитными билетами нового образца. Последним сроком этой акции должно было стать 1 января 1848 года, по Сибирскому краю - в самом крайнем случае - 1 июля.

Назначенное для губерний Европейской России время подошло и даже минуло, но ни в Оренбургском укреплении на Тургае, ни в Уральском на Иргизе, ни в Раимском на Сырдарье, ни в Новопетровском на Мангышлаке замена не состоялась. Отчего? "По отдаленности... от линии и в особенности по неимению обеспеченного с ними сообщения, которое производится посредством найма киргизов, на верность которых никак нельзя полагаться, ибо иногда отправленные в степь депеши бывают даже отбираемы хищными киргизами, гарнизоны означенных укреплений не могли в упомянутый срок представить принадлежащие им ассигнации и депозитные билеты для обмена их на кредитные билеты, и начальники укреплений исполнить это никак не могут прежде летнего времени, когда последуют во вверенные им укрепления продовольственные запасы..."

Пошли официальные запросы (в деле - письмо исправляющего должность корпусного командира генерал-лейтенанта Толмачева к министру финансов Вронченко), развернулась переписка инстанций, пока, наконец, не достигли согласия: последним сроком обмена по этим укреплениям, как и по Сибирскому краю, считать первое июля 1848 года.

"Каковая отсрочка необходима и для отдаленных от линии покорных России киргизов, которые также, как и команды упомянутых укреплений, легко могли встретить те же затруднения в обмене..."

В общем, что гарнизоны, что казахи имели отныне законное основание полагать себя в С и б и р и. Имел и Шевченко. Хотя кому-кому, а ему нервничать насчет того, что утратят силу собственные ассигнации за неимением оных не приходилось...

Со времени выступления в поход из Орской Сибирь вспоминалась Тарасу все чаще и переставала быть чем-то абстрактным. ...Палають села, города,

Ридають люди, виють seipi I за Тоболом у Сиб1р1 В сшг ховаються...

...П месник безталанний -Несе з Украши Аж у Сиб1р ланцюг-пута... И не казалась Сибирь далекой.

Сегодня идет почта-Новых впечатлений хватало. Что от Раима с окрестностями и людей, здешних и пришлых. Что от Сырдарьи и...тех же осетров по полтиннику за пуд.

Утвердилось мнение: в сорок восьмом рыбный лов шел вяло. С 13 по 30 июня артель (или ватага) рыболовной компании поймала в с е г о 436 яловых осетров, в июле ловилось много хуже (с 4

июля по 8 августа осетров добудут только 288). Прочий улов в расчет не принимали. "Черную рыбу, - доносил Обручеву Матвеев, - уже не считают добычею, - и огромных сомов управляющий промыслом раздает почти даром киргизам, собирающимся в немалом числе ежедневно на ватагу, принося за это молоко и помогая в некоторых работах". (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5960).

Впечатления переливались в рисунки, в строки и замыслы поэтические, в импровизированные рассказы знакомым.

А вот письма писать не тянуло. Напишет потом, со временем. Когда вернется из плавания...

Вернется ли только?

3.

Чем ближе подходило время отплытия, тем больше было в нем тревоги.

Трусом себя не считал, но море его стихией не являлось - и не влекло, и страшило.

Про неласковый Арал наслышался он в укреплении и близ него -особенно на пристани - от рыбаков и ходивших на "Николае". Ничего утешительного в рассказах не было. Каково-то будет ему, от морских дел далекому?

Бутаков дал прочесть предписание корпусного командира, полученное в канун выступления из Орской крепости. Владимир Афанасьевич, дотошно-скрупулезный во всем, старался заранее предусмотреть и расписать каждый день, шаг, миг экспедиции и ее участников, не обойти ни одного, даже малейшего, вопроса их жизни на месяцы и даже годы.

"Ваше благородие, согласно с высочайшим повелением, об"явлен-ным мне в предписании г. военного министра, - писал он лейтенанту флота, - назначаетесь для обзора и наблюдения за с"емкою берегов Аральского моря и, вследствие того, в ваше заведывание поступает находящаяся при Раимском укреплении шхуна "Николай" и таковая же вновь выстроенная ныне в Оренбурге "Константин", которая имеет быть предстоящею весною перевезена к тому же Раимскому укреплению..."

Перевезена благополучно. Доставлена к Сырдарье. Собирается и снаряжается. В порядке и та, прошлогодняя, - она под парусами.

"...Первая из этих шхун ("Николай") должна быть вооружена двумя фалконетами, а последняя двумя 10-фунтовыми единорогами, 16-ю штуцерами и 16-ю мушкетонами и сверх того нужным числом пехотных ружей из числа состоящих при укреплении..."

Фальконет - пушка малого калибра. Единорог - гладко-ствольное оружие. Штуцеры - нарезные ружья. Мушкетоны - ружья короткие, с раструбами, для картечи... Человеку штатскому понять это мудрено. Даже если год в солдатах прожил.

В солдатах, но - солдатом-то не стал. Солдатское было ему противно, чуждо. А из прочитанного уяснялось: пусть экспедиция мирная, но готовиться нужно ко всему. И к боям готовиться - к чему иначе столько оружия?

"...Для управления же самими шхунами назначаются в полное ваше заведывание морские нижние чины из 45-го флотского зкипажа и несколько человек из уральских казаков и пехотных солдат Раим-ского гарнизона, выбор которых предоставляется вашему усмотрению по предварительному сношению с начальником укрепления. Кроме сего, в имеющем сформироваться экипаже должны состоять фельдшер, переводчик татарского языка и киргизец, знающий берега Аральского моря..."

О художнике ни слова. П е х о т н ы и солдат Раимского га рнизона- вот кто такой сейчас он, Шевченко. Его могут выбрать, от него могут и отказаться - желания рядового, нижнего чина, не спросит никто.

"...Для разных наблюдений и с"емок с моря вы уже снабжены всеми нужными инструментами, астрономическими, морскими и геодезическими, и сверх того можете получить некоторые от начальника Раимского укрепления; также даны вам из отделения генерального штаба Отдельного Оренбургского корпуса: 1-е - плоская карта Аральского моря, 2-е - план устья р.Сырдарьи с означением глубины фарватеров, 3-е - инструментальная с"емка части р.Сырдарьи и ее устьев, 4-е - карта части Аральского моря со с"емки, произведенной в прошлом лете 1847 года, восточного берега оного от устья р.Сырдарьи и полуострова Косарала до острова N 6-го; сверх сего

выданы вам два хронометра; один - золотой за N 30, а другой серебряный за N 32 и секстант за N 19..."

"...Пока шхуна "Константин" будет устраиваться , - диктовал шаг за шагом Обручев, - вы займетесь вместе с прапорщиком Поспеловым проверкою хронометров по соответствующим высотам солнца и часовым углам по двум направлениям, замечая при каждом наблюдении состояние барометра и температуру воздуха..."

"...Оба судна вы распорядитесь снабдить морскою провизиею на три месяца, также медикаментами и другими необходимонужными для безостановочного мореплавания предметами..."

"...По вооружении и снабжении всем нужным означенных шхун вы перед уходом в море должны предварительно определить к какому-нибудь береговому предмету девиацию путевого компаса..."

Беспокойный генерал раскладывал "по полкам" все, до мельчайших деталей, не потому, что не доверял опыту Бутакова (послужной список моряка был ему известен), но исключительно из любви к порядку, каким сам его себе и представлял. Порядок был для него основой основ; наставлял того ради, чтобы упредить всякое происшестви е. "Происшествий" он не терпел.

"...Когда же шхуна будет совершенно отделана, проконопачена и покрыта предохранительным составом вильямса, то вы распорядитесь тотчас же спустить ее в воду, нагрузить и вооружить, как выше сказано..."

Наставление было длинным - тут лишь начало выразительного документа (ГАОО, ф.6, оп.10/2, д.2). Возвращаться к нему придется -дальше, по ходу развертывания событий.

Пока никаких событий - кроме прихода в Раим - Шевченко не видел. Так о чем же писать? ради чего пускать в путь письма?

Макшеев, его сотоварищ, сосредоточенно творил свое письмен ноерукоделие, чтобы успокоить самых родных людей на материке.

У него, сироты, отца-матери на этом свете не было сызмала.

Первое письмо Тарас напишет лишь через восемь месяцев после того, как отправит свое, процитированное несколькими страницами раньше, Алексей Иванович. И будет оно, мартовское 1849 года (даже не письмо - приписка к написанному приятелем - раимцем) обращено не к кому другому, а все к тому же Макшееву, нынешнему его соки биточнику.

ИЮЛЬ, ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

1.

Что случилось в Раиме двадцать четвертого июля, чем запомнился именно этот день, знаем мы тоже иключительно благодаря Макшееву. В своей книге, здесь часто цитируемой, он засвидетельствовал:

"24 июля были получены печальные известия из Оренбурга. В городе свирепствовала опустошительная холера, похитившая, в течение

десяти дней, более четверти всего народонаселения, то есть 3000 человек из 11000 умерли. Все письма были наполнены длинными списками умерших. Перечитывание списков производило на всех тяжелое впечатление; но вскоре оно уступило место иным чувствам и мыслям. На другой день мы прерывали всякую связь не только с Оренбургом, но и с Раимом, и отправлялись в неизведанное еще никем море, где Бог весть что еще нас ожидало".

Неопределенность собственного завтра, явная боязнь неморяка тягот морских да еще на море без лоций, свое - личное, эгоистическое -заслоняло от Макшеева все, что деялось в местах, которые совсем недавно оставляли в полном порядке.

24 июля узнал о холере в Оренбурге и Шевченко. Из тех же источников, тех же писем... Адресованных не ему, хотя не ожидать вестей личных не мог. Через Лазаревского, через Александрийского - живы? целы?

...Вони з холери повмирали; А то б хоч клаптик переслали Тогопаперу...

И не ждал, и ждал. Весть о беде отодвинула все другое. Такое горе, что о нем только и думалось.

Холера з заступом ходила...

В возбужденном мозгу возникали, проворачивались первые строки.

2.

Холера пугала его еще в сорок седьмом. Но опасения, к счастью, не оправдались,, и уже в ноябре он Лизогубу написал: "Холера, благо-дарпъ Бога, минула нашу пустиню - а ходила близько".

"Близко" - это где? когда? как?

От 1847 и последующих лет в оренбургском госархиве остались многие подшивки всевозможных бумаг о холере, в сотни страниц каждая (ф.6, оп.6, дд.12536, шесть подшивок, и др.). Их полезно и полистать, и почитать - хотя бы избирательно. Ну а кое-что и воспроизвести не зазорно: у каждого времени свой язык - несочиненный, собственный.

Из "об"явления" губернского комитета по прин ятиюмер противхолеры, или как все начиналось:

"Несколько крестьян Бузулукского уезда, находясь в городе Самаре для продажи на ярмарке произведений своих, были поражены с половины сентября месяца открывшеюся там восточной холерой; двое из них умерли на возвратном пути, не доезжая жительств (не та ли самая сюжетная основа, что и в стихотворении цитированном? - Л.Б.); другие по возвращении в дома почувствовали припадки эпидемии, которая распространилась таким образом в 18 селениях Бузулукского уезда. Из заболевших в тех селениях, с 20 сентября по 14 октября, 131 человека умерло 88, выздоровело 40 и осталось больных 3. Ныне получены донесения, что холера появилась Мензелинского уезда в тептярском селении Чалпах... Бугульминского уезда в деревне Большой Сухояшевой... в городе Бугуруслане... Получаемые сведения и донесения о ходе болезни подтверждают..., что холера ныне действует несравненно слабее, чем действовала при первом появлении своем в 1829 и 1831 годах..."

Тогда, при начале эпидемии, казалось, что и предыдущим она уступает, и лечению поддается ("наблюдениями и опытами медиков определены с достаточною точностию причины, споспешествующие ее развитию, средства к предохранению и наконец способы к самому исцелению от оной"). Распространялись "воззвания", "наставления" и прочие листки, обращенные к населению (занимался этим, до своего отъезда в Петербург, Василий Лазаревский).

Из "в оззвани я",подписанного генера л-м а и о р а м и Лифляндом, Федяевым, Ладыженским, Фрейманом, Жуковским:

"Прежде всего, не пугайтесь сами, да и других, малоумных, не стращайте пустою и грешною болтовнёю о том, что вот дескать, беда не за горами. Все в Боге, все от Бога..." - "Бог над вами, Царь с вами. До нас еще не дошла и молва о невзгоде, а уж Он, Державный Заступник наш, все придумал, все уладил, все выгадал, чтобы во всех углах Великого русского Царства и последнему работнику, и последнему нищему была и охрана, и всякая помощь..." - "Верьте тем, что поставлены над вами; советуйтесь с ними; советуйтесь с нами; у нас.нет для вас на дверях запора... Будьте воздержаны, трезвы, соблюдайте чистоту около себя, да и дела-таки не кидайте. Безделье ведет не к добру, - ведомое дело! Есть - не об"едаться, а про всякую сырую дрянь: рыбу, арбузы, дыни, чтоб и помину не было..." - "Будьте так, чтобы каждый за всех и все для каждого. В поле один не воин. С миру по нитке - голому рубашка... По Христу мы все братья - будем же братьями и на деле..."

Из "наставления, как держать себя простому на роду в холере там, где нет врачей и аптек":

"...21 при тяжести под ложечкой выпить вина со счепотью красного перца, положить под ложечку тряпку, намоченную чистым дегтем или вместо дегтя натертый хрен; а если показался понос, принимать с водою 20 капель чистого дехтя и пить чай из мяты, богородской травы, ромашки, а на животе положить тоже тряпку с чистым дехтем..."

Тревожились, опасались, молились, но надеялись: болезнь угомонится, отпустит, дальше на восток не продвинется, косить людей перестанет.

И вроде бы впрямь остановилась, даже отпустила.

"..минула нашу пустиню..."

Шевченко писал это 11 ноября. Зима успокоила еще больце - о холере особо не думали.

Она же только затаилась, только с силой собиралась - до поры до времени, а если точнее, то до будущего лета.

3.

В Оренбург холера явилась во второй половине июня 1848-го. Двадцатого умерло шестеро, двадцать первого - семеро, двадцать второго -двенадцать, а на шестое июля жертв уже было (цифру назвал официальный рапорт) 961 человек. Это при населении в 18 с половиной тысяч ("включая в то число и войска").

Совсем скоро - если не с самого начала новой волны - стало ясно.что нынешняя эпидемия шире по размаху и губительнее по своим последствиям тех, которые прокатились по краю в конце двадцатых - начале тридцатых годов, что прежние средства лечения цели не достигают, а новых, как и лекарей, нет в помине. "Никакой возможности усилить число медиков" не имел и Петербург - об"яснялось это "распространением холеры на все губернии европейской России".

Второго июля управляющий Оренбургской таможней Федорович докладывал Обручеву: "...таможенные действия закрыты на меновом дворе по желанию некоторых старших чиновников, в числе коих и я перенес сильные холерические припадки и теперь только немного поправляюсь; умерли же от холеры: у меня малолетний сын, у члена Ситникова жена и сестра, да умерли пакгаузный надзиратель Попов, секретарь Виноградов и его жена... Об очистке на меновом дворе по словесному приказанию вашего высокопревосходительства для помещения солдат-покойников исполнение будет сделано".

Покойников не успевали закапывать. Хотя "известные своею службою" и вообще знатные переходили в лучший мир с определенными почестями. Смерть не щадила никого. Уже в июле умерли оренбургский комендант генерал-майор Лифлянд; директор Неплюевского кадетского корпуса полковник Марков, оберпровиантмейстер статский советник Л ушников, правитель канцелярии военного губернатора Лебедев, окружной штаб-офицер полковник Борейша.

(Шевченко этих людей, как Лифлянда, к примеру, видел - в губернии занимали они положение высокое, их имена звучали достаточно часто и громко. Даже не питая особенной симпатии к тому же холодно-черствому генералу-коменданту, жалко было просто человека, да еще отца двух сыновей и трех дочерей...)

- Почти не было дома, где мор не унес бы одну или несколько жертв, и число вдов и сирот было огромно, - вспоминал впоследствии очевидец печальных событий оберквартирмейстер Иван Федорович Бларам-берг.

Вот некоторые фрагменты из его воспоминаний о тех месяцах и днях:

"Как только я выходил из управления на улицу, меня обдавал горячий ветер, дувший словно из печи. Над городом, окруженным валом, постоянно висело облако мелкой пыли. Воздух был раскален, термометр показывал 33 по Реомюру в тени. (Нам привычнее градусы по Цельсию и понятнее рапорт начальника штаба корпуса Фантона-де Веррайона: жара до 47, сухость воздуха необыкновенная...) На улице ни души, кроме похоронных шествий и врачей, которые ездили в своих легких экипажах к холерным больным. Наконец число жертв возросло настолько, что их вывозили на кладбище без всякого обряда...

...Каждый день мы слышали о друзьях и знакомых, которых уносила холера. У богатого винодела Звенигородского имели обыкновение собираться по вечерам несколько домашних друзей, чтобы сыграть свою ежедневную партию в вист; из восьми игроков остался в живых лишь сам хозяин, все остальные умерли за несколько дней. (В другом месте тех же воспоминаний: "Целые семьи из 12 человек умирали...") Не хватало гробов, и мертвых из холерного госпиталя арестанты дюжинами вывозили каждую ночь на телегах. Их бросали в большие ямы, засыпали негашеной известью и затем закапывали..."

Под "холерный госпиталь, куда доставляли для лечения бедноту", был отведен караван-сарай. Шевченко залюбовался им при первом же взгляде на Оренбург, июньским вечером сорок седьмого. Теперь, год спустя, стал он обителью смерти да какой еще свирепой, не поддававшейся укрощению никакими способами.

"...В церкви иногда стояло до 15 гробов с покойниками, которых должен был отпевать священник; это делалось гуртом и быстро, так как место увезенных гробов вскоре занимали новые. Я могу лишь с содроганием вспоминать это страшное время..."

Но большинство не отпевали - бросали в ямы, и все тут. Бросали безвестно, под покровом ночи... Лишь бы скорее!

4.

Холера з заступом ходила...

Первая строка в "Чуме", первый поэтический образ, сложившийся во взбудораженной его голове, - не от церкви, но от ямы... бесконечных ям с телами тех, кого убивала беспощадная эпидемия...

Звук заступа отдавался в его ушах стоном безмолвной, смертью полнившейся земли, по которой вольно разгуливала холера.

Потом она трансформировалась в более емкое и для него более страшное слово - ЧУМА.

Чума з лопатою ходила,
Та гробовища рила, рила,
Та трупом, трупом начиняла
І "со святими" не співала...

"Нет, нет! - кричала смерти растревоженная его душа, и не о предстоящем походе думалось, не о неизбежных тяготах его, к морю не привычного, а о реальности утраты последних нитей, связывающих с волей, потери хороших людей, и вообще множества людей, попавшихся под руку неумолимой смерти.

...Чи городом, чи то селом
Мете собі, як помелом...

Какая беда - всему народу беда ! Сколько горя - всеобщего горя!

Вести, полученные в Раиме, были из Оренбурга и касались Оренбурга. Но проецировались они воображением его на все сущее, все сердцу милое. И представлялись знакомые села - от Моринцов и Ки-риловки до Островного. Не добралась ли холера до тех добрых людей, которые прошлым летом по-землячески приветили его на пути в Орскую?

...Весна. Садочки зацвіли,
Неначе полотном укриті,
Росою божою умиті,
Біліють. Весело землі:
Цвіте, красуэться цвітами,
Садами темними, лугами.
А люди бідніі в селі,
Неначе злякані ягнята,
Позамикалися у хатах
Та й мруть...

Контраст был и тогда. Удивительная "малороссийская слобода" среди степной бесконечности и - бедность...гордая бедность нежданно встреченных земляков... Музыка родной речи там, где не ожидал ее услышать, и...изумление маленького Ивася перед диковинным угощением - кусочком сахара.

В рождавшемся стихотворении контрастировали жизнь и смерть -красота бытия и ужас угасания.

...По вулицях воли
Ревуть голодні, на городі
Пасуться коні, не выходить
Ніхто загнать, нагодувать
Неначе люди тіі сплять...

"Неначе..." В который уж раз это "как-нибудь" проходит через строй горестного его стиха, подчеркивая: не видел он описываемого, но представляет себе как очевидец, притом заинтересованный, сочувствующий, переживающий.

Все видит, все слышит - даже мертвую тишину.

...Заснули, добре, знать, заснули,
Святу неділеньку забули,
Бо дзвона вже давно не чуть.
Сумують комини без диму,

А за городами, за тином
Могили чорніі ростуть...

Видит-слышит до подробностей, почерпнутых и из писем сегодняшних, и из памяти прошлых лет.

...Під хатами поміж садами,
Зашиті в шкуру і в смолі,
Гробокопателі в селі
Волочать трупи ланцюгами
За царину-і засипають
Без домовини...

Страшная, беспощадная правда наговаривает ему строку за строкой; их строй суров, он движется на нас, не смягчая своего удара, не . затеняя самого жуткого - подлинных реалий времени, истинного реализма судьбы.

...дні минають,
Минають місяці, - село
Навік замовкло, оніміло
І кропивою поросло...

Сначала подсознательно, потом осязаемее, слышнее, громче звучит в нем мелодия-песня, мелодия-реквием: "Мов оазис, в чистім полі Село зеленее. Ніхто в його не заходить, Тільки вітер віе..." Бурно нарастая, он, этот музыкальный апофеоз, словно на части рвет и сердце автора, и сердца наши. Горе...само горе...

5.

"Аранжировка" тут моя, и никому я ее не навязываю.

Восприятие известий о расходившейся холере было разным.

"Перечитывание списков (умерших - Л.Б.) производило на всех тяжелое впечатление; но вскоре оно уступило место иным чувствам и мыслям", - писал долгое время спустя Макшеев.

"В Оренбурге, как мне писали оттуда некоторые добрые знакомые, была летом страшная холера, которая унесла до 6 тысяч человек! Многих добрейших людей, которых я там знал, уже нет..." Это из октябрьского того года письма Бутакова к родителям.

Сомнения прочь - они тоже и печатались, и сочувствовали. Для Шевченко ЧУЖОЙ беды не было. Вести, полученные в канун выхода в плавание, заполнили его целиком, без остатка.

Заполнили и пролились слезами-стихами.

"Чума", эта боль всеоренбургская, вселюдская, стала для него болью собственной - стихотворением, исполненным неисчерпаемого трагизма.

...Попіл вітром розмахало,
І сліду не стало.
Отаке-то людям горе
Чума виробляла.

Дат писания (авторских дат!) под стихами его, за редким исключением, нет. Когда родилось под карандашом это - кто скажет? и чем докажет? Для меня истоки "Чумы" ("Холера з заступом ходила", а потом и окончательное: "Чума з лопатою ходила") - в двадцать четвертом июля, том дне, который с полной определенностью назвал Макшеев. Зная взрывчатую силу поэтического дара Шевченко, как усомниться, что на потрясшие его вести откликнулся он не в море и не на зимовке - сразу?

О народном этом бедствии думалось ему и далее.

Отголоски неотступной тревоги - в стихотворении "Ой не п'ються пива-меди" и том, что начинается со слов "І знов мені не привезла". Ой не п'ються пива-меди,
Не п'еться вода,
Прилучилась з чумаченьком
У степу біда.
Заболіла головонька,
Заболів живіт,

Упав чумак коло воза,
Упав та и лежить.
Із Одеси преславноі
Завезли чуму.
Покинули товарища,
Горенько йому...

Чума ли, холера - одного порядка напасти. Что та, что другая -"повальная, заразительная, смертная болезнь". В медицине, дело понятное, каждой их них присуще свое - путать не приходится. А в стихах, в поэзии? Холера - смерть, и чума - смерть. Обе неумолимы. Обе косят род людской без пощады.

...Із Одеси преславноі
Завезли чуму...

"Одессу" подсказал Андрей Лизогуб (еще в октябрьском, 1847 года, письме обронил: "в Одеа холера"). Но принял бы сообщение его так близко к сердцу, не сомкнись оно с другими, из мест сейчас более близких?

...У степу біда...

Беда не только с молодым чумаком, умирающим среди украинской степи - со множеством людей в городах и селах оренбургских, на неоглядных этих пространствах.

Не одного беднягу-"чумаченька" схватила за горло неумолимая смерть.

...Воли його коло воза
Понуро стоять.
А із степу гайворони
До його летять.
- Ой, не клюйте, гайворони,
Чумацького трупу,
Наклювавшись, подохнете
Коло мене вкупі...

Не один он сейчас у роковой своей черты.

...Ой полетіть, гайворони,
Моі сизокрилі,
До батечка та скажіте,
Щоб службу служили
Та за мою грішну душу
Псалтир прочитали,
А дівчині молоденькій
Скажіть, щоб не ждала.

Сколько их, чумацких горестных историй, в репертуаре народном...

Таких да не таких. Как не припомнить меткое шевченковское: "старая погудка на новый лад"? Касалось другого, а подходит и к этому; сюжет вроде традиционный, но не всплыл бы, не заговорил сызнова, не случись беда поближе, и опять же с эпидемией связанная. А то, что в стихе не холера'- чума... не Оренбург - Одесса... Документальная точность поэзии не нужна. Стихотворение - не хроника, поэтический образ - не коллаж из фактов. У всякого вдохновения своя первооснова. Из ничего родится ничто.

Весть о холере в Оренбурге и вокруг него достигла Раимского укрепления 24-го июля 1848 года.

В поэте Тарасе она вытеснила все прочее, вплоть до горестей собственных, до тревог перед неведомым своим завтрашним днем.

На двадцать пятое было назначено отплытие.

С БЕРЕГА КРИЧАЛИ "УРА"

1.

Никто и никогда не отводил этому, первому "раимскому", месяцу столько места в жизнеописаниях Тараса Шевченко, а подхожу к концу повествования о нем и думаю: не упустил ли

существенное? не обошел стороною важное? Наверняка и обошел что-то, и упустил. Но с Раимом мы расстанемся сейчас лишь на время. В жизни нашего героя оставаться ему долго, а значит быть в книге снова.

Больше бы надо рассказать о многоликих обитателях укрепления -офицерах, унтерах и солдатах, казаках в чинах и без оных, чиновниках, поселенцах, казахах, батюшке с матушкой, купцовых приказчиках и всяких иных. С одними был знаком, других видел вблизи или издалека; важно то, что жил не в безлюдье, не отшельником, сам общения не чурался и от себя не отталкивал.

Повод еще будет - какие-то пробелы восполню; кого в "морской", а кого в "сухопутной" части, но представлю, на свет выведу. Вот удастся ли убедительно передать харак тер общения? "Документирована" лишь минимальная часть связей. А как быть с остальными?

Да, что ни говори, а вопрос вопросов - окружение, среда...

Знать нам хочется все, до мелочей. От погоды каждого дня, особенностей природы и окрестных достопримечательностей, кто и когда бракосочетался, родился, умер, что день за днем происходило - в общем, каждую деталь, каждый штрих жизни.

К Шевченко это не относится? Ой ли! Мое убеждение - его интересовало, с ним взаимодействало тут все. И только в скрупулезном воссоздании фона- единственная возможность ощутить, почувствовать жизнь, какой она была. Была при нем и вокруг него...

2.

Но подошел час отплытия.

Среди провожавших в плавание Матвеева не оказалось. О готовности к выходу Бутаков докладывал подполковнику Базыкину, командиру линейного N 4.

"За отсутствием исправляющего должность начальника Раимского укрепления..."

Отсутствие исправляющего должность имело свою причину, всем, и Шевченко тоже, известную, но тем не менее казалось противоестественным. Во всех делах снаряжения экспедиции принимал он участие живейшее, как вдруг...

Воспрепятствовали обязанности МЕЖДУНАРОДНЫЕ. Если яснее и проще, то караван со слоном. Писать о нем уже привелось, теперь продолжение этой истории - она-то и помешала Матвееву проводить Бутакова с товарищами в море.

Итак, "15 июля из Бухары в Россию, обыкновенным караванным путем, вышел торговый караван в 2500 верблюдов и при нем бухарский посланник..."

(Цитирую и излагаю, пользуясь выпуском одиннадцатым "Материалов по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска", изданным в местной типографии Бреслина, в 1913 году).

Прежде, чем назвать имя посланника - Хайруллы-Хисмета Улли-на, составитель "хронологического перечня" документальных источников Н.Г.Лобов сделал три сноски, поясняя, что представитель эмира бухарского был личностью весьма важной.

Мир-ахуром- то-есть "оберегермейстером,поддерживающим руки и стремя, когда эмир садится на коня", одним из немногих, которые "имеют право под"езжать к дворцу хана верхом".

Ходжой- значит, "ходившим на поклонение в Мекку и Медину".

Мирзой-по другому, "дворянином", причем из знатных.

С посланником была свита из шести особ и личная прислуга из четырнадцати человек. Все, как и надлежало высокопоставленному сановнику, облеченному особым поручением и доверием собственноручно вручить письма государю императору, министру иностранных дел, директору азиатского департамента, оренбургскому военному губернатору, а также подарки высочайшему двору и прочим ("в числе подарков находился слон ростом в четыре аршина").

"21 июля караван прибыл на Сырдарью и посланец просил начальника Раимского укрепления помочь ему переправиться через реку..."

Для этого из укрепления были высланы "две парусные лодки и плоскодонное судно с отрядом из двух штаб-офицеров, ...обер-офицеров-2, унтер-офицеров - 2, рядовых - 30 и барабанщик - 1" (представляли они четвертый линейный батальон); одновременно двинулась и команда подвижного резерва Уральского войска ("обер-офицер - 1, урядников -4, казаков - 71"); отправили также орудия с обслугой ('-'при горном единороге - фейерверкер 1 и канониров 4 и при Фальконете,

поставленном на лодке, фейерверкер 1"). Такими силами не часто и в сражение пускались. Во всем чувствовалось: случай особый, дело государственное, царское!

"Отряд пришел к месту переправы 25 июля вечером и тогда же приступлено к перевозке каравана..."

Встречать высокого эмирского посла надлежало первому лиц у укрепления, следовательно - Матвееву. В один и тот же день, даже час, быть одновременно в двух местах, пусть оба они на одной Сыр-дарье, он не смог бы ни в коем разе. Дилеммы выбора не существовало: представителя эмира обязан встречать представитель царя, г л а в н ый на пограничье. Как ни тянуло на пристань, как ни ответственно было все, происходившее там, "исправляющий должность" имел право находиться только тут, и нигде более.

Перевозка окончилась лишь к ночи 1 августа. Слона переправили через реку вплавь. 2 августа отряд двинулся в обратный путь и 3-го прибыл в укрепление, благополучно доставив посланника со свитой, а равно весь караван, в заранее определенное место.

Из Раима они пошли дальше, тоже в сопровождении русского отряда и не без присутствия Матвеева, у которого вся эта операция отняла много дней. Потом, уже в начале сентября, достигнув Оренбурга, посланник обратился к Обручеву с благодарственным письмом, особо отмечая распорядительность и благожелательность "начальника заложенного Вами приморского укрепления". Возносили молитвы он сам, возносил другие. "Все купцы от малого до великого остались очень довольны этою услугою Ваших подчиненных, за что и они творили за них молитвы" (стр. 121-122).

Теперь ясно, отчего Бутаков докладывал не Матвееву, а Базыкину, и за его же, Базыкина, подписью ушел рапорт корпусному командиру?

3.

Господину командиру Отдельного Оренбургского корпуса За отсутствием исправляющего должность начальника Раимского укрепления подполковника Базыкина

Рапорт

Лейтенант Бутаков рапортом от 25-го июля за N 43-м донес мне, что он сего числа с вверенным ему отрядом на шхунах "Константин" и "Николай" снялся с якоря на Сырдарьинской пристани противу Раимского укрепления благополучно и пошел в море, присовокупляя, что шхуна "Николай" останется в устьях р.Сырдарьи.

Имею честь почтительнейше донести об этом вашему высокопревосходительству, представляя ведомость чинам, выступившим в море с лейтенантом Бутаковым, и присовокупить, что сего числа я получил донесение от начальника Косаральского поста поручика Богомолова, что г.Бутаков прибыл на пристань 27 числа и на шхуне "Константин" 29 числа отправился в море благополучно, а шхуна "Николай" оставлена в устьях р.Сырдарьи.

Подполковник Б а з ы к и н

N962

31 июля 1848 года

Укреп.Раимское.

Базыкиным подписана и "Ведомость о чинах, командированных на шхуне "Константин" в Аральское море".

Ведомость как ведомость, никаких излишеств; напротив даже, бросается в глаза приверженность к безымянной статистике (поименно названы только трое из двадцати трех).

...Командир шхуны 9-гофлотскогоэкипажа Лейтенант Бутаков.....1

Генерального штаба Штабс-капитан Макшеев.....!

Корпуса топографов Прапорщик Акишев.....!

Нижних чинов Унтер-офицеров..... 2

Рядовых..... 15

Ст.фельдшер..... ..1

Денщиков..... 2

Итого 23

(ГАОО, ф.6, оп.10, д.5960)

Шевченко тут в общем счете рядовых.

Не офицер - значит человек без имени (не говоря уж о прочем, его отличающем, хотя бы о профессии художника и обязанностях рисовальщика) .

Ведомость купленным жеребцам в том же, ранее цитированном,
одиннадцатом выпуске историко-статистического описания казачьего
войска куда уважительнее:

1. Б ой к о и...

2. Фокусник...

3. Фрегат...

4. Г о к е р Гнедой, во лбу к левому глазу и между ноздрей седина, задняя левая нога по щетку белая с черными пятнами, на шее с левой стороны корона и тавро Х. Четыре года, мера - 2 аршина 2 3/4 вершка. От жеребца Гектора, сына Яшмы, бывшего завода графини Орловой-Чесменской, внука Алюнкая, правнука Свирепого 2-го графского, праправнука Солтана 2, прапраправнука Солтана 1, выведенного из Аравии в 1774 году; мать кобыла Магнолия от Магомета, завода графа Ростопчина, бабка Змейка от Надежного, сына Жемчужного 2-го...

И так о каждом из поименно названных жеребцов. Еще бы - за любого из них уплачено 500 (!) рублей серебром, да еще привод их в 370 рублей обошелся. (Стр.509). А сколько стоит "нижний чин" - и сам по себе, и вместе с доставкой к месту службы?

Рядовых- 15...

Тут и опытные "морские волки" - бывалые матросы с Каспия, и не ходившие на судах сроду.

Среди последних он, Тарас Шевченко, наделенный вроде бы и особыми функциями, но - рядовой. А значит безымянный, не называемый, генеральского внимания не заслуживающий.

3.

Приготовления были не простыми.

Макшеев: "Шхуна "Константин", имея длины от руля до носа 53 фута, сидела в воде, без балласта, носом - 3 фута 7 дюймов и кормою - 3 фута 9 дюймов; но так как глубина фарватера Сырдарьи между отмелями не превышает даже 3 фута, то, для провода шхуны в море, оказалось необходимым все тяжести описной экспедиции нагрузить на шхуну "Николай".

Всеобъемлющим предписанием генерала от инфантерии Обручева - даже им! - это не предусматривалось. Многое другое тоже: небольшой опыт предшественников, конечно, годился, но в самой малой степени.

Б у т а к о в. "Июль 25. В 7 ч. вечера снялся от Раимской пристани, отслужил напутственный молебен, со шхунами Константин и Н и к о л а и, подняв свой брейд-вымпел на первой. Отсалютовав крепости 7-ю выстрелами, на что получил ответ равным числом, начал спукать-ся вниз по течению Сырдарьи. Провизия (на 3 месяца) была погружена на шхуне Николай, а равно и все тяжести". (Таким сообщением начинались "Дневные записки плавания..." в 1848-1849гг., за которые Бутаков принялся с первого же дня своей морской кампании).

На подробности моряк-лейтенант был скуп. Каким-либо эмоциям вход на страницы своего путевого журнала заказал он раз и навсегда. Эмоции, и то скупые, разве что у Макшеева:

- 25 июля, когда все приготовления экспедиции были окончены, священник отслужил напутственный молебен, мы разместились на шхунах и в 8 часов вечера, после теплых прощаний, пустились в путь, отсалютовав укреплению семью выстрелами. С берега кричали ура!, бросали шапки вверх и посылали нам попутные приветствия, пока не стемнело и шхуны не скрылись за изгибом реки. Ночь была чудесная, но мириады комаров, неотступно преследуя нас до самого утра, не давали никакой возможности успокоиться ни на минуту.

И "ура", и шапки кверху, и далеко слышимые напутствия, и даже комары на фоне чудесной ночи - это, конечно, эмоции. Однако восприятие одного и того же всегда индивидуально, а Шевченко своих воспоминаний об этом моменте не оставил. Записей, напоминаю снова, он не вел, письма не писал, стихи... Как уловить ту строку, ту мелодию, что возникла, зазвучала в нем именно сейчас?

Один факт достоверен совершенно: в семь или восемь (скорее все-таки в семь) часов вечера 25 июля Тарас Шевченко начал первое в его жизни морское плавание.

"Сухопутный" месяц в Раиме благополучно закончился.

Часть вторая: БЕСПОКОЙНОЕ ПЛАВАНИЕ

БРЕЙД-ВЫМПЕЛ НАД "КОНСТАНТИНОМ"

1.

Сырдарью в подробнейшем своем наставлении Бутакову генерал Обручев вниманием обошел.

Ни о мелях этой ее части, ни о характере течения и причудах ветров, а уж о комарах да мошкаре и подавно, никаких предостережений он не высказывал.

Правда, среди немногих карт,,полученных лейтенантом флота в Оренбурге, были "план устья р.Сырдарьи с означением глубины фарватеров" и "инструментальная с"емка части р.Сырдарьи и ее устьев", но особенной точности ждать от них не приходилось: делали то и другое второпях - стоявший над душою Обручев подгонял неумолимо.

Что Бутаков, что Поспелов понимали: пока подойдешь к морю, выберешься на простор - намаешься досыта. Предупреждали об этом и те, кто уже поплавал-походил - на "Николае"... на рыбацком "Михаиле"... Но "Константин" тому и другому не чета - иные размеры, не одинакова осадка, потяжелее, посильнее.

Для начала, для пробы нагрузку на него поубавили, тяжести переложили на судно уже испытанное, предусмотрели сугубую осторожность, повышенную осмотрительность и - ошвартовались.

На грот-мачте флагмана заколыхался брейд-вымпел.

Первый вечер и первая ночь на воде прошли достаточно спокойно. Досаждали только неумолимо злые комары, настигавшие свои жертвы всюду.

Из "Дневных записок" А.И.Б у т а к о в а:

...26. Весь вчерашний вечер и всю ночь шел благополучно, но утром задул сильный противный ветр, который сделал управление судами весьма затруднительным и часто прижимал их на отмели того или другого берега, чем значительно замедлялся путь вперед. В10 ч. веч.я стал около начала главных мелей, пробившись перед тем часов около двух, стаскиваясь посредством завозов с мели у южного берега.

26-е июля - и сколько "сюжетов" от утренней рани допоздна. Вчитаемся: целый день борьбы (четырнадцать часов? пятнадцать? шестнадцать?) уже не только с летающей гнусью, сколько с внезапно задувшим ветром, коварным, непредсказуемым течением, отмелями и мелями. Выразительное слово: "пробившись". Промаявшись... промучившись... В устах морского волка, за плечами которого тяжелейшее кругосветное плавание, звучит оно вполне определенно. Промучившись - именно так.

Позволю себе привести выдержки из книги полковника генштаба Л.Ф.Костенко "Туркестанский край" (СПБ, 1880). Для начала вот эту: "Река Сырдарья, под именем Яксарта, известна была еще древним. Под именем Сыра она занесена в книгу Большого чертежа. Но тем не менеедо начала пятидесятых годов (!) сведения о реке были весьма смутные". Тогда еще не истекли сороковые: подходил к концу июль 1848-го; настоящие исследования только начинались. "В низкую воду главный фарватер имеет не более 2 и 2 1/2 футов глубины и только при полноводии достигает 31 /2 и 4; кроме того, он весьма узок, извилист и подвержен частым изменениям... Обмеление... происходит от наноса песку и ила..." И так далее. Характер Сырдарьи хоть сколько-нибудь понятным стал гораздо позже, сейчас же таила она сплошные загадки.

О них и у Макшеева, в его "Путешествиях..." Есть на страницах этой книги совсем маленький подраздел "Сырдарья от Раима до Коса-рала, и я процитирую из него то, что касается самой реки непосредственно.

"Сырдарья течет в глубоком и крутоберегом корыте, так что в расстоянии сажени и много двух от берега вода покрыва ет уже рост человека, а далее глубина достигает местами до пяти саженей. Тем не менее берега реки ниже Раима и острова, которыми она богата, низменны и почти сплошь покрыты камышом, заливаемым, особенно в половодие, водою. Поэтому Сырдарья от Раима

до устья представляет только две удобные переправы: Амануткуль, 14 верстами ниже раимской пристани, иХануткуль-9 верстами ниже Амануткуля..."

".. .Процесс образования мелей и островов на Сырдарье совершается так быстро, что прибрежным жителям легко за ним наблюдать. Если, например, сала оторвется от берега и, отплыв на середину, остановится на довольно мелком месте, то можно сказать наверное, что в скором времени тут образуется остров. Служа преградою для свободного течения воды, сал останавливает несущиеся с водою частицы песку и илу, которые, накопляясь, образуют мало по малу мель, а потом и низменный островок..."

(С а л а, с а л - распространенный тут плот, или плотик, из камыша. Впрочем, это же и "первый осенний лед, который сплошь несется по реке" - толкование Даля).

И опять из Макшеева:

"Плавание наше по Сырдарье было сопряжено с большими затруднениями: шхуны то припирались к берегам, то устремлялись из главного русла в боковые п р о р о н ы или рукава, то становились на мель, так что, несмотря на быстроту течения реки, мы прибыли к Косаралу только через двое суток".

...Двое - от момента отплытия. Это совпадает и со следующей записью Бутакова:

...27. На расвете послал на четверке прап.Акишева в устье на рыболовную ватагу, за лоцманом* и баркасом, на случай, если б понадобилось выгружать суда. По возвращении прап.Акишева и прибытии лоцмана с баркасом в 8 ч.утра снялся с якоря и к вечеру стоял вне мелей, севернее знака, поставленного на астрономическом пункте Лемана...

Не Лемана, а Лемма (тут явная описка). Кто-кто, а он, Бутаков, большую, подвижническую работу этого человека и знал, и ценил.

Бурхардт Фридрихович Лемм навсегда связал свою судьбу с топографическими и астрономическими изысканиями по всей России. Еще в 1825-м поступил на службу в военно-топографическое депо и с тех пор находился в непрерывных экспедициях - то для нивелирования края между Аральским и Каспийским морями, то на астрономических с"ем-ках в Витебской, Псковской, Новгородской губерниях, Санкт-Петербурге и Кронштадте, то на определении астрономических пунктов в Оренбургском крае, в казахских степях. От чиновника двенадцатого класса дослужился до подполковника и продолжал служить. В отставку пятнадцать лет спустя уйдет он генерал-майором, кавалером орденов России и Персии, и никто не сможет его попрекнуть: пользовался протекцией, зарабатывал чины и отличия путем нечестным. ("Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов", СПб, 1872, приложения, с. 14).

...Лемм побывал здесь прежде их - как ему не поклониться?

2.

Но обойти скороговоркой двадцать седьмое не пристало никак.

На якорь "Константин" стал в десять вечера, уже в глухой темноте ночи. Рассвет забрезжил по южному рано. И с ним пришли новые хлопоты. Начались они, собственно, еще до того как светило подошло к рубежу дня. Бутаков, выслушав мнения Поспелова, Макшеева, Аки-шева, вместе с ними обсудив положение шхун (мели... всюду мели...), решил: на удачу не уповать, готовиться к худшему и, на всякий случай, послать на ватагу за лоцманом, за баркасом. Чего доброго, потребуется выгрузка судов, так куда же перегружать, если баркаса не окажется? Поплыть к рыбакам за подмогой вызвался Акишев. Как и Лемм, принадлежал он к корпусу топографов. Хотя нет - формально пока не принадлежал, но был к нему прикомандирован. И то, и не то...

Акишев Артемий Аникеевич родился в 1815-м, происходил из солдатских детей, учился в Оренбургском батальоне военных кантонистов. Служить топографом начал в тридцать четвертом. Рядовым -нижним чином - с правом и обязанностью наносить на карты самые тяжелые, никем не виданные места. Вопреки зною и морозам, неприятельским заслонам и нападениям, осваивать просторы бесконечно -вот что требовалось от него, довечного путника. Только четырнадцать лет спустя произвели его в прапорщики армии. В этом, 1848-м, произвели, а если совсем точно, то 14 февраля, - меньше чем за три месяца до выступления из Орской. Все последующие чины, вплоть до капитанского, он получит "за отличия"; будут у него и ордена. Пока же только прапорщик, но что всего главнее - высокой храбрости ч е л о в е к, на всех ветрах испытанный. (Об Акишеве - в приложении к названной раньше книге, на стр.46 и 107).

Может повторюсь, но, по моему, к месту: именно Акишев знал Сырдарью лучше всех, кто был сейчас на "Константине", так как именно он, вместе с другим топографом, Головым, и в прошлом году, и уже в этом, производил планшетную с"емку реки, начиная от ее устья.

Кто еще был с ним на "четверке", не суть важно. Из дневника Бутакова явствует, что до рыболовной ватаги Акишев с гребцами добрались быстро, а меньше, чем через три с половиной часа, вернулись и с рыбацким баркасом, и с лоцманом.

Перегрузка тяжестей, к счастью, не понадобилась. Осторожность осторожностью, но верх взяла опытность лоцмана, знавшего тут все и ориентировавшегося в обстановке лучше некуда.

Сарымбек(Саранбек) - казах, вожак Чиклинского рода; служил на рыболовецкой шхуне "Михаил", участвовал в описи берегов на "Николае", в разное время ходил по Аралу на "Константине", исполняя обязанности и лоцмана, и переводчика в сношениях с местными жителями, и консультанта по всем вопросам истории, географии края. Со временем, уже в 1850-м, за отличия при с"емке берегов Аральского моря он получит царскую награду - суконный кафтан, обшитый галуном.

Уже в восемь часов утра якорь, брошенный вечером, был поднят и шхуна двинулась дальше.

Дальше и - увереннее. Зту уверенность, казалось, ей придавало само присутствие остроглазого лоцмана.

К вечеру мели остались позади. Можно было заняться делами текущими. Они требовали и времени - целого дня, не меньше, и усилий -всех и каждого, в полной мере.

3.

Из записей А.И.Бутакова:

...28. Весь этот день прошел в нагрузке шхуны Константин и наливке водою. По окочании работ судно село носом 3 ф. 7 д., кормою 3 ф. 9д.

Запись короче предыдущих. И уже в самой ее лаконичности - деловая напряженность дня, отмеченного выполнением работы привычной -моряку привычной, но физически тяжелой, выматываю щей.

Что наливка водою, что перетаскивание грузов с судна на судно -затрата сил была велика.

Перетаскивание, перегрузка... Вы ведь помните, что глубина фарватеров Сырдарьи ставила под сомнение благополучный выход нагруженного "Константина", и для провода его к морю тяжести опис-ной экспедиции спешно перенесли на "Николай". Теперь требовалось вернуть все обратно. И снаряжение, и провиант, и топливо - решительно все. Матросы сновали со шхуны на шхуну, робы и тела были мокрыми, а конца делу не виделось.

Но конец приходит всему.

4.

Запись следующего дня...

...29. Утром сдал шхуну Николай поручику Богомолову, оставя на ней небольшую часть провизии и некоторые вещи, а сам снялся и перешел к северной оконечности острова Косарала, для определения его широты и долготы. На шхуне начали кампанию чины, которых прилагается имянной список.

Командир шхуны - лейтенант Б у т а к о в, корпуса штурманов прапорщик Поспелов, генштаба штабс-капитан М а к ш е е в, корпуса топографов прапорщик А к и ш е в, старший фельдшер Александр Истомин; переведенные из 45 флотского зкипажа унтер-офицеры: Рахматулла Абизаров, Дм.С а д ч и к о в, Парфен К л ю к и н; рядовые марсовой Иван Петренко;! статьи: Калистр.П а р ф е н о в, Аверьян Забродин, Густав Терм, Ион Полетаев, Григорий Ор л я некий, Михаиле Воронов, Тарас Фунин, Иван Иванов, Прокофий Васильев, Никита Даниленко, Абдул О скин; 2-й статьи: Таврило Погорелов, Андрей Сахнов, Николай Трифонов; рядовые линейных баталионов Тарас Шевченко (живописец), Фома В е р н е р (для геологических исследований); денщики: Иван Т и х о в при лейт.Бутакове, Марковей Сидоров при шт.-кап. Макшееве. Итого 27 порций.

Сейчас бы не преминули подчеркнуть: многонациональный - или интернациональный - коллектив. Но разве это не в традициях нашей державы от самых ее истоков? к чему умиляться тем, что вполне естественно? Да, на "Константине" и русские, и украинцы, и татары,а еще поляк, эстонец, казах (Сарымбек в экипаж не входит, да ведь тут он, на виду у всех). В перечне командира - обязанности, и прежде всего обязанности каждого в морской кампании. Не определены они разве что у Макшеева, но, помним, в плавание напросился сам, любопытства ради. Свое место в команде ему найти уже в море.

Прошлогодняя владычица моря - шхуна "Николай" - перешла под начало поручика четвертого линейного батальона Богомолова Александра Трофимовича. Начальник команды на рыбопромысловой ватаге, он с приходом Аральской экспедиции стал одним из деятельных ее помощников-сотрудников, а теперь принимал на себя обязанности командира вчерашнего флагмана.

Оба судна снялись со своих стоянок вполне благополучно.

"Николай" двинулся к ватаге, чтобы причалить там.

На "Константине" преследовали цель собственную: приблизиться к северной оконечности Косарала и поточнее определить ее широту-долготу.

Только и всего.

Но человек предполагает, а Бог располагает.

29 (продолжение):

...Сделав наблюдение для определения широты и долготы оконечности Косарала, я хотел сняться с якоря, но тихий противный ветр задержал меня до следующего утра.

Заминка была неплановойи предвещала много ей подобн ых.

Первое визуальное знакомство с островом состоялось благодаря "противному ветру".

5.

М а к ш е е в:

...Косарал, порусскиприбавляющийся ос т ров, прикрывает Сырдарью с моря и огибается с двух сторон устьями этой реки, из которых южное совершенно обмелело и заросло камышом и кугою. Главное же русло севернее устья находится между Косаральскою косою и близлежащими к ней островами; фарватер идет здесь у самого берега косы. На конце ее поместилась в 1847 году рыболовная ватага; но вскоре, вследствие моряны, ветра с моря, коса залилась, и это заставило рыболовов перенести ватагу на другое место, находящееся верстах в пяти от устья. Для прикрытия ватаги и морских судов около нее был устроен форт с гарнизоном в 50 или 60 человек из числа раимских солдат, по большей части больных, которым было полезно морское купанье...

Прямых обязанностей у штабс-капитана Макшеева на шхуне не было. И перегрузкою тяжестей, и всем прочим, кроме, быть может, определения долготы и широты, занимались другие. Зато он имел возможность смотреть и видеть, а, помимо того, еще и время, чтобы увиденное, услышанное взять на заметку.

- Среди бесконечных мелей, по которым тащились, в буквальном смысле этого слова, наши шхуны, - слышится нам его рассказ, - увидел я казака, ловящего рыбу, сел к нему в будару и отправился к форту. На берегу, в нескольких шагах от места, где мы пристали, спокойно гуляло стадо серых гусей. Я спросил своего спутника, что это за гуси. И он совершенно неумышленно ответил остротой: "были они вольные да крылья подрезали, так и обрусели"...

- Природа Косарала непривлекательна, - делал Макшеев вывод уже по первому впечатлению. - Кроме песку и камыша, который стелется по земле, имеет до пяти сажен длины и своими отростками в коленах прикрепляется к почве...

- Устройство форта поразило меня своею оригинальностью... Рыболовная ватага обстроена была не лучше форта... Находилось, кроме шхуны "Михаил", несколько кочевых лодок, на которых отважные рыбаки пускались даже в открытое море...

Первые впечатления западают особенно глубоко.

Тем более, добавлю, в душу и память художника-поэта.

Шевченко на этих страницах упомянут, кажется, всего один раз, а именноБутаковым:"ТарасШевченко (живописец)".

Был и ничего не видел? не чувствовал?

И видел, и чувствовал.

Но писем он не писал, дневник не вел, в воспоминания спутников (того же Макшеева, к примеру) эти его дни не попали. Альбом, конечно, держал при себе, и карандаш не бездействовал. Многие наброски -берегов...туч...шхун и лодок...отдельных людей или групп... - могли быть сделаны и до выхода в море. Это к тому, что на листах восьмого тома всюду названо Аральское море и нигде - Сырдарья. Не так ли это странно, необоснованно, неправомерно, как и привязка всех стихотворений аральского цикла к одному и тому же "месту рождения": Косаралу? Воистину по поговорке: "полюбилась сатана пуще ясна сокола"...

Из "Дневных записок":

...30. Утром снялся и начал лавировать к острову Кугаралу. Тихие переменные ветры с постоянною большою зыбью от W делали лавиров-ку весьма трудною и заставляли меня два раза становиться на верп...

Верп это вспомогательный судовой якорь.

Кугарал... Но о нем в свое время.

"ПЕРЕВЕДЕННЫЕ ИЗ 45 ФЛОТСКОГО ЭКИПАЖА..."

1.

Имена-фамилии названы. Но кто за ними? что за люди? О других можно рассказать и по ходу повествования, о такой же многочисленной группе, как "переведенные из 45 флотского экипажа", писать надо сразу, не откладывая. Можно было сделать это и раньше, в первой части, и даже в первой книге, но время упущено, тут, кажется, уместнее, да и сам я вышел на материал о них только сейчас. Признаюсь о том по совести: лишь в зале дворца на бывшей Миллионной, прямо напротив бывшего Зимнего, а если определеннее, то в Центральном Государственном архиве Военно-Морского Флота, явилась мне мысль поискать следы унтер-офицеров и рядовых, составивших основное ядро "Константина", - следы по возможности более "персонифицированные", индивидуальные.

Сведения о морских офицерах, что и говорить, отыскать проще. На каждого во все времена заводились формулярные списки, за годы службы они обрастали ими во множестве: листай годичные подшивки непод"емной тяжести - обязательно отыщешь искомого. Не говорю уж о том, что самое главное внесено в тома печатного "Общего морского списка". Строгое деление по периодам начала службы, четкий алфавит фамилий - листай ил.найдешь. А вот матросов и даже унтеров в этих пудовых бумажных глыбах искать излишне. Списки нижних чинов с минимумом данных о каждом и то благо, и за них поклонился бы в ноги. По отдельным экипажам, за некоторые годы они отыскивались... Но... по 45-му не обнаружил ни одного!

Фонд сорок пятого флотского экипажа в ЦГАВМФ имеется. Порядковый номер его - 827-й. Не слишком большой, напротив даже сравнительно скромный, однако за годы и годы (с 1811 -го!). Не наведет ли на след он?

...Навел. Больше того, многое прояснил. Важное для меня оказалось в делах 68, а также 64, 65 и других. Но - по порядку…

2.

Одно из значений слова "экипаж" у Даля: "матросская дружина, баталион, около 1000 человек".

В энциклопедии далеких времен расшифровывается оно как "формирование из береговых частей и команд кораблей, поставленных на зимнюю стоянку или для ремонта". В общем, морское соединение на берегу. В данном случае - Каспия. Каспийское море представлялось наиболее близким к загадочному Аральскому - и по расстоянию между ними, и по характерам. Ко всему этому с Каспием, особо с Астраханью, у Оренбургского губернаторства были особенно тесные связи.

Окрепли они с появлением Новопетровского укрепления на Мангышлаке. Дороги туда проходили через Астраханский порт.

К главному командиру Астраханского порта и обратился осенью 1847-го военный губернатор Обручев. Просьба была такой: перевести в Оренбургский линейный батальон N 4 группу нижних чинов, способных принять участие в подготовке и осуществлении морских кампаний на Арале.

Командир порта согласие дал. Соответствующий приказ был подписан им 27 ноября и шел под номером 921-м. Тогда же указание контр-адмирала Басаргина Георгия Гавриловича достигло 45-го флотского экипажа и легло на стол капитана первого ранга Клокачева Дмитрия Петровича, старого морского волка, служившего на морях-океанах с 1810 года, следовательно под сорок лет. Экипаж подчинялся ему, непосредственно ему.

Клокачев препоручил отбор моряков для Арала "господам ротным командирам". Предполагалось, прежде всего, выявление добровольцев. Но будут такие или не будут, а в свое время, и ни днем позже, команде надлежало отправиться в Оренбург, оттуда же дальше - куда повелит уже новое начальство.

Были они добровольцами, или выбор сделали за них, - про то бумаги умалчивают. Одно ясно - распоряжения Басаргина и Клокачева исполнялись неукоснительно. К январю вопрос был решен окончательно и оставалось утрясти лишь сущие формальности.

На одном из первых листов книги приказов по экипажу за 1848 год читаю: "Вследствие приказа г.командира Астраханского порта...назначенных мною в Оренбургский линейный N 4 батальон нижних чинов, показанных у сего в списке, предлагаю гг.ротным командирам представить ко мне принадлежащие им артельные и собственные деньги, а вместе с тем испросить их, не имеет ли кто из них какой-либо претензии и что окажется мне донести к 5-му числу сего месяца".

Начался январь, а с ним сорок восьмой. Отправка команды близилась. В списке, приложенном к приказу, значилось восемнадцать фамилий. Шли они не подряд, но поротно: "1-й роты квартирмейстер Рахматул Абизаров, матросы - марсовой Иван Петренко, первой статьи: Калистрат Парфенов, Аверьян Забродин, Густав Терн, итого 5 человек, 2-й роты квартирмейстер Савелий Прокофьев..." и так далее. Пять из первой, десять из второй, трое из третьей, а всего полное количество испрошенных Обручевым и назначенных Клокачевым. Все те же, что и у Бутакова. Почти все. Замены произошли во второй роте. Вместо1 унтер-офицера Прокофьева позже вписали Парфена Клюкина, вместо матросов первой статьи Федора Суханова и Трофима Гуркина - двух других: Прокофия Васильева и Абдуллу Оскина.

Назначали не худших, не для того, чтобы избавиться. Отбирали умелых и старательных. Как раз в те дни Абизаров и Клюкин удостоились чести - за беспорочную службу носить на левом рукаве мундира нашивки из желтой тесьмы, а Парфенов и кое-кто еще - поощрений, положенных матросам. Едва ли не все переводимые по службе прошли в День Богоявления торжественным маршем по набережной Варваци-евого канала - главному месту астраханских парадов. Меж тем и для парадов отбирались лучшие: колонна флотского экипажа состояла всего из 9 рядов унтер-офицеров и 30 - рядовых. Знакомые имена встречаются также в книге приказов 1847 года. Ион Полетаев и Иван Иванов из матросов второй статьи были произведены в "первостатейные", Дмитрий Садчиков и тот же Иванов получили знаки отличия за пятнадцать лет безупречной службы, еще некоторые - иных наград, предусмотренных^уставом. Служили на совесть...

Окончательный список "аральцев" сложился несколько дней спустя. Между прочим, он позволяет уточнить и некоторые имена в "Дневных записках..."Бутакова. Не было среди матросов "Константина" Густава Терма - был рядовой по фамилии Терн; Таврило Погорелое на самом деле носил фамилию Погорелой. Разночтения невелики. Но так ли незначительны они, когда ищешь нужного тебе человека?

Клокачев держал в курсе всего Басаргина. Контр-адмирал наставлял капитана первого ранга.

"Командир Астраханского порта...предложил мне войти с требованием всего следуемого на путевое продовольствие нижних чинов, назначенных к отправлению в Оренбург, и приготовить их к пути по первому распоряжению, приняв в соображение, что при следовании этой команды из Астрахани на Оренбургскую линию, чрез кордонные посты, в распоряжении ее будут около 20 верховых лошадей без повозок..."

Это как же понимать - "без повозок"?

Не пешком, конечно, - не каторжные... Но они и не кавалеристы -мореходы. Уж не верхом ли ехать?

Именно верхом!

Контр-адмирал повелевал командиру экипажа, дабы тот потребовал от ротных приказать назначенным приготовиться, строго предупредив их о том, "чтобы они брали с собою одежду самую необходимую, по случаю тому, как они отправятся не на подводах, а на верховых лошадях".

Их и впрямь обращали в кавалеристов. Сотни и сотни верст предстояло каждому одолеть в седле. Через снежное бездорожье (стояла зима, а ее срок тут был долгим), сквозь морозы и ветра (ни в том, ни в другом недостатка не предвиделось)...

Все решалось за них, любые возражения были напрасны.

"В выполнение приказа моего от 3 числа сего января за N 6-м предлагаю: гг.ротным командирам нижних чинов, показанным у сего в списке, приготовить их к отправлению в Оренбург..."

Датировано четырнадцатым - время выхода-выезда близилось.

".. .спросить, не имеют ли они какой-либо претензии (новой претензии?) и представить ко мне к 22 числу сего января принадлежащие им артельные и собственные деньги (раньше об этом речь уже шла...) и арматурные списки о состоящих на них казенных вещах..."

Срок, похоже, был установлен. День-два за 22-м января...

Не ошибся. В книге приказов 1848 года (дело 68) 25 января появилась такая указующая запись: "Отправленных вчерашнего числа (!) из вверенного мне экипажа нижних чинов,... назначенных в Оренбургский линейный N 4 батальон, предписываю гг.ротным командирам из списков по ротам исключит ь".

...Отправка состоялась. Верхом на лошадях, при минимуме одежды и всякого провианта... Путь был дальним, долгим и тяжелым - не позавидуешь.

3.

"Имянной список нижним чинам 45 флотского экипажа, и з бранным для вооружения и управления на Аральском море судов"...

Лист из тех же дней ("января 26 дня 1848 года"), но - из иного фонда: инспекторского департамента морского министерства. Фонд в том самом ЦГАВМФ (N 283); дело (оп.1, д.6435) исключительно богатое и для меня, для нас всех, сущий клад (тем паче, что другие в него не заглядывали).

И так, "Имянной список..." Чем он отличается от читанных ранее? О, весьма существенным! А именно - первыми двумя колонками дат:

"Как давно в службе? Как давно в чинах?" Этого, полагаю, достаточно, чтобы на основе одного листа из дела (49-49 об) выстроить все имена в ряд и сделать их перечень ключом для дальнейшего повествования-чтения.

Квартирмейстеры

Рахматул Абизаров - в службе с 1831 года, в унтер-офицерском чине с 1842-го.

Дмитрий Садчиков - служит с 1831-го, унтер-офицером с 1841-го.

Парфен Клюкин - в морском деле с 1831 года, в унтер-офицерах с 1841-го.

Матросы

Марсовой

Иван Петренко - в службе с 1840, в марсовые (из матросов первой статьи) произведен только-только, в январе 1848.

1-й статьи

Калистрат Парфенов - служил с 1831, "первостатейным" стал еще в 1839-м.

Аверьян Забродин - 1840и 1848. Густав Терн - 1840 и 1848. Тарас Фунин - 1840 и 1845. Ион Полетаев - 1840 и 1847. Григорий Орлянский - 1840 и 1845. Иван Иванов - 1840 и 1847. Прокофий Васильев - 1840 и 1845. Абдул Оскин - 1841 и 1845. Никита Даниленко - 1840 и 1848. Михаиле Воронов - 1840 и 1848.

2-й статьи

Таврило Погорелой - в службе и "чине" с 1841-го.

Андрей Сахнов - служил с 1840.

Николай Трифонов - с того же, 1840-го.

Каждый тут был человеком и моряком бывалым.

Засвидетельствовал сие сам контр-адмирал, препровождавший "Имянной список" к Оренбургскому военному губернатору.

Обручев держал все перипетии подготовки морской команды для Арала в поле своего внимания постоянно. Басаргин ссылается на его отношение от 17 декабря 1847 года. Мне оно не попадалось, но содержание губернаторского письма сомнений не вызывает: генерал от инфантерии торопил; ему, вероятно, и маршрут принадлежал: "по Каспийской кордонной линии на Уральскую линию".

И вот еще одна депеша от главного командира Астраханского порта (л.52):

"Начальник нижней дистанции Уральской линии от 15 минувшего февраля N 222 уведомил меня, что отправленные из Астрахани в Оренбург нижние чины в числе 3-х унтер-офицеров и 15-ти матросов, назначенные из 45 флотского экипажа для вооружения и управления на Аральском море судов,... 8 февраля прибыли в кр.Сарайчиковскую, а 9 числа отправлены до города Уральска, которого они должны достигнуть 27-го того февраля".

Месяц с лишним до Уральска... А сколько еще до Оренбурга?

Всякого рода мучений каждому досталось с избытком. И мерзли, и голодали... Но, выбиваясь из сил, все же добрались. Уже в марте, а в Оренбург поспели. "Константина" и строили они, и разбирали, и на телеги грузили, и на месте разгружали-собирали. Теперь вот в плавание пустились. Морская служба была им привычной. Но Сырдарья не Волга, Арал не Каспий... Тревожились и бывалые. Что их ждет?

4.

Вместе были они в походе; общались в Раиме, на пристани его, ставшей колыбелью аральского флота. Многое от них услышал, о разном наслушался. И об Астрахани, откуда эти люди прибыли, о нравах портового многоязычного города, и о "забавах" военного, морского его сословия.

О нравах тех можно найти и в книгах приказов - скажем, за сорок седьмой (д.64).

"Предписываю гт.ротным командирам наистрожайше воспретить всем нижним чинам порученных им рот, чтобы они ни под каким предлогом не производили кулачные бои и нигде не участвовали в оных..." (л. 176).

"Нижним чинам и их женам ни под каким видом не продавать гор ячительного вина, а также воспретить покупку оного..." (л. 177).

"По случаю праздника Рождества Христова...предлагаю г-ну лейтенанту Тарасову иметь за женатыми чинами строгий надзор, чтобы все они после вечерней переклички были при своих места х..." (л. 188).

Это только три - из тридцати? или трехсот? - записей делового журнала флотского экипажа. Вот от кого впервые услышал Шевченко о незнакомом, неведомом ему городе, который в непродолжительном времени станет заметным "персонажем" его повести "Близнецы"! Он напишет это свое произведение в Новопетровском укреплении над Каспием, в 1855-м, немало узнав об Астрахани и на Мангышлаке, куда приходили оттуда пароходы, баржи, лодки, где торговали купцы и лавочники из тамошних жителей, а иной раз оказывались и астрахан-цы образованные, культурные. Но складываться в его воображении образ Астрахани, точный не только в целом, айв деталях, начнет в сорок восьмом, под воздействием встреч с нижними чинами 45-го флотского экипажа.

Им предстояло быть рядом долгие месяцы на Арале - и в том году, и в следующем. Волновала Тараса судьба этих людей также в будущем. Обошлись с ними власти отнюдь не самым благородным образом. Свидетельством тому-докладная записка А.И.Бутакова 1850года(ф.283, оп.1,д.6435,л.83).

"Нижние чины, переведенные для судов Аральской флотилии из 45 флотского экипажа в 4-й оренбургский баталион, - обращался он к военному министру, - лишены своего прежнего жалованья, которое они получали в морском ведомстве. По распоряжению господина командира Оренбургского

Отдельного корпуса им выдавалось прежнее их жалованье, значительно превышающее получаемое нижними чинами линейных баталионов, только во время пребывания их в морской кампании, а равно за две недели вооружения и одну неделю разоружения судов.

Имея честь почтительнейше доложить об этом его светлости, капи-тан-лейтенант Бутаков осмеливается просить милостивого ходатайства о выдавании упомянутым нижним чинам, отлично с л у жившим и выбранным из лучших людей экипаж а, прежнего их жалованья по морскому положению".

Это будет потом. Сейчас они лишь на пути к морю.

ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ (ТОЛЬКО ДОКУМЕНТЫ)

1.

Делая выбор между художественным вымыслом, литературным домыслом и подлинным документом, я отдаю предпочтение документу. Сам, может, написал бы складнее, но мне там быть, то видеть и пережить не довелось, так где уж тягаться с изложенным (пусть казенно) непосредственным участником событий, тем более человеком, игравшим в них главную роль, - речь о Бутакове. Да и Макшеев был не на обочине происходившего: офицер, генштаба!

Ближайшие главы, как и многие дальше, будут сотканы из документов. В том числе, и прежде всего, тех, которые в поле зрения биографов Шевченко не попадали. Попало, прямо скажем, мало. Наспех прочитанные "Дневные записки плавания А.И.Бутакова на шхуне "Константин" для исследования Аральского моря в 1848-1849 гг.", макшеевские "Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю", и то, преимущественно, теми кусками, где имя Шевченко называется открыто...

Быль же, как понимаю я, это правда до конца. Полная, во всех деталях. Без украшательства или затушевывания в угоду сложившимся стереотипам.

2.

Первое донесение начальника экспедиции по Аральскому морю флота лейтенанта Бутакова было написано на шхуне "Константин" и отправлено для доставки военному губернатору Обручеву в Оренбург 12 августа. Оно сообщало о сделанном с 30 июля - дня выхода в море.

Бутаков писал, пользуясь своими же подневными записями, - сделанными наспех, вчерне, но фиксировавшими течение жизни не по памяти, а тотчас, сразу по следам свершенного.

Донесения и записи совпадают в главном, но обобщающий характер первого и фиксирующий фактическую правду деловой дневник одно другое не заменяют, а потому наиболее "продуктивным" видится мне сочетание обоих источников.

Строки из донесения - выписки из "дневных записок"... Своеобразная, отнюдь не излишняя, перекличка документов, писанных одной и той же рукой - Алексея Ивановича Бутакова.

Из донесения

Утром 30 июля, сделав накануне нужные астрономические наблюдения, снялся с якоря с вверенною мне шхуной "Константин" и начал лавировать к острову Кугаралу. Тихие, противные и переменные ветры, с постоянною большою зыбью от W, делали лавировку весьма трудною и заставляли меня в этот день два раза становиться на якорь. Около рассвета 31-го числа задул свежий... ветр и весь этот день я с трудом лавировал к Кугаралу, к которому приблизился после солнечного заката и ночью стал на якорь против восточной его оконечности, где простоял до следующего утра...

Из дневника

...31. Около рассвета задул свежий NW ветр и только что я вызвал команду для с"емки с якоря, лопнул 4 II2-дюймовый перлень от 2-х пудового верпа, на котором и стоял. Свежий ветр и зыбь, неулегавшаяся во всю ночь, не дозволили спустить шлюпку, и я нашелся вынужденным оставить верп. Во весь этот день я с трудом лавировал к Кугаралу, к которому приблизился после

солнечного заката, а ночью бросил якорь против восточной его оконечности, где простоял до следующего утра.

(Что-то совпадает даже текстуально, но некоторые детали в донесении опущены. А нам интересно все, до мелочей).

Из донесения

...1-го августа утром начал я лавировать далее к SW, к более удобной якорной стоянке - это, при свежем противном ветре с волнением, продолжалось до 2-х часов пополудни...

Из дневника

...1 августа. Утром снялся и начал лавировать к SW, чтобы стать на якорь на более удобном месте - это продолжалось до 2 ч.пополудни. В этот день я с"ехал на берег для наблюдений, но так как приходилось идти слишком далеко и подниматься на крутые возвышенности, то время наблюдений прошло, и я отложил их до другого дня.

Из донесения

...2-го августа, сделав утром и в полдень астрономические наблюдения и взяв каменного балласта, я снялся с якоря и к ночи пришел к мысу Каратюбе, у которого простоял для наблюдений 3-е число, а 4-го августа снялся на рассвете и пошел к мысу Изень-аралу, около которого нынешнею весною нашли каменный уголь. Туда я пришел к наступлению ночи...

Из дневника

...2. С"ехав на берег с пр. Поспеловым, мы сделали наблюдения для сыскания долготы и склонения компаса, взяли высоты, близкие к меридиану и меридиональную. Между тем на судно перевезли около 100 пуд. каменного балласта и шхуна села кормою 4 ф. 5 д., а носом 3 ф.бд. Возвратясь на шхуну, я немедленно снялся с якоря и пошел к мысу Тюбе-кара, куда прибыл в 9 ч.веч. Остров Кугарал состоит из пластов глины и глинистого сланца..., юго-восточный и южный берега его обрывисты и, невидимому, от действия атмосферических перемен, продолжают обваливаться. Это, однако, менее заметно, чем на северном и северо-восточном берегах, более подверженных господствующим ветрам, отчего там видно много рытвин иущелий. На столообразной вершине острова почва преимущественно глинистая, солонцеватая и на ней разбросаны кусты саксаульника и гребенщика, клочки нюкника и дикой полыни, а местами растет степной ковыль. Поднимаясь на наиболее возвышенных частях около 280 ф. над поверхностью воды, почва состоит из рыхлой глины, перемешанной с солью - все это усыпано кусками слюды, мелкими кусочками кварца и аспида, и тут попадается довольно много окаменелых раковин, не принадлежащих к нынешним породам Аральского моря. Остров наклоняется постепенно от O к W и отделяется от материка узким и мелким проливом, через который можно переправиться вброд. На острове видны были следы недавнего пребывания киргизов. Берега его кругом приглубы; в копанях на низу есть пресная вода и там же попадаются площадки, поросшие камышом. В ущельях и рытвинах большие кусты гребенщика. Часть N берега сверху состоит из наносного песку, заросшего камышом.

3. Простоял весь день на якоре для астрономических наблюдений. Мыс Тюбе-кара на южной оконечности высокого полуострова, возвышающегося на 340 ф. от поверхности воды, и той же формации, что остров Кугарал. Только пласты здешнего глинистого сланца тверже, слюда попадается в несравненно больших кусках и окаме-нелостей больше (и есть пласты сероватого глинистого песчаника)... Полуостров не представляет ровной возвышенности, как остров Кугарал; он пересекается глубокими рытвинами и, чтобы взойти на него, надобно перебираться через многие, почти недоступные, промежуточные высоты.

4. Утром снялся и пошел к полуострову Куланды, где нынешней весной был найден каменный уголь. Вдоль по берегу между мысами Изень-аралом и Узун-каиром действительно разбросаны куски каменного угля, которые волнение прибивает к песчаному побережью, но в весьма небольшом количестве...

Из донесения

... Вдоль по берегу, к югу от мыса, действительно разбросан каменный уголь, который прибивает туда волнами, но в весьма небольшом количестве. Полагая, что куски эти отламываются от пласта, выходящего в воду и служащего продолжением пластов угля по ту сторону Усть-урта, так как по геологическим описаниям пласты угля обыкновенно расположены en forme de bateau, т.е. опускаясь серединою и поднимаясь с краев, я приказал рыть около берега ямы, в надежде докопаться

до настоящего угольного пласта. Работы эти оказались бесполезными, хоть и стоили больших трудов, потому что на глубине одной сажени почва состоит из чрезвычайно крепкой светлосерой глины, которую надобно было вырубать топорами, и ямы наполнялись горькою водою...

Из дневника

...горькою водою, которую вычерпывали ведрами.

6. Вырыв две ямы на 11/2 саж. глубины и не найдя ничего, я снялся 6-го числа, пошел к острову Барса-кельмесу (у Бутакова всюду написание свое: :Барса-Кильмас" -Л.Б.) и ночью стал на якорь в виду его.

7. Утром перешел к удобному, якорному месту, сделал наблюдения и послал расчистить колодцы для наливки водою.

8. Налился водою из колодцев, оставил прап. Акишева с 1 унтер-офицером и 6 матросами для с"емки острова, дав им тент для палатки, нужное количество оружия и патронов и провизии на неделю.

Из донесения

...8-го числа я сделал наблюдения, налился водою из колодцев и высадил генерального штаба штабс-капитана Макшеева и армии прапорщика Акишева с одним унтер-офицером и шестью матросами для с"емки острова, оставя им провизии на неделю, два штуцера, два мушкетона и четыре пики, а сам 9-го августа утром пошел к мысу Изень-аралу для новых попыток отыскать уголь. Ветр был свежий, попутный, и я пришел к мысу в 10 часов утра. Тотчас же после обеда команды я отправил на берег вооруженную партию из 7-ми человек с рядовым Вернером (бывшим студентом Варшавского технологического института, которого я взял с собою собственно для этих исследований), чтобы рыть ямы в другом месте.

Пройдя верст пять от оконечности к югу и идучи по возвышенной части берега, рядовой Вернер пришел к пространству глинисто-солонцеватой почвы, покрытому местами как-будто сажей, и начал рыть. На глубине одной сажени от поверхности он нашел пласт угля толщиною в один фут и прекрасного качества. Во время этой работы пришел туда и я. Вот расположение слоев почвы в том месте: сначала слой глины толщиною около аршина, потом слой глины же, пропитанной смолистым веществом (если не ошибаюсь, нефтью) толщиною в 11/2 фута, потом слой угля с большою примесью земляных частиц, далее опять слой глины и, наконец, на сажень от верха, слой весьма хорошего угля толщиною около фута. Уголь этот я жег: он загорается скоро, дает большой жар, горит весьма хорошо и не оставляет после себя большого количества мусора. Второстепенный уголь и пропитанная нефтью глина горят также, но, разумеется, хуже. Пространство, на котором делались эти исследования, занимает около 200 квадратных сажень и под всем им идет пласт угля; в этой рытвине мы пробовали рыть в нескольких местах и везде находили пласты в том же порядке, как в яме. Местами пласт чистого угля был толщиною в 112 фута, местами в 3/4, а иногда более фута. Под ним же опять светлосерая крепкая глина, которую мы пробовали на аршин так же безуспешно, как в первых ямах. Я уверен, что если б у меня было сверло, вроде употребляемых для артезианских колодцев, и кто-нибудь умеющий владеть им, то можно бы было добраться до нижнего пласта угля, без сомнения несравненно изобильнейшего. Судя приблизительно, в найденном пласте можно добыть угля, по меньшей мере, от 5 до 6000 пудов.

Из дневника

...Мыс Изень-арал возвышается на 70 ф. и состоит из белого известняка, покрытого сверху землею, на которой растет трава. Подошву его беспрестанно подмывает волнением, так что над водою нависли каменные навесы далеко впереди. Некоторые из них, под которым вода имела наибольшее действие, рухнули от своей собственной тяжести; другие, невидимому, также скоро обвалятся. Мыс этот, от которого на NO тянется каменная гряда, соединяется с полуостровом узким перешейком, усыпанным обнаженными водою обломками того же белого камня. Далее к SW гора той же формации; от нее, повидимому, высовывались прежде такие же навесы, как на Изень-арале, но они обрушились в море, а в изломе под толстым пластом известняка конглом-рат из крупного песку с окаменелыми раковинами и кусками окаменелого дерева. За этой горою возвышаются глинисто-солонцеватые почвы, где был найден уголь.

10. Ветер задул от SWи потом от W: скрепчал до того, что я не решился посылать на берег шлюпку, но шкуна отстоялась спокойно под защитою берега. После солнечного заката ветр, сначала несколько стихнувший, перешел к NW, превратился в шторм и развел огромное волнение, частое и

короткое, потому что оно с моря, с большой глубины втеснялось в бухту, где я стоял, и из которой не было никакой возможности выбраться на простор. Я отдал другой якорь и выпустил 70 саж.одного и 45 саж.другого каната на глубину 3 112 саж. Во всю ночь ни ветр, ни. волнение не унимались, и я ежеминутно ожидал, что меня сорвет с якорей и бросит на пустынный каменистый берег. Ночь была мучительная и положение до такой степени критическое, что я уже припоминал описания кораблекрушений и соображал, из чего и как устроить плот, чтобы в случае бедствия дойти до Сырдарьи, забрав оставленных на Варса-кельмесе, которым предстояла бы голодная смерть, и я нарочно сошел на низ, чтоб не обнаружить перед командою беспокойства и не лишить ее бодрости, но о сне нечего было думать. Мне представлялась участь оставленных на Барсе-кельмесе; в случае если б я потерпел крушение - им предстояла голодная смерть! Наконец, предположив, что мы все спаслись бы на берегу - в каком бы мы были положении? Я соображал, как устроить плот, чтоб дойти до Сырдарьи, потому что пешком без лошадей и верблюдов нам бы не добраться до своих...

Из донесения

.. .Ночь была ужасная!.. На другой день ветр несколько смягчился, но волнение долго не улегалось; наконец, около солнечного заката, ветр стих, зыбь уменьшилась, и я, опасаясь, чтоб он не задул с такою же силой от NO и не задержал меня еще на несколько дней, чем бы с"емочная партия на Барса-кельмесе была приведена в самое гибельное положение, - я поспешил сняться с якоря, вылавировал из губы и направился к Барса-кельмесу, куда пришел в 1/2 11-го часа ночи и где нашел все благополучным...

Из дневника

...Трудно выразить, с каким отрадным чувством выбрался на простор, пройдя снаветру очень близко от каменной гряды, защищающей бухту с О стороны. Приближаясь к Барса-кельмесу, я сжег фалшфеер (бумажная гильза с пиротехническим составом, дающим яркое пламя белого цвета -Л.Б.), чтоб дать знать о себе Акишеву и Макшееву - те развели костер и все якши...

12. В с"емочной партии, которой успехам помешал шторм 10 числа, я нашел все благополучно. Работы оставалось на день, почему я оставил Акишева с 3 чел. и инструментами на берегу, а сам, уговорившись, что возьму его на восточной оконечности острова, где он должен был кончить свою работу, забрал Макшеева и остальных людей и стал дополнять свой запас воды...

Из донесения

...Сегодня утром я взял несколько боченков воды из колодцев острова; вода эта сначала довольно хороша, хотя несколько горьковата, но, простояв дня два, значительно горкнет, даже в железных цистернах. Около полдня подошло ко мне судно, принадлежащее нашим рыбопромышленникам, - "Михаил", которое ходит с 28 июля для высматривания мест, удобных для рыбного промысла; оно снялось вместе со мною, когда я пошел к восточной оконечности острова, где прапорщик Акишевдолжен был кончить с"емку...

Из дневника

...С нею вместе (шхуною "Михаил" - Л.Б.) пошел я к восточной оконечности острова, куда прибыл около наступления ночи. Тогда я пустил ракету и сжег 2 фалшфеера, чтоб показать свое место Акишеву, который ответил мне, разведя на берегу огонь. Он кончил свою работу благополучно. В тот вечер я уговорился с прика-щиком рыболовной компании Захряпиным, что возьму его с собою вместе с ходившим на Михаиле киргизом-вожаком.

Из донесения

С"емки острова Барса-кельмеса кончены. Наибольшая длина его...22 версты, наибольшая ширина , с западной стороны, 9 верст. На западной и северной сторонах -колодцы, и по всему видны следы недавнего пребывания киргизов. По словам вожака судна "Михаил", киргизы прожили там семь лет сряду и перешли на материк по льду в январе нынешнего года.

Из дневника

...По словам вожака шхуны Михаил,на Барса-кельмесе жили шесть (!) лет сряду киргизы и, так как они не были подвержены барантам со стороны хивинцев, то стада их, находившие изобильный корм, умножились, и они разбогатели; но прошлою зимою до них дошли известия, будто русские, построив крепость на Сырдарье, намерены занять Варса-кельмес и разграбить находящиеся там кочевья, а потому они поспешили перекочевать и перебрались на твердую землю в январе нынешнего года, на западный берег моря. Там, однако, им недолго пришлось наслаждаться спокойствием: карабаши (смесь разбойников киргизских и туркменских) юго-западнее берега напали

на них и отбили большую часть скота. Не ручаюсь за достоверность этого рассказа, но передаю только то, что слышал.

Из донесения

...На острове растет., .много саксаульника и гребенщика. Наибольшее возвышение его над поверхностью моря 200 фут, берег приглубый и грунт хороший для якорной стоянки, но нет ни одной бухты, закрытой от всех ветров, чего я вообще не находил до сих пор нигде, в местах, которые я осматривал...

Из дневника

...Обрывистые берега кругом приглублены, но идут почти совершенно прямыми чертами, с весьма малыми изгибами, так что не представляют нигде удобной якорной стоянки, закрытой от всех ветров...

Из донесения

...Шхуна "Константин" оказывается судном с довольно хорошими мореходными качествами. В бейдевинд, без волнения, я ходил на ней в ровный ветр по 4 узла, а в бакштаг (то и другое - разновидности курсов судна - Л.Б.) по 6 узлов (около 11 верст в час). Оно (судно - Л.Б.) лавирует и выигрывает ветер довольно хорошо, когда нет волнения; но волнение сбивает его, как и вообще плоскодонные суда. Качка хотя и размашистая, но спокойная; судно легко поднимается на волны и не претерпевает ударов ни в корму, ни в нос; через борт не поддавало в самую сильную качку, стоя на якоре у Куланды. Недостаток его тот, что оно требует большего дифферента (наклона судна относительно поверхности моря - Л.Б.) на корму, без чего сильно бросается к ветру; при чугунном балласте это легко бы можно было устранить, но при каменном труднее, и тем более, что по плоскодонности судна оно трюма не имеет, а каменный балласт громоздок. Вода в трюме два дюйма...

И, наконец, последние строки первого донесения Бу такова из экспедиции, уплывающей все далее от Роима:

"Завтра утром я снимаюсь с якоря... Я иду теперь к западному берегу. Образцы угля и пластов окружающей его почвы я буду иметь честь препроводить к вашему высокопревосходительству, когда ворочусь в Сырдарью".

Донесение отправлялось в путь. На "Михаиле" до Роима, а там с гонцами... Заверенная копия его попадает и в канцелярию морского министерства, в дело "Об исследовании Аральского моря" (ЦГАВМФ, ф.410, оп.2, д.147, лл 14-22). Скрепит ее своей подписью человек высокопоставленный: исправляющий должность начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса полковник Фантонде Веррайон.

Замечу, что фамилия эта вошла и в биографию Шевченко, и в жизнеописания...Пушкина.

3.

А вот те самые две недели, но глазами и пером Макшеева.

...30-го июля шхуна Константин вышла в море для описи. На шхуне находилось 27 человек, в том числе 4 офицера; но в маленькой офицерской каюте помещалось 7 человек: начальник описной экспедиции Алексей Иванович Бутаков, я, корпуса штурманов прапорщик Ксенофонт Егорович Поспелов, корпуса топографов прапорщик Артемий Акимович (правильно: Аникеевич - Л.Б.) Акишев, рядовые Шевченко и Вернер и фельдшер Истомин... Каюта наша была так тесна, что в ней не было возможности ни стоять, ни сидеть; поэтому днем все были большею частию на палубе, а я оставался на ней и ночью...

Это что касается "домашнего адреса" Шевченко, Лаконично и вполне ясно: переполненная каюта и не просторная палуба, уединению не служившая.

...При неудобстве помещения мы терпели большой недостаток в пище и даже иногда в воде...Мы...должны были довольствоваться тою почти совершенно испортившеюся провизиею, которая была приготовлена в Оренбурге задолго до экспедиции, хранилась, вероятно, в сыром месте и потом провезена, во время сильной жары, более тысячи верст. Черные сухари обратились в зеленые

от плесени, в солонине завелись черви, а масло было так солоно, что с ним невозможно было есть каши; только горох, конечно, без всякой приправы, не изменял нам, но его давали всего два раза в неделю, по средам и пятницам... Убогая наша трапеза принимала праздничный вид, когда кому-нибудь удавалось застрелить на берегу птицу-другую или выудить около шхуны несколько маленьких рыбок вроде сельдей...Вода по временам была так же дурна, как и пища...

Так он описывал рацион плавателей, в том числе и обитателей п р ивилегированной каюты. ("Бутаков вывешивал иногда на ванту кусок солонины и когда били рынду, закусывал им, предварительно сняв с него ножем белый слой червей и посыпав перцем тех, которые уже забрались в поры мяса...").

...При этой некомфортабельной обстановке единственными развлечениями нашими в свободное от занятий время служили: чтение, хватившее только на начало кампании, шахматы, купанье в глубине моря около шхуны, разумеется в штиль, а главное - высадки на берег; но последние не всегда были безопасны... Да, можно привыкнуть к опасностям, можно даже полюбить их, когда побуждением к преодолению их является такая сила, как любопытство увидеть новый, неизведанный еще никем, уголок земли. Каждый из нас с любовью и энергиею занимался своим делом, ставя на второй план лишения и опасности, с которыми оно было сопряжено...

Говоря о результатах трудов этих, которые "давно уже сделались достоянием географической науки", вспоминал Макшеев "прекрасный акварельный альбом видов Аральского моря Т.Г.Шевченко". Альбом -"по особым обстоятельствам" - не был "допущен до представления^. Работая над книгой, автор ее горевал о том, что "ни один из видов Аральского моря Шевченко... еще не отыскался".

Но о рисунках речь будет дальше. Пора заглянуть в хронологию сухопутного генштабиста, посмотреть на события тех дней с несколько иных позиций, если хотите - поверить рациональное эмоциональным.

Так возвратимся к 30 июля, и пойдем по дням и ночам плавания, как представлялись они штабс-капитану Макшееву.

...Выйдя из устьев Сыра 30-го июля, шхуна направилась на запад к Кугаралу. Ветер нам не благоприятствовал и зыбь была сильная. Бу-таков сердился на море, называя его расплескавшимся стаканом воды и думал уже вернуться в Дарью. Ночью шхуну сорвало с якоря, но мы успели удержаться на месте. Я жестоко страдал морскою болезнью...

У Макшеева личное отношение к происходящему. "Я" - о себе, "нам" - прежде всего о Бутакове: сердился на море, думал вер н у т ь с я. Не команда, но "мы", и за этим м ы люди в различных их проявлениях. Тридцать первое он не выделяет, следующий день у него заодно с предыдущим - одно состояние, общее воспоминание.

...Остров Кугарал находится всего верстах в тридцати от устья Сыра, но шхуна шла это пространство двое суток и бросила якорь за южным мысом в час пополудни 1-го августа...

Бутаков называл не час, а два. Скорее всего, прав он. Даже такое разночтение подчеркивает: эти записки отнюдь не официальны, за совершенной документальной точностью Макшеев не гонится.

...Выйдя на берег, мы взобрались на примыкавшие к нему обрывистые глинистые утесы, которые возвышались саженей на 25 над поверхностью моря и с вершины их могли видеть весь остров, имеющий вид солонцеватой степи, и ближайшие к нему берега морей Мал ого (кичкине-денгис) к северу от Кугарала иБольшого (улу-денгис) к югу от него...

Бутаковской скрупулезности в списании всех особенностей впервые увиденного острова у Макшеева нет. И здесь у него впечатлен и я, в з г л я д. Собственный...с самим выбранной точки...

...Незадолго до нас Кугарал был театром печального происшествия, о котором рассказывал нам Захряпин. В январе 1848 года сюда перекочевало по льду несколько аулов с Косарала, где, по большому скоплению киргиз с их стадами, чувствовался недостаток в подножном корме и топливе. Откочевавшие киргизы рассчитывали весною вернуться назад, но дождь и происшедшая оттого гололедица представляли затруднения для перегона скота и особенно верблюдов. Поэтому только часть киргиз возвратилась назад, и то с большими потерями, а прочие, в числе 46-ти душ обоего пола, остались на Куга-рале; но вскоре, для перемены подножного корма, перекочевали на остров Бюгаргунды. Здесь, в начале июля, толпа усть-уртских киргиз (Чиклинскогорода, Карабашевского отделения) напала на них и, угнав весь скот (500 баранов, 85 штук рогатого скота, 20 верблюдов и 16 лошадей), лишила их не только всего имущества, но и средств к дальнейшему существованию. Боясь вторичного нападения, киргизы перекочевали на солах (своеобразных плотах из камышей - Л.Б.)на остров Киндерли. В продолжение почти трех недель они питались оставшимися при них двумя или тремя баранами, но этот скудный запас приходил уже к концу и их ожидала голодная смерть, когда, 24-го числа, показалось в виду рыболовное судно "Михаил", возвращавшееся..^ Сырдарью. Рыбаки, увидав подаваемые с острова сигналы, придержались к нему, стали на якорь и, узнав о положении знакомых им киргиз, взяли их на шхуну и перевезли на Косарал, где и высадили 27-го июля...

Событие, о котором рассказал непосредственный участник спасения казахов Захряпин (12 августа, при встрече "Константина" с "Михаилом"), не прошло мимо ушей и Бутакова, но мысли командира судна заняты были в этот момент другим. Может, уже составлял донесение Обручеву...ил и обдумывал дальнейшие действия... Из историй, поведанных приказчиком ватаги и вожаком, сложил он одну, общую, за достоверность которой неручался. Макшеев же слушал с полным вниманием, брал на заметку все подробности. Помимо прочего, случившееся с местными казахами заслуживало особого донесения военному губернатору. Пусть узнает обо всем о него: и о мытарствах мирных аборигенов, и об активности злонамеренных неприятелей, и о благородных действиях спасителей.

...2-го августа шхуна "Константин", благодаря попутному ветру и спокойствию моря, прошла с 3-х до 11-ти часов пополудни до мыса Каратюбе, за которым и стала на якорь. На другой день мы вышли на берег. Прибрежье было усеяно окаменелыми раковинами различных пород, в отдельных экземплярах и в конгломератах, иногда весьма значительной величины, из которых можно было бы выделывать вазы, столы и другие вещи. Мыс Каратюбе еще выше и утесистее, чем южный на Кугарале. Я взбирался на Каратюбе с большими усилиями и риском и был уже саженях в двух от вершины, как увидел, что более лезть нельзя и принужден был спуститься вниз для отыскания другого входа. С высоты Каратюбе видны, с одной стороны, тоже голая солонцеватая степь, а с другой часть моря, окаймленная берегами Кугарала, Кулан-ды и Барса-кельмеса...

У Макшеева явное преимущество: не на нем описная экспедиция, не на нем широкая программа исследований - астрономических, топографических, геологических и всяких прочих, не на нем шхуна с командой и непредвиденные задачи каждый день и даже час. Он может смотреть что угодно, просто так взбираться на вершины, фанта зироватьна предмет практического применения окаменелых раковин, всматриваться вдаль исключительно для удовлетворения с о бственного любопытства.

...4-го августа, с 8-ми часов утра до 8-ми часов вечера, шхуна шла к полуострову К у л а н д ы, получившему название от слова кулан, или дикая лошадь, и стала на якорь за юго-восточным его мысом. Берег перед нами был низменный, но он возвышался вправо от шхуны мысом, а влево известковыми высотами, заметными с моря с дальнего расстояния. Утром, когда мы отправились на берег, отмель не допустила к нему шлюпку ближе, чем на полверсты, и мы принуждены были пройти это пространство пешком по воде. Выйдя на песчаный берег, усыпанный, впрочем, каменьями, мы увидали саранчу, которая облаками налетела на камыш и в короткое время обглодала его так, что остались одни только стебли. За камышами и кустарниками подымался сажени на три над уровнем моря нагорный берег с каменистою солонцеватою почвою и весьма скудною растительностию. Повернув направо, мы пошли к мысу. Вдоль берега были разбросаны куски каменного угля, вероятно

вымытые морем. Самый большой из них имел более фута в длину и ширину и до 5-ти дюймов в толщину и находился под водою у самого берега. Находка эта сильно порадовала Бутакова, мечтавшего о пароходстве на Аральском море, и он принялся отыскивать пласты угля...

Он принялся... порадовала Бутакова ... мечтавшего о пароходстве...Увлеченность начальника экспедиции ему не вполне близка и даже не во всем понятна. Но общая атмосфера воздействует и на него. Любознательность получает какие-то практические выходы, правда скорее любительские, нежели профессиональные.

...Следуя далее, я нашел весьма интересный бугор,-довольно значительной высоты, образовавшийся весь из осадков окаменелых раковин, но среди их попадались также и куски окаменелого дерева. Все собранные мною окаменелости и штуфы с берегов Аральского моря я передал потом Нешелю, который, разобрав их, препроводил, если не ошибаюсь, в музей Горного института...

Макшеев, главным образом, смотрит. Взгляд у него цепкий, зоркий, он схватывает все перемены, все особенности ландшафта и, запоминая увиденное, как бы прочеркивает его на бумаге. Эскизно, без проработки деталей, но достаточно четко, хотя и не в цвете. Нет, это не живописец, не художник вообще, но человек, способный и видеть, и чувствовать.

...В полуверсте за бугром возвышался другой, от которого начинался измененный перешеек длиною с полверсты и шириною местами не более двух саженей, соединяющий полуостров Куланды с мысом Изень-арал и невидимому все более и более заливаемый водою...

Каждое такое описание он доводит до конца, и увиденное в тот день встает перед нами достаточно зримо.

...Вечером мы все собрались к отмели и, меняясь друг с другом дневными наблюдениями, добрались до шхуны...

Можно представить себе, насколько различными оказались эти самые "дневные наблюдения". Сошли на один и тот же берег, но каждый смотрел своими глазами и увидел свое. Так было и дальше, в чем убеждает сопоставление писанного Макшеевым со свидетельствами Бутакова. Особенно выразительны в этом плане страницы о шторме, настигшем участников экспедиции в разных местах. Бутаковское мы уже прочли, теперь слово Макшееву.

...8-го числа я и Акишев с 8 матросами, взяв с собою провианта на неделю, высадились для осмотра острова и производства на нем полуинструментальной с"емки, в масштабе 2-х верст в дюйме, и устроили свое временное жилье из парусины. Между тем шхуна, налившись водою из кудуков, под утро следующего дня снялась с якоря и, пользуясь попутным ветром, направилась снова к полуострову Куланды для продолжения розысков каменного угля. Вскоре после ухода шхуны задул крепкий порывистый ветер и море забушевало страшно и невидимому надолго. Трое суток продолжалась буря, постепенно, однако, ослабевая, и только 11-го августа ветер стал совсем стихать и море начало успокаиваться.

Поздно вечером того же числа, когда уже стемнело, Акишев и большинство матросов вернулись со с"емки, сделав в течение дня, вероятно, не менее пятидесяти верст, так как остров растягивается от запада к востоку с лишком на 20 верст. Все они были до крайности утомлены и мрачны. За чаем почтенный мой товарищ убедительно просил меня пить вприкуску, чтобы поберечь сахар, потому что шхуна, может быть, не вернется. Но что в таком случае значило бы несколько лишних кусков сахару?.. Из группы матросов, молча поедавших выброшенного морем мертвого осетра и потом сваренного, послышалась только раз начатая речь: "шхуна наверное погибла в бурю и нам придется, братцы, помереть голодною смертью", но на нее не последовало никакого ответа.

Я удалился из ставки к берегу моря и стал обдумывать вопрос: следует ли рассчитывать наверное на возвращение шхуны и ничего не предпринимать, или взять во внимание возможность несчастия и теперь же, пока еще не поздно, принять меры для спасения команды? Шхуна может совсем не вернуться, если она погибла, или вернуться гораздо позже срока, если она получила

сильное повреждение, а между тем через три дня у нас не будет провианта и начнется голод со всеми его страшными последствиями, и тогда замеченное мною мрачное настроение команды разовьется до размеров, с которыми уже трудно будет совладать. Следовательно, если принимать меры, то необходимо теперь, а после будет поздно, необходимо с утра же воспользоваться установившимся штилем, чтобы отправить оставленную нам будару на Косарал дать о нас весть.

Но возможно ли пуститься на бударе в открытое море, не имея на пути никакого пристанища на случай непогоды? И вероятно ли, чтобы эта щепка проплыла благополучно от 100 до 150 верст? Однако другого, лучшего, средства я не мог придумать, а оставлять трудное наше положение на произвол случайностей не считал себя вправе.

После долгих колебаний я, наконец, решился: утром, если шхуна не вернется и штиль установится, собрать команду, объяснить им свои соображения и предложить двум охотникам отправиться на Косарал и, дав там весть о нашем положении, просить о немедленной высылке шхуны "Николай" или даже косовых лодок с провиантом. Если же охотников не явится, то я решился отправиться сам с моим человеком, думая, что все равно как погибнуть, и даже лучше погибнуть разом в глубине моря, чем умирать на пустынном острове медленною голодною смертью.

Приняв решение, я успокоился и думал уже отправиться спать, как вдруг увидел вдали над морем фалшфейер. Я тотчас вернулся в ставку и приказал собрать побольше кустарнику и зажечь костер, чтобы показать место нашей стоянки.

На другой день утром, когда мы свиделись с Бутаковым, он встретил меня словами: "Я вытерпел около Куланды сильнейший шторм и крепко боялся, но больше за вас, чем за себя. Если бы шхуну разбило, я бы собрал из обломков лодку и достиг бы Сырдарьи, а вы все умерли бы с голоду". Бутаков сообщил мне также, что он отыскал на Куланде, на глубине 6-ти футов, пласт каменного угля толщиною в один фут, именно на нагорном берегу, верстах в трех к западу от бугра окаменелостей и в версте от моря.

Вскоре после свидания с Бутаковым мы увидали с острова приближающуюся шхуну "Константин"...

Одни и те же события, запечатленные разными людьми... Нигде более описаний этих событий я не находил.

4.

Хотя нет, есть еще один документальный источник) - тем более ценный, что, исходя от Бутакова, носит он неофициальный характер.

Как и должно носить письму любящего сына к ожидающим вестей от него отцу с матерью.

13 августа 1848 г. у острова Барса-кельмеса в Ар.море

Опять, милые родители, пишу Вам урывком. Вчера подошло ко мне рыбопромысловое судно, которое идет в Раим, и я, во-первых, должен был написать длинный рапорт В.А.Обручеву о всех своих деяниях, а теперь пишу к Вам.

20 июля я спустил свою посудину, а 25 отправился от Раима, подняв свой брейд-вымпел на шх."Константин", вниз по матушке по Сыру-реке. Команда у меня 24 чел. Кроме меня и моего помощника Поспелова, а у меня один офицер генерального штаба Макшеев, движимый любознательностью, которого укачивает насмерть, и офицер топографов, для с"емки.

Плаваю я благополучно, благодаря Бога, хотя Аральское море довольно гадкий стакан воды - оно тем хорошо, что в середине глубоко, как котел, а берега приглублены, грунт хороший. 9 августа я осматривал каменный уголь у мыса Куланды. Нынешней весною ходили туда топографы на шхуне "Николай" и нашли разбросанный по берегу уголь. Я начал рыть ямы, чтоб добраться до более обильного пласта, и после нескольких неудачных попыток нашел пласт угля, которого на первый случай можно добыть тысяч до 5 или 6 пудов; вот находка для пароходств, которые Обручев хочет здесь устроить.

До сего дня я ходил по северной части моря и определял астрономические пункты, разумеется делая беспрепятственный промер, сегодня иду к западному берегу, а потом возвращусь кругом вдоль восточного.

Западный берег высок, приглуб и каменист; в северо-западной части мыса берега вышиною от 200 до 300 фут.

Питаемся мы морскою провизией и особенно ревностно кушаем горох и гречневую кашу. Теперь пойдет со мной в море приказчик рыболовной кампании, со шхуны "Михаил", и берет с собою пять перетяг, следовательно осетрины будет вволю. Компания добыла в нынешнем году, не устроившись еще, 3000 осетров, рыбы этой здесь тьма: она плавала спокойно от сотворения рыб, а теперь судьба назначила ей могилою российские желудки.

Жителей мы до сих пор не видели нигде, хотя во многих местах находили свежие следы пребывания киргизов - дурни эти боятся русских. Им хивинцы всячески внушают эти опасения, а сами грабят их без зазрения совести.

Сам я здрав, поглощаю горох, кашу, сухари и солонину, как подобает мореплавателю. Выйдя из Сыра, я вкусил первый кусок солонины с наслаждением, как будто обнял старого друга, который в вояже питал меня без малого 5 месяцев сряду.

Где наши? Гидрограф Гриша плавает по тому же поприщу, по которому и я, только мое неизведано и не переплыто никем.

Не готовятся ли у Вас к брани с белены объевшеюся Евдоропеей (так назвал старушку Европу один казачий хорунжий)? У нас в степи все мило и мирно; до нас не доходят вести о смутах и глупостях людских -может быть теперь наши уже побивают немчинов и, возвратясь, я узнаю о важных событиях и великих победах!

Я сейчас только заметил, что второпях взял два листка бумаги, вместо одного - ничево-с! По несчетным лобзаниям всем!..

Время не терпит... Попутный ветер и бородатый капитан Захряпин то и дело напоминают мне, что пора сниматься сякоря. Да и мне также. Прощайте. Будьте здравы и счастливы...

Хоп-аман и всякого благополучия всем.

Аминь!

Письмо в том же ЦГАВМФ: ф.4 (Бутаковых), д.82, лл.64-66 об.

ПО ОБЯЗАННОСТИ И ПО ДУШЕ

1.

На прочитанных вами страницах уже этой части моей а р а л ь с к о и книги сам Шевченко упоминается считанное число раз. Так чем же, спросите, занят пишущий: былью о Тарасе или историей экспедиции? где об"явленный в названии главный герой, отчего он забвению предан? намерен ли автор вернуться к его жизнеописанию и когда?

Отвечаю прямо. О главном своем герое - Тарасе Шевченко - не забываю ни на миг. Все, что пишу, к нему относится непосредственно. Присутствует он в каждом дне; о нем здесь на каждой странице, в любом абзаце.

И сразу же ставлю вопрос ребром:

- Должно ли в летопись жизни выдающейся личноссти вводить лишь касающееся только его, исключительно и персонально его, или немыслима такая летопись без учета всего, что происходило в тот момент, то время вокруг него, но, конечно же, при его, пусть не документированном, участии?

Это вопрос не для тайного или открытого голосования. Книгу пишу я, задачу перед собою ставлю сам и решать ее мне. А коль так, то сам же и отвечу (опираясь, кстати, на подсказку самого Шевченко, такое его заявление: "...история моей жизни составляет часть истории моей родины"). Так вот мое авторское кредо такое:

- Летопись отнюдь не выборочный реестр "интимного", но скрупулезный ежедневник всех достоверных, прямых и косвенных, сведений о занимающей нас особе, ее взаимодействии с делом,

которым занята (и на широком фоне этого дела), с окружающей средой (людьми прежде всего)1, с реально движущимся временем.

Смею сказать: хроника продвижения и деятельности экспедиции А.И.Бутакова это одновременно и хроника тех самых дней в жизни Шевченко, ее непосредственного и вовсе не номинального участника. Все, что выпало на долю экспедиции с самого начала, было пережито им самим - те же тяготы, те же радости.

Выходит, и писано, и читано предыдущее не зря. Мы вошли с вами в круг истинных забот команды "Константина", ее начальника, ее офицеров и рядовых, узнали их первые тревоги, трудности, испытания, вместе с ними пережили даже опасность гибели - смертельный риск уже вскоре после выхода в море, чуть не на старте первой же кампании. Без этого, считаю, понятно будет не все. А хочется понять, прочувствовать и место действия, и обстановку, условия, время до конца, во всей полноте.

Мне, автору, это необходимо. Вам, надеюсь, тоже. От биографической скороговорки пора переходить к аргументированной, весомой биографической неспешности.

2.

Шевченко был не только одной из двадцати семи "порций", но и одним из двадцати семи равноправных, гласных участников . экспедиции по промеру и описи Аральского моря.

Между прочим, у Даля толкование "порция" начинается со слов ч а с т ь, д о л я. Он, Тарас, и являлся частью, долей экипажа, причем не только в получении кормовых, харчевых или прочих положенных "благ".

Благ было мало, обязанностей хватало. В официальном раскладе, внесенном Бутаковым в "Дневные записки плавания...", Шевченко значился и рядовым линейного батальона, и живопи с ц е м. Не только "значился". От рядового требовалось безоговорочное подчинение всем приказам, от штатного живописца - не творчество по вдохновению. Рисование по приказу, по обязанности - искусство ли? Живопись, как явствует из того же толкового словаря, это "искусство изображать предметы красками". К Бутакову Шевченко прикомандировали не искусства, но ремесла ради - для фиксирования видов. Фотокамера, к тому времени уже изобретенная, оставалась редкостью из редчайших, тут же открывалась возможность запечатлевать все существенное без дорогостоящего аппарата, к тому же громоздкого, без стеклянных пластин, хрупких и капризных. Да еще и в цвете, которого дагерротипия не сулила. Обязанности рисовальщика, живописца лежали на одном человеке - и именно на Тарасе. Мог рисовать также Акишев, но в пределах своей топографии. Карта, сделанная им с Головым после прошлогоднего поавания "Николая", была не только добросовестной, а и красивой, однако... к живописи отношения не имела.

Закончится кампания, а потом и экспедиция в целом, с Бутакова спросят не за одни лишь общие результаты (это само собой разумеется), а и за то, что делал его живописец, тем паче опальный вольнодумец. Делал - и сделал. Тут результаты всего виднее: представь листы - покажут.

Творить свободно, когда хотел и что хотел, Шевченко был не вправе. Только обязанности: рядового и рисовальщика, все остальное - на задний план.

Но рядовой этот, нижнийчин, обитал не с матросами и даже не с унтер-офицерами - жительство имел в так называемой офицерской каюте. Вместе с Бутаковым, Поспеловым, Макшеевым... в особой семерке... На суше это было бы почти невозможным. А в море права определял начальник экспедиции. И никто другой указывать ему не смел.

3.

Рисовал он, конечно, с первого дня.

На каком основании тут мое решительное конечно?

Ни карандашные беглые зарисовки, ни более законченные этюды в карандаше, ни даже акварели и сепии дат в большинстве случаев не имеют.

Но сами рисунки есть, и мы не вправе упрекать Шевченко в том, что он тогда не предусмотрел наши нынешние требовательные запро-I

Наброски, рисунки, маленькие картины - из того времени, а многие

из них, из тех дней.

Рисование было его обязанностью - прежде всего, перед Бутаковым, вызволившим из орской вонючей казармы и давшим снова почувствовать хоть какое-то подобие свободы.

Было оно и шансом на в ы с л у г у. Не выслужится - не освободится. И не увидеть ему воли вольной...

А можно ли сбрасывать со счетов еще одно, третье - то, что рисовать было для него потребностью?

Третье? Не на первом ли месте именно это?

...Новое...все вокруг новое... Противоестественно для художника смотреть и не рисовать. Противно самой его природе не хотеть, не жаждать переложения на бумагу того, что открывалось глазам и будило чувство первоузнавания.

Только как преодолеть всегдашнюю трепетную робость перед неведомым? ухватить новизну? заставить карандаш быть послушным?

...Берега вблизи...Берега издалека...Разнообразие изломов и тонов...Быстрый карандаш улавливает изменчивость ландшафтов, причудливость линий - они безусловно точны, но и в невыдуманноеТ своей поэтичны.

Очертания берегов на многих листах старого альбома в зеленовато-серой бумажной обложке, отобранного у него при аресте на Днепре и возвращаемого в связи с полным отсутствием какой-бы то ни было к р а м о л ы. Делал черновые зарисовки на Украине, теперь делает тут. Гористых берегов изрядно, иногда по три-четыре я р у с а на листе. Вытяни их в один ряд получится сплошная панорама. Но это не Невский, панорама бедна. Может, со временем оживет и она. Пока ж и з н и не чувствуется.

Облака над берегом...Густые, клубящиеся тучи...

Шхуна и лодка у мыса; снова шхуна; парус вблизи и вдали... Иногда они не безлюдны: точечки голов это мореходы. Тут уже попытка композиции - включается фантазия.

Следы ног...Чьи они? На чем? Не на воде, понятно. Подразумевается песчаная отмель. Чистота бумаги - песок...

Опять берег. Море бушует? Волны подступают к недостроенному (или недорисованному) укрытию?

Люди на палубе. Играют в шахматы? В кости?

...Черновые наброски, "почеркушки" для памяти - из первых дней? из последующих хождений по морю?

И из первых, и из последующих. Но, склонен думать, большинство все же из первых. Попытка освоения нового материала, примерка самого себя в новой мастерской-на палубе шхуны.

4.

Другой альбом - тоже из давних, тоже под арестом побывавший -сохранил не черновики уже, а нечто более оформленное, композиционно законченное. Как из одного слова, одной строки рождается стихотворение, так и тут - один штрих, один набросок превращается в картину.

...Куг-арал.1. Надпись в левом углу сделана рукою Шевченко, засвидетельствовавшего ею и адрес вида, и завершенность замысла. Надписи да подписи работу обычно венчают и никогда наперед не ставятся.

Рисунок - из первого августа. "Съехал на берег для наблюдений" не только Бутаков. "Вышел на берег" не один лишь Макшеев. Впрочем, он так и пишет" "...Выйдя на берег, мы..." После изрядной качки, от которой мучились и штабс-капитан, и, наверное, кое-кто еще, приятно было ощутить под ногами не зыбкую палубу, а твердую почву.

Суровая природа этого берега увлекла Шевченко своей несхожестью с когда-либо виденным так близко. С любого места открывалось необыкновенное. Оно-то и на рисунке. Обрывистый глинистый утес...цепь возвышенностей, подступающих к берегу., солончаки, проросшие кое-где

загадочно-таинственными колючими кустами.. Кугарал - "голубой остров". Где увидели здешние жители его голубизну? А вот вечность... ее, вечность, и запечатлевал художник в рисунке...

Но "время наблюдения прошло" не тольо для Бутакова. "И я отложил их до другого дня..." Из следующего дня, второго августа, у Шевченко уже не карандашный рисунок-акварель на листе тонированной бумаги. Не повторение предыдущего - нет, нисколько. Рисуя карандашом, думал о красках. Вглядывался в облюбованный уголок острова, а видел и то, что за ним. В акварели - другая натура; она рядом с рисованной накануне, но - иная. Не один утес - несколько. И море не просто угадывается -/реально существует, видна даже шхуна на рейде, ощутимы волны, накатывающие на скалы. Многое видели эти гористые гряды, многое испытали, но ничто поколебать их не в силах, и уверенность в том подчеркивает спокойная, давно живущая здесь птица, глядящая куда-то в даль с острой скалистой верхушки.

Утро второго августа, времени в его распоряжении совсем мало, заканчиваются, должно быть, астрономические наблюдения; но не о бегущих часах дня думает художник - о Кугарале и... Аральском море, которое сулит немало таких картин, таких встреч с неизвестным, неведомым.

Первые закон ченные рисунки Шевченко, сделанные после выхода в плавание, родились на Кугарале 1-3 августа 1848 года. Сентябрь сорок девятого, указанный в подписях под ними в качестве еще одной возможной даты их выполнения, назван в восьмом томе совершенно безосновательно. 8 сентября 1849-го шхуна к острову не приставала, находилась лишь поблизости от него -в виду его, как отмечал Бутаков.

...Т юбе-Коранъ. Тоже карандаш Шевченко. У Бутакова и у Макшеева - "Тюбе-Кара" или "Кара-Тюбе". Художник воспринял название искаженно - подвел слух или трансформировал на листе, введя в него хорошо известное, давно знакомое имя главной книги мусульман. Но это не столь уж существенная частность. Уголок мыса на рисунке, выполненном в альбоме 3 августа, безусловно отличается от кугаральского, но в то же время и нов. Поистине дикая красота...

В известных мне - и здесь используемых - источниках мыс описан достаточно подробно. У Шевченко особых подробностей нет, тем не менее его "отчет" о следующем пункте побережья впечатляет побольше. Такова сила наглядности, тем паче, когда ведает этим худо ж н и к... Однако на акварель этот остров его все же не вдохновил. Хотя заявить так с полной уверенностью мы не вправе: часть работ нам все-таки неизвестна.

5.

...И зеньде-арал. И тут его надпись, его свидетельство. В карандашной зарисовке на листе альбома - глыба-гора "белого известняка, покрытого сверху землею, на которой растет трава" (Бутаков). Второй рисунок сделан и там же, и тогда же, хотя пояснительная надпись его отлична: "М.Куланды". Мыс Куланды?.. Действительно, "Константин" следовал к полуострову Куланды и стал на якорь за его мысом. Но пересечь полуостров особого труда не составляло, как, равно, не требовало серьезных усилий и одоление полуверстного узкого перешейка между ними почти вплотную примыкавшим островком Изень (или Изеньды)-аралом. Тут-то удалось, наконец, присесть с альбомом и карандашом.

"Южная сторона мыса, выставленная действию волн, обнаруживает постепенно подмывающую и разрушающуюся известковую скалу, в которой образовалось десятка с полтора небольших ущелий, окруженных обрывистыми, иногда навесно склоняющимися контрфорсами..." (Макшеев).

"...такие же навесы, как на Изень-арале..." (Бутаков).

Скала с ущельями и навесами - на рисунке с надписью "М.Куланды". Человеческие фигуры и внизу, "под навесом", и наверху, на каменистой гряде. Пришли люди - места будто ожили...

Четвертого августа (как обозначено в восьмом томе) рисовать эти виды Шевченко не мог. На берег полуострова Куланды высадились только пятого утром. Погода пятого благоприятствовала, впечатления были свежими, назавтра предстояло двигаться дальше -не рисовать грешно. Куландинское, по крайней мере карандашом (а это, кроме двух названных, еще и то, что в томе идет под номерами 153, скорее всего 160, а, может, и другое), возникало сразу, без пере- | рывов, бурно. Не мог столько сделать в один день? Мог! Был он' профессионалом в лучшем смысле этого слова. И

натуру искать не приходилось - она сама какк бы выстраивалась к нему "в очередь", требуя: зарисуй это, запечатлей то. Видел и рисовал, заканчивал одно - находил другое.

Более того, тогда же могла быть сделана и акварель "Южный берег

полуострова Куланды" - работа явно вечерняя. '"

"Вечером мы все собрались к отмели и, меняясь друг с другом' дневными наблюдениями, добрались до шхуны.." (Макшеев).

Тут как раз то время и то настроение. Шхуна - по Макшееву - за юго-восточным его, острова, мысом...берег низменный ...лодка готова доставить на судно тех, кто провел на суше весь этот день, с утра и до заката.

Дневные наблюдения Шевченко были на бумаге, первыми их уви

дели Бутаков, Макшеев и другие товарищи по экспедиции, в частности ';

ее куландинскому эпизоду. "

Эпизоду, богатому для каждого. Для большинства, главным образом, - удачными поисками каменного угля (но об этом на страницах предыдущих, со свидетельствами документальными). А разве не тому , 1 же служили карандашные рисунки дня, воплотившие и рельефы, и конфигурации, и структуры местности? В них присутствовал не только художник, а и исследоватг ль - географ, геолог, вообще первопроходец. Со времени им должно было войти в итоговый отчет Бутакова, стать приложением к его карте Аральского моря.

Для души оставались акварели. Та, о которой уже сказано, и другая, которую художник пометил более распространенно: Н а п о л уост. Куландыуроч.:Джанъ такты Булакъ Мо г.М у л аДосаМалъ. Одинокая, но не забытая могила почитаемого народом человека у "источника, близ которого растут верблюжьи колючки"... Чтобы написать ее, нужно было знать о том, что она есть и что с ней связано. И надпись могла быть сделана только под диктовку находившегося рядом знатока этих мест, скорее всего из самих казахов... Пишу так, раздумывая над итогами шевченковского дня 5-го августа. Могила, пожалуй, ко дню этому отношения не имеет...

Ну а как с другими датами, под другими рисунками? Мог бы высказать свое мнение сразу, но с "приговором" повременю. Нужен учет в с е деталей.коропалительностьтутво вред..

6.

Седьмого августа "Константин" бросил якорь у западного берега острова Барса-кельмес, отстоявшего от Изеньды-арала примерно на тридцать верст.

А сутки спустя...

Повторю свидетельства.

Б у т а к о-в: "8-го числа я...высадил генерального штаба штабс-капитана Макшеева и армии прапорщика Акишева с одним унтер-офицером и шестью матросами для с"емки острова, оставя им провизии на неделю..."

М а к ш е е в: "8-го я и Акишев с 8 матросами, взяв с собою провианта на неделю, высадились для осмотра острова и производства на нем полуинструментальной с"емки..."

Все совпадает?

За исключением некоторого разнобоя в количестве участников: у Бутакова нижних чинов (включая унтер-офицера) показано семь, у Макшеева восемь.

Кто был восьмым?

Подвожу к выводу: Шевченко.

Не матрос, но рядовой. В данном случае, рядовой-доброволец. Уговорил Макшеев? Захотел сам?

Как раз на этих страницах Макшеев писал о такой силе, как люб опытство увидеть новый, неизведанный еще никем, уголок земли. Художнику, писателю любопытство присуще искони и в особой степени. Тем более, когда уже само название движущей силы сулит неординарное ("Барса-кельмес" значит дойдет и не вернется", - писал автор "Путешествий...").

Если бы он, Шевченко, не отправился на Барса-кельмес, остров с устрашающим названием ни на карандаш его, ни на кисть не попал. Разве что с палубы "Константина", но это вовсе не то; важно было ступить на него своими ногами, увидеть его глаза в глаза.

Увидел!..

На карандашном его рисунке есть надпись, сделанная самим художником: 1. Б а р с а-К и л ь м е с. Она расширенно повторена на обороте: Барса Кильмес Островна Ара л.м о р.

Остров задал ему волнений, нагнал страху. Как раз тут Шевченко и его сотоварищи пережили огромной силы бурю, продолжавшуюся почти трое суток.

Рисунок сделан до бури. Величаво спокойна гора, начинающаяся прямо от берега, у которого, тоже в полном спокойствии, лодка, а за нею человек, глядящий на остров. Совсем спокойно море - его еще не коснулись ветры, которые закуролесят вокруг уже на следующее утро.

Из восьмого и акварель, названная составителями более чем казенно: "Шатер экспедиции на острове Барса-кельмес". Восьмого или первых часов девятого - не позднее. Гора та же, и берег тот же. Но в листе нет статиичности изображения карандашного, он пронизан, наполнен жизнью. Она в силуэте шхуны на рейде, в плывущих облаках, в трепыхающих над палаткой полотнищах, в позах людей в ней и возле (в том числе сосредоточенно занятого своим делом художника), в загадочной жизни семейства кустарников - старого, матерого куста и маленьких кустиков.

Б у т а к о в: "...дав им тент для палатки..."

Макшеев: "...устроили свое временное жилье из парусины..."

Но в нежданное ненастье, всех коснувшееся и переполошившее, мирная палатка от берега будет унесена (под гору?) и превратится в ставку - шатер военачальника. Правда, думу думать, совет держать Макшеев с Акишевым будут не здесь. ("Я удалился из ставки к берегу моря и стал обдумывать вопрос...", "Я тотчас вернулся в ставку...").

После полудня девятого, когда "задул крепкий порывистый ветер и море забушевало страшно", Шевченко было уже не до рисования.

12-го, вскоре после того, как буря прекратилась, он вернулся на шхуну. Рисунков от этих дней не осталось, зато впечатлений было предостаточно.

Не все впечатления находят выход на бумагу.

С Айвазовским он был знаком еще в Петербурге, и близко знаком, но сам маринистом не стал, даже поползновений таких не замечалось.

Буря его не вдохновляла?

Но первые известные нам строки, которыми открывается поэзия Тараса Шевченко, - вот они, песенно знаменитые:

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитый вітер завива,
Додолу верби гне високі,
Горами хвилю підійма.
І блідний місяць на ту пору
Із хмари де-де виглядав,
Неначе човен в синім морі.
То виринав, то потопав...

Днепр... Там и ветер иной, и вербы высокие, и луна не такая... Однако Днепр за тридевять земель, а здесь хмурый, неприветливый Арал. И только начало, самое начало всего.

Немаэ гірше, як в неволі
Про, волю згадувать. А я
Про тебе, воленько моя,
Оце нагадую. Ніколи
Ты не здавалася мені
Такою гарно-молодою
І прехорошою такою
Так, як тепер на чужині,
Та ще й в неволі. Доле! Доле!

Моятипіваняволе!
Хочляннаенез-за Дніпра...
Неужто не глянет? забудет?
Родина забудет?

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ

1.

Загадку можно не заметить. Загадку можно не отгадать. Можно сделать вид, что загадки не было и нет. ...Но она есть, существовала и существует, и никуда от нее не деться, сколько бы ни отодвигал от себя, как долго не тянул с ответом.

"Список нижних чинов команды шхуна "Константин", болевших в продолжение плавания по Аральскому морю в нави- гацию 1848 года" (ГАОО, ф.6, оп.10/2, д.2, л. 17) - документ из простейших. Это, однако, лишь на первый взгляд. Как раз в нем и кроется одна из загадок, остающихся без ответа и не получающих реального истолкования.

Исходил список от Бутакова. Докладывая в конце сентября Обручеву о приходе к месту зимней стоянки, он заканчивал: "При сем имею честь приложить именной список нижних чинов, заболевавших в продолжение всего плавания, с означением, в какой день каждый заболел и в какой выздоровел..." (л.16-об).

Третьей строкой в списке идет Тарас Шевченко. До него заболели и вскоре выздоровели Тарас Фунин и Иван Секерин. Оба были признаны больными 6 августа; у одного оказался отек ног, второго свалила лихорадка.

(Фунин принадлежал в недавнем прошлом к 45-му флотскому экипажу. 15 августа фельдшер нашел его выздоровевшим и больше в течение этой кампании он не болел. Что касается Секерина, то... Ни в списках командированных из Астрахани, ни в перечне двадцати семи "порций" такой фамилии нет. Как попал в экипаж? С "Николая"? С "Михаила"? Почему оказался "нелегальным"? Пока знаю о нем только то, что, оправившись 12 августа от лихорадки, он месяц спустя, в сентябре, свалился с "воспалением желудка" и в тот же список попал снова. Таким образом, ему тут принадлежат две строки. Из восьми, его составляющих).

Третью, повторяюсь, занимает Шевченко.

... Тарас Шевченко - заболел 10 августа - головной болью - выздоровел 30 августа...

Три недели болезни?

Одновременно с ним, день в день, заболел Никита Даниленко, выздоровевший 20 августа. Болел вередами. (Ве- ред, по Далю, не только "чирий, болячка, боляток, стержневый нарыв", но и разные другие виды недуга, "иногда смертельно- го").

Следовательно, почти в одночасье болели четверо, и у Истомина лекарских забот хватало. Макшеевское замечание о том, что старший фельдшер экспедиции -"за неимен нем больных"- занимался чем угодно, но только не медицинской практикой, можно взять под сомнение.

...Заболел десятого - выздоровел тридцатого...
Что за этим?
Нас интересует Шевченко.

2.

Да ведь 10-го августа он был на Барса-кельмесе!

Там настигла его нежданная буря, не дававшая покоя, не щадившая ни на мгновенье долгие дни и ночи. По-страшному бушевало море, во всю разгулялся ветер. Пронизывало до костей. Хотелось согреться. Но как? Парусина была препоной символической, не более. Разжечь костер удавалось с трудом, кружка кипятка казалась даром божьим.

Худо было с едой. Горох в здешней воде - почти морской по вкусу, горько-солоноватой - не разваривался; мертвого осетра, пусть и сваренного, есть не хотелось; сухари и сахар берегли, не ведая, как долго придется тут дневать-ночевать.

Не оставляла тревога: снимут ли их с этого треклятого острова? не ждет ли участь робинзонов?

Тревога усугубляла состояние. Почувствовал себя как в жару. Нескончаемо болела голова. "...Только 11-го августа ветер стал совсем стихать и море начало успокаиваться..." (Макшеев). Акишев с большинством матросов отправились на съемки - буря смешала все планы и надо было наверстывать упущенное. Он остался в палатке - идти не смог. Дождался товарищей только поздно вечером: "Все они были до крайности утомлены и мрачны". На шхуну, тоже бурей потрепанную, вернулись следующим утром.

Б у т а к о в: "В съемочной партии...я нашел все благополучно", "...и все якши..."

Могло быть, понятное дело, хуже. И на "Константине", и на Барса-кельмесе... Оттуда и впрямь имели шанс не воротиться, вполне подтвердив меткое название острова, переводимое, как уже знаете, "пойдешь - не вернешься".

Вернулись, к счастью, все.

Только двое было признано больными: Шевченко и Даниленко.

Даниленко проболел до двадцатого, Шевченко - до конца месяца. ...Так засвидетельствовано в документе.

3.

Пользовал Тараса старший - и единственный в экспедиции - фельдшер Истомин.

Были они ровесниками, их судьбы перекликались.

Происходил Александр Александрович из солдатского сословия. "Из солдатских детей Оренбургской губернии" - так значилось в формулярном списке (ГАОО, ф.6, оп.7, д.820). В пятнадцать лет его приняли "школьником" (то-бишь учеником) в корпусной военный госпиталь. Три с половиной года спустя, пройдя весь необходимый курс подготовки и сдав соответствующие экзамены, он получил назначение: младшим фельдшером в первый линейный батальон, дислоцированный в Уральске и ниже по реке, а далее и за Каспием, на Мангышлаке. Только через четыре года, в 1836-м, удалось перевестись во второй, штаб которого находился в Оренбурге, следовательно неподалеку от отчего дома в тамошнем уезде.

Но к тому времени стал уже Истомин человеком непоседливым.

В списке о службе и достоинстве читаем: "С 23 мая 1839 был командирован в киргизскую степь, в Эмбинское укрепление, где поступил в состав отряда, предпринимавшего поиск в Хиву, с коим возвратился 6-июня 1840 года. За примерное усердие при исполнении своей обязанности в этом походе получил в числе прочих совершенное высочайшее благоволение в 27-й день июля 1840 года..." Не прошло и года - отправился со следующей бухарской миссией, опять на долгие месяцы. И пошло, и пошло... Жена, Марья Петровна, его почти не видела.

Выслужился, в конце концов, в старшие фельдшеры. "Российской и латинской грамоте читать-писать умеет, а других наук не знает..." Познал он тем не менее многое. Натура у него была деятельная. Как свидетельствовал Макшеев, Истомин "во все время экспедиции заведовал хозяйством на шхуне и записывал показания лота и лока, а во время стоянки на якоре охотился на берегу". Лейб-медик, как в шутку величал его Бутаков, и по своей части прослыл умелым; он, по словам начальника экспедиции, "вылечил много больных, над которыми оказывались бессильными ворожбы боксы" (практиковал, выходит, и среди местного населения).

...На несколько недель Шевченко стал его пациентом. Увы, история болезни не сохранилась. Да и была ли она? "Заболел - выздоровел..." Не выздоровел бы, отрапортовали, что помер. На все воля божья!

4.

В книге 1971 года ("Лгганевольнич!", с.279) я заявил буквально так: "Лавров (писал о лекаре Раимского лазарета) лечил Шевченко, в частности с 10 по 30 августа 1848 года, когда поэта мучила головная боль". Ссылка, данная вслед за этим, относилась к факту заболевания - тому самому списку болевших в продолжение плавания. Согласен, понять можно было и так, и сяк - в том числе как свидетельство, документальное свидетельство, августовского пребывания Шевченко в Раиме.

В дальнейшем - хотя специально писать об этих месяцах и не приходилось - вопрос о лечении Тараса Лавровым на протяжении указанного времени мною не поднимался (например, в "Шев-ченк!вському словнику" 1976-1977 годов).

Но вот через пятнадцать лет после выхода книги раздался упрек, исходивший от уважаемого мною коллеги-шевченковеда Василия Ефремовича Шубравского и зафиксированный в третьем выпуске сборника "В с1м'1 вольнш, новш" (1986). "Л.Н.Большаков, - писал коллега, - ссылаясь на архив Оренбургской области, утверждает, что и в августе 1848 г. Шевченко на протяжении двадцати дней жил в Раиме, лечась у лекаря А.М.Лаврова. Не имеем возможности проверить данные по указанному источнику, а на нашу просьбу уточнить эти сведения Л.Н.Большаков ответил только, что Шевченко мог отлучиться с Аральского моря и приехать на лечение в Раим. Однако это никак не согласуется ни с обстоятельствами плавания по Аральскому морю, ни с фактами творческой биографии Шевченко-художника. С Аральского моря до Раима тогда можно было добраться только по Сырдарье, а из дневника А.И.Бутакова известно, что в августе 1848 г. экспедиция пребывала около юго-западного берега моря, то-есть на противоположной стороне от устья Сырдарьи, и к Косаралу не приставала..."

Что ж, упрек принимаю, но...не безоговорочно. Неточность - и потому двусмысленность - архивной ссылки признал раньше. Соображения, высказанные в личном письме товарищу по поискам, действительно мои - как полагал, так и писал. Не в книге или статье -письме, адресованном одному человеку. Возбраняется ли высказывать приватно (да и печатно) мысли, которые у тебя возникли? Лично я такой обмен мнениями ценил и продолжаю ценить, он мне кажется продуктивным.

Не мог отправиться в Раим? В том-то и дело, что мог! 13 августа в укрепление отправлялась рыболовная шхуна "Михаил"; с нею Бутаков отсылал и рапорт Обручеву, и письмо родителям;воспользовались, вероятно, оказией и другие. Кто пожелал, тот воспользовался. Судно шло прямо в Раим. Так что возможность "отлучиться с Аральского моря" у Шевченко была, ее я имел в виду, не утаивая от товарища свою неопубликованную (и далее никогда не публиковавшуюся) гипотезу. Не столь уж, как видим, фантастическую.

Лекари раимские были причастии ко всему обширному региону (а не только к одному своему лазарету). Лавров мог оказаться и на том же "Михаиле", благо его рейсы являлись не столь протяженными во времени, как у "Николая" или "Константина". Показательно, что в нем бурлило желание самому отправиться в море с Бутаковым и на сей счет он даже рапорт подавал; разрешения, правда, не последовало...

Но нет, Арсентия Михайловича Лаврова на "Михаиле" в этот раз не | было. Мог оказаться вовсе не означает, что оказался.

"На нашу просьбу уточнить эти сведения...ответил только..."

Ответил как мог. А вот насчет сомнения В.Е.Шубравского в сути] самого "списка нижних чинов", его печатного предположения о том,] что, возможно, он касается не августа 1848-го, а июля 1849-го, "когда экспедиция простояла в устье Сырдарьи двадцать дней", тут] скажу определенно: документ относится к сорок восьмому,] сомнений в этом нет и быть не может.

Что касается сорок девятого, то до него было еще далеко.

Далеко во всех отношениях.

5.

Спорим и спорить будем - был бы только наш спор продуктивным!

Это меня имеет в виду (и со мною, стало быть, спорит) доктор филологических наук Шубравский, отрицая целесообразность указывать под шевченковскими стихами июня 1848 - октября 1849 не конкретные пункты "Косарал" и "Раим", а обобщающее: "Аральская! экспедиция". И об этом писал я в том же письме моему оппоненту, как прямому участнику подготовки нового полного собрания произведений Т.Г.Шевченко, прежде всего поэзии.

"И все же не лучше ли., вместо пунктов указывать "Аральская! экспедиция"? - полемизирует со мною В.Е.Шубравский. - Полагаем, что нет. Читателю такое обозначение, собственно, ничего не дает.. К тому же досконально известно, где главным образом были для него і это время наиболее благоприятные условия для литературного твор-| чества, и пренебрегать этим не следует..."

Ах, известно? Тогда, конечно, пренебрежение неоправданно...

Но отчего же автор чуть раньше пишет, как "тяжело, а иногда и] просто невозможно, установить какой-то четкий, опирающийся на неотразимые факты, водораздел между произведениями, написанными на Косарале, и произведениями, написанными в Раиме"?

- Приходится проводить такой водораздел приблизительно, ориентировочно, - признает он.

- Сложность проблемы датирования его произведений не снимается, - обоснованно утверждается в его статье.

И все-таки от "приблизительности" не отказывается.Лучше, дескать, совершенно субъективная "конкретность", нежели признание того, что в абсолютном большинстве случаев для "узкой" привязки написанного никаких оснований нет.

Косарал...Раим... А что, не на суше - в море, не в главных пунктах

- на мимолетных берегах стихи рождаться не могли? "Бытовые условия...были лучшими..." Полноте, речь идет о поэзии, а не о кабинетной науке, о многолистной прозе вообще. Письменный стол не обязателен- пришло бы вдохновение, созрели мысли, чувства. Поистине странное представление о психологии творчества поэта...

Стихи его шли, прежде всего, когда сжимало сердце и подступало к горлу.

Так было и сейчас.

6.

Чувствовал себя прескверно. Лежал.Слонялся по палубе.Опять отлеживался. Саднило душу.Все казалось мрачным,беспросветным.Даже светило.Оно жгло и слепило,да что с того - враждебность была и в нем,неласковом,докучливом,осеннем.

Мов за подушне,отступили
Оце мене на чужиі
Нудьга і осінь.Боже милий,
Де ж заховатися мені?
Що діяти?..

Вопрос-крик,вечный как сама жизнь.

-Что делать?!

Рисунки,уже выполненные, радости не вызывал и. Казались они близнецами - похожие один на другой,как сами берега нелюдимого этого.скучного моря.

А сколько сотен верст еще предстоит положить на бумагу! Для того ли учился в Академии художеств.у самого Карла Брюл-лова?Что сказал бы он,увидев его нынешние скудные альбомы?..

Та не дай,господи,нікому,
Як мені тепер,старому.
У неволі пропадати
Марне літа коротати.
Ой піду я степом-лугом
Та розважу свою тугу.
-Не йди,кажуть, з ціі хати
Не пускають погуляти.

Жалуется сам себе-кому же еще? Старость чувствует и впрямь.Не "лирический герой" его старик - он.автор.Но разве это стихотворение? Подслушанный вздох,стон души собственной. Не побороть ему "свою тугу"... не откроют ему дверь в хате желанной:

...з цiї хати
Не пускають погуляти.

Только по Аралу гулять ему сколько угодно -тут не зака-зано.Хо-чешь или не хочешь-гуляй.старый! Барса-кельмес... Пойдешь и не вернешься...

...Що діяти? Уже и гуляю
По цім Аралу;і пишу.
Віршую нищечком, ґрішу,
Бог зна колишніі случаі
В душі своій перебираю
Та списую; щоб та печаль
Не перлася, як той москаль,
В самотню душу. Лютий злодій
Впирається-таки, та и годі.

...Горькие мысли не оставляли ни днем, ни ночью.

І небо невмите,і заспані зорі...

Зачеркнул "зорі"- написал "хвилі".

І небо невмите, і заспані хвилі;
І понад берегом геть-геть
Неначе пъяний очерет
Без вітру гнеться. Боже милйй!
Чи довго буде ще мені
В оцій незамкнутій тюрмі,
Понад оцим нікчемним морем
Нудити світом? Не говорить,
Мовчить і гнеться, мов жива,
В степу пожовклая трава;
Не хоче правдоньки сказать,
А більше ні в кого спитать.

"Нікчемним?" Может все-таки "поганим", как написалось сразу? Разница невелика, но "нікчемне" пределеннее и к Аралу подходит как нельзя больше. Никудышнее море!

І небо невмите, і заспані хвилі...

Чужое небо. Не днепровские - чужие - волны. Хмурые мысли.

...Голова болит, тело ломит.

Но больше страдает, терзается душа.

И нет от этого лекарств у самого искусного целителя.

ЗАХРЯПИН И ДРУГИЕ

1.

Как ни торопили "попутный ветер и бородатый капитан Захряпин" (помните конец письма Бутакова?), отплытие в этот день не состоялось.

Барса-кельмес не отпускал.

...13. Снялся с якоря, но штиль заставил снова положить якорь... Вот и вся запись в "дневных записках" того "несчастливого" числа. Особой тревоги по случаю еще одной непредвиденной задержки Алексей Иванович на бумаге не выражал - как-никак,а кампания была лишь при начале, за сроки особо тревожиться не приходилось. Но это как сказать. Бутакову, да еще Акишевунепосредственно ответственным за опись берегов, такие стоянки удовольствия не доставляли. Ну а большинству остальных? "Матрос спит- служба идет"...

2.

Развлекал рассказами -травилбаланду- бы- валый Захряпин, перебравшийся с "Михаила" на "Константин", чтобы получше рассмотреть море, разведать новые места лова. Рыбацкая удача, рыбацкое счастье - возможны ли они без разведки? В этом году рыбный лов шел, как считали, вяло: в июне, за семнадцать дней, поймали 436 осетров, а больше чем за месяц, начиная с 4 июля, ватага рыбопромысловой компании добыла их всего 288.Другую рыбу в расчет не брали.

Николай Васильевич был в компании приказчиком и среди аральских рыбаков человеком авторитетным. С казахами он разговаривал на казахском, с татарами - на татарском, взаимное понимание легко устанавливалось между ним и каракалпаками. Историю края - с давних времен и по сю пору - знал он лучше всех, нравы и обычаи здешнего народа - постиг во всех тонкостях.

"Незадолго до нас Курагал был театром печального проис- шествия, о котором рассказывал нам Захряпин..."(Макшеев)

"...он говорил о выгоде устройства здесь в обширном размере рыбопромышленной ватаги..." (Бутаков)

"...по поводу Барса-кельмеса он рассказывал..." (Макше- ев)

Спасибо Макшееву, некоторые рассказы этого человека не только запомнил, но и записал.

Такой, например:

-Раз, несмотря на строжайшее запрещение приближаться к южному хивинскому берегу Аральского моря, мы забрались в одно из устьев Амударьи и вышли на берег. Вскоре мы увидали закамышом человека, должно быть каракалпака, спокойно накачивавшего воду на свою пашню. В это время один из моих спутников прицелился в него и хотел уже выстрелить, но я вырвал у него ружье, сказав: "Что ты делаешь?" - "А что, Николай Васильевич, ведь он татарин, так отчего же его не подстрелить?"... В рассказе звучала ирония. Но какая горькая, болезненная! ...Или другой - о нравах рыбацких. Трагикомедия, и все тут...

Случилось это по выходе в море. Ненадолго вышли,на счи- тайные дни. А раз так, то рыбаки в первые же дни выпили всю водку и съели все белые калачи. Остались на одних черных сухарях. Меж тем ветер задурил, закуролесил и путь назад, в Дарью, отрезал вчистую. Ни туда и ни сюда. У рыбаков свело животы - голодно.

Сидя на палубе, Захряпин вдруг услышал разговор в дру- гом ее конце.

Разговаривали между собою, но касались те слова его, и он прислушался.

-А что, братцы, - проговорил один, - вот уж несколько дней у нас нет ни вина, ни калачей, - плохо!

-Ну, коли нет провианту, так кто виноват...- меланхолично заметил другой.

-Известно кто - начальник!

-А виноват начальник, так надо его наказать. Чтоб и другим не было повадно.

-Надо! -согласились рыбаки. - Только как же его наказать?

-Известно как - камень на шею и в воду.

"Я сижу ни жив, ни мертв, зная, что у этих людей от приговора до дела недалеко, - записывал рассказ Захряпина Макшеев. - Вижу, подходят ко мне..."

-А вот, Николай Васильевич, мы к тебе, - обращается один.-Сам знаешь, окромя сухарей у нас нет никакого провианту, ни водки, ни калачей. Ты начальник и не заботишься о нашем продовольствии. Вот мы и порешили тебя наказать. То-есть камень на шею, да и в воду. -Говорил вполне серьезно и закончил серьезнее не бывает: - Так уж ты, Николай Васильевич, помолись Богу и приготовься к концу...

-Братцы! - собравшись с духом, заговорил Захряпин.

-Коли я вправду виноват, то казните меня, на то ваша воля.Только разберите сначала толком, точно ли я виноват, чтобы потом не было у вас на совести, что погубили ни за что, ни про что человеческую душу.

-Вспомните, братцы, - продолжал он еще горячее, - что я взял из дому всего довольно. Калачей и водки хватило бы с уверенностью без малого на две недели. А вы все съели и выпили в несколько дней. Я бы не прочь вернуться в Дарью за новой провизией, да, видите сами, ветер не пущает. На то божья воля, а не моя вина. Судите, братцы, и решайте, как Бог положит вам на душу.

Едва он закончил, как раздался голос одного из рыбаков:

- А что, братцы, ведь Николай-то Васильевич, пожалуй, и не виноват!

- Да и то не виноват, - ответил ему другой.

- Значит уж надо оставить его в покое?

- Известно надо, что же нам трогать невинного человека...

Тем и закончилось. А мог и за бортом оказаться. В такой обстановке все было проще простого.

...Макшеев: "...человек весьма умный, наблюдательный, отлично знавший по татарски и чрезвычайно красноречивый, но по временам сильно запивавший, рассказывал мне много курьезного..."

О том рассказывал, как рыбаки, годами оторванные от семейств своих, от жен, "не забывали и прекрасного пола", утоляя терзания плоти в обществе "нищих киргизок"; они, говорил Захряпин, одевали их "в замысловатые платья, сшитые, например,из разноцветных и разноузорных платков, взятых, разумеется, у старшего приказчика в счет жалованья".

И уже не о трогательном, как это, а о беспросветно- скорбном:

-Забирая постоянно в долг и платя за все при расчете втридорога, они, конечно, не могли потом вернуться на родину и оставались...

Незавидная доля. Призрачная свобода.

..."рассказывал мне..."

Рассказы бородатого рыбака предназначались не только Макшееву. Их слушали все, кто хотел услышать.

Разумеется, и Шевченко.

Жили на шхуне тесно.

3.

Б у т а к о в:

...14. На рассвете пошел к полуострову Куланды...

Написанное далее он почему-то зачеркнет. Сочтет эти подробности излишними? В своих записках и рапортах лейтенант аскетичен - только "главные" факты... только самое существенное... Это счел несущественным. И решительно вымарал:

...Ветр, сначала ровный, засвежел и развел большое вол- нение, которое было причиною крайне неприятного для меня случая с одним из хронометров - тем, который я привез из Петербурга;я начал заводить его в 8 ч.утра, сидя подле стола в каюте, как вдруг во время одного из размахов судна упала мне на руку книга (таблицы Рэпера) и чуть не вышибла у меня хронометр; к счастью, я удержал его, но от толчка он остановился, почему все последующие наблюдения я делал по хронометру Перкинсона, взятому из корпусного генерального штаба в Оренбурге. Когда я снова дал ход хронометру Гауза N27, он пошел опять равномерно, но определять по нему уже не было возможности, потому что состояние и ход его относительно среднего времени уже изменились и сделались неизвестными, а для определения их нужно бы было простоять дней десять на одном месте. Впрочем, так как широты пунктов определены и на все наб- людения...

Не дописал и - вычеркнул. После "Куланды" занес в тет- радь более, по его мнению, важное: "Около полдня стихло и заштилело.и я стал на якорь против южной его оконечности с намерением определить его широту и долготу".

С т и х л о - потому что опять было большоеволнение.

Ну и что? Перемена погоды коснулась и Шевченко.

Легко сказать: "коснулась". Если тебе худо, если маешь- ся головной болью, торазмахисудна, когда все летит на голову, особенно неприятны.

Только на следующий день поутру, с переменой ветра, "Константин" снялся с якоря и перешел в залив между полуостровом и северо-западной частью материка.

Переходил осторожно, как бы наощупь. Залив, убедился по приходе, покоя не гарантировал: любой поворот ветра сказывался немедленно. И все-таки до поры до времени стоять можно было спокойно.

Новым человеком на шхуне был и Альмамбек, или Альмобет, как именовал его в книге своей Макшеев.

Вот первое его представление, первая характеристика:

"Шхуна "Михаил", возвращаясь от мыса Узун-каир на полуострове Куланды в устье Сырдарьи, завернула на Барса-кельмес и 13 августа высадила к нам приказчика Захряпина, желавшего воспользоваться случаем, чтобы получше изучить с нами море, и находившегося при нем косаральского киргиза, старика Альмобет а, хорошо знавшего окрестности Аральского моря. Впоследствии оказалось, однако, что Альмобет не мог отличить с моря те самые урочища, которые, вероятно, прекрасно знал с суши, и потому, как вожак, был нам не настолько полезен, насколько мы ожидали; но тем не менее он иногда сообщал любопытные сведения".

Это от него услышали на "Константине" нечто важное о Барса-кельмесе. Теперь, рассказывал он, остров необитаем, но до той зимы на нем постоянно кочевали казахские аулы и, будучи вне опасности нападений хивинцев, да и соплеменников, охочих поживиться чужим добром, богатели тут и благоденствовали. Но зимою кто-то пустил слух, что весной придут сюда русские суда и кочевники лишатся всего добра. Поверили, ушли на старые места и сразу же подверглись ограблению - конечно, не со стороны русских.

-Зимою, когда часть моря, отделяющая остров от материка, покрывается льдом, - передавал рассказ почтенного казаха Захряпин, -Барса-кельмес привлекает к себе аулы онетронутостью подножного корма и обилием кустарника, топлива.

- При наступлении весны, - сообщал он, - поселенцы не всегда имеют возможность откочевать и остаются на нем, этом острове, на год, а при теплых зимах и на несколько лет. Вот что составляет невыгоду перекочевки, на которую намекает само название.

Барса-кельмес - "пойдет (или дойдет) и не вернется"... Растолковал меткое название (только ли это?) "старик Альмобет". Мы будем с ним встречаться и дальше, как это было у Шевченко, было у всех других участников экспедиции. Заслуги вожака Альмамбека в съемке берегов Аральского моря удостоятся впоследствии официального признания, и он станет носить наградной суконный кафтан, обшитый галуном.

В этом кафтане Тарас его не увидит. Вообще же, начиная с 13-го, и видел, и слышал, и даже рисовал часто.

4.

Макшеев: "14 августа в 4 часа утра шхуна "Кон- стантин" направилась опять к Куланды и в 2 часа пополудни стала на якорь близ известных возвышений, огибающих небольшой залив, который может служить довольно хорошею гаванью. Здесь шхуна запаслась водою из кудуков, но запас не пошел впрок. Вода стала портиться еще скорее барсакельмесской, (так) что мы принуждены были скоро ее вылить и довольствоваться, в течение нескольких дней,."морскою водою. Над ругой день шхуна обогнула юго-западный мыс Куланды, называемый Узун-каир и отстоящий от Изень-арала верстах в 20-ти, и вторично стала на якорь. Узун-каир, имея в основании известковый камень, покрыт песчаными наносами, поросшими большею частью камышем и кустарником. Мыс продолжается под водою каменистою косою, шириною сажен в 25, и окружен, кроме того, песчаными отмелями и косами. Мелко сидящая в воде шхуна прошла через них благополучно". Б у т а к о в: "Мыс Узун-каир низменный; он состоит из порослей гребенщика и местами камыша, песчаных бугров и продолжается далеко под водою двумя косами: каменною, из белого известняка, идущей на SO, и песчаною, идущею на S. Между косами глубина от 5 до 7 саж. На каменном рифе, состоящем из сплошной массы белого известняка, глубина неровная, местами есть меньше сажени, даже на 1/2 версты от берега, почему этого мыса, тем более опасного, что по низменности своей он издали, а в особенности ночью, незаметен, должно остерегаться и отходить от него далее. Около самого побережья на западную сторону есть вода в копанях, вкусом похожая на барса-кельмесскую, но менее горькая.

Дров в изобилии. В 4 верстах есть соленое озеро с чистою белою солью; я посылал набрать ее для поселки мяса на плавание будущего лета. Полагаю, что она будет лучше раимской соли, однако, хотя она на вид чище и имеет менее горечи, нежели раимская соль, но слишком слаба для того, чтобы дать прочную поселку..."

Представить себе Узун-каир - еще один мыс острова Куланды - мы можем только по этим описаниям. Рисунков Шевченко - ни карандашных , ни акварельных - от этого дня и этого места не осталось. Причина? Болезнь! На берег он не выходил. Ну а если и выходил (свидетельств на сей счет нет), то лишь для того, чтобы ощутить почву под ногами и хоть на время избавиться от докучливой качки. Остров он рисовал пятого. Пятнадцатое ничего к иконографии его не добавило. Х у д о ж ник болел...

5.

Донимали переменчивые ветры и, не менее их, частые штили.

Из донесения Бутакова

...Сделав наблюдение на южной оконечности полуострова,...я снялся 16-го августа и пошел к западному берегу Аральского моря с намерением определить ту часть его, где он начинает загибаться к югу. На этом переходе я также был задержан противными ветрами и штилями, почему прибыл к урочищу Сынгызтакты в 9 часов вечера 17 числа... (ЦГАВМФ, ф.410, оп.2, д.147, л.32).

Из его же "дневных записок"

..1б.Сделав накануне нужные обсервации, я пошел к западному берегу с тем, чтоб начать определение с того места, где он начинает загибаться прямо к югу; но на половине пути заштилело, и я должен был стать на якорь.

17.Снялся снова и при усиленной лавировке только в 9 часов вечера стал на якорь против урочища Сынгызтакты в открытом море на 26 саж. глубине...

Из донесения (продолжение)

...Несмотря на важность этого пункта (Сынгызтакты) в гидрографическом отношении, мне не удалось сделать на нем наблюдений, потому что в ночь задул сильный ветр от NNW, развел большое волнение и заставил меня сняться на рассвете 18 числа и идти вдоль берега к югу...

Из тех же "записок"

...Тут, однако (про т ив урочища Сын-гызтакты),несмотря на гидрографическую важность этого пункта, мне не удалось сделать желанных наблюдений.потому что в ночь задул крепкий NNW ветр, заставивший меня на рассвете снова вступить под паруса, и я пошел вдоль берега к югу. Около полдня, приблизясь к одному заметному урочищу, Кугмуруну, я положил якорь на 22 саж.глубине, но погода сделалась пасмурнее, солнце скрылось за облаками, ветр усилился, и я опять должен был идти далее в надежде отыскать какую-нибудь удобную и закрытую стоянку. Ночь простоял на якоре на глубине 13 саж. Вообще в эти дни ветр постоянно стихал к вечеру, и на ночь я становился на якорь, несмотря на неудобство стоянки на большой глубине и при волнении; но я шел вдоль берега каменистого, обрывистого и должен был опасаться подводных камней; к тому же я делал глазомерную съемку берега, начиная с Кугмуруна - ранее начать было нельзя по причине сильной качки. На рассвете же ветр обыкновенно усиливался.

Из донесения (дальше) ...Удобнуюякорнуюстоянку...я нашел не ранее как 20 числа за мысом Байгубеком...18 и 19 числа ветр обыкновенно стихал к вечеру и задувал с новой силой на рассвете. На ночь, опасаясь подводных камней подле утесистого и неизвестного берега я остановился на якорь...

Снова дневник

...20. Зашел по другую сторону мыса и под закрытием его простоял сутки спокойно, укрытый от ветра и волнения, на глубине 10 3/4 саж. На этом мысе мне удалось, наконец, сделать наблюдения. Самая большая глубина, идучи вдоль берега и вблизи его, была 37 1 /2 саж. между урочищами Кугмуруном и Байгубеком в 1 /2 мили от берега. Вообще берега Усть-урта и Байгубека вышиною от 300 до 400 ф., обрывистые, утесистые и состоят из пластов известняка, твердого песчаника с окаменелыми раковинами и глинистого сланца, также с раковинами. Они тянутся прямою чертою с малыми изгибами и весьма приглубы, мысы выдаются в море недалеко, так что в

шторм судну за ними нельзя укрываться. Растительности почти никакой. Изредка только видны на плоской вершине кусты саксаульника и внизу кусты гребенщика. Местами, подле самой воды, попадаются небольшие песчаные площадки, на которых больше гребенщика, а иногда и камыш - признак присутствия в копанях пресной воды. На высотах видно много киргизских могил...

В акварелях "Мыс Байгубек" могил не разглядеть. Хотя...

6.

Двадцатого был признан здоровым Никита Даниленко: вере- ды сошли, фельдшер велел продолжать службу. Насчет Шевченко такого заключения не последовало. Числился он за Истоминым, выполнял его предписания - одним словом: лечился. Бутаков не торопил, проявлял деликатность. Тарас ее ценил.

Не рисовал - берега были далеко, их очертания художествен ных чувств не вызывали.

Но все эти дни в нем проворачивались, ему не давали покоя новые стихи. Какой-то большой, поначалу не осмысленный до конца замысел.

Дев'ята сестро Аполлона

……

Якби, бувае хоть на час

Ви кинули отой Парнас

Та в степ, таки пришкандибали...

Обращался к музе, звал ее. Девятой, старшей из муз, была Каллиопа - богиня эпической поэзии. Накипала, прорывалась злость в адрес раболепствующих царских славословов, это первое. В почете одопис-цы-восхвалители, всякие лизоблюды от поэзии.

...Чи е поганше що на світі, Як та дрюкована нудьга? Про марне страченние літа, Та про чернявого в р а г а, 3 очима ясними як небо-Голубчики, пишіть для себе Та не дрюкуйте...

Он для себя - только для себя - писать не может. Не скуки ради сочиняет - надо, так надо передать людям не дающее покоя, важное ему и им. "Не дрюкуйте..." Тарасу и просить не приходится - не напечатают без всяких просьб.

Думалось о собственном стихотворном цикле, где был бы собственный его взгляд на царей и царства, на всю безгра- нично большую - и всегда больную - проблему. Первое и это. Главное и тут.

...От тобі и сестра з Парнаса

Морока та и годі!..

Іди ж собі де взялася,

А я трохи згодом

Захожуся коло царів

Та штилем високим

Розмалюю помазанних

І спереду и збоку...

О нет, ему высокийштильник чему. Пред- почитает бурлеск, сатиру... Они способны выразить потаенное, передать заветное так, чтобы дошло до всех и в то же время не навлекло на него ярости власть имущих, по крайней мере дало бы надежду их неудовольствие ослабить. Да что про это думать, если писать, а значит и печатать, даже самое без- обидное печатать, заказано ему раз и навсегда-Пишет, сочиняет потому, что не может не писать, листочки же его свет божий вряд ли увидят...

...Сюжеты подсказывала Библия. Великая, мудрая книга всех времен. Давно, и не раз, прочитанная, она в эти дни снова поражала своей новизной - словно открывал ее для себя впервые.

В одиннадцатой главе Второй книги царств давно прикипел к истории о Давиде и Вирсавии. В Давиде, царе Израиля, соединились государь и "святой", правитель и "поэт". Как и все цари, он легко совершал преступления, как немногие - каялся в грехах и тем искупал их перед Богом. Легко прощается все царям - от давних до нынешних... Простым людям не прощается, им же - с легкостью...

До древнего Давида, конечно, дела ему мало. И до далекого библейского Иерусалима тоже. Будоражит, тревожит свое, кровное.

Не видно нікого в Іерусалимі,
Врата на запорі, неначе чума
В Давидовім граді господом хранимім,
Засіла на стогнах. Ні чуми нема,
А інша лихая та люта година
Покрила Ізраіль. То гірша война!

Писал, как слагалось. Чуму видел не в Иерусалиме - гораздо ближе, в Оренбурге. "Врата на запор..." А как там друзья, добрые люди? Войну тоже представлял не израильскую - европейскую, может уже и российскую: когда еще будут доходить вести сюда из Петербурга? До осени их и не жди...

... За стогнами і гвалт і крики,
І гине, падае народ
За той завіт, і за ківот,
І за царя свого пророка.
А цар (снятий), узявшись в боки,
По кровлі кедрових палат
В червленшй риі похожае
Та усміхавшись позирае,
В зеленый сад...

Цари-цари, как вы меж собою схожи, как мало вам дела до горя людского. Все о себе, ненасытных.

...І дума неситий
Нечистив думи... - А ми повелим!
Я цар над божім народом!
І сам я Бог в моій землі
Я все!..

Это, понимает, только наброски. Бог даст - перепишет, додумает, поправит. (И в самом деле: десять лет спустя, уже в 1858-м, в Петербурге, создал новую, от начала переработанную, редакцию поэмы "Старенька сестро Аполлона", с 1876 традиционно публикуемую под редакторским, или составительским, названием "ЦарО. Но сейчас я читаю то, что излилось на бумагу среди моря.

...Отак святі царі живуть!
А як же прості? я не знаю...
І раю вам цього не знать
Та ні у кого и не питать,
Щоб не завалило бувае!..

...Из той же Второй книги царств, только из главы тринадцатой,-явился ему сюжет о том, как старший сын царя Давида развратный Амнон обесчестил сестру Фамар. Потом - за это - с ним расправится Авессалом. Но его месть останется за рамками поэтического раздела. Он казнит сластолюбивое чадо приговором собственным, беспощадным.

В неторопливо-размеренных словах Библии об Амноне эпически-спокойно: "И ляже Амнон и разболеся; и вниде царь видети его; и рече Амнон к царю: да приидет ныне Фамарь сестра моя ко мне, и да испечет два пряжма пред очима моими; и имам ясти от рук ея..."

...Давид стенае, та ридае!
Багряні ризи роздирае!
І сипле попіл на главу!
- Без тебе я не поживу,
І дня единого, мій сину,
Моя найкращая дитино!
……..
І йде ридаючи до сина...

А сын - "як той бугай лежить здоровий, кепкуе з батька" - уже задумал свое черное дело. Первенец Давида - "Амнон щасливий" - не привык к отказам, не моги подумать, что есть запретное, недостойное. Нет, он царский сын, он всевластен!

...Амнон бере іі за руку

І в темну храмину веде...
І на постілоньку кладе.
Притерпіла сердешна муки,
Рвучись кричала - Зміе! гаде!
.Амноне брате мій! Я! Я!
Сестра единая твоя!
Де дінусь я? Тебе самого
Безумним люди назовуть.
Не помогло нічого. -

Грязный Амнон, подлый Амнон - сколько видели таких, и сколько видят народы, люди, как много горя несет оно, царское племя...

...Отак царевичі живуть
Пустуючи на світі!
От бачте діти!

Нужна ли "мораль"? Ой, нужна! Чтоб не про одного только допотопного Амнона думали - о несправедливостях, которые и сегодня деятся.

Отак царевичі живуть...
Худое, безбожное семя!

7.

Но "Константин" у Байгубека.

Бутаков:

...Байгубек - единственный мыс, выдающийся в море далее прочих. За ним можно укрываться от...ветров. На нем две небольшие бухточки глубиною около 4 саж. с песчаным грунтом... Первая замечательна тем, что белый известняк у горизонта воды весь облит икрою - по-видимому, весною рыба мечет тут икру и набивается туда в неимоверном множестве. Берег, вдающийся в заливчик, образует лощину, которая усыпана у моря округленными водою обломками известняка, имеющего.слегка розовый отцвет; мысы, оканчивающие залив с обеих сторон, были, по-видимому, подмыты водою и рухнули в нее; кажется, тут были навесы вроде изень-аральских. Обвалившиеся глыбы лежат в воде подле берега; излом восточного мыса еще довольно свеж... В лощине поднимаются высоты ниже главной массы Усть-урта...

Это, напомню, все из той же записи за 20-е августа.

Макшеев:

...Утесы Усть-урта, разнообразясь беспорядочным размещением и разноцветностью слоев каменистых пород, производили при солнечном освещении какой-то волшебный вид с моря. Взор обманывался невольно, и на этих пустынных берегах рисовались храмы, башни, шатры,' колонны и прочее. Вследствие такого разнообразия рисунков, весьма трудно было распознать действительное очертание берегов, и хотя со шхуны производилась съемка их, но верность ее была сомнительна по многим причинам...

Макшеевское "сомнительна" относилось к топографии, к ее точности, и в пользу своего мнения штабс-капитан приводил доводы, весьма убедительные.

... нам удалось пристать к берегу, образовавшему небольшой заливчик, скалистые берега которого были покрыты осетровою икрою, выброшенною, вероятно, весною; но на вершину Усть-урта мы не могли взобраться...

В этот-то день и возобновил Шевченко рисование. Двадцатое: его впечатления отмечены двумя, если даже не тремя, акварелями. Еще не оправившись от болезни, не восстановив силы физические, он испытал подъем духовный, да какой еще могучий. В стихотворчестве, которое вдруг пошло с необыкновенной силой, в рисовании красками... Сочетание разноликих искусств было ему

свойственно, только иной раз начиналось с рисования, а продолжалось поэзией, в другой -наоборот. Важна не последовательность - существенно взаимодействие. И не обязательно вовсе, чтобы в пределах одной, общей темы. Даже напротив. После грязи царей хотелось писать величественную и чистую природу. Тут же она казалась особенной.

Один день, только разное его время: утреннее, дневное, предзакатное.

Акварели 23 и 24 (в томе восьмом), как и многие другие, сохранил, прежде всего, Бутаков. Потом ими владела Ольга Николаевна, его жена, путешественница и художница. От нее это богатство перешло к приемной дочери и долго пребывало в семье Глазенапов. Ну а дальше уже - музеи в Киеве.

Рукой Бутаковой, ее пером сделаны пояснительные надписи: на первой - "Залив Аральского моря, куда рыба заходила метать икру (работы Шевченко)", на второй- "Усть-урт, залив Аральского моря -(раб.Шевченко)". Там и там есть засвидетельствования также одного из последних владельцев акварелей до передачи их на государственное хранение: "Из альбома А.И.Бутакова. С.Глазенап". Сергей Павлович Глазенап был крупным астрономом, почетным академиком и... зятем

Алексея Ивановича.

Есть в рисунках и "беспорядочность размещения", и "разноцветность слоев каменистых пород", и рисовавшиеся воображению "храмы, башни, шатры, колонны" - то, о чем пишет Макшеев. "Известняк, имеющий слегка розовый цвет" - из описания Бутакова - присутствует тоже. "Волшебный вид с моря..." Действительно, волшебный. С моря - палубы - и схвачено, и расцвечено. Фотографической точности, разумеется, нет, но образ местности, правда Байгубека - они здесь, притом неоспоримо.

... "На высотах видно много киргизских могил..." - констатировал Бутаков. У Шевченко я их поначалу не рассмотрел. На рисунке 24 могил нет. Но на предыдущем, двадцать третьем, нечто подобное угадывается. На двадцать пятом тоже.

Двадцать пятом? Да, не исключено, что и он байгубек-ский. А уж то, что устьуртский, и подавно. Может, карандашно зарисованный накануне, 19-го, когда была предпринята основательная попытка отправиться к берегу и выйти на него? Посмотрим на рисунок 159, переведем взгляд на акварель 25...

8.

О дне предыдущем - девятнадцатом.

Подробно - и точно - рассказал о нем Макшеев.

- В первый раз попытка наша была неудачна. 19 августа вечером шхуна встала на якорь, казалось, весьма в близком расстоянии от берега. В числе десяти человек мы сели в шлюпку с намерением осмотреть чинк или край Усть-урта и взобраться на него; но, против ожидания, мы плыли около часа, а берег казался все в том же расстоянии от нас. Наконец, когда мы приблизились к нему настолько, что могли отличить довольно мелкие береговые предметы, то, к крайнему огорчению, увидели, что утесы совершенно отвесно упираются в море и около них бушует бурун. Убедясь в невозможности не только взобраться на высоты Усть-урта, но даже пристать к берегу, мы должны были вернуться назад.

- Между тем, дырявая шлюпка уже успела наполниться водою, ветер стал свежеть и море разыгрываться, а шхуна виднелась едва заметною точкою на горизонте. Бутаков посадил на каждое весло по два матроса, всем сидевшим в шлюпке приказал выливать из нее шапками воду, а сам, управляя рулем, рассказывал, для придания бодрости команде, забавные анекдоты. В это время было, однако, не до анекдотов; не обращая на них внимания, все предались работе.

- Гребцы напрягали крайние усилия, от которых могли сломаться весла и тогда не было бы никакого шанса на спасение, потому что запасных весел мы не имели. Прочие лица,сидевшие в шлюпке, безостановочно выгребали из нее воду, но волны, перекидываясь через борт, снова подбавляли нам ее. Одна волна так сильно ударила в спину сидевшего на носу, что тот свалился в шлюпку. И ни одной улыбки, ни одного слова по этому поводу, все молча продолжали работу.

-Когда шлюпка приближалась к шхуне, Бутаков закричал: "спасательные машины". Нам были брошены на веревках пустые бочки, но мы ими не воспользовались и собственными усилиями добрались до шхуны...

Был ли "в числе десяти" Шевченко или оставался на "Кон- станти-не"? "Весьма в близком расстоянии от берега..." - "шхуна виднелась едва заметною точкою..." (Макшеев) - противоречие это психологически объяснимое: с какого места и в каком настроении смотришь. Но только после часа на плаву смогли в лодке "отличить довольно мелкие береговые предметы" и убедиться что "утесы совершенно отвесно упираются в море..." Карандашный рисунок (159) сделан не с палубы - в лодке, "прочие лица" это и он.

Но ведь болел.

Творчеству болезнь не помеха.

СОВЕТ В АДЖИБАЕ

1.

Обручев наставлял:

"Во время якорных стоянок, в особенности отдаленных от Сыр-дарьи, и у берегов соблюдать величайшую бдительность: чтобы ночью судовые огни были скрыты и оружие было всегда в исправности и готовности, также чтобы целая вахта вооруженная была наверху и часовые смотрели неусыпно вокруг судна и давали знать обо всем, что увидят..."

Выписку из своего предписания генерал посылал канцлеру Не-ссельроде. Главный по части дел иностранных, тот выразил некоторое неудовольствие: сообщенная ему инструкция заключает-де "одну ученую часть" и поэтому просит уведомить также о наказах, данных Бутакову "на случай, если бы он нашелся вынужденным послать часть команды на берег и если бы команда сия встретилась с киргизами или хивинцами, что очень может случиться во время продолжительного его плавания и занятий по описанию и съемке берегов Аральского моря".

Командир корпуса исписал это письмо своим карандашом -сочинял ответ в Петербург: "Имею честь ответствовать..., что как экипажи каждой из двух шхун, назначенных для описания Арала, будут заключать в себе не более 15 или 16 человек, следовательно на берег может выходить только весьма незначительное число людей, которые должны будут, коль скоро заметят в каком бы то ни было числе киргизов или хивинцев, немедленно сесть на ял и возвратиться к шхуне, притом самая необходимость в высадке на берег должна встретиться единственно тогда, когда бы следовало запастись свежею водой или снять топографически какой-либо преимущественно важный пункт морского берега; то я и не полагаю, чтобы начальник экспедиции дозволил себе послать на берег команду, не будучи уверен наперед в безопасности, а притом и в данных наставлениях ему воспрещено входить в какие бы то ни было сношения с киргизами и хивинцами и вообще во время плавания велено соблюдать величайшую осторожность..."

Читая эту официальную тираду, много раз останавливаешься дабы перевести дыхание. И всякий раз недоумеваешь от наивности отнюдь не наивного, весьма опытного и даже прозорливого начальника края.

"...воспрещено входить в какие бы то ни было сношения с киргизами и хивинцами..."

Запрет, по меньшей мере, странный.

Выписки извлечены из уже знакомого нам дела: ГАОО, ф.6, оп.10/2, д.2, лл.4-9. Знакомого, но со многими неизвестными.

2.

Бутаков:

...21. Утром снялся и пошел далее к югу. От Байгубека пласты известняка начинают склоняться к воде от севера к югу, и утесы состоят преимущественно из глинистого сланца. Берег идет отсюда ниже, и глубина становиться меньше. Тут начались штили, заставлявшие меня часто становиться на якорь...

Однажды в нем мелькнув, любой его замысел никогда не исчезал бесследно. Теперь же, когда идея "Царей" (будем так называть этот цикл, эту поэму и мы) получила свое реальное начало и свое весомое развитие, тянуло к продолжению - сочинять, записывать.

...Опять о царе Давиде.

І поживе Давид на світі

Немаліі літа, І одряхле...

Над старостью, немощью, бессилием смеяться грех. Но разве царь человек? Нелюдь! Жалеет, щадит ли кого сам? Такого не было и нет. Так как не радоваться посрамлению его, упадку духа и тела?

И еще один сюжет из Библии - ее Третьей книги царств: "И царь Давид бысть стар прешед дни и одеваху его ризами (многими), и не согревашеся. И реша отроцы его ему: да поищут господину нашему царю девицы юныя, и предстоит цареви, и будет греющи его, и да лежит с ним, и согреется господин наш царь. И искаша отроковицы добрыя от всего предела Израилева. И обретоша Ависагу Сумантяны-ню, и приведоша ю к царю. И бе отроковица добра видением зело, и бысть греющи царя и служаше ему: царь же не позна ея" (В современном переводе на русский язык звучит это место так: "Когда царь Давид состарился, вошел в преклонные лета, то покрывали его одеждами, но не мог он согреться. И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтоб она предстояла царю и ходила за ним и лежала с ним, - и будет тепло господину нашему царю. И искали красивой девицы во всех пределах Израильских, и нашли Ависагу Сунамитянку, и привели ее к царю. Девица была очень красива, и ходила она за царем и прислуживала ему; но царь не познал ее")

Можно было, скажете, ограничиться всем понятным русским текстом? не воспроизводить трудночитаемый старославянский? Для сопоставления сюжетов - можно. Но он-то читал "славянскую Б и б л и ю". Ее "в ы с о к и и штиль" имел в виду и вспоминал во вступлении "Та штилем високим розмалюю помазанних..." Не прочтешь сей источник, почувствуешь ли сарказм поэта, царей не жалующего?

...Облизавсь старий котюга

І пазорі слинить...

Ледве, ледве простягае

До сумантяниі –

Бо була вона над всіми

Краше добротою...

І та гріючи старого

Давида собою

Як уже вона там гріла?

Того ми не знаем...

А він грівся коло неі

І, і, не позна ю!...

Б и б л и я: "...и приведоша ю к царю..."

Перевод: "...и привели ее к царю..."

" Ц а р і ":...і, і, не позна ю!.."

Это библейское, старославянское "не позна ю", как сочно оно завершает его отнюдь не добродушный бурлеск...

Завершает? Казалось, что нет, конца все-таки не хвата- ет. Думал, искал и, как решил для себя, нашел.

...Дивуються що кіт мурий

Не ворушив сала,

А у його сіромахи

Зубів не осталось!..

Десять лет спустя, вернувшись к поэме, Шевченко эту концовку вычеркнет как лишнюю, ненужную, и вообще перера- ботает так, что возникнет новый ее вариант, во многом от- личный от начального. Но здесь я нарочно не касаюсь текста переработанного, переписанного -важнее важного сейчас для меня то, что выходило из-под его пера во дни и ночи аральские.

...А за третим разделом, третьей частью ждет выхода новое. О князе Владимире, о том, как возжелал он и взял себе в жены полоцкую княжну Рогниду. В отличие от предыдущих, этот сюжет был навеян не Библией - вспомнилась история, вычитанная в Лаврентьевской летописи. Читал ее давненько, иные детали подзабыл, но между эпизодами из жизни библейского Давида и летописного Владимира связь представлялась очевидной. Не чужая - собственная, отечественная история... не иудейс-кая - своя, православная вера... Нравы же царские, подлости их, преступления - как они схожи! По двору тихо похожае,

Старий веселий Рогволод,
Дружина, отроки, народ,
Кругом його во златі сяють...

Ждут желанного жениха Рогниды - весела она, весел отец, радуется народ. И не знают, не ведают, чем ожидание обернется, чему быть совсем скоро.

.Не з Литви йде князь сподіваний
Давно знаемий, давно жаданий,
А із Киева туром буйволом
Іде веприщем за Рогнідою
Володимер князь со киянами...

Веирь - дикий кабан. Веприщем - разъяренным кабаньим стадом.

.Прийшли і город обступили і запалили!
Владимер князь перед народом
Убив старого Рогволода.
Побі народ, княжну поя,
Отиде в облаеті своя.
Отиде з шумом... і растлі ю І прожене ю, і княжна
Блукае по світу одна...
Так отакіе то святиі!

Старославянская лексика помогает времени и событию зазвучать в их полной достоверности. Слова, выражения современного языка рядом с "п о б і", "п о я", "р а с т л і ю", это перекличка вчерашнего и сегодняшнего, это напоминание-утверждение: такое было - такое есть.

...отакіе то святиі!
Вывод из сюжета последнего и - вывод общий, из всего написанного.
Конец?

3.

Б утаков:

...22. Снявшись на рассвете, я подошел под вечер к урочищу Аджи-бай и стал на якорь на глубине 41/2 саж.

Заметим:под вечер.

И тут же пренебрег предостережением Обручева о "вели- чайшей бдительности", как равно категорическим запретом "входить в какие бы то ни было сношения" с местным населением.

На этот счет есть свидетельства, притом достаточно пол-ные.

Бутаков:

...Видя на берегу много кустарника, я послал прап. Поспелова с вооруженной партией рубить дрова. Пока люди мои, с которых на судне не сводили зрительной трубы, занимались этим делом, к ним подошло несколько человек киргизов и туркменцев дружелюбно и без оружия; я тотчас же поехал на берег сам, взяв с собою прикащика Захряпина, отлично знающего татарский язык, и мы

вступили с пришедшими в дружественные разговоры, подарив им несколько иголок и платков. Один изихаксакалов, "белобородых" или старшин, сказал мне, что дней 10 тому назад прошли мимо их хивинцы, возвращавшиеся после своих неудачных нападений на наши отряды - вероятно того скопища, которое ходило к Новопетровскому укреплению. Хищники шли в самом жалком положении, без лошадей и верблюдов по двое и по трое, изнуренные, измученные, голодные. Аксакал говорил также, что кочующие в тех местах киргизы послали одного избранного аксакала в Хиву объявить хану, что если он будет продолжать забирать у них насильно верблюдов (что было в настоящем случае) и скот и брать с них джекета, когда ему вздумается, то они перейдут к русским, которые, как до них дошли слухи, не грабят и не обижают киргизов.

Макшеев:

...Желая воспользоваться близостью человеческого жилья, чтобы достать свежего мяса, которого мы не имели давно, Бутаков отправил на шлюпке Поспелова, но лишь только последний вышел на берег, как раздался ружейный выстрел. Думая, что кочевники напали на них, Бутаков, забрав с собою оружие, немедленно отправился сам на буда-ре, но оказалось, что выстрел был сделан Поспеловым по красному гусю (flamingo). Кочевники же, то-есть киргизы (Чиклинского рода, Джакоимова колена, Карабашевского отделения) и туркмены приняли нас дружелюбно. В разговорах с ними они выражали свое неудовольствие на хивинское правительство, завидовали участи киргиз, находящихся в подданстве России, и изъявляли желание перекочевать на нашу степь, если бы не боялись мщения Хивы. Хивинский хан, говорили они, недоволен устройством русской крепости на Сырдарье, но мы понимаем, что русские основали ее не для враждебных действий, а для облегчения торговли с Хивою же с помощью Аральского моря, и видим, что они никакого зла нам не делают, напротив, киргизы, им подвластные, благоденствуют. На чистосердечие этих отзывов, конечно, нельзя было пола- гаться, так как карабашев-цы пользуются в степи незавидною репутациею; но они не скрыли от нас печальных для хивинцев последствий дела 26 мая при Достановой могиле и в заключение дружественной беседы поменяли нам барана за чекмень(кафтан). Благодаря карабашевцам и скорому прибытию шхуны в залив Кин камыш, в котором вода была пресная из Амударьи, мы подкрепили свои силы, истощенные слишком продолжительным уже постом...

О предписанной Обручевым осторожности они все же не за-бывали. Впоследствии, в донесении своем, Бутаков сообщит такую подробность: "На вопрос, кто мы, я отвечал, что мы рыбаки и смотрим места, удобные для промысла". И тут же: "Против Аджибая вода заметно преснее морской, и киргизы поят ею скот и употребляют ее сами для пищи и питья" (ЦГАВМФ, Ф.410, оп.2, д.147, л.33 об.)

Общение на берегу Аджибая было и дружественным, и по- лезным.

адж'ибай з.б.

Рука Шевченко, им сделанное обозначение.

Аджибай, Западный бере г...Еще один участок аральской суши запечатлевал его быстрый карандаш на исходе 22 августа. Рисунок 155: та же определенность ландшафта, неизменное разнообразие деталей.

Меж тем день вот-вот уйдет, время для такой зарисовки не ахти какое выгодное...

Упорно думаешь и о том, что из этого же дня вырази- тельнейший, хотя явно эскизный, торопливый набросок, скучно названный в публикации восьмого тома "Группа казахов и участников экспедиции на берегу Аральского моря" (рис. 123).

В беглой карандашной картинке запечатлена не только встреча, а и глубокая мысль о том, как много в собравшихся людях общего.

Общих забот, тревог, надежд...общих врагов и опасное- тей.

Была бы на основе наброска написана картина, предложил для нее название: "Большой совет". И не преминул напомнить о встрече в Аджибае. Встрече дружелюбной и дружественной...

4.

Из донесения Бутакова:

...23-го задул противный ветр, и я пролавировал до ночи, желая добраться до урочища, где высоты Усть-урта начинают заворачивать к западу, для определения этого места. Глубина тут постоянно уменьшалась. Ночь простоял на якоре...(л.33 об.)

...Так отакіе то святиі!

Этим можно было и закончить.

Но поэма, уже, казалось, дописанная, продолжала бередить его душу. Все чаще слышал он о хивинском хане, сатрапе и деспоте, загубившем множество людей, но тем не насытившемся. Стонут, плачут от его злодейств мирные казахи, всегда под мечом их аулы, в страхе жены и дочери, в нищете дети. И тут бесчинствуют самовластные правители. Проклятье им!

...Бодай кати іх постинали,
Отих царів, та ще и святих
Морока з ними щоб вы знали
Мов дурень ходишь коло іх
Не знаеш на яку ступить...

Не терпелось выговориться до конца, высказать, излить все, что наболело, накипело. Цари, властители украли у народа свободу - как без нее жить? чем дышать?

...А де нема як кажуть волі,
Не буде там добра ніколи,
Шкода і оливо тупить!..

О л и в о - олівець - карандаш... Нужно ли тупить карандаш, доказывая то, что доказательств не требует? Неужто есть еще такие, которым истина эта не ясна?

...Ходімо в селища, там люде
А там де люди добре буде
Тілько не треба іх учить
Своім писаніем, нікого
Не навчиш ти, тебе самого
Великим дурнем назовуть
А книжку граться отдадуть
Маленьким діткам більш нічого!
……

К людям, простым людям... Не учить, поучать их, не мораль им читать - среди них жить, с ними делить сокровенное.

...А там де люди добре буде...

Уж в этом сомневаться не приходилось.

На долгих, многотрудных путях к читателю поэма претер- пит много изменений. Но не в главном. Главное останется.

Бодай кати іх постинали,
Отих царів, катів людських...

ШТУРМАН ПОСПЕЛОВ

1.

Первым из россиян на берег Аджибая ступил прапорщик Поспелов. Ради чего туда отправился? Бутаков и Макшеев пишут об этом по разному. Докапываться до истины в малозначительном по сути своей вопросе нужды нет, а чем все обернулось мы уже знаем. Посольство увенчалось полным успехом - гораздо более полным, чем предполагалось поначалу.

Но отчего к этому событию возвращаюсь? Шхуна давно снялась с якоря и, лавируя, движется дальше. То движется, то замирает, меняется ветер, меняется глубина - задачи с неизвестным, даже со многими неизвестными, на каждом шагу.

Чего стоило, скажем, прожить двадцать четвертое...

Б ута ков:

...24. На рассвете снялся при попутном ветре и в 10 ч. утра стал на якорь против урочища Кынькамыса. Далее идти было невозможно, потому что глубина стала менее 1 с чет- вертью саж., а поперек курса, на милю вперед, тянулась полоса камыша. Лишь только я бросил якорь, ветр сильно скрепчал и развел большое волнение вроде бурунов, но шхуна отстоялась благополучно. К вечеру стихло, и я поехал на шлюпке промеривать далее к югу. На 1/2 версты от шхуны вода была уже совершенно пресная, а около камыша глубина 3-2 ф. Далее к востоку, где оканчивался камыш, есть, вероятно, фарватер, который ведет в устье Амударьи, разливающееся тут Айбугирским озером, о чем мне также говорил аджибайский аксакал.

В уверенности, что здесь одно из главных устьев Аму, так как пресная вода выбивается в море верст на 15, и повинуясь данной мне инструкции, я не смел продолжать моих исследований, а потому решился сделать наблюдения на берегу у Кынькамыса и потом идти осматривать восточную сторону Аральского моря. Образование берега здесь различно от остального Усть-урта, где утесы поднимаются почти отвесно на 300 и 400 ф. У Аджибая от воды до высот гладкое взморье расстоянием около четверти версты, потом начинаются отвесные утесы около 100 ф. вышины из пластов глинистого сланца. Вершины этих утесов представляют равнину шириною версты 11/2, параллельную к берегу, поросшую травоют кустами саксаульника и гребенщика и усыпанную обломками такого же камня. А далее опять высоты фут на 100 или 80 по отвесу, которых скаты покрыты землею и травою...

Снялся...Бросил якорь...Я...я...Ничего общего с превознесением себя и принижением других нет здесь и в помине. Все просто и понятно: командир ответственен за любое действие, за каждое решение. Спрос с него, и только с него. Команда подчинена ему одному.

Но после командира первый на судне это штурман.

О нем у Даля: "кто ведет дневник пути корабля, делает счисленье, наблюдает и вычисляет широту и долготу, определяет место корабля на карте".

В современном словаре еще определеннее: "должностное лицо на флоте..., имеющее специальную подготовку и обеспечивающее точное и безопасное плавание...несет также ответственность за техническую исправность и правильное использование навигационных приборов, подготовку и выдачу данных, необходимыхдляпримененияоружия..." о

Оружие было и на "Константине", но штурман судна больше занимался всем другим - и го Далю, и по традиционным служебным инструкциям.

Штурман Поспелов

Мне совестно, что в книге моей вспоминаю о нем так редко, и все мимоходом. Бутаков есть, Макшеев есть, а Поспелова не сыскать.

Несправедливость эту надо исправлять.

Представлю вам жизнеописание Поспелова в самом точном его виде. Со всеми подробностями, хотя и сугубо официальными. Эмоций такие произведения не допускают.

"Произведение", о котором речь, - "Формулярный список о службе и достоинстве корпуса флотских штурманов прапорщика Поспелова 1-го"(ЦГАВМФ, ф.406, оп.3, д.353, лл.958-961).

Добавлю: документ из 1849 года.

2.

Самое первое -представление:

Прапорщик Ксенофонт Егоров сын Поспелов, от роду 28 лет, получает жалованья 230 рублей серебром в год.

А далее вопросы и ответы. Общепринятые вопросы и совершенно конкретные ответы.

Итак...

В службу вступил и в оной какими чинами и когда происходил?

В 1831 году марта 24-го в 1-й штурманский полуэкипаж.

В 1839 году марта 26 дня произведен в кондукторы корпуса флотских штурманов.

В 1845 году апреля 15 дня произведен в прапорщики.

(Комментарий: родился в 1821-м, в службу по штурманской части записан был в десять лет, первый чин, равный унтер-офмцер-скому, получил в восемнадцать, или около того).

Происхождение, исповедание, женат или холост?

Из обер-офицерских детей, сын штурмана 9-го класса, российской нации, православного исповедания, холост.

Имеет ли за собою, за родителями...недвижимое имение?

Не имеет.

Сколько кампаний служил на море (от которого до которого места, под чьею командою?

В 1831 и 1832 годах при береге в 1-м штурманском полу-экипаже под командою генерал-майора Степанова 1-го.

В 1833 году - от Кронштадта до Дагерорда, на пути заходили в Ревель, Свеаборг и обратно в Кронштадт. На фрегате "Нева" под командою капитан-лейтенанта Никольского.

В 1834 году - от Кронштадта до Дагерорда и обратно в Кронштадт. На корабле "Император Александр 1-й" под командою капитана 1 ранга Бойля.

В 1835 году - от Кронштадта в Данциг, оттуда в крейсерстве по Балтийскому морю и обратно в Кронштадт. На фрегате "Елизавета" под командою капитан-лейтенанта Аболешева.

В 1836 году - от Кронштадта до Дагерорда, на пути заходили в Ревель, Свеаборг, Гангут и обратно в Кронштадт. На шхуне "Дождь" под командою капитан-лейтенанта Демаплета.

В 1837 году - от Кронштадта до Ревеля и обратно. На тендере "Лебедь" под командою капитан-лейтенанта Камарама.

В 1838 году - от Кронштадта по портам Финского залива в Ревель и обратно в Кронштадт. На лоцсудне "Тритон" под командою капитана корпуса штурманов Семенова 1-го.

В 1839 году - в крейсерстве между Кронштадтом и С.-Петербургом. На фрегате "Отважность" под командою капитан-лейтенанта Римана.

В том же году, с 11 сентября по 1 октября, - в стоянии на Кронштадтском рейде. На шхуне "Метеор" под командою капи- тан-лейтенанта Бровцына 2-го.

В 1840 году - от Кронштадта до Ревеля...На шхуне "Дождь" пид командою капитан-лейтенанта Машина 1-го.

В 1841 году, с 23 июня по 23 июля, - в занятии брандвахтенного поста на Кронштадтском рейде. На фрегате "Кастор" под командою капитана 2-го ранга Князева.

В оном же году, с 28 июля по 12 августа,-в стоянии на Кронштадтском рейде и в крейсерстве в Балтийском море у Красной горки. На корабле "Россия" под командою капитана 1-го ранга Карпова.

В 1842 году, с 25 мая по 31-е того же месяца, - в стоянии на Ревельском рейде. На корабле "Император Александр 1-й" под командою капитана 1-го ранга Шулепникова.

В оном же году, с 31 мая по 11 сентября, - из Ревеля в крейсерстве в Балтийском море и в Кронштадт, потом для занятия Северной банки у острова Гогланда и в Кронштадт из оного с десантом...На бриге "Антенор" под командою капитана 2-го ранга Стенового и капитан-лейтенанта Баранова.

В 1843 году, с 12 мая по 10 августа, - из Кронштадта в отряде генерал-адмирала и обратно в Кронштадт из оного, в крейсерстве у острова Гогланда, потом в Ревель и обратно в Кронштадт. На фрегате

"Екатерина" под командою флигель-адъютанта капитан-лейтенанта

Глазенапа.

В оном же году, с 10 августа по 4 сентября, - из Кронштадта в Ригу с десантом 3-го стрелкового батальона и обратно-На том же фрегате под командою капитан-лейтенанта Опочинина и капитана 2 ранга

Тыринова.

В1844 году - при съемке Балтийского моря на островах Лавен-Сари и Пени...В Северном отряде под начальством капитана 1-го ранга Рейнеке 2-го, на бриге "Ариам" под командою капитан-лейтенанта

Попова.

В 1845 году - при съемке Балтийского моря в Лугской губе...В том же отряде на бриге "Диомид" под командою капитана 2 ранга Дмитриева.

В1846 году - при описи Финского залива на острове Сескаре и мысе Кургало...В том же отряде на бриге "Диомид" под командою капитан-лейтенанта Броуна.

В 1847 году - от Кронштадта до Свеаборга и обратно в Кронштадт с 24 мая по 28 сентября. В том же отряде под начальством капитана 1 ранга Рейнеке 2-го в причислении к яхте "Голубка".

В 1848 году - при описи Аральского моря с 25 июля по 6 октября. На шхуне "Константин" под командою лейтенанта Бутакова...

(Комментарий: пятнадцать лет плавания в море...шестнадцать судов разных типов: фрегатов, бригов, шхун, яхт...двадцать командиров всевозможных чинов...участие в походах разной дальности, десантах, с'емках, описях... - вот что из списка этого, достаточно длинного, явствует, вот какой опыт за ним стоит).

Во время службы где, когда и чем себя отличил, какие получил награды и похвалы?

Отличить себя случая не имел...

По высочайшему повелению награжден 76р. 66к. серебром - 1847

года, апреля 3 дня.

(Комментарий: за участие в описи финского залива и его

островов...)

18 февраля 1848 года, будучи откомандирован по высочайше м у повелению к описи Аральского моря, отправился из С.-Петербурга в Оренбург, где находился при постройке шхуны "Константин" до 29 апреля, после чего отправлен с разобранною шхуною в крепость Орс-кую, откуда выступил 11 мая с транспортом в Раим. Прибыл туда 14 июня, находился на Сырдарьинской пристани при составлении вновь и приготовлении к походу означенной шхуны до 25 июля. По окончании компании...

(Но компания сорок восьмого далеко еще не окончена и забегать вперед не станем. Скажу лишь одно: подписавший формулярный список командир Отдельного Оренбургского корпуса В.А.Обручев не мог засвидетельствовать награждения Поспелова за аральские его дела, но в совсем краткий перечень отличий прапорщика счел нужным внести уже сам факт участия в этой экспедиции. Не правда ли, внимания заслуживает?.. Однако список до конца еще не досмотрен - вернемся к последним его записям).

От кого и как каждый год аттестовывался?..

Повсегодно от гг.командующих аттестован был: в поведении и должности хорош.

..весьма хорош...

...поведения благородного, в должности усерден...

...с прежней аттестациею согласен...

...хорош...

И так тридцать раз.

В штрафах был?.. Не было ли делаемо выговоров?..

Не бывал.

Где, когда и сколько времени был в отпусках?..

Не бывал.

Нет ли каких препятствий к награде знаком отличия?..

Невыслуга лет препятствует.

(Комментарий: статут знака отличия безупречной службы неумолимо строг, и если до пятнадцати лет не хватает даже недели - к награде тебя не представят).

Внешность и характер Поспелова по этому документу не представишь, многое важное (для нас важное) из него не почерпнешь, но то, что в делах он "поведения благородного" и "очень хорош", что море для него главное в жизни, в этом сомневаться не приходится.

Последние четыре, в высшей степени похвальные, аттестации Поспелова исходили от капитана первого ранга Рейнеке. Он же и рекомендовал его в Аральскую экспедицию.

Поначалу не как кандидата единственного - назывались и другие. В официальном письме о назначении штурманских офицеров для описи Аральского моря он заявлял и определенно, и обдуманно:"желающих нет, а я нахожу способными выполнить это поручение подпоручика Таранцова, прапорщиков Поспелова и Дьяконова" (ЦГАБМФ, ф.283, оп.1, д.6435, л.40-40об.)

Двое других по разным причинам отпали; что же касается Поспелова, то ему "для отправления к месту назначения" приказали "явиться в канцелярию военного министерства". Явиться вместе с лейтенантом Бутаковым, будущим своим начальником. Они-то стали теми "двумя опытными флотскими офицерами", которых после двухмесячной переписки и отобрали "для командирования к обозрению и наблюдению за с'емкою южной и западной части Аральского моря".

Ни тот, ни другой тогда и представить не могли, какой об'ем работ им поручается, с какими трудностями столкнуться придется. Но оба были потомственными моряками и чего-чего, а неведомо

г о не страшились.

Добрым предзнаменованием, над которым они посмеивались, казалось то, что отец Бутакова, Иван Николаевич, служивший на флоте с 1785-го, в двадцатые годы командовал кораблем с тем же названием "Константин" (точнее "Царь Константин"), ходил на нем по многим морям, участвовал в сражении с турками и...стал контр-адмиралом. Контр-адмиральский чин Поспелов предрекал и сыну. Но было до этого ох как далеко!..

Из Петербурга отправлялись в путь 18 февраля. Теперь шел август, еще и полгода после прощания со столицей не минуло, а уже сдавалось, что на Сырдарье да Арале невесть сколько времени. С'емки и описи на Балтике, которыми занимался с 1844-го, легким делом не были, да и вообще "легкого дела" на флоте не ищи. Тут же все усложнилось стократно. Непонятное море, коварное море, но - тем оно интереснее, заманчивее. Море, о котором не сложено ни одной песни...

Забегая вперед, сообщу отзыв Бутакова о Поспелове, посланный Обручеву в марте сорок девятого:

"...Один я никак бы не мог достигнуть результатов, удостоившихся высочайшего одобрения, если б у меня не было усердных и деятельных помощников. Прапорщик корпуса флотских штурманов Поспелов был весьма полезен во время постройки судна и наблюдал за кузнечными работами; он же был при заготовке морской провизии. Астрономические обсервации мы делали вместе. Во время плавания он вел шканечный журнал и счисление пути шхуны и весьма облегчал мне управление судном, так что, оставляя его наверху, я мог вполне положиться на его знание и бдительность. Вообще он показал себя во всех отношениях офицером, знающим свое дело, отважным и отлично усердным..." (ГАОО, ф.6, оп.10/2, д.2, л.22).

А вот и взгляд со стороны - его же характеристика у

Макшеева:

"Поспелов был человек сведущий по своей части, предприимчивый, энергичный и вместе с тем чрезвычайно скромный, добрый и мягкий.

По окончании описи он несколько лет оставался на Сырдарье, но мало-помалу стал впадать в меланхолию, постепенно угасал и, наконец, скончался, оставив о себе самые теплые воспоминания во всех, кто его знал близко".

Скромный, добрый и мягкий... Тараса это подкупало особенно. Было меж ними много общего, но больше всего роднили именно эти черты, присущие что одному, что другому.

Виделись, разумеется, не раз на дню: шхуна! - пространство тесное, не разминешься. Ночь сводила их в каюте - если духота не заставляла перекочевывать на палубу. Не однажды плыли в лодке - к берегу и обратно. Подчас вместе оказывались на приморской суше, на здешних островках и островах.

Но был штурман Поспелов едва ли не самым занятым лицом на "Константине" - всегда сосредоточенный, всегда в деле. И подружились они, сошлись братски уже тогда, когда морские заботы от штурмана отхлынули. Сначала на Косарале, потом - еще теснее - в Оренбурге.

"Поцелуй Поспелова", - просил он годы спустя.

ЮЖНЫЙ, ИЛИ ХИВИНСКИЙ

1.

Вернусь к предыдущей, от двадцать четвертого, записи начальника экспедиции и выпишу из нее несколько слов, а именно: "...повинуясь данной мне инструкции, я не смел продолжать моих исследований..."

Инструкция, запрещающая исследования? О чем это?

Макшеев:

- В сороковых годах, после наделавшей столько шума хивинской экспедиции, наша политика в Средней Азии была крайне осторожна. Из боязни возбудить недоверчивость Англии, министерство графа Не-ссельроде делало иногда такие распоряжения, которые не только не соответствовали достоинству и интересам России, но и не могли быть исполнены на месте. Поэтому лучшие непосредственные деятели, чтобы не ронять кредита России на дальних ее окраинах, принуждены были обходить эти распоряжения, принимая последствия на свой страх и ответственность. Между такими распоряжениями особенно странны были два запрещения, одно - гарнизону Раимского укрепления и вообще всем русским переходить, за чем бы то ни было, на левый берег Сыра, и другое - не только рыболовам, но и описной экспедиции Аральского моря приближаться к южному, хивинскому его берегу- В интересах России и науки Бутаков не мог подчиниться этому пункту данной ему инструкции. Нарушая его, он оправдывался противными ветрами, штилем и прочее, но после успеха дела оправдания эти оказывались излишними...

Поход, предпринятый в ноябре 1839 года экспедиционным отрядом под командованием оренбургского военного губернатора В.А.Перов-ского для завоевания Хивинского ханства, потерпел крах. Отправлялось пять тысяч человек - вернулось куда меньше половины. И это при том, что до Хины не дошли, повернули с полпути. Сказалась неподготовленность к тяжким условиям зимнего перехода через безлюдные, пустынные степи. Солдат убивали морозы, косили болезни, мучил голод. Воротился блистательный генерал в Оренбург никак не со щитом.

После этой-то экспедиции и осторожничали. Инструкция, которую имели в виду и Бутаков, и Макшеев, была недвусмысленной: "...предписывается вам отнюдь не осматривать южный берег этого моря, островов, лежащих против р.Амударьи, и устья этой последней реки, дабы не возбудить неудовольствия хивинского правительства и тем не поставить во враждебное отношение". (ГАОО, ф.6, оп.10/2, д.2, лл.4-7 об.) .Не желали дразнить ни Хиву, ни ее покровительницу Англию.

Но что за море без одного из берегов? Какая полнота и, стало быть, цена описи, в которой окажется обойденной огромная полоса?

Инструкция инструкцией, а дело делом.

Без риска успех недостижим.

Бутаков брал ответственность на себя.

2.

Южный берег Арала начался для экспедиции, собственно, с Аджибая.

И для экспедиции, и для Шевченко.

Потому на шхуне и "не сводили зрительной трубы" от берега, оттого при первом же выстреле Поспелова вооруженный Бутаков с командой (полагаю, небезоружной) без промедления сел в лодку и пустился навстречу опасности.

Все там закончилось, вполне мирно. Для всех мирно, а для Тараса еще и продуктивно творчески: выразительной зарисовкой прибрежных скал и холмов...добротным эскизным наброском композиции со множеством людей...

Ургун-мурун (сам пометил: Ургун Мурун) запечатлел он с палубы, пользуясь при этом, наверное , и "зрительной трубой" (рисунок 156). Иначе как разглядел бы довольно мелкие детали? "Шхуна не могла приблизиться к мысу Ургун-Мурун, - свидетельствовал Макше-ев, - ближе чем на 10 верст..."

Берега были хивинскими, и на "Константине" это помнили.

Макшеев:

...25-го августа, в час пополудни шхуна направилась от Ургун-му-руна на северо-восток и, сделав верст 25, увидела перед собою остров Токмак-ата, а влево обозначился другой небольшой островок, оказавшийся впоследствии косою первого. Тогда шхуна переменила курс на северо-запад. Между тем, ветер стал свежать и заставил нас, обогнув островок, искать за ним убежище. На следующий день ветер стих совершенно и затем в остальные дни августа и в первые дни сентября стоял сначала глубокий штиль, а потом подул северо-восточный ветер. Шхуна принуждена была лавировать, через что, хотя весьма мало, подвигалась вперед. Таким образом, мы две недели находились около южных берегов Аральского м оря и успели довольно хорошо осмотреть остров Токмак-ата и устья двух, главных протоков Амударьи, именно Талдыка и Улударь и...

Бутаков (из донесения):

25-го августа я перешел ближе к берегу, сделал наблюдения и в час пополудни при попутном ветре снялся с якоря и пошел...в полной уверенности, судя по данной мне в Оренбурге карте Аральского моря, что находящийся против устьев Аму остров Токмак-ата останется у меня далеко к югу, миль на 25. К вечеру, однако, я увидел перед носом берег, и вскоре потом открылся берег далеко к левой руке. Полагая, что первый из них Токмак-ата, а другой новое открытие, я направился ко второму с намерением простоять на нем ночь, так как ветер усилился и уже развел волнение... К рассвету стихло, но осталась большая зыбь, и я увидел себя в небольшом расстоянии от Токмак-ата и на воде почти пресной. Вскоре после этого сделался мертвый штиль... (ЦГАВМФ, ф.410, оп.2, д.147, л.34-34 об.) Он же Св "дневных записках"):

26...На берегу острова, состоявшего из песчаных бугров и местами растительной, по-видимому, земли и поросшего, сколько можно было рассмотреть с топа мачты, высоким гребенщиком, осокорью и д ж и д о в н и к о м (джида - дикое фруктовое дерево, как говорил мой киргиз), а после воды камышом, - на берегу острова видны были кой-где кибитки, ходили верблюды, бараны и рогатый скот. По временам показывались на аргамаках всадники, смотревшие на шхуну с любопытством, но лодок не было видно.

Не имея возможности сняться с якоря при штиле и противной зыби и желая, чтоб нечаянное пребывание мое у этих мест не осталось бесполезным для гидрографии, а вместе с тем, чтоб не возбудить подозрения хивинцев, я отправил ночью г.г.прапорщиков Поспелова и Акишева на шлюпке, чтоб промерить далее к югу, дав им глухой фонарь, компас, достаточное количество огнестрельного и белого оружия, и приказав обвертеть вальки весел, чтоб не было слышно гребли. Сам же я оставался на судне, приведя его в совершенную готовность отразить всякое нападение: орудия были заряжены картечью, заряженные штуцеры, мушкетоны, охотничьи ружья и офицерские пистолеты, пики и сабли - все было наверху, команда спала не раздеваясь и огни судовые были скрыты. Ночь, однако, прошла спокойно...

Той ночью на "Константине" была поистине военная обстановка. Бой мог грянуть в любую минуту, его ждали, к нему готовились. Но все обошлось без сражения. "Разведчики" вернулись благополучно..."...Прапорщик Поспелов донес, что он обогнул южную оконечность острова и, проехав несколько далее, нашел глубину не более 1.5 и 2 ф. в 1 /2 версте от берега; из чего я заключаю, что остров Токмак-ата соединяется с материком песчаною мелью и по западную сторону его нет устьев реки..." Добыли и другие полезные сведения, но остров с окрестностями"продолжал оставаться загадочным.

Попытка увести шхуну не удалась. Ветер, и без того тихий, замер вовсе, к одиннадцати утра (27-го) "совсем заштилело", и пришлось снова отдать якорь. Само море, казалось, настаивало на продолжении географических исследований.

27...Осмотрев с топа мачты местность, я увидел, что река впадает несколькими устьями, разливаясь на широком пространстве по мелям. Прапорщик Акишев, поднявшись на беседке на топ мачты, заметил по компасу румбы, между которыми заключались виденные нами устья, и нарисовал

их глазомерно. Вдоль острова Токмак-ата, на 2 версты от них, видно было еще одно широкое устье, также казавшееся мелким. Остров же отделяется от материка проливом шириною около 4 верст.

Я попытался выйти отсюда на веслах, но при большой зыби, катившейся сюда с глубины со всего Аральского моря, такая попытка не могла иметь успеха. После полдня я сделал наблюдения расстояния солнца-луны и определил по ним широту и долготу от Гринвича места стоянки шхуны. По всему берегу и в устьях не было видно ни одной лодки, и места эти, поросшие камышом-, казались необитаемыми...

"Необитаемость" могла быть кажущейся, густые камыши служили хорошим укрытием, если кто-то и впрямь следил за ними. Оставалось снова надеяться на темноту ночи. Теперь шлюпку решил повести сам Бутаков.

…Ночью, приготовив шлюпку со всеми предосторожностями тайны и военными, и выбрав гребцов, умевших хорошо плавать, я взял с собою прап. Акишева (оба мы также умели плавать), и мы потихоньку направились к берегу. Приблизясь настолько, что шлюпка не могла дальше идти, мы с прап.Акишевым разделись и таким образом с футштоком перешли поперек через все устья, готовые пуститься вплавь, если б глубина которого-нибудь из них оказалась слишком велика. Шлюпку между тем вели подле. Глубоких устьев, однако, мы не нашли, хотя в каждом из них, имевшем только 3 ф., быстрина была так сильна, что сбивала нас с ног и мы переправились через него на шлюпке; во всех же остальных было 1, 1.5, 2 и 2.5 фута, а в некоторых и меньше. Грунт на обнаженных отмелях вроде мягкой коры, которая колеблется под ногами; продавив ее, нога вязнет так, что ее с трудом можно вытащить; в самой глубокой и быстрой протоке вода вымывает из под ног песок, как в устье Сыра. Мы возвратились из этой поездки за час до рассвета, не замеченные никем, да, по-видимому, некому было и заметить нас...

3.

"Стоял на якоре", "не мог выбраться на простор", "мертвый штиль" - этим и только этим были отмечены еще двое суток. Но и они не оказались "пустыми". Наблюдали, видели и слышали, делали выводы. Каждый со своей стороны. Одного привлекал аспект краеведческий, этнографический, другого - военно-экономический.

Сравним - это небезынтересно и для пущей характеристики, лучшего понимания героев книги.

Глазами Б у такова:

…Остров Токмак-ата представляет большие удобства для устройства укрепления или коммерческой фактории. Доступ к нему весьма легкий, хотя судну и нельзя подойти очень близко. Но дно окружающей его отмели состоит из чистого песка с небольшой примесью ила, так что с гребных судов можно выгружать тяжести на телеги, которые, я уверен, не увязнут. Лесу на нем много - конечно, не строевого, но все-таки могущего быть употребленным с большой пользой, что я весьма хорошо мог рассмотреть с вершины мачты; корм для скота должен быть хорош и в достаточном количестве, сколько я мог судить по множеству пасшихся тут верблюдов, баранов, рогатого скота, вероятно, есть также корм и для лошадей, которых я видел довольно много. К сожалению, не могши выйти на берег по данной мне инструкции, я не мог судить о качестве почвы для земледелия, которым, судя по наружным признакам, здесь занимаются. Вода пресная подле, и рыбы, в то время, когда она идет на пресную воду, должно быть множество. В случае военных действий занять этот остров, придя с моря, можно с самыми незначительными силами и тогда скот, которого там множество, был бы важным приобретением. Для перевозки же тяжестей были бы весьма удобны железные плоскодонные баржи, которые сидят в воде очень мало и поднимают большие тяжести.

Глазами Макшеева:

...Остров Токмак-ата получил свое название от находящейся на нем могилы одного святого. У хивинцев существовало предание, что пока этот святой будет покровительствовать им, ни одно чужеземное судно не подойдет к устьям Амударьи. Другое предание гласило, что к северу от острова находится пучина, втягивающая в себя всякое приближающееся судно. Наша экспедиция достаточно

доказала нелепость этой молвы. Остров Токмак-ата, имеющий в длину от северо-запада к юго-востоку верст 25 и в ширину верст 5, вообще низмен, песчан и покрыт в изобилии кустарником, а берега его обросли камышом; но в двух метрах есть глинисто-солонцеватые высоты, именно в восточной части острова, где находится могила святого, и в юго-западной. На острове виднелось довольно много аулов, но постоянных кочевок на нем, говорят, не бывает. Только с августа месяца сюда приходит на поклонение много богомольцев, а зимою раз в год ездит по льду и сам хан. Богомольцев не пускают на остров, пока особые чиновники не соберут для хана растущую здесь в большом изобилии ягоду джиду, для сбережения которой строго запрещается рубить кустарник. Токмак-ата отделяется от материка проливом с пресною водою, шириною версты 4 и глубиною фута в два и даже меньше. Хивинцы сообщаются через него вброд или посредством небольших лодок, на которых управляются на шестах...

Ну а глазами Шевченко?.

Ни акварелей, ни рисунков с пометою "Токмак-ата" мы не знаем.

Вдруг расхотелось брать в руки альбом и карандаш? Вдруг отвратило от красок и кисти? С чего бы?

Да, он еще значился больным. Может, и впрямь чувствовал себя не лучшим образом. Но ведь рисовал в других местах, через которые проходили в эти же три недели. Рисунков ради спускался в лодку, плыл по неспокойному морю, высаживался на берег. Даже на южный берег- хивинский, а потому особенно опасный. Тогда не боялся - теперь забоялся?

Не в боязни суть. И не в болезни Художника. Тем более, что в фиксировании этих мест, в частности этого острова, Бутаков был заинтересован особенно, да и Макшеев, как офицер генштаба, не меньше. Придет время, развернутся военные действия против злокозненной Хивы - надо к ним быть готовыми, а, значит, только карты мало, наглядного материала надо иметь по-возможности больше.

Ни на миг не сомневаюсь: рисовал и тут.

Но, во-первых, сегодня мы не в состоянии точно определить места выполнения многих зарисовок и рисунков, публикуемых под самыми общими названиями, вроде "Гористый берег Аральского моря", "Берег...", "Скалы..." и им подобными.

Во-вторых, рисунки, выполненные здесь, имели военное значение и непременно должны были попасть не только в штаб корпуса, а и ^повыше, к стратегам в Петербурге. Не как произведения художника Шевченко (авторство их никого в этих сферах не интересовало), но как полезные и необходимые приложения к отчетам.

Не исключено, что лежат они среди прочих военных материалов, иной раз попадают на глаза историкам военного прошлого, а вот шев-ченковеды до них не добирались. Будем надеяться: пока. Собирание, исследование наследия Шевченко-художника - дело далеко не законченное.

Так что, соглашаясь с мнением А.Костенко, высказанным в его книге "За морями, за горами" (1984), о том, что "наверное, художественных работ было выполнено здесь гораздо больше, чем дошло до нас", никак не принимаю я следующего вывода исследователя те-мы:"Нет сомнения, что некоторые погибли во время обыска и ареста художника в Оренбурге после возвращения его из экспедиции..." Полноте, Анатолий Ильич, компрометирующим материалом против рядового Шевченко это быть не могло, да и происходила "окончательная отделка видов", главным образом, до переселения к Герну, в помещениях, выделенных Бутакову и под его наблюдением. Бросать их в огонь было незачем; не позволил бы этого и многоопытный военный инженер Карл Иванович Герн, квартирмейстер дивизии.

Итак, увидеть все это глазами Шевченко - увидеть сейчас- мы можем только всматриваясь в уже известные его рисунки и из совокупности их создавая обобщенный художественный образ. Подмогой в том, реальной подмогой, станут описания, оставленные для потомства Бутаковым и Макшеевым.

4.

О, власть инструкции!

"С вершины мачты можно было рассмотреть что-то похожее на реку с обросшими камышом берегами, но, повинуясь данной мне инструкции, я не смел осматривать этого рукава реки... Вероятно, этот рукав тот самый, который на наших картах означен под названием Улударьи. По рассказам киргизов, он глубок и называется Кугкузюк, т.е. Голубой рукав..."

По рассказам киргизов... С вершины мачты... Мог ли Бутаков довольствоваться только этим? Инструкция, составленная и подписанная Обручевым, все время одергивала:"н е с м е т ь". Не сметь приближаться... Не сметь вступать в переговоры...И даже "дневным запискам" - казалось бы, личной своей тетради - не признавался он в том, что предписания нарушал.

...30. Вылавировализ обширного залива, в который впадает Аму-дарья... Во всем этом заливе (Талдык-култук) пресная вода, которая...

...31. Шел вдоль южного берега к востоку... На ночь заштилело; стал на якорь...

...Сентябрь 1. То же самое.

...2. ...Южный берег, начиная от острова Токмак-ата и до этого места, вообще низмен... Иногда показывались из-за кустов хивинские всадники на аргамаках, как будто следившие за нами...

Только значительно позже, уже в шестидесятые годы, когда политическая и военная обстановка изменились, а власть обручевской инструкции над Бутаковым закончилась, смог он приоткрыть завесу над тем, что происходило в эти дни на самом деле, вопреки всем категорическим запретам.

Прочтем его статью "Дельта и устья реки Амударьи", напечатанную в "Отечественных записках", т. С XIX, отд. 1. Найдем такое в ней место (выделяю всюду я): "Я осматривал талдыкское устье в первый раз в 1848г. Чтоб скорее узнать, который из протоков судоходен, мы выбродили боль шую часть в первый же день, в чем никто нам не помешал; но дня через два, когда я осматривал остальные протоки, нас стер е г л и человек 50 хивинских всадников, посланных ханом, чтоб з ахватить меня живого или мертвого. Они ехали по берегу, вдоль которого я промерял глубины с шлюпки, и не посмели прямо напасть на меня, хотя нас всего было пятеро, но старались в ы манить меня на берег. Мы разговаривали с большою любезностью; я говорил, что мы рыбаки и желаем торговать с ними, а они звали меня к себе, предлагали продать рису, фруктов, изюму и проч. Увидев, что я удаляюсь, кончив свое дело, они рассердили сь, спешились и вошли в воду с ружьями -нобыло уже поздно. Они ругнули нас вслед, мои матросы со смехом ответили тем же - и мы расстались".

(Позже Бутаков слышал "оригинальный рассказ" о появлении "Константина" в устье Талдыка; вот он с его комментарием:

- На рассвете показалась на море превысокая белая гора, которой верхушка говорила с небесами (эффект марева на паруса); гора эта все шла и шла к берегу, потом вдруг остановилась и нырнула под воду (я спустил паруса, став на якорь). Вместо горы очутилась большая лодка; вскоре из большой лодки родилась маленькая и на ней русский тюря (начальник) разъезжал перед рекою и все втыкал в воду черные колья (я промеривал, сидя на руле, черным футштоком с правой стороны, обращенной к морю). Когда лодка ушла, посланные хивинским ханом батыри (наездники) велели каракалпакам непременно выдергать эти черные колья, чтоб представить их в Хиву; но как те ни старались, однако не нашли ничего - должно быть, колья были заколдованные...) О том же, что и у Бутакова, повествовал (и он много позже срока действия инструкции) Макшеев.

Его свидетельство дальше (и тут я считаю нужным кое-что выделить) :

- Во все время нашего плавания вдоль южного берега Аральского моря, на нем вид нелисьи днем и ночью сигнальные огни, а на равне со шхуною следовала партия, человек в сто, богато одетых всадников на прекрасных аргамаках. Однажды во время осмотра нами на шлюпке одного из устьев Амударьи мы подошли к берегу т ак близко, что могли переговариваться с хивинцами. "Б е р е к и л ь!берекиль! (подите сюда! подите сюда!) - кричали они, - у нас есть все, что нужно балыкчам (рыбакам) и мы охотно вам выменяем". Захряпин рассуждал с ними до тех пор, пока можно было делать промеры, а когда шлюпка села на мель и не могла далее идти, мы повернули ее назад. Тогда несколько всад ников бросили с ь за нами в воду, но мы уплыли, так как не имели ни малейшей охоты тащиться на арканевХиву.

- По ночам, когда шхуна стояла на якоре, на глубине нескольких футов, - продолжал он, - мы принимали меры осторожност йот нападения близких соседей... (То-то порадовался бы этому признанию генерал Обручев). В возможность такой предприимчивости с их стороны на шхуне не верили, но Альмобет сильно трусил и постоянно уговаривал Бутакова удалиться от хивинского бере-

г а. Раз днем, во время лавирования шхуны, на горизонте показалось что-то белое. Мы все приняли это за паруса и думали, что скоро встретимся с какою-нибудь из наших шхун, но Альмобет уверял, что это хивинский флот. "Я говорил вам, сказал он, что у сартов есть парусные суда, вы не верили, вот и вышло по моему. Я бы не боялся, если бы у нас было несколько судов, а с одним что сделаешь?" Мы все, однако, ошиблись: белевшая вдали точка была ни что иное, как птица баба (pelecanus onocrutalus)...

Хивинский берег был для Аральской экспедиции линией фронта. Достаточно опасной, как и любое место непосредственного соприкосновения с неприятелем. Если бы приближаться к этому берегу инструкция не запрещала, командир корпуса обязан был засчитать пребывание здесь "Константина", как нахождение на театре военных действий.

А значит...да, это значит, что на фронте - или в условиях, близких к фронтовым - побывал и нижний чин Тарас Шевченко.

В заслугу его (хотя бы на предмет осуществления дарованног о царем "права выслуги") такой факт, разумеется, не поставят. Обойдут стороною и другой: три недели болел, но дело делал, обязанности выполнял.

МАТРОСЫ

1.

"В это время задул свежий ONO и позволил мне наконец удалиться от хивинских берегов..."

Строка из отчета Обручеву, писанного уже по окончании кампании, но относящаяся к 2-му сентября. Оттуда же и последующее:

".. .Я начал лавировать к северу вдоль юго-восточного берега, желая определить астрономические пункты на восточном берегу; но неблагоприятные ветры делали эту лавировку весьма медленною..." (д.147, л.37).

Относительно подробнее в "дневных записках":

...3-6. Все эти дни прошли в усиленной лавировке, но мне не много удалось податься вперед: ветр, стихавший к утру, крепчал обыкновенно около 3 или 4 часов пополудни и разводил волнение, которое было тем опаснее при малых и неравномерных глубинах (1 3/4 саж., 11/2 саж., 1 1/4 и меньше), что заставляло меня становиться на якорь...

Писать было действительно нечего, если только на исходе четвертого дня взял он в руки тетрадь, и взял-то ради нескольких строчек, для записи сверхлаконичной. Раньше, кстати, пропусков не делал и дни не объединял.

Но вернусь к той же странице отчета-донесения:

"...7-го числа я открыл остров в широте 44 градуса, в юго-восточном углу моря. Он довольно далек от материка, неизвестен киргизам, порос камышом, саксаульником и гребенщиком; длиною 4 версты..."

Об открытии только это и ничего больше. Умолчал осуществе ином. Отложил на более позднее время, не зная, как сообщение будет воспринято?

Зато от "дневных записок" не утаил и недосказанного Обручеву:

...7. Снявшись рано утром и начав лавировку, я вскоре открыл в широте 44 в юго-восточном углу моря небольшой остров, совершенно отдельный от прочих и от материка, поросший камышом, саксаульником и гребенщиком. По замечаниям прикащика рыболовной кампании, место это должно быть весьма уловисто в пору хода рыбы. Так как это было первое открытие экспедиции, снаряженной г.корпус-ным командиром (Обручевым), я назвал остров этот именем его высокопревосходительства...

"Вижу землю!" - прокричал матрос второй статьи, недавний каспийский мореход Андрей Сахнов. Засвидетельствовал это Макшеев, самолично наблюдавший, как все происходило.

- 7-го сентября, - поведал он своим читателям, - во время лавирования в юго-восточной части Арала, вдали от берегов, матрос Сохнов, первый канканер и весельчак на шхуне, заметил с мачты какую-то землю среди моря. Бутаков взял направление, указанное Сохновым (у него всюду та к),и мы скоро увидели низменный и песчаный островок, длиною версты в две и шириною сажен в 50. Как

первое открытие на Аральском море, Бутаков назвал остров именем виновника описной экспедиции Владимира Афанасьевича Обручева...

Так именем "его высокопревосходительства" - чтобы польстить и снискать благоволение, или именем "виновника описной экспедиции" - дабы воздать Обручеву и принести благодарность за действительно сделанное?

На "Константине" не лебезили, но с чистым сердцем возглашали хвалу тому, кто экспедицию выпестовал. "Лести перед начальством" не было.

Со временем А.А.Русов будет держать в руках живописно-графические богатства супруги полтавского губернского предводителя дворянст ва Софьи Дмитриевны Бразоль и в статье "Коллекция рисунков Т.Г.Шсвчснкоотметит, чтосвоими глазами видел лист с авторской надписью "О. Обручева" (то-есть "Остров Обручева") и собственноручной подписью художника.

"Киевская старина" (1894, кн.П, с.186) донесет до нас это печатное свидетельство, но время к прочие обстоятельства родят недоуменный вопрос, вопрос-загадку: а где же рисунок сейчас?

Ни оригинала, ни репродукции любого качества мы не знаем.

Не отыскано многое...

2.

Имена и фамилии участников экспедиции известны - всех, до одного. Поименно называем офицеров и унтер-офицеров, фельдшера и приказчика, солдат и матросов. Это, конечно, хорошо; непростительно было бы не знать, как звали тех, кто окружал Тараса.

Но только ли в фамилиях дело? Знать надо людей, их судьбы, их характеры-индивидуальные, неповторимые. А что нам известно о большинстве? Да почти ничего...

Чувство вины испытываю я перед матросами. До истории перевода их с Каспия на Арал докопаться удалось, и об этом уже рассказал. Знаю, кто и когда поступил на флот, произведен в нынешний свой невысокий чин (унтер-офицера, матроса первой статьи), кое о ком -какими наградами отмечен. Уточнил, как правильно каждого звать-величать (хотя нет, отчества нижним чинам не полагалось).

И все. Остальное о матросах - бесфамильно. Работают в полную силу (ни единого упрека). Выносливы и храбры, не ропщут, когда тяжело, не привередничают в еде и питье. Всегда готовы рисковать -был бы отдан приказ, а уж они исполнят.

Так чего же-автору книги не хватает?

Ну вот, к примеру, того, был человек веселым или, напротив, мрачным, песельник он или молчун, какой с товарищами своими, с людьми вообще.

Где об этом сыщешь? В "дневных записках" фамилий матросов нет вовсе (и офицерские встретишь не часто). В донесениях Бутакова - тем более. У Макшеева...

На семьдесят первой странице явился нам матрос Сохнов, "первый канканер и весельчак на шхуне", матрос (хоть и второй еще статьи) ловкий, наблюдательный, разглядевший "с мачты какую-то землю среди моря", указавший на нее командиру и предопределивший тем самым открытие острова Обручева.

Сахнову повезло - о нем у Макшеева и двумя страницами дальше: "В матросском кружке затеялись песни и пляски. Сохнов, на пространстве какой-нибудь сажени, выделывал ногами такие штуки, которым бы позавидовал любой канканер из Мабиля".

Выходит, был он человеком "заводным", и занимать доброе настро-, ение ему не приходилось. Наоборот, не без его воздействия "все люди і повеселели". Правда, были для того и причины иные, о которых речь; дальше.

...О других - персонально - нет и у Макшеева.

3.

А у Шевченко есть.

Ну що б, здавалося, слова...

Слова та голос - більш нічого.
А серце б'еться - ожива,
Як іх почуе!.. Знать, од Бога
І голос той і ті слова
Ідуть меж люди!..

В поздний вечерний час, среди моря, державшего шхуну на якоре, и, верно, давно державшего, вышел он на палубу и увидел матроса,' несшего нудную вахту.

...Похилившись,
Не те щоб дуже зажурившись,
А так на палубі стояв
І так на море поглядав,
Мов на Іуду...

Наскучило море и матросу, и автору. "Мов на Іуду..." Тут больше чем апатия - откровенная неприязнь. Может еще не ненависть, но уже... Осточертело все до крайности, хотя многое и красиво.

...Із туману,
Як кажуть, стала выглядать
Червонолицая Діана...
А я вже думав спать лягать -
Та и став, щоб трохи подивиться
На круглолицю молодицю
Чи тее... дівчину!..

Заворожила "червонолицая" его; вахтовый же стоял, не меняя позы, пестуя в себе свою собственную думу

...Матрос,
Таки земляк наш з Островноі,
На вахті стоя,
Журився сам собі чогось,
Та и заставав, - звичайне, тихо.
Щоб капітан не чув, бо злиха
Якийсь лихий, хоч і земляк...
Співа матрос, як той козак,
Що в наймах виріс сиротою
Іде служити в москалі..

О, тут и состояние человека, и песня, которую пел, и то, как пел, и почему тихо, поелику возможно сдерживая голос. (Впервые Шевченко скажет о крутом нраве начальника экспедиции... о том, что даже чувство землячества не заставит его допустить какое бы то ни было послабление по службе... Испытал на самом себе? "...Бо злиха якийсь лихий..." Наверняка так - иначе бы не написал.)

"Хоч і земляк..." Бутаков рос на Украине, там сейчас его родители. С Украины и те, кто некогда переселился на оренбургские земли, положив начало Островной. Село, в котором ночевал, когда везли его из Оренбурга в Орскую, запомнилось. ..."Земляк наш з Островной.."

Матросских ведомостей в фонде 45-го флотского экипажа не сбереглось - досадно и невосполнимо. Будь они в архиве, без труда узнали бы, откуда каждый родом, из каких краев. Никита Даниленко и Иван Петренко по фамилиям украинцы. Каких сел-городов сыны? Может из его же Звенигородщины... а может кто из них и есть тот самый, из Островной... Впрочем, разнообразие украинских фамилий поистине удивительно, и незачем хвататься за первые же "характерные", те, что сами в глаза бросаются.

Есть "Именной список нижних чинов 45 флотского экипажа, избранных для вооружения и управления на Аральском море судов". Есть пофамильный, поименный перечень команды "Константина", в частности его матросов. И есть... да есть "ревизская сказка" Островной середины тридцатых годов, если точнее, то 1834-го... Лишь одна (!) фамилия совпадает во всех трех документах: Васильев. В перечне островнянских жителей значится Васильев Дмитрий Михайлович, у которого тогда был сын одиннадцати лет. Спустя шесть или семь лег-мог он попасть и в солдаты, и в матросы. Но...звали сына И в а н о м, в списках же матросов 1848 года П р о к о ф и и...

Из возникшего тупика выбрался в конце концов благополучно. Да только досказать историю поисков реального "земляка из Островной" придется уже тогда, когда пойдет рассказ о плавании следующего, сорок девятого.

...И все-таки не вижу ошибки в том, что вспомнил "морское" стихотворение Тараса Шевченко здесь, и именно в э т о м месте.

4.

Известно более тридцати акварелей, карандашных рисунков и набросков его, на которых запечатлены - портретно или эскизно -матросы и солдаты, участвовавшие в экспедиции А.И.Бутакова. Многие из них выполнены во время первой же кампании "Константина". Передают они и сложность матросского труда на необжитом, таинственном Арале, и неустроенность людского быта, и однообразные досуги оторванных от мира людей. Шевченко запечатлел и подготовку к выходу в море, и матросов на веслах, и высадку их на суровых берегах, и дневальных у бивака, и лихой танец на палубе.

Танец все того же Андрея Сахнова, матроса второй статьи. Характер рисунка в сочетании со сделанной на нем пометой "22 сентября" позволяет утверждать, что в альбоме изображен тот же эпизод, который описал Макшеев. На этом основании является возможность более определенного датирования наброска; сделан он 22 сентября 1848 года, перед отходом от острова Николая, на шхуне лейтенанта флота Бута-кова.

Шевченко, вместе со всеми теми, кто на выразительном его рисунке, участвовал в открытии этого острова в первом путешествии по Аралу. Нужно ли колебаться, ставя под обширным циклом "Остров Николая" (вернее было бы именовать его "Царскими островами") даты сентября все того же сорок восьмого?

ЦАРСКИЕ ОСТРОВА

1.

Б утаков:

...8. Видя, как трудна лавировка вдоль этого берега при упорно дувших NO и ONO ветрах, регулярно крепчавших после полдня, и рассчитывая, что при таких обстоятельствах определение астрономических пунктов весьма неудобно, так как судно далеко не могло подходить к берегу и при постоянно бурных погодах ехать на такое расстояние на шлюпке было бы неблагоразумно, я решился оставить это до следующего года, когда будет производиться съемка восточного берега, а потому направился по диагонали на NNW через все Аральское море, чтоб исследовать его середину. Сначала ветр был самый тихий, но к вечеру засвежел. Я шел всю ночь, бросая лот каждые полчаса и, удаляясь от берегов, находил глубину постоянно около 15 саж...

Макшеев:

...8-го сентября ветер начал отходить к западу. Лейтенант Бутаков, не имея надежды, по случаю приближения глубокой осени, при постоянно дующих северо-восточных, противных ветрах, успеть осмотреть восточный берег со множеством прилегающих к нему песчаных островов, решился приблизиться к Косаралу, лавируя в открытом море большими галсами (галс-курс судна относительно ветра - Л.Б.) и делая, между прочим, промер. С этой целью в 9 часов утра шхуна снялась с якоря и направилась на северо-запад...

Бутаков:

...9. В 7 ч.утра открылся в левой руке остров. По высоким берегам его, еще более возвышаемым рефракцией, я принял его сначала за остров Барса-кельмес, но, справясь с счислением, я тотчас убедился, что сделал новое открытие. Так как дров и воды оставалось у меня мало, и я не знал, найду ли их там, то решился зайти наперед к Барса-кельмесу или полуострову Куланды, а потом, запасшись всем нужным, идти исследовать новооткрытый остров. В 10 ч.утра мы прошли его, а к ночи в виду Барса-кельмеса и полуострова Куланды ветр совершенно стих, и я стал на якорь...

Макшеев:

...9-го сентября... в левой руке открылся какой-то остров. Приняв его за Барса-кельмес, Бутаков переменил курс на север, рассчитывая в скором времени увидать Кугарал. В 2 часа пополудни действительно открылась перед нами в правой руке земля, но которая, по своему виду и очертанию берегов, не походила на Кугарал. Вскоре мы убедились, что это Барса-кельмес и что прежде пройденный нами остров - новое открытие...

Бутаков:

...10. В ночь задул жестокий N0 ветр, и утром я снялся и попал на мыс Узун-каир, где простоял двое суток, в продолжение которых запасся дровами и водой и дал команде время вымыть на берегу белье, чего до сих пор не удалось сделать при необходимости оберегать воду и топливо...

Команда стирала и сушила белье. Обеспечили себя пресной водой -морская опротивела до крайности. Из давно примеченного озера набрали соли, запаслись ею надолго. В общем, передохнули.

...12. Во все время стоянки моей здесь ветр не смягчался нисколько, но, испытав уже не раз добрые качества шхуны в бурные погоды и на большом волнении, я снялся с якоря утром, невзирая на шторм, и пошел под зарифленными во все рифы парусами при боковом ветре...

Макшеев:

...Волнение на море было сильное: волны горами подымались вверх и стремительно опускались вниз, шхуна почти лежала на боку, вода хлестала за борт, по палубе не было возможности ходить, а в каютах все падало. На этот раз, однако, я не страдал морскою болезнию, должно быть освоился несколько с качкою...

Море будто спешило еще и еще раз выказать несносно сварливый свой характер, предупреждая вторгшихся в его пределы: не суйтес ь, способно я на в с е, не то еще будет - н е совладаете.Авсе-таки и волны, и ветер мореходы "перехитрили". Чтобы без кавычек - превозмогли. Добрались до суши достаточно благополучно.

2.

Вписать Шевченко в бурю морскую, в качку неуемную, в разгульную, пьяную стихию не берусь. Не знаю, а потому и не считаю нужным.

Напридумывали до меня и без меня, мне же важна правда.

Сказать могу только одно: ему было не легче, чем всем другим. На фоне бывалых моряков - тяжелее. Они нажили свой опыт жизни в море, ему оно оставалось чужим.

Но как шхуну ни швыряло, а...

"...к вечеру бросил якорь по западную сторону большого острова, который назвал именем государя - Островом Николая 1-го".

Насчет имени острова Бутаков с Шевченко не советовался. Решение о наречении новооткрытой земли в "голосовании" не нуждалось. Полное и исключительное право на это принадлежало командиру судна-открывателя, к тому же и начальнику всей экспедиции. Тем более, что был он офицером, и шхуна его шла под флагом военным. Узнал Тарас уже тогда, когда состоялось вполне официальное оглашение и команда дружно прокричала "ура!". Кричал ли он? Вряд ли...

Николай I принес ему много лиха. Чего стоил и что значил собственноручный монарший приговор: "Под наистрожайший надзор с запрещением писать и рисовать"?! Душитель декабристов, виновник гибели Чаадаева, Пушкина, Лермонтова, он загнал Шевченко в эту глухомань, обрек на бессрочную солдатчину, лишил самого дорогого -права на творчество.

Поэзия Шевченко всегда ненавидела - и теперь ненавидит - этого коронованного фельдфебеля, двор царский, род царский.

...Так от де рай! уже нащо
Золотом облiтi
Блюдолизи: аж ось i сам' .
Високий, сердитий;
Выступав; обок його

Цариця небога,
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога...
Помнит царь его "Сон", и не забудет, не простит.
...А малась воля, малась сила,
Та силу позички зносили,
А воля в гостях упилась
Та до Миколи заблудила...
Та и упиваться зареклась...
Про это писал он в Орской, на потайных своих листочках.
И совсем недавно, уже на Арале, исторг все то же, накипевшее:
Бодай кати іх постинали,
Отих царів...
Царей ушедших, царей властвующих. Николая 1 раньше и больше других.

Не виноват безымянный остров, что носить ему отныне имя чужое, Тарасу противное.

Не его вина (а того же Николая), что быть покаранному поэту-художнику среди первых россиян, ступающих на землю, названную нынче в честь царя-тирана.

И Бутакова винить не хотелось. Человек он казен н ы и , п о д н ачальный, на службе государевой; наверняка загодя п р и к а з а н и е получил, оттого и нарек без заминки.

Бодай кати...

3.

Бутаков:

...(13) Рано утром высадил на берег прапорщика Акишева с 5 матросами для с'емки и потом, вместе с пр. Поспеловым, сделал нужные наблюдения. К ночи ветер скрепчал до того, что заставил отстаиваться на двух якорях.

М а к ш е е в:

...Выйдя на берег, мы были встречены сайгаками, которые с удивлением смотрели на нас, подпускали весьма близко и не разбегались даже после выстрела; но на следующие удалились на противоположную от нашей стоянки часть острова, покрытого почти сплошь кустарником. С 13-го по 19-е сентября Акишев с 7 матросами, производя с'емку, подробно осмотрел остров, не в дальнем расстоянии от которого оказались еще два другие, меньшей величины...

Б у т а к о в:

...Остров Николая 1-го занимает пространство около 300 кв. верст, он покрыт в огромном количестве саксаульником, гребенщиком и тальником; в копанях вблизи берега пресная вода, вкусом несколько похожая на барса-кельмесскую, но далеко не столь горькая. Здесь не было видно следа человеческой ноги: даже сайгаки, которых множество, смотрели на неизвестное им существо - человека - без страха и с любопытством. Я посылал каждый день на охоту несколько лучших стрелков, и команда имела каждый день свежее мясо, отличное, вкусное, которого количества я не ограничивал, чтоб люди подкрепились после 1.5 месяцев соленой пищи при беспрестанных трудах.

М а к ш е е в:

...О существовании этих островов...не было известно. Отстоя от Усть-урта, Куланды и Барса-кельмеса не менее, как на 60 верст, они не видимы ни с одного берега, а окрестные жители, не имея парусных судов, с которыми могли бы пускаться в открытое море, ограничиваются только, и то весьма редко, самым близким береговым плаванием. Зимою же море, отделяющее острова от берегов, если и замерзает, то не всегда; но и в эти редкие зимы окрестные жители, не имея никакой нужды переходить через него поперек и подвергать себя без цели опасностям от буранов, не могли на них наткнуться...

Б у т а к о в:

...Восточная и северо-восточная части острова возвышены и состоят из глинистой почвы; северная загибается к западу длинною и высокою косою и образует обширный залив...

...Большая часть острова состоит из песчаных бугров, заросших лесом; внутри его несколько соленых озер, окруженных камышом. Местами попадаются площадки твердой почвы...

...Кроме сайгаков, на острове водятся лисицы, и один из ходивших на с'емку матросов уверял, что видел волка...

М а к ш е е в:

...судя по местным признакам и по тому, что об островах не существовало никаких, да^же темных преданий, до которых азиатцы большие охотники, с достоверностью можно заключить, что до 1848 года на них никогда не вступала человеческая нога...

Первыми людьми на острове суждено было стать им.

Художник экспедиции рядовой Шевченко ступил на берег, скорее всего, вместе с Бутаковым и Поспеловым. А это значит, что уже тринадцатого - поутру или, во всяком случае, до полудня.

4.

Поднимали настроение мысли о скором окончании морской компании. О близком - а тем более отдаленном - не думалось. Чему быть, тому не миновать. Что будет, то будет.

Радовал мирный остров, на пройденные и похожий, и непохожий. После всех тягот и лишений прожитых полутора месяцев был он как награда.

Не хочу отступать от правды и не вижу проку пересказывать подлинные свидетельства своими словами (по принципу "пусть хуже, лишь бы по другому"). Извлекаю важное из опубликованных материалов Бутакова и Макшеева, стараюсь услышать голоса других, всю полифонию тех дней.

Б у т а к о в: "Остров Николая I соединяет в себе все качества для спокойного и счастливого жития 50 кибиток: изобилие леса, корм для скота, а главное безопасность от грабежей своих барантовщиков и набегов хивинцев, которые разоряют их совершенно..."

Альмамбек: "...был в восторге от острова и умолял Микелея, как называл он Николая Захряпина, перевести его туда, со всем семейством и родными, для кочевки, обещал за это, что все они будут служить ему рабами в течение нескольких лет..." (Макшеев). "По словам моего киргиза, тут может поселиться 50 кибиток и корма станет на большие стада..." (Бутаков) Захряпин: "...имел относительно острова свои виды. Он нашел полезным перевести на него ватагу, которая бы, пользуясь своим центральным местопребыванием среди моря, могла, без потери времени, производить лов рыбы как в открытом море, так и в устьях рек Сыр и Аму..." (Макшеев). "По мнению прикащика рыболовной компании, места вокруг острова должны быть весьма уловисты, и он говорил о выгоде устройства здесь в обширном размере рыбопромышленной ватаги". (Бутаков).

М а к ш е е в:"...Поселение киргиз на острове было бы, однако, вовсе не выгодно для будущего развития пароходства на море, потому что оно не замедлило бы значительно истребить саксаул и сайгаков, тогда как, оставаясь незаселенным, остров с удобством мог бы снабжать пароходы топливом и порою свежим мясом..." (О том же и у Бутакова - их мнения совпадали: "Если, что невидимому несомненно, вход в залив острова Николая I не слишком мелок для здешних судов, то остров замечателен и тем, что только он может служить плавающим по Аральскому морю судам спокойным убежищем в бурю, местом, куда они могут заходить дочиниваться в случае повреждений и, наконец, место для освежения команд сайгачиной..."

И, наконец, мнение других - без "конструктивных предложений", но тоже искренне (сформулировал его Макшеев): "Восьмидневное пребывание на острове Николая I освежило наев с е х и физически, и нравственно".

Физически? "В это время, вместо почти невозможной для употребления солонины, мы питались постоянно свежим сайгачим мясом. В первые три дня было с'едено нами 13 сайгаков, или, полагая средний вес каждого в пуд. 13 пудов свежего мяса, тогда как во все шестьдесят дней нашего плавания по морю (немногим меньше шестидесяти, но округление сути не меняет - Л.Б.) солонины израсходовано I 20 пудов... Следовательно, мяса в эти дни с'едалось в 12 раз более; против обыкновенного..."

Ну а нравственно ? "...Все люд и повеселел и и снова явилась' у них готовность к новым трудам. В матросском кружке затеялись) песни и пляски..."

Песню Тарас любил. И подпевал другим, и заводил сам - свидетельствовали о том многие. Но развлечения были по вечерам - отдыхали после трудов. Работали не меньше обычного. Несли вахту на шхуне. "Во все время стоянки здесь, - отмечал в "дневных записках" Бутаков, - ...постоянно дули крепкие...ветры, так что я ни разу не мог сняться, чтоб обойти и промерить остров, а все отстаивался на двух якорях". Тем больше приходилось мерять расстояния ногами - из конца в конец в одном направлении, в другом... С'емка требовала точности сугубой. От качества промеров зависели безопасные плавания мореходов в будущем, да и самих их тоже. Остров надо было узнать во всех деталях. Этот - Николая - и два других: Наследника и Константина .Царские острова представляли собою своеобразную цепь. Но пока не промеришь, не снимешь, разве свой вывод сделать вправе? Такой, к примеру, вывод: "Между островами Николая I и наследника вообще не глубоко - местами меньше 1 саж. - и, по-видимому, они со временем соединяться в один остров, потому что на отмель между ними волнение господствующих северных и северо-восточных ветров беспрепятственно наносит более и более песку..." За ним, этим заключением, стоял труд и труд многих.

Шевченко не расставался с альбомами, карандашами, красками. Рисовал многое и разное. Не одна акварель, не один рисунок - настоящий большой цикл - происхождения здешнего.

Рисунки с острова Николая I, запретившего ему... рисовать!

5.

Добрых два десятка рисунков: беглые наброски, более или менее законченные карандашные виды, акварели, выполненные и на острове, и позже, потом, но по впечатлениям непосредственно-островным.

Есть подписанное или надписанное - это определитель, эталон узнаваемости.

Есть спорное - вроде эта местность, но, может, и не она. Сходство налицо, а все же как поручиться, что тут не общее для всего аральского побережья, не характерное для широты-долготы всего бассейна.

Сами собою пошли размышления научные, возникли задачи более для географов, чем биографов, для араловедов, а не шевченковедов. Но ведь одно от другого неотделимо, и кто возразит, что в считанные недели путешествия стал Шевчёнко-е недлинный ряд первейших знатоков Арала не только в России, а и во всея мире. Ему самому об этом не думалось, слава географа, путешественника его не занимала. Не думалось и о славе вообще; ее, как и право творить, перечеркнул тот же Николай...

6.

O.N.

Закончена акварель, и акварелью же, тонкой кисточкой, пишет он в левом нижнем углу две эти прописные буквы с точками - меж ними

и после.

Просто для сокращения, или чтобы не класть на бумагу имя своего

палача?

Так или иначе, происхождение рисунка засвидетельствова-но им

самим.

А еще подтверждено О.Н.Бутаковой, написавшей на альбомном листе, под наклеенной на него акварелью: Берегъ Аральского моря -(раб.Шевченко). На обороте листа еще одно свидетельство: Изъ альбома А. И.Бутакова.С.Глазе-напъ.

Можно гадать, какой строке в "дневных записках" (или у Макшее-ва) этот вид (рисунок 27) соответств'ует, но то, что запечатлен остров Николая, сомневаться не приходится: O.N.

...Тут берег низменный, с заливами и косами, там (рис. 26) вздыбленный, веками поднятый. Авторской пометы не найти, но подтверждение в высшей степени авторитетное: Гористый берег ъ острова Николая, - открытого А. И. Бутаковым (работы Шевченко). Эксперт - жена Алексея Ивановича, его спутница в путешествиях, в том числе на Арал, художница божьей ; милостью.

Написала - значит знала. От Бутакова - кого же еще? ТуттожегИзъ альбома А. И. Бутакова. С. Глазенапъ. Гряда холмов в предзакатный час, одинокие деревья на склонах, буйно разросшееся, тенистое дерево на берегу, далекая перспектива с кустарниками, морем и новыми холмами на горизонте - целая картина; не верится даже, что уместилось все это на крохотной площади 15,6 х29,1.

И снова берег без гор вблизи: Низменный б е р е г ъ остров! а Николая - (работа Шевченко). Совсем иной вид, несхожий даже с рисунком 27. Не случайно, публикуя первоначально, в 1914-м, дали ему (рис. 28) название "Растения на берегу Аральского моря". Но назвать так, значит упустить, не увидеть все другое: изгибы береговых кос...ландшафт...вечность и неизбывность природы в целом-этого ее уголка - дикого, но прекрасного.

Последние два рисунка Тараса Шевченко вызвали к жизни два офорта Ольги Бутаковой. А у нее был тонкий вкус... Берег острова Николая на акварели под номером 29. Он же на тех, что обозначены цифрами 30 и 31. Рисунок тридцатый - не просто вид, а жизнь. На берег приплыли люди, и эти люди -участники экспедиции. Каждый из них занят своим, у каждого свое дело. Тут же он сам. Художник пока присматривается. Без подготовки какая работа? Прежде увидеть, проникнуться новым, а уж потом извлекать альбом и краски, садиться на облюбованное место и...рисовать, пока не почувствуешь: сделал что хотел, что мог.

Тридцать первый с людьми тоже. "У берега моря лодка, на берегу двое варят, привесив котелок на треногах". Так в "Каталоге музея украинских древностей В.В.Тарковского" (1900) .Если на то пошло, то составители каталога не заметили еще двоих, которые борются один с другим возле лодки - разминают кости. Да ведь главное здесь не выполнение "служебной задачи" - запечатлеть в точности характер берега. Нет, сейчас ему важнее настроение. Тихий вечер на острове, о котором пока знают только на "Константине"... Мир в природе, мир среди людей...

Но что на дальнем плане? Похоже на постройки Косарала... Остров Николая - преддверие долговременной стоянки. Она недалеко: и по времени, и по расстоянию.

Художник вправе то и другое сместить. Тем более, когда пишет н е для отчета.

7.

Без подготовки какая работа?

А какая подготовка без карандаша?

Свободного карандаша над чистым листом...

Брал на карандаш горы и низменности, причудливые кусты и невиданных сайгаков.

Сайгаки (рис. 129) это определенно остров Николая. Люди меж прибрежных диких кустарников (лист 136) - подступ к композиции на акварели под номером 31.

Карандашный предшественник акварельной картинки (номер 26). Прямой предшественник: те же холмы, деревья или кусты на склонах, то же, только менее зеленое, дерево на первом плане (номер 165).

В. Б. К у я н ъ Суюкъ О: NN...В.В. - восточный берег; "куян (или каян) суюк" - "заячий куст"; последние литеры - возможно - Николая Наследника (или Наследника Николая). Именно дерево - главный персонаж рисунка 166.

ON - на рисунке 170, и это ключ к "географической привязке" нескольких соседних, пейзаж которых если и не одинаков, то близок без сомнений. О многом заставляет думать текстовое сопрово ж д е н и е нарисованного. Куянъ Суюкъ - о том, что в момент рисования рядом был носитель, знаток казахского языка (Альмамбек? Захряпин?) Woda biala solona (вода белая соленая) на обороте рисунка 167-0 близости Вернера, который занимался геологическими, гидрографическими поисками. Попутно скажу, что польские строчки и слова встречаются не только здесь.

...Наконец, находим и первое приближение к акварели, условно названной в восьмом томе "Т.Г.Шевченко среди участников экспедиции на берегу Аральского моря". Длинно и сугубо описательно, для произведения художественного - маловыразительно. А с самого начала задумал он его как композицию с людьми, и видно это уже на эскизе "Топограф на берегу..."

Подумалось: хорошо бы издать шевченковские альбомы факсимильно - как изданы "Мала книжка" и "Бшьша книжка", "Журнал", другие его рукописи. Только таким путем явится нам творческая лаборатория художника Шевченко во всей ее п р а в д е.

Мечтается о подлинном, произвола составителей лишенном...

8.

Каждый день брал Тарас в руки свои альбомы с рисунками украинскими, орскими, а теперь и аральскими.

"Рисунки, находящиеся в этих книжках, - скажет он на допросе после ареста 1850 года, - рисованы большей частью в Малороссии в 1846 году и несколько в 1849 году на Аральском море, по приказанию капитан-лейтенанта Бутакова..."

Зарисовки, сделанные на Киевщине, Волыни, Подолье, день за днем все теснее перемежались с видами и типами этого, еще недавно совсем незнакомого ему, края.

Листая альбомы в поисках чистых, незарисованных мест, вспоминал он Украину. А Украина была для него (и всегда звучала) поэзией. Родной, украинской.

Немае гірше, як в неволі
Про волю згадувать...

Хуже и все-таки слаще - щемяще-сладко, до боли близко. Вот и теперь обращался к ней же, к воле.

...І ти, моя единая,
Встает іа-за моря,
3-за туману, слухняная
Рожевая зоре!
І ти, моя единая,
Ведеш за собою
Літа моі молодіі,
І передо мною
Ніби море заступають
Широкіі села
3 вишневими садочками
І люде веселі..

Рисовал для дела: в экспедиции это было его обязанностью. Выполнял ее не по принуждению, не по приказу - с удовольствием. Но даже добровольное исполнение должностной, служебной функции это йе полная, далеко не полная творческая свобода.

Ее, истинную свободу самовыражения, несла с собою лишь поэзия, творимая для себя, для души.

Творимая всюду, где оказывается он.

...Украина, поэтическое сердце видит ее всегда и во всем. Землю живописную...людей, лучше которых не знает...девушек веселых, красивых...

...Може яка і про мене
Скаже яке лихо.
Усміхнися, мое серце,
Тихесенько-тихо,
Щоб ніхго і не побачив...
Та и більше шчого,
А я, доленько, в неволі
Помолюся Богу.

Может, конечно, и не это рождалось в те дни на Царских островах. Одно мне ясно: прихода на Косарал его стихи не ждали.

9.

Последние дни кампании.

М а к ш е е в:

...21-го сентября утром шхуна перешла клизменному и песчаному острову Наследника, который...сплошь покрыт густым камышом, заглушившим всякую другую растительность... Во время съемки острова матросы бросали в слои сухого камыша, из которого с трудом пробивался свежий, куски зажженного трута. Когда съемка кончилась, все вернулись на шхуну, солнце закатилось и стало темно, перед нами явилась великолепная иллюминация. Сначала засветились отдельные огоньки, а потом, разрастаясь мало помалу, слились в одну непрерывную полосу в девять верст длины. Земли не было видно, видны были

только огонь и вода...

(Комментарий: невозможно представить себе, что "великолепная иллюминация" прошла мимо Шевченко, что не воссоздал он ее в акварели. Лишнее подтверждение того, как ушли в небытие некоторые, и даже, пожалуй, многие, работы художника. Пусть с оговоркой, предположительно, а все-таки числить такую акварель среди ненайденных следует).

... -Эта ночь, - рассказывал Макшеев, -ознаменовалась еще другим радостным событием, именно переменою ветра, который давал возможность направиться к Сырдарье... Шхуна снялась с якоря и при ярком свете с острова Наследника направилась к Косарал у, а 23-го сентября в 6 часов вечера бросила якорь в устье Сыра и окончила кампанию.

Бутаков (из донесения):

...Зная, что устье Сырдарьи заносится и значительно мелеет осенью, я воспользовался первым благоприятным ветром и снялся с якоря 22-го сентября, а на другой день в 6 часов вечера стал на якорь в Сырдарье. Сначала я располагал зайти в северную часть Аральского моря, но, узнав, что, здесь на фарватере теперь, в полную воду, только 3 ф. глубины, я счел, что благоразумнее отказаться от этого намерения, и решился кончить плавание теперь. (ЦГАВМФ, ф.410, оп.2, д.147, л.38 об.)

(Комментарий к последнему: решился двадцатого, когда, войдя на лодке в Сырдарью, воочию убедился, что фарватер, даже при ветре с моря, мелеет быстро и с выходом на стоянку надо непременно поторопиться). Тогда же, 20-го, поведал он своим "дневным запискам" вывод, сложившийся как итог всего плавания:

- Вообще же Аральское море, одно из самых бурливых, не имеет для моряков ни одного безопасного и удобного приюта: если за каким-нибудь мысом можно укрываться при одном ветре, то его же надобно в высшей степени остерегаться при первой перемене погоды, отчего плавание здесь самое беспокойное.

На этот раз "беспокойному плаванию" пришел конец.

Часть третья: КОСАРАЛ

"ПРИЙШЛИ В ДАР'Ю, НА ЯКОР СТАЛИ..."

1.

Брейд-вымпел и флаг на "Константине" были спущены только 5 октября.

О флаге.

..."Командир Отдельного Оренбургского корпуса при рапорте от 15 сего октября...довел до сведения,...что он признает полезным, дабы наши казенные мореходные суда, состоящие при укреплении на урочище Раиме,-имели при плавании по Аральскому морю и по р.Сырдарье военные флаги.

Государь император, по всеподданнейшему о сем докладу, высо-чайше соизволил собственноручно отметить: "Согласен, военный флаг дать можно..." (Из письма военного министра от 31 октября 1847 года).

..."Для казенных судов, состоящих при укреплении на урочище Раиме, плавающих по Аральскому морю и р.Сырдарье, государь император, в 5-й день сего ноября, соизволил назначить общий флаг гребного флота", - уведомлял под самый конец 1847-го графа Чернышева начальник главного морского штаба князь Меншиков.

..."Высочайше повелено: иметь флаг 2-й дивизии гребного флота..." - следовало уточнение в другом документе из переписки этих же вы-со?их лиц, ближайших царских сподвижников. (ЦГАВМФ, ф.281, оп.1, д.6435, лл.30-32).

Повеление монарха означало: "Николаю" и еще не построенному тогда "Константину" присваивался военный флаг, их приписывали к военному флоту и подчиняли военным порядкам.

Рядовой Шевченко уяснил это с самого начала службы в экспедиции.

Но почему спуск флага состоялся лишь пятого?

Известно, что на якорь в непосредственной близости к месту долговременной осенне-зимней стоянки шхуна стала вечером 23 сентября.

На что ушло столько дней?

Из "дневных записок" Бутакова:

...25 сентября отгрузив судно дочиста, я 26 протащил его силою через мель и ошвартовался против укрепления, находящегося подле рыболовной ватаги в небольшом заливе острова Косарала, где течение реки едва заметно, следовательно осенний и зимний лед не может вредить судам...

Ясно. Да не все. Это два-три дня - а последующие?

В своем предписании, датированном 3-м мая 1848 года, генерал от инфантерии Обручев требовал от лейтенанта флота Бутакова вполне определенного:

"По возвращении в Сырдарью на зимовку постарайтесь устроить, по совещанию с начальником укрепления, в удобном и безопасном месте гавань, где суда отряда могли бы простоять зиму спокойно и невредимо льдом, и притом, чтобы предохранены были от набегов хищных ордынцев..." (ГАОО, ф.6, оп.10/2, д.2, лл.4-7).

Часть работ на Косарале выполнили к возвращению судна, но все сделать не успели - тем более, что пришло оно ранее, чем предполагалось.

27 сентября Бутаков писал рапорт в Оренбург:

"Выгрузив вверенную мне шхуну "Константин" дочиста, протащил
ее через мели благополучно и ошвартовал на безопасном от льда месте
зимовья, подле рыбопромышленной ватаги. Так как на судне есть еще
работы и помещение для нижних чинов на берегу не готово, то команда
живет на судне и я не спускаю брейд-вымпела.'

На шхуне "Константин" все обстоит благополучно, больной один.

При сем имею честь приложить именной список нижних чинов, заболевавших в продолжении всего плавания, с означением, в какой день каждый заболел и в какой выздоровел, а также рисунок и образцы слоев почвы там, где мною найден пласт каменного угля..."

Уверил в почтении, расписался, поставил дату и номер, а затем добавил: "На шхуне "Константин". У рыболовной пристани на Сыр-дарье". (Там же, л.16-16 об.)

Кроме как на судне, негде было жить не только нижним чинам, а и офицерам во главе с начальником.

Шевченко обитал все в той же каюте - маленькой, тесной.

В списке больных, отосланном Обручеву, была и его фамилия. Теперь он значился здоровым. Болел Иван Иванов, матрос первой статьи, сотоварищ Никиты Даниленко по третьей роте 45-го флотского экипажа в Астрахани. Как заболел 4 сентября грудной болью, так и продолжал тяжко страдать. Выздоровеет ли? Выдюжит? Поручиться не мог никто...

Выдачу морской провизии Бутаков прекратил 5-го октября.

Начиналась жизнь сухопутная.

2.

Начиналась она, разумеется, независимо от перевода команды с довольствия морского на обычное.

Для матросов из флотского экипажа, получавших в кампанию много больше, чем на берегу, разница была существенной, но для рядового линейного батальона Тараса Шевченко это не значило ровным счетом ничего.

Не помер в плавании - не помрет и тут.

Зато отсюда было ближе к цивилизованному миру.

Век, казалось, не имел из мира этого вестей.

Не ждали они его и на Косарале.

Хоть бы одно какое письмецо, одна ниточка!

Писать не просил никого. Уходя в поход, прощался - то ли навек, то ли на годы. Но надеялся, выходит, рассчитывал, что вести будут. А их не оказалось. Горько...

...Ми довго в морі пропадали,
рийшли в Д а р ' ю, на якор стали:
З Ватаги письма принесли,
І всі тихенько зачитали,
А ми з колегою лягли
Та щось такее розмовляли.
Я думав, де б того добра,
Письмо чи матір, взять на світі.
- А в тебе есть? - Жена, і діти,
І дом, і мати, і сестра!
А письма нема...

Строка точек: не договорено, не додумано.

Ряды точек впереди: теснятся, бунтуют, не дают покоя мысли. Как она страшна - неприкаянность, бездомность, как беспощадно ранит одиночество!

Добро, у кого е господа,
А в тій господі е сестра
Чи мати добрая. - Добра,
Добра такого таки зроду
У мене, правда, не було,
А так собі якось жилось.
……
І довелось колись мені
В чужій далекій стороні
Заплакать, що немае роду,
Нема пристанища, господи!

Точки и точки. Мысли и мысли. Самому себе недосказанное, недоговоренное - ноет, плачет душа одинокая, саднит ее оторванность от всего, что дорого. Близкое - далекое... Далекое до бесконечности... .

Не стихотворение это - крик. Глас вопиющего в пустыне. Глас, которому не суждено быть услышанным, как и строкам излитым -дописанным. Во весь голос не закричишь, так хоть так, на листочках. Все ж легче.

3.

Горечью отдавались расставания.

...М а к ш е е в: "Моряки оставались зимовать на Косарале, а я должен был возвратиться в Оренбург. 25-го сентября, простясь со своими товарищами по морскому плаванию и угостив матросов, я отправился в Раим на косовой лодке с Захряшшым и рыбаками."

Было прощание, было угощение. Его напоследок приготовил неотделимый от своего хозяина Марковей Сидоров, крестьянский сын. Уплывал, конечно, и он; Тарас с ним обнялся по-братски.

Макшеев предложил Шевченко свои услуги почтаря. В Орскую и в Оренбург - с передачей из рук в руки. В Петербург и на Украину - с полной гарантией пересылки.

Но писать не хотелось. Понимая его настроение, штабс-капитан обещал передать словесные приветы Шевченко всем, кто будет о нем справляться. Намекнул и на то, что даст ему самую лестную характеристику в докладе своем самому Владимиру Афанасьевичу, а это, надеется, поспособствует производству в унтеры и-откроет наде жды.

Понимал: утешает. Слушал, не прислушиваясь, и тем паче не принимая близко к сердцу. Посулить можно все, это не трудно...

...Николай Васильевич, прощаясь, был таким же, как обычно, -бесшабашно-красноречивым. Истории, одна другой занятнее, фонтанировали из него с неиссякаемой силой.

(Для вящей полноты характеристики Захряпина позволю себе забежать на несколько дней вперед и сообщить впечатления Макшеева о поведении приказчика во время их совместного возвращения в Раим.

Макшеев рассказывал:

- Во время пути меня удивила громадная популярность, которою пользовался Захряпин среди сырдарыгаских киргиз. С берегов, на которых разместились уже аулы на зимовку, постоянно слышались ему теплые приветствия:"аман, Микелей! аман!"...

Раз, во время дождя, -продолжал он, -мы пристали к левому берегу Сыра и взяли несколько заготовленных киргизами снопов сухого камыша, чтобы сварить на них уху. В это время собралась толпа незнакомых Захряпину киргиз и с бранью отняла снопы. Захряпин не препятствовал, но стал им держать поучительную речь, после которой киргизы натащили нам со всех сторон множество снопов и стали сами помогать разводить огонь...

- Своим красноречием и тактом, - делал рассказчик вывод из ряда таких предметов, - он умел действовать на киргиз и направлять их умы к иному, более благоприятному для нас, взгляду на вещи...)

Тарас ценил в Захряпине всегдашний его оптимизм. Нравилось, что жил он с шуткой, иронизируя прежде всего над самим собою.

Шумного "Микелея" ему будет недоставать не меньше, чем интеллигентного, всегда выдержанного Макшеева.

Алексей Иванович увозил с собою путевые журналы следования транспорта от Орской крепости до Раима и плавания по Аральскому морю. Бутаков отправлял с них краткий отчет о сделанном, начиная с 13 августа, - второй за время кампании. Остальное пошлет с ближайшей оказией: генштабист в укреплении задержится, посыльный его там и догонит. Об отстрочке попросили Вернер и Шевченко. Образцы почвы, а равно угля, как и зарисовки угольных мест на Куланде, еще надо было подготовить.

Подготовили, отдали начальнику; он остался доволен. Гонец добрался до Раима во-время. 3-го октября Макшеев вместе с группой офицеров, в сопровождении казачьего конвоя, отправился на линию.

4.

И третьего же, чуть отойдя от дел неотложных, Бутаков принялся за письмо к родителям. (ЦГАВМФ, ф.4, д.82, лл.67-72 об.)

Письмо это не раз цитировалось, большие или меньшие извлечения из него приводил и я, сейчас же хочу воспроизвести все интонаци и.

Итак-3 октября 1848г. В Сырдарье.

Ура! Милые родители, первое плавание великого главнокомандующего всеми морскими силами Российской империи на здешних водах кончено благополучно и не без пользы: я обрыскал все Аральское море, нашел богатый пласт каменного угля, открыл в середине целую группу островов, состоящую из трех, из которых наибольший окрестил именем царя - островом Николая 1-го, а этот наибольший занимает пространства около 200 квадратных верст, если не больше - словом, он более многих лилипутов-государств Германии. На острове этом никогда еще не бывала человеческая нога, и он представляет все элементы для блаженства киргизов - покрыт лесом и имеет свежую воду в копа-нях. А для нас, славян, питавшихся солониной месяца 1 1/2 до открытия, он имел

еще прелесть: тьма сайгаков, рода диких коз, которых мясо, мастерски зажариваемое моим камердурнем, чрезвычайно вкусно. Да навалилась же на этих зверьков и моя команда! Двадцать братии поглощали ежедневно по два сайгака, а иногда и больше, а в звере, без головы, ног и шкуры, весу около пуда, а иногда и 1 п. 10 ф. Дров бездна, а потому я дал им свободу отъедаться вволю, и с утра до вечера камбуз на судне и котлы на земле были беспрестанно в деле. Кроме сайгаков, там было множество диких гусей, уток, бакланов, куликов, но мы на эту мелочь и не смотрели. На острове этом две чудеснейшие бухты, но промерить их мне не удалось, потому что ветры, пока делалась съемка берегов, были пресвирепые, и я все время стоял на обоих якорях. Остальные острова меньше. На всех их видно во множестве лисьи норы, и один из матросов, ходивших на съемку, уверял, что видел волка. Одним словом "Царские острова" обессмертят мое имя на географических картах, а в школах будут сечь наших поздних потомков, если по тупости памяти они не будут знать их географического положения и имени того великого мореплавателя, который их открыл.

Аральское море - стакан воды довольно глубокий: у западного берега, в полумиле или 3/4 мили от земли, глубина доходила до 37 саж.; оно по-видимому идет котлом к западному берегу, потому что в середине, когда я проходил через все море по диагонали от SO части к NNW, глубина не превышала 15 саж. Западный берег вышиною в 300 ф. и более, крутой, каменистый и весьма преглубокий. Он тянется почти прямою чертой с небольшими изгибами. На всем его протяжении нет ни одной бухточки, укрытой от всех ветров, - вообще этот недостаток заметен во всем Аральском море. Лучшие природные гавани - на острове Николая 1 -го. Восточный берег низмен, отмелок и вдоль его множество островов, покрытых камышом, кустами саксаульника и гребенщика; горный берег также низмен и не приглуб. Вот вам на первый случай географические подробности, когда составлю окончательные карты, то они всего лучше объяснят дело. Остров Николая 1-го имеет еще удобство: по замечаниям ходившего со мною приказчика рыболовной компании, который отправился нарочно за тем, чтобы высмотреть места, удобные для промысла, - по его замечанию у острова места должны быть чрезвычайно уловистые - рыба здешняя осетры и сомы.

Гавань, где будет зимовать моя флотилия, - в устье Сыра, там же, где стан рыбопромышленников, - вследствие чего у нас осетрины по уши. В нынешнее лето со старшим приказчиком, который вовсе не смыслил своего дела, они наловили 3000 осетров. Теперь приказчик другой - уральский казак, который провел всю жизнь на рыбных промыслах, и дела пойдут без сомнения хорошо.

Время мое в море так же, как и во время постройки судна на берегу Сырдарьи, пронеслось так быстро, в беспрестанных трудах и заботах, что я решительно не имел ни минуты свободной, чтоб скучать. Покуда, так как на берегу помещение для команды еще не готово, все мы живем на шхуне и я не спускаю своего брейд-вымпела, который здесь равняется флагу полного адмирала. Зиму я проживу здесь, на острове Косарале...

Но письмо велико и в один присест быть написано не могло. Заботы обступали Бутакова со всех сторон, и отвлекаться надолго они не позволяли.

5.

Два месяца назад Косарал был для него всего-навсего "одшедшим пунктом астрономических определений", а еще - предстоящей стоянкой на осень и зиму, до следующей кампании.

Кроме Макшеева,Акишева и матросов-гребцов, никто на "Константине" этот остров изнутри не видел. Прошли мимо, особого сожаления на сей счет не высказав.

Теперь экспедиция всматривалась в свою долговременную обитель с полнейшим вниманием.

Помните - устройство форта поразило Макшеева своей оригиналь-? Единственный на "Константине" дал он относительно полное его описание, оставил лаконичную, недельную характеристику, причем не общую, а с деталями.

- Гарнизонный инженер, разбивавший его, - сообщал штабс-капитан, - рассчитав линию огня по числу гарнизона, придал форту фигуру треугольника, которого каждый бок имел 20 сажен длины; тем не' менее почти все постройки он поместил внутри форта. Бруствер был ! сделан из местного материала, то-есть из сыпучего песку, и обшит камышом. Казармы и все службы были построены также из камыша ц ' небольшого количества серого кирпича, привезенного, кажется, из ' Раима. Из

этого можно судить о прочности построек и об удобстве жизни в них; впрочем, благодаря морским купаньям, цинготные здесь скоро поправлялись.

- Рыболовная ватага, - это тоже из свидетельства Макшеева, -обстроена была не лучше форта. Ватага состояла из 20 работников, считая в том числе приказчиков и кормщиков, и при них находилось, кроме шхуны "Михаил", несколько косовых лодок, на которых отважные рыбаки пускались даже в открытое море. Главный предмет рыболовства составляли осетры, но попадались также сомы, замечательные по своей величине. Икра, клей и соленая рыба доставлялись в Оренбург на волах...

В этом году на рыбопромысловую кампанию поработал также "Николай". Шхуна вышла в море еще в конце апреля и до начала июня успела обозреть северо-западный и северный берега Арала, да еще открыть выходы каменного угля. Она, во многом, проложила дорогу "Константину" и тем свою экспедиционную задачу на сорок восьмой выполнила. Разумеется, Бутаков не преминул поздороваться с судном-ветераном. Старший собрат стоял под парусами - рыбацкие дела года пока еще не закончились.

Новички - матросы "Константина" - быстро нашли общий язык с рыбаками. Люди безусловно мужественные, всеми ветрами обветренные, все и всякое испытавшие, они тем не менее, понимал лейтенант, доброго влияния на его команду не окажут. Но...что есть, то есть. Хоть трудно будет держать дисциплину и порядок, - вольнице их не уступит; долг свой он знает и, без сомнения, исполнит.

Все чаще встречались учтивые, но не лебезящие, казахи, иногда казашки и казашата. Вспоминались подсчеты подполковника Матвеева: от Казалы до Косарала на зиму собирается до полутора тысяч кибиток. Похоже было, что кочевники старались быть поближе к русским, стремились под их крыло, их защиту.

(Хочется напомнить размышления Макшеева, к тем же дням относящиеся: "С приходом русских на Сырдарью они (казахи) очутились между двух огней. С одной стороны, хивинцы начали делать на них набеги, и при этом беспощадно отбирали у них все имущество, резали для потехи стариков и детей, насиловали женщин и даже малолетних девочек, если они настолько были крепки, что не падали от брошенных в чих шапок, а, с другой стороны, русские, требуя от киргиз преданности, не ограждали их от неистовств хивинцев. Вследствие этого, киргизы боялись хивинцев и не доверяли русским. Искоренить это недоверие можно было только мало-помалу и в этом отношении За-хряпин, скромный, никому не ведомый и случайный деятель на нашей дальней окраине, оказал, быть может, более пользы, чем официальные представители русской власти на Сырдарье...")

Рыбаки, казаки, солдаты, а отныне и матросы, стали для этих людей ближайшими защитниками, незаменимыми покровителями. По крайней мере, того хотелось.

6.

Бутаков продолжал свое письмо. Начатое еще на "Константине", писалось оно дальше уже на суше.

...Зиму я проживу здесь, на острове Косарале, в весьма небольшом дворце, сооруженном среди маленькой крепости с 4 орудиями, чего достаточно для удержания в решпекте всей хивинской армии. Зимою мне' бы очень хотелось выучиться по-татарски - это общий язык киргизов и башку ров, только с небольшими изменениями, но не знаю, удастся ли. Немножко-то мы смыслим, прихрамывая на обе ноги, да мало. Говорят, что самый лучший учитель языков - женщины. К сожалению, киргизки, приходящие сюда из ближайших аулов, так непростительно некрасивы, что влюбиться в них физически невозможно. В дамском обществе придется отказать себе наотрез. В Раиме, правда, есть жемчужина и львица попадья...да то в Раиме, столице здешних мест в 80 верстах отсюда, что же до нашей братьи провинциалов, то где нам, дуракам, чай пить...

В Оренбурге, как мне писали оттуда некоторые добрые знакомые, была летом страшная холера, которая унесла до 6 тысяч человек! Многих добрейших людей, которых я там знал, уже нет. В Петербурге, говорят, также была сильная холера. Но об этих вещах нам, степным жителям, придется узнать в подробности разве что через год, а также и о том, что творится в Евдоропее, как выразился один казачий офицер. Неужели там явится другой Пунабарда?

Не помню, рассказывал ли я вам, как ко мне подъехал еще во время степного похода один снаком-башкур и снабдил меня" прекурьезным анекдотом.

Если рассказывал, то можете перескочить через этот анекдот.

Вскоре после нападения хивинцев на наши отряды подъехал ко мне один башкур:

"А ты не знаешь, наша царь хочет возьмет Хивам?" "Не знаю".

"Хивам надо взять. Хивинский хан дурак. Русский царь старик добрый, смирный, не трогает никого, а как хивинска хан будет нападать на русака, то царь рассердится и посадит хивинска хан на остров, где издох Пунабарда! Вот ему и будет!!!" "А ты почему знаешь Пунабарду?" "Я гулял на 12 год и много убил француза".

Вообще говоря, здесь мало думают о Евдоропее: для нас есть свои соседи - Хива, Бухара, Кокан, а Евдоропея для нас, степных азиатов, нечто вроде сказочного тридевятого государства. Какое нам дело, какие именно немцы режутся там? Нам занимательнее было слышать, что 7000 хивинцев пошло войною на Персию, что посланного в Питер бухарского посла эмир бухарский хотел повесить за то, что, будучи директором монетного двора, посол череачур разбогател, но потом он рассудил, что лучше отправить его послом, с тем, чтоб все издержки и подарки были на счет посла; не правда ли милое изобретение? Посол этот повел царю слона в подарок от бухарского эмира.

6 октября спустил я свой брейд-вымпел и присоединил к своему титулу звание главного командира Косаральского порта..."

(В других источниках, исходящих от Бутакова, всюду названо пятое; с 6-го, после спуска брейд-вымпела, экипаж, во главе с командиром, окончательно перешел на сухопутный образ жизни.)

"У нас здесь милое соседство - недавно, по рассказам киргизов, появилась на нашем острове maman-тигрица с двумя прехорошенькими детками; я видел на глине свежий след ее - намек славянам не прогуливаться в приятных мечтаниях при лунном свете. Теперь мы ждем с величайшим нетерпением прибытия осеннего транспорта, который привезет луку, чесноку, сушеной капусты и разных разностей. На огородах подле Сыра родилось в нынешнем году довольно много капусты, редьки, огурцов, моркови, арбузов и дынь. Арбузы так себе, но дыни обворожительные, так что я, не любитель фруктов, поглощал их с величайшим удовольствием. Киргизы, которых аулы по Сыру и в соседстве, также имеют бахчи (огороды), и у них дыни были так же в большом изобилии и также отличные.

Поздравляю вас с новым мичманиной - воображаю обезьяну Володю, задевающую эполетами во всех дверях, с мечом, который путается между икрами, в кивере! Батыр, молодец-мужчина! Он меня очень порадовал письмом, которое я получил только что пришед с моря в матушку Сырдарью. Митюк, сколько я мог судить по письму Володи, не потерял-таки своей интересной кампании, невзирая на кутерьму Евдоропеи. Грицко-гидрограф шатается, вероятно, около земель бу-сурманов и испытывает часть наслаждений, которыми я объедался на Арал-тынгызе (Аральское море). Ваня, вероятно, успел побывать раз десяток в Одессе и закусывать в "Пале-рояле", пока моя высокая особа жевала солонину. Зато насчет рыбного стол у нас такой, какого Одесса и во сне не видала; право, здесь грешно есть постное в великий пост -это было бы настоящим чревобесием, одним из седьми смертных грехов!

С грядущим сюда транспортом я жду из Петербурга Шахматов, которые Голицын обещал выслать. В Раиме есть киргизский султан Алтын и еще один башкур, которые, как говорят, мастерски играют. Жаль, что на Косарале нет шахматных игроков - ну да выучим своих подчиненных, которые, разумеется, не осмелятся, да и не смогут, обыгрывать начальство. К тому же у меня и зимою будет достаточно дела - следовательно, скучать некогда; а там опять месяцев на 5 или 6 в море, да потом в Оренбург, да потом в Питер, а наконец - худа бирса (Бог даст) и в Николаев!!! К вам являюсь человеком знаменитым, женихом первой степени, не говоря уже о моей красоте, стройности и о моих несметных богатствах. Гриша писал мне в Оренбург о бракосочетании в Николаеве графа Апраксина и о том, как Кирота Мазараки устроил этот брак. Ай да Кирота!

Вам, тятенька, я набрал окаменелостей с здешних берегов, т.е. с северо-западного и западного (восточный, как я уже говорил, песчаный).

Хош аман, минг Атай, хош аман, минг Этей! (т.е. прощайте, папу-ска и мамуска!)

Будьте здоровы и счастливы! Целую ваши руки и обнимаю вас

биг-куп, биг-куп! (очень много, очень много). Аминь!!!

7.

От начальной даты и пометы "в Сырдарье" до восклицательных знаков в конце дней пять прошло (ну, четыре, не меньше). Ни строки, ни слова я из письма не опустил.

Подчеркиваю это, обнажая цели "своекорыстные". Какие именно! А вот какие. Во-первых, передо мною единственное известное чг письмо с Косарала тех дней; Шевченко писем отсюда не пос--. писанное другими никому не прочесть. Во-вторых, в письме пусть ц небольшие, не столь уж значительные, а все же важные черточки, штрихи, детали того, что занимало островитян, чем они жили, о че размышляли и рассуждали. В-третьих, Бутаков тут отнюдь не пр", исполнении должностных обязанностей, "без мундира", просто чело-і век, любящий сын и брат.

На известном, часто публикуемом, портрете он уже контр-адмирал и, по внешности, в годах преклонных. Меж тем до старости Алексей ' Иванович не дожил - умер немногим более пятидесяти. А письмо...письмо бывалого, но лейтенанта, тридцатидвухлетнего, но даже не жениха, почтительного сына "морского волка", до славы которого, как полагал, ему не дотянуться.

Письмо не без похвальбы. Он счастлив - плавание окончилось благополучно и не без успехов, на время сброшен груз главных, морских забот. Радуется всему как обретенной свободе. И тому, что уродили овощи да дыни, и скорому прибытию чеснока и шахмат, и решению своему выучиться зимою "татарскому" языку, и даже появлению тигрицы, все ближе подбирающейся к людям. А еще - успехам моряков-братьев, по разным морям ходивших, женитьбе приятеля и т.д., и т.п. Его радость - в "ура" и "биг-куп", в казахских словах и фразах, которыми расцвечивает листы косаральского послания в Николаев, в приподнятости всего тона письма - первого по окончании кампании.

...Щоб капітан не чув, бо злиха

Якийсь лихий, хоч і земляк...

Злиха...лихий... В письме мы видим его иным. Но что важнее: перемена произошла и наяву. Раскрылся, будто расстегнулся, и не заметить этого было нельзя. Шевченко, пожалуй, обрадовался перемене прежде других.

А Иванов Иван из астраханской флотской команды помер. Семь лет проходил в матросах второй статьи и всего полтора года - первой... Походил по морям и - отплавал... Похоронили без батюшки (где было его взять?), помянули по-христиански - о винной порции распорядился Бутаков.

На Косарале у экспедиции появилась своя могила.

Ее, сдается, предвещал он еще в Орской.

...Од споконвшу і донині

Ховалась од людей пустиня,

А ми таки ii найшли.

Уже и твердині поробили,

Затого будуть і могил и,

Всього наробимо колись!..

АВТОПОРТРЕТ С БОРОДОЮ

1.

Месяцы в море он не брился и не стригся, а в результате успел завести изрядную бороду, пышнее некуда.

Бородатым и на берег сошел.

С нею, этой бородой, связано два известных нам сло-весных автопортрета.

Один, собственно, не вполне автопортрет - Шевченко в нем глазами его литературного героя, лекаря Сокиры. Первое упоминание бороды и с нею связанного - на страницах "Близнецов". Вот тут...

"В одном из листков своих описывает он (тоже в юмористическом тоне) земляка своего, находившегося при описной экспедиции на Аральском море и возвратившегося в укрепление с широчайшей бородой, где уральские казаки (не исключая и офицеров) приняли его за своего расстригу-попа, за веру пострадавшего (земляк-то, видите, был из числа несчастных), и, он, знай благословляет их большим крестом да собирает посильное подаяние натурою, т.е. спиртом. И эта комедия продолжалась до тех пор, пока ротный командир не приказал ему сбрить бороду. С бородой, разумеется, и поклонения, и приношения прекратились..."

О том же, но по-другому, в записи Дневника 1857 года. Выписываю то, что касается именно этого момента.

"В 1848 году, после трехмесячного (двух, но суть не в этом - Л.Б.) плавания по Аральскому морю, возвратились в устье Сырдарьи, где должны были провести зиму. У форта на острове Косарале, где занимали гарнизон уральские казаки, вышли мы на берег. Уральцы, увидев меня с широкою, как лопата, бородою, тотчас смекнули делом, что непременно мученик за веру. Донесли тотчас же своему командиру, есаулу Чарторогову. А тот, не будучи дурак, зазвал меня в камыш и бац передо мною на колени.

- Благословите, говорит, батюшка, мы, говорит, уже все знаем.

- Я тоже, не будучи дурак, смекнул в чем дело, да и хватил самым раскольничьим крестным знамением. Восхищенный есаул облобызал о мою руку и вечером задал нам такую пирушку, какая нам и во сне не грезилась.

Вскоре после этого казуса, уже обривши бороду, отправился я в Раим..."

Но продолжение цитаты (и истории) - уже в другом месте, дальше. "Широчайшая" - "широкая, как лопата, борода" - а равно курьез, с нею связанный, это неотъемлемые приметы шевченковского Косарала; им и быть надлежит - тут, а не в другом каком временном отрезке.

Есаул Чарторогов?.. Чин и фамилия - сочетание из важных. Для чего? А для проверки подлинности факта и, так сказать, фактической основы эпизода. "Своему командиру"... Есаул сей, выходит, к о м а н д о в а л казаками на Косарале. Дополнительная подробность, тоже не малозначительная. Окажется такой "Чарторогов" на острове - найдет подтверждение и...борода.

Оказался! В рапортах разного времени проявился он даже в качестве начальника Косаральского форта - обитал здесь, выполняя служебные обязанности, довольно долго. Есаул Черторогов...в написании фамилии Шевченко допустил ошибку или описку. Ч е р т о рогов- в архивных материалах так. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134).

Был Данила Черторогов не темным фанатиком, но человеком и з современных. Достаточно хорошо его характеризует его поступок, совершенный на склоне лет, в 1862-м. "Сочувствуя благотворительным мерам...в деле распространения просвещения", он "пожертвовал 7000 р. серебром на вечное содержание процентами с оных одного из стипендиатов в университете". При этом даритель оговорил условие: преимущественное право на получение такой стипендии в Петербургском университете должны иметь дети бедных чиновников или нижних чинов уральского казачьего сословия. Стипендия была утверждена (ГАОО, ф.6, оп.15, д. 1276). На Косарале имел Тарас возможность убедиться, что немолодой есаул живо интересуется событиями в Европе и другими политическими вопросами. Это его, Черторогова, подразумевает Бутаков, упоминая оригинальный синоним Европы - "Евдоропею". В общении с таким бывалым, опытным казаком почерпнуть можно было многое. Меж тем первое знакомство- когда именно он, Черторогов, начальственно принял обросшего художника за раскольничьего пресвитера, бросился перед ним на колени, потребовал благословения и, получив его, устроил пир - на мысль о незаурядности есаула ни в коей мере не наталкивало.

"Чарторогов", выходит, был.

И широчайшая борода была.

И благословение "самым раскольничьим крестным знамением" не придумано - случилось на деле.

Словесные автопортреты с бородой... А что, н е словесных не было? Художник, всматривавшийся в себя, рисовавший себя в разные моменты жизни, вдруг не замечает свое новое, весьма необычное, необыкновенно-колоритное обличье и не является в нем желание запечатлеть его на бумаге, в карандаше или красках? Равнодушие неоправданное, в такое не верится.

Шевченко с бородой нам известен.

Автопортрет, подаренный Брониславу Залескому в 1851-м; итальянский карандаш, белила...(Том девятый, лист 16).

Подарок М.С.Щепкину, с авторской пометой (1857 Ш.), с его же, автора, дарственной надписью... (Том десятый, лист 17).

Авторская дата и монограмма (1858.Ш.) еще на одном; этот, как и предыдущий, тоже на тонированной бумаге, итальянским и белым карандашами... (Том десятый, лист 18).

Но это не открытия: выставляемое...репроду- цируемое ...одним словом, знакомое. Автопортрета с бородой - первой бородой, осени сорок восьмого - мы не видели и не знаем. В более поздних бородатых Тарасах он присутствует, в том не сомневаюсь; только хочется увидеть тот самый, и вслед за Романом Лубкивським, автором талантливых стихов "Шевченков! автопортре-ти", заклинаю:

...Якщо все повергав на круги своя,
Якщо в славу з неслави приходить ім'я,
А міста воскресаю" із праху румовищ,
А рукописи - з попел у, книги - зі сховищ,
З мерзлоти заполярноі - вбиті поети, -
Повергайтесь, Шевченков! автопоргреги!
…….
Повергаться!
Смертельний скасовано вирок,
Поверніться, подерті, затерті до дірок,
Із бундючних колекц'й, комодів захланних
3-під приватних запорів неподоланних,
Поверніться.
Поставьте перед людьми.
Тут Шевченко присутгай. Присутні ми...

2.

Уральские казаки жили бок о, бок с другими обитателями Косарала, в том числе и с его "Мореходным аулом", как окрестил однажды собственную команду лейтенант флота Бутаков.

Были они людьми суровыми, к себе допускали не всякого, на каждом шагу проявляли осмотрительность, подчеркивали свою богоизбранность, блюли обычаи отцов и дедов.

- И церковь, и казаки верят в одного и того же Христа, - задумывался Шевченко, - так отчего же раскол? к чему вражда? зачем эта пропасть, разделяющая православных?

Вопросы оставались без ответа, а он все больше убеждался: раскол глубок, вражда устойчива, упорна. Почти два века назад эта пропасть возникла, еще тогда, когда патриарх Никон задумал и осуществил свои церковные реформы, поменял богослужебные обряды. Заменил земные поклоны поясными...двоеперстие троеперстием...исправил ошибки в божественных книгах... И разошлись люди русские в разные стороны - одни стали приверженцами унификации церковного культа по образцам греческой веры, другие непримиримыми сторонниками веры старой, древней, без всяких никонианских нововведений, навеянных, дескать, советами лукавого сатаны.

Казаки были бородачами. Как же: борода - признак создания человека по образу и подобию божию. Правда, Черторогов добавлял к этому и свое: подобие должно быть не только в бороде, а и во

внутреннем содержании, в добрых делах во славу истинного Бога. И он, есаул, и другие с превеликим почтением поминали своих учителей, наставников, вроде знаменитого протопопа Аввакума, дьякона Федора, а еще Лазаря, Епифания и иных мучеников, которых Никон предал сначала гонениям, а потом сжег на костре в Пустозерске.

Тарасу импонировало упорство уральских казаков в делах веры. Они, как и он, были гонимы за свои убеждения, их и его преследовали власти; сочувствие вызывало в нем неприятие старообрядцами полного союза между царем и церковью, безотказного подчинения ее самодержавию.

Нет, в веру собственную раскольникам его не обратить (да они, говоря по чести, делать это и не пытались). Но те, кто за правду свою готовы были пойти на костер и на виселицу, не могли не вызывать уважения.

А как они пели !

Яик ты наш, Яикушка,
Яик, сын Горынович,
Про тебя ли, про Яикушку,
Идет слава добрая,
Про тебя ль, про Горыныча,
Идет речь хорошая.
Золочено у Яикушки
Его было донышко.
Серебряны у Яикушки
Его белы краешки,
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки...

Песня запомнится ему надолго, навсегда. "Яик ты наш, Яикушка" будет звучать в нем, когда годы и годы спустя задумает он "четырехтомный нравоописательно-исторический роман", с тем, чтобы в нем "изобразить с микроскопическими подробностями нравы, обычаи и историю сего архиправославного народа". Мне уже довелось писать, что, по всему судя, в своем романе, о замысле коего автор объявит при начале русской повести "Варнак", на первом плане будет уральское казачество: "Есть в нашем русском православном огромном царстве небольшая благодатная земля, так небольшая, что может вместить в себе по крайней мере четыре немецких царства и Францию в придачу. А обитают в этой небольшой землице разноязычные народы и, между прочим, народ русский и самый православный. И этот-то народ русский не пашет и не сеет совершенно ничего, окроме дынь и арбузов, а хлеб ест белый, пшеничный, называемый по-ихнему калаци, и воспевает свою славную реку, называя ее кормилицей своей, золотым дном с берегами серебряными..."

Герои будущего, так и не написанного романа, встретились ему, жили рядом на Косарале. Колоритными фигурами среди уральских казаков были урядник Ион Жигин, приказчик рыболовецкой компании Павел Голубов и другие. Каждый нес в себе множество противоречий, характерных для людей казачьего сословия. "Архиправославный народ" имел в них своих достойных представителей. Замысел рождался уже здесь.

3.

Борода не молодит - напротив. Может потому все чаще о себе думалось как о человеке, чья жизнь шла к закату.

Та не дай, господи, нікому,
Як мені тепер, старому...
Или-
..Чого тепер тобі, старому,
У цій неволі стало жаль...
Или-
От що зробили з мене годи
Та безталання...
Или-

..Думи душу осадають,
І капають с л ь о з и...
Эти, последние строки - из стихотворения, которое начинается словами:
Ми восени такі похожі
Хоч капельку на образ божий, -
Звичайне, що не всі, а так;
Хоч деякі...
Кто прояснит потаенную мысль поэта? О ком и о чем тут речь?
Дорожили бородатостью своей Данила Черторогов со товарищи. В бородах виделось им приближении к божьему обличью.
О том же думал и он, вглядываясь в автопортрет с бородой.
Взращенная в долгом и трудном плавании, борода вызывала мысли о Боге и божеском в Человеке.
"Хоч капельку на образ божий..."

4.

В общении с казаками уральскими рождались стихи о казаках запорожских.
Были они одного корня - людьми вольными, гордыми.
Запорожскую Сечь за вольность уничтожили. Уральское казачество жило, храня многие свои традиции, импонируя ему и сходством, и несходством с вольницей казачьей на Днепре.

У тієі Катерини
Хата на помості,
Із славного Запорожья
Наіхали гості.
Один Семен Босий,
Другий Іван Голий,
Третій славкий вдовиченко
Іван Ярошенко...
Храбрые и благородные рыцари, на глубокие чувства способные, жизнью жертвовать готовые, и жертвующие ею, чтобы снискать любовь приглянувшейся им красавицы Катерины. В воде днепровской гибнет один, на колу находит смерть другой, возвращается только третий, сумевший-таки вызволить из неволи ее "брата". Но не братом оказывается освобожденный.

..Катерина подивилась,
Та и заголосила:
"Це не брат мій, це мій милий,
Я тебе дурила..."
"Одурила!.." -І Катрина
Додолу скотилась
Головонька... "Ходім, брате,
З поганої хати".
Поіхали запорожці
Вітер доганяти...
Справедливость выше любви. Братство в деле побеждает все...

Кровью казацкой полита земля Украины.
Ой чого ти почоршло,
Зеленее поле?
- Почорніло я од крові
За вольную волю.
Круг містечка Берестечка
На чотири милі

Мене славні запорожці
Своім трупом вкрили... "Почорніло я, зелене, та за вашу волю..."
Но воли-то нет, как нет и тех, кто за нее дрался.
...Я знов буду зеленіти,
А ви вже ніколи
Не вернетеся на волю,
Будете орати
Мене стиха та орючи
Долю проклинати.

Горькое предчувствие, трагический прогноз... Не приведи, Господь, чтоб проклинал судьбу свою Народ!

И снова, и снова - история Сечи. Он не ищет абсолютной точности фактов, их полного соответствия тому, что было на самом деле. Ему важнее патриотический дух запорожцев, их любовь к земле своей, нежная преданность отчему дому.

...А ти, старий Дорошенку,
Запорозький брате!
Нездужаеш чи боішся
На ворога стати? - Не боюсь я, отамани,
Та жаль Украіни, -
І заплакав Дорошенко
Як тая дитина!..

Они несхожи, казаки уральские и запорожские, различны их прошлое, их судьбы. Но те и другие - казаки, а это значит -вольные.

БЫЛИ РЯДОМ

1.

Томаша Вернера в экспедицию благословил Матвеев. Его рекомендацию принял, а потом засвидетельствовал Бутаков, написавший год спустя в рапорте начальнику 23-й дивизии о том, что Вернер был взят им в плавание "по предложению г.подполковника Матвеева для исследования каменного угля, которого признаки были найдены на северо-западном берегу Аральского моря, и для геологических и ботанических наблюдений, причем он оказался весьма полезным, ибо честь открытия пласта каменного угля принадлежит ему..." ("Тарас Шевченко. Документи і матер1али", 1982, с. 166).

Об этом открытии лейтенант доносил Обручеву прямо с моря: "Тотчас же после обеда команды (9-го августа - Л.Б.) я отправил на берег вооруженную партию из семи человек с рядовым Вернером (бывшим студентом Варшавского технологического института, которого я взял с собою собственно для этих исследований), чтобы рыть ямы в другом месте. Пройдя верст пять от оконечности к югу и идучи по возвышенной части берега, рядовой Вернер пришел к пространству глинисто-солонцеватой почвы, покрытому местами как-будто сажей, и начал рыть. На глубине одной сажени от поверхности он нашел пласт угля толщиною в один фут и прекрасного качества..." Описание заняло несколько страниц и заканчивалось выводом: "Судя приблизительно, в найденном пласте можно добыть угля по меньшей мере от 5 до 6000 пудов". (ЦГАВМФ, ф.410, оп.2, д.147, лл.15-16 об.)

"Не будучи ни геологом, ни натуралистом, но желая принести пользу науке, я просил г.Гельмерсена снабдить меня инструкцией и советами, - писал Бутаков в статье "Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 году". - Считаю долгом выразить искреннейшую благодарность мою Григорию Петровичу Гельмерсену за его ясную и положительную инструкцию, которой я старался следовать сколько мог. Я поручил одному из своих подчиненных, унтер-офицеру Вернеру (этот чин придет к нему в сорок девятом - Л.Б.), собирать по ней образцы горных пород, измерять толщу пластов, наклонность их и направление; он же собирал растения, с корнями и цветом, по инструкции, сообщенной мне покойным адмиралом Ф.Ф.Беллинсгаузеном. Геологические образцы были отправлены в музей Горного института, и

Г.П.Гельмерсен составил по ним описание, посланное им на немецком языке к барону А.Гумбольдту, а семьдесят пять экземпляров приаральской флоры были отправлены к г.Фишеру, тогдашнему директору Императорского Ботанического сада..."

Действовали, следовательно, не только по инструкции Обручева и высоких военных, морских, политических инстанций, но и по рекомендациям академических светил. Их интересы в экспедиции представлял уполномоченный на то не ими, в научном мире никому не известный, всего-навсего бывший студент ВернерТомаш, или

Фома.

Фомою его звали меж собою и, нередко, в документах, в переписке.

Звал так и Шевченко.

Как очутился Томаш-Фома в местах здешних?

Да так же, как и Тарас. Но на несколько лет раньше.

Ко времени их встречи в Раиме за плечами молодого поляка было уже почти четыре года солдатской службы.

Вина Вернера, напомню, заключалась в том, что, еще учеником гимназии в Варшаве, он "читал сам и раздавал читать другим запрещенные книги для возбуждения против правительства, доказывал возможность восстания и искал знакомства с ремесленниками, чтобы наклонять их к участию в мятеже при первом возможном случае".

Гимназию закончил благополучно, поступил в Варшавский технологический институт и вот тут-то до его противо-законной деятельности в недавнее время докопались слуги царевы.

Юный студент был схвачен и посажен в тюрьму. Его наказали розгами. А после этого отдали в солдаты, притом с отсылкой в один из дальних батальонов Отдельного Оренбургского корпуса.

В Раим он попал, как попадают нижние чины, подвластные любому приказу. Уже тут решили использовать его "по специальности".

Специальности облюбованной, но - не состоявшейся.

Впрочем, и в солдатах не переставал он учиться. Не без трудов добываемые книги несли знания. Если даже не для диплома, то для жизни наверняка.

Бронислав Залеский:

...Томаш Вернер - ссыльный солдат, был при Бутакове на Аральском море вместе с Шевченко. Это была очень благородная натура. Произведенный в офицеры, вернулся домой...

Подчеркиваю: "...о чень благородная натур а". Залеский знал Вернера на протяжении долгих лет, вывод его - не для красного словца; сделан он с полной убежденностью.

У них, Шевченко и Вернера, была во многом общая судьба и - общая работа в экспедиции.

Десятки людей были одинаково близки (и, напротив, не симпатичны, чужды) что одному, что другому. И приязнь, и неприязнь объединяют - доказательств это не требует.

На "Константине" оба, по свидетельству А.И.Макшеева, жили все в той же "офицерской" каюте, а в период между плаваниями, по воспоминаниям Э.В.Нудатова, в одной джуламейке. Последнее нуждается в оговорках, но важен даже сам факт соединения их в людской молве.

Вернер происходил из Варшавы. Там учился, там его арестовали. Не доказано документально, а все же вероятно, пребывание в этом городе и Шевченко. Варшаву, как одно из мест пребывания поэта, называли и современники его, и дореволюционные биографы; отсутствие документальных данных, как равно автосвидетельств, не говорит ни о чем.

Был Шевченко в Варшаве или не был, город этот нес в себе нечто важное, дорогое - олицетворял неукротимую, борющуюся Польшу.

Польшу Мицкевича, поэзию которого знал и любил с давних пор.

Знали и любили оба. Какой поляк не преклонялся перед великим Адамом?

"...очень благородная натура"... Разочарований друг в друге у них не будет.

2.

Гложет меня, не дает покоя мысль о безлюдно с- ти моего Косарала.

По мере сил выстраивая линию Шевченко, стараясь разобраться в обстоятельствах его жизни на далеком от цивилизованного света острове, не отрываю ли своего героя от всех других здешних обитателей, не забываю ли о тех, кто находится вокруг и рядом?

На виду Бутаков - спасибо за письма его и прочее, им написанное. Драгоценные это свидетельства о косаральских месяцах, выразительные материалы о нем самом - желаннее их и быть не может.

Через Бутакова является нам Поспелов. Благодаря ему же получаем эпизодические приветы от Альмабета, от Ивана Тихова, от "Т а р а с и я". Другие проходят через письма и заметки безымянно - как охотники на тигра, рыболовы и пр. Так и оставаться всем им а н о и и м а м и, а нам - делающими вид, что это вполне естественно?

Противоестественно! Больше того -неблагородно!

Шевченко многих из обитателей Косарала знал лично - не знать не мог. И я просто не имею права не докапываться до имен и, по возможности, судеб его спутников.

Замаливать грехи свои начал. Подтверждением тому - страницы о Черторогове, о Вернере, о казаках. Они без вымысла - там только то, что могу сказать определенно.

Именно определенно. Иного пути не признаю.

3.

Рыбопромысловую компанию учредили в 1847 году на паях оренбургские купцы первой гильдии Михаил Деев и Иван Путолов.

Работу они развернули с присущим им размахом, и в сорок восьмом преуспели в большей степени, чем в году предыдущем.

"Начальник Раимского укрепления подполковник Матвеев рапортовал ген.Обручеву, что рыболовная компания открыла лов рыбы в Аральском море и в устье р.Сырдарьи 19 апреля и закончила лов 20 ноября. Компанией, на шхуне "Михаил" и кусовой лодке, за все время поймано 3050 яловых и 20 икряных шипов. Черную рыбу и огромных сомов компания не считает добычею, и управляющий промыслом компании казак Голубое раздает их почти даром киргизам, собирающимся ежегодно на ватагу в немалом числе, принося за это молоко и помогая в некоторых работах". ("Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска", вып.П, Оренбург, 1913,с.129).

О хозяевах дела и вершителях судеб говорили на промысле по всякому поводу. Были они .предпринимателями дерзкими, безоглядными. Препон для них не существовало. Совсем недавно пошли жалобы на то, что на территории Орской станицы, без дозволения, даже ведома, станичного правления и жителей, Путолов Иван Федорович самовольно затеял добычу камня, поставил кирпичный завод, наладил производство извести. Обручев распорядился взыскать с купца не самую большую сумму в пользу станичников, но...с такого разве возьмешь? Свой рубль, свою копейку не отдаст ни за что! (Там же, с. 102-103). В Раиме и вокруг, в степных укреплениях вообще, перво-' гильдийным купцам принадлежала торговля всем; в корпусе их 8 обиду не давали и на разворотливость не сетовали.

Хотя строгость соблюдали и в отношении их. 17 ноября командир Отдельного Оренбургского секретно запрашивал городничего полковника Демостико: "По встретившейся надобности в сведениях об оренбургском 1-й гильдии купце Михаиле Дееве и семейных его, состоящих с ним совокупно и нераздельно в одном капитале, я прошу вас немедленно донести мне, не принадлежит ли Деев к раскольнической секте и какой именно, а также не скопец ли..." Запрос был предопределен доносом - уж это как пить дать. Городничий подозрения отвел. Нет, писал он, Деевы - "одни из примерных православных христиан". (ГАОО, ф.6, оп.6, д. 12609). Но будем помнить и характер губернаторского запроса - в нем и прямые отголоски того, что говорили о Михаиле Степановиче на Косарале... ' i

Рыболовная ватага состояла из двух десятков работников; это вместе с приказчиками и кормщиками. С Захряпиным мы познакомились раньше. Однако главным распорядителем на

промысле был не он, а особо доверенный хозяина Павел Голубое. "Уральский казак, который |провел всю жизнь на рыбных промыслах," - так характеризовал его в октябрьском письме Бутаков. Места лова он чувствовал как никто другой,, на них у него был нюх безошибочный. Не приходилось ему занимать и смелости. Не случалось такого, чтобы ради улова не рискнул самолично отправиться с рыбаками в открытое море на самой что ни есть не морской лодке. Голубова за крутой нрав побаивались,за талант же рыбацкий, за удаль в деле уважали. Мимолетные упоминания его в бутаковских письмах - подтверждение контактовпостоянных и тесных.

Ну а рыбаки, так сказать, рядовые?

Их именам-фамилиям оставаться, как видно, безвестными. О б ш а р и л не один архивный фонд, но списков работников на ватаге так и не нашел. Не нужны были они, эти имена, ни Дееву с Путоловым, ни Голубову с Захряпиным. Обходились без излишних канцелярских формальностей.

Самой достоверной характеристикой рыбацкого сообщества остается та, которую дал Макшеев:

"Косаральские рыбаки, прибывшие сюда из приволжских губерний, не унывали в неприютной чужой и дальней стороне, и если забиралась иногда к ним в душу тоска, то запивали ее чарою зеленого вина. Один работник рассказывал, что раз он пропил в вечер сорок рублей ассигнациями; впрочем, это произошло от того, что ему пришлось платить за сивуху едва ли не дороже, чем в трактирах платят за донское или мадеру. При отсутствии казенной и вольной продажи спиртных напитков, рыбаки давали солдатам, получавшим казенную порцию, по четвертаку, а иногда и по полтиннику за чарку сильно разведенного вина. Отдавая дань Бахусу, рыбаки не забывали и прекрасного пола, если можно назвать этим именем весьма некрасивых и не отличавшихся большой нравственностью нищих киргизок. Рыбаки одевали их в замысловатые платья, сшитые, например, из разноцветных и разноузорных платков, взятых, разумеется, у старшего приказчика в счет жалованья. Забирая постоянно в долг и платя за все при расчете втридорога, они, конечно, не могли потом вернуться на родину и оставались на Косарале, пока не рушилась компания и не прекратилось рыболовство на Аральском море".

Сейчас дела шли достаточно успешно. Промысел приносил доходы, а сулил еще большие. Но это касалось хозяев, а не работников. Не разбогатеть из них никому, большинству же и вовсе на Волгу свою не вернуться...

В том, что Шевченко воочию видел рыбацкие будни, интересовался ими, убеждают его зарисовки шхуны "Михаил", лодок простых и под парусами, наброски, которые могли быть сделаны на палубе рыболовецкого судна. Но в рисунки переплавлялось далеко не все, пожалуй даже немногое.

...Работники рыбных промыслов Арала были первой значительной группой рабочих людей, с которой он спознался на дорогах своей солдатчины.

4.

"Просто рыбакам" оставаться безвестными - имена их не сохранились.

Но вот три фамилии, три имени, до нас дошедших (я их обнародую впервые). Это тоже люди рабочие. Мастеровыелюди, корабельных дел мастера...

Шевченко видел их в труде на Сырдарье у Раима. Общался он с ними и на Косарале; тут и вовсе были они в непосредственном подчинении Бутакова.

Егор Бобылев, Алексей Горич, Петр Афанасьев.

Нижние чины, но положения особого, с обязанностями специфическими: строить, снаряжать, держать на плаву суда.

В Оренбург, а потом и сюда прибыли они из Петербурга в команде прапорщика Шматкова весной сорок седьмого. За два месяца до того, как фельдъегерь Виддер доставил туда же Шевченко.

Даже простейшую лодку соорудить и то не абы какое уменье требуется. А уж шхуну, которой ходить по морю, способную выдержать все морские нагрузки-перегрузки, сделать, и на совесть сделать, дано только искушенным.

Постройкой что "Николая", что "Константина" занимались эти люди с первого гвоздя.

Изложу почерпнутое мною на сей счет из архивного дела ЦГАВМФ1 (ф.283, оп.1, д.6435). "По предмету заведения на Аральском море! флотилии сухопутного ведомства..." Восемьдесят шесть

листов, пер-; вые из которых датированы 6-7 марта 1847 года, и среди них переписка о строителях судов.

Уже начальные документы в деле - об этом.

Изканцелярии министерства военного -генер ал-интенданту флота М. Н. Лермантову:

...Генерал-адъютант князь Меншиков сообщил г.военному министру, что вашему превосходительству поручено лично условиться со мною об отправлении унтер-офицера и двух мастеровы х, предназначенных в Оренбургдля указания пос тройки лодок.

Имея в виду, что фельдъегерь, посылаемый с бумагами к г.Обручеву, совершенно уже приготовлен к отправлению, я, по приказанию князя Александра Ивановича (Чернышева - Л.Б.), имею честь обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою: не изволите ли признать возможным сего дня без замедления удостоить меня Вашим посещением, дабы необходимое сведение об отправлении мастеровых могло быть сообщено командиру Отдельного Оренбургского корпуса с отправляемым фельдъегерем... (Цодписал Н.Анненков, помета - "весьма нужное").

Генерал-интендант флота-генерал-адъютанту

...Просит о "немедленном приготовлении к отправлению в распоряжение командира Отдельного Оренбургского корпуса генерала от инфантерии Обручева одного унтер- офицера шлюпочн ого мастерства или кондуктора, хорошо знающего сие дело, одного или двух шлюпоч ных и весельны х мастеровых для постройки гребных судов в Оренбургском крае", присовокупляя, что вслед за этим его превосходительство изволит "получить уведомление и о времени отправления людей сих". (Подпись: М.Лермантов).

Лермантов-Анненкову:

...Считаю долгом известить ваше превосходительство, что с адъютантом капитаном-лейтенантом Краббе будут отправлены один унтер-офицер и два мастеровых (шлюпочного и весельного дела) и один - парусного дела, как признанный необходимым для успешней-шего достижения цели сей командировки; сии четыре человека в течение завтрашнего дня, т.е. 8 марта, будут совершенно готовы к отправлению и явятся к адъютанту Краббе...

Вся операция по отбору и отправке четверки судостроителей заняла два-три дня. (Не больше, чем отделяло объявление приговора от увоза в Оренбург новообращенного нижнего чина Шевченко). Трем мастеровым и старшему этой команды на сборы давались считанные часы. Не оказалось времени ни для того, чтобы проститься с семьями, с близкими (а отправлялись-то на срок неопределенный, скорее всего не короткий, может даже на годы), ни даже для обеспечения предстоявших работ "необходимыми припасами и материалами, употребляемыми для крепления гребных судов, и парусиною для парусов, приобретение коих в Оренбургском крае не только может быть затруднительно, но едва ли и возможно" (Лермантов - Анненкову, отношение 32/11 марта). Только после этого взялись за спешное заготовление материалов: гвоздей, болтов, гаек,прутьев, заклепных планок, "парусины N8" и т.д., и т.п. Все это отсылали уже вдогонку команде.

Так полтора года тому назад появились в Оренбурге "корпуса корабельных инженеров кондуктор Шматков, который произведен уже в прапорщики, 3-го рабочего экипажа парусник Егор Бобылев и 1-го рабочего экипажа мастеровые Алексей Горич и Петр Афанасьев".

Краббе задержался в Оренбургском крае ненадолго и в том же году вернулся в Питер. Командировка Шматкова закончилась к зиме сорок восьмого. ("Не встречая более надобности оставлять здесь прапорщика Шматкова, - уведомлял Обручев, - я сделал распоряжение об удовлетворении его на основании высочайшего повеления, объявленного мне в предписании, жалованьем по усиленному окладу и порционными деньгами по 1 декабря с.г. и об отправлении в Санкт-Петербург к месту его служения"). Ну а с мастеровыми командир корпуса расставаться не желал. В том же донесении испрашивал он разрешение задержать отправку "вышеизложенных нижних чинов по уважению тому, что в сих людях встречается большая надобность при исправлении и снаряжении двух мореходных и гребных судов, состоящих при Раимском укреплении". Начальник главного морского штаба "согласие на оставление впредь до времени наРаиме высланных в 1847 году нижних чинов" изволил дать. И остались они при экспедиции невесть еще на сколько.

У них был общий Петербург-укаждогосвой, но не без точек соприкосновения, наверняка многих.

У них были общие паруса. Художник Шевченко любил их рисовать, "парусный мастеровой" Бобылев - кроить, шить, натягивать эту упругую красоту.

Рисовал Тарас не сто пятьдесят аршин парусины шириною в двадцать четыре дюйма, но искусство российского кудесника, способного потягаться со всякими ветрами, побороться со стихией.

..Люди мастеровые - всегда бывалые. Общаться с такими - набираться ума и опыта.

"ПРОРОК" НА БАРРИКАДЕ

1.

Почты Шевченко не ждал и...ждал. ;

В прошлый раз (с месяц уже, почитай, назад), не получив с редчай-шей на Косарале оказией ни строки ниоткуда, попытался даже выразить разочарование свое в стихах. И написал их, облегчив душу лишь на самую малость, совсем ненадолго.

І знов мені не привезла
Нічого почта з України...
За грішніі, мабуть, діла
Караюсь я в оцій пустині
Сердитим Богом. Не мені
Про тее знать, за що караюсь,
Та и знать не хочеться мені,
А сердце плаче, як згадаю
Хоч невеселіі случаі
І невесела ті дні,
Що пронеслися надо мною
В моій Україні колись...
Колись божились та клялись,
Братались, сестрились зо мною,
Поки, мов хмара, розійшлись
Без сльоз, роси тіі святоі.
І довелося знов мені
Людей на старості..Ні, ні,
Вони з холери повмирали;
А то б хоч клаптик переслали
Того паперу...

Хотелось выговориться, высказать-излить в с е, но не смог - захлебнулся в чувствах, изнемог от щемящей боли.

Едва перевел дыхание и начал будто сначала.

Ой із журби та із жалю,
Щоб не бачить, як читають
Листа тіі, погуляю,
Погуляю понад морем
Та розважу свое горе.
Та Україну згадаю,
Та пісеньку заспіваю.
Люде скажуть, люде зрадять,
А' вона мене порадить,
І порадить, і розважить,
І правдоньку мені скаже.

Продолжением и окончанием первоначального всплеска это, собственно, не было. Зазвучало в нем нечто новое, иное, неосознанное. Зависть к тем, кому повезло? "Щоб не бачить, як читают

листи тіі..." Отчаяние при мысли, что забыт? "Люде скажуть, люде зрадять..." Одно теснило другое, тревоги набегали как волны и...не разбивались, не откатывались.

...Разочарование того дня не уходило.

2.

И вот теперь аж два письма - от Лизогуба и Александрийского.

В одном пакете, но два. Андрей Иванович посылал в Орскую, добрый человек Михаила Семенович озаботился, чтобы дошло сюда.

За долгие месяцы впервые читал он письмо с Украины и на украинском языке.

"Лист Ваш, коханий друже Тарасе, що до мене писали ще 9 мая, я получив, і цей лист мене дуже зрадував. Дяка Господові милосердому, що він змилувався над Вами і дав Вам покой і покорність його святій волі..."

Лизогуб писал 15 июля с хутора близ Одессы. Он был тогда в Раиме, только-только готовился к плаванию, ждал выхода в море и тревожился: выдержит ли? вернется? Александрийский отправлял пакет месяц спустя, 16 августа, "Константин" после пережитого свирепого шторма держал как раз курс к западному берегу, но на половине пути заштилело и снова пришлось бросить якорь. Спокойных дней на Сырдарье и Арале не было. Да и Косарал, где нашла его почта, благоденствия не давал и не сулил.

"Я казав: терпи, друже, і дякуй Господа Спаса нашого, то вш наградить - і душу заспокопъ і, може, пив на милость оберне..."

Андрей Иванович напоминал о дарованном свыше разрешении рисовать. Это и впрямь было для него делом великим (вполне согласен -"одно це чого-небудь да стопъ"); но он-то, Шевченко, знает, что по-1 значение ограничено и во времени, и в месте. Пока в экспедиции -дозволено, кончится - не сметь. Не возбраняется снимать виды, все же прочее зависит от доброй или недоброй воли здешнего начал ь с т в а. Бутаков - человек культурный, умный, смелый. Делает вид,: что никаких запретов не слышал и не знает. Рисуй что хочешь. Но не' будешь же ставить его под удар, не станешь употреблять доверие во і зло.

"...терпи, пильнуй, шануйся, може Господь бшып наградить за терпеже..."

Терпит пока. А вот насчет награды... Отказался от него Бог, отвернулся. Молись, не молись - не поможет.

"...а поки що, мое слово, мое щире слово побіжить до Вас на край світа, знайде і на Раіму і на берегу Аральского моря і лоскотатиме во ушио твоею рщною мовою..."

Великий врачеватель - родное слово. Бесценный дар - дружба искренняя. Мечтает Лизогуб: "...І зрадіе Тарас, як почуе на степу безкрайому голос з Украши". Ну, конечно же, обрадовался. Голос с Украины, как его не хватает здесь - каждый день, каждый час!

Насчет холеры тогда тревожился недаром: "Вони з холери повми-рали..." Слава Господу - живы. Но пишет:"Доброго мало, у Одел холера". И мечтает скорее уехать. "Скучив я без Седнева..." Благословенный уголок - Седнев на Снови!

Хоть несколько слов о Репниной. Собирается в Одессу зимовать -значит, тоже жива и во здравии. Нет, не станет ее укорять, что не пишет. Где его искать? Скачи, письмо, - не доскачешь. Ищи в поле, в степи, в пустыне ветра...

Церкви на Косарале нет, священника нет. Письмо Лизогуба как проповедь и молитва:

"...нехай сохраняе Вас і держить усвош благодат! Господь Спас милосердии licyc Христос, его же милости и любви несть м!ри, ш кшця".

Спасибо, друг, на добром, сердцу нужном, слове.

Сейчас особенно нужном.

Исповедывался перед чистыми листочками.

В неволі, в самоті немае

Нема з ким душу поеднат

То сам в собі когось шукаеш

Щоб з ним хоть серцем размовлять.
Шукаеш Бога,..а находит
Таке що гріх і розказать.
Отак то швечать нас годи
Та безталання. То ще и те Що літечко мое святе
Минуло хмарно, що немае
Шже единого случаю
Щоб доладу було згадать,
Видумуеш щоб серце вбоге
Хоч тихим словом разважать,
Не л!зе в голову нічого
……..
Нема з ким душу поеднать,
А ій так хочеться, так просить
Хоч слова доброго! не чуть,
І мов у полі сніг заносить
Незахолонувший той труп.

Цитирую не в канонической редакции "Бшышп книжки". Нет, в более ранней, можно сказать первоначальной. Передо мною "Мала книжка". Запись во многом корявая, неотшлифованная, лишенная критической саморедакции. ...Таке що гріх і розказать...

Поначалу проговорилось: с о р о м. В конце концов станет: ц у р и ому и казать. Но было-то сором, было гріх - непосредственный отклик вот какой, услышать его важно.

…….

Точки потому, что строка не складывалась. Написал: А ій т /а к/... Вычеркнул: не так и не то! Перешагнул через недосказанное, пошел дальше. Договорит, допишет годы спустя. Но тогда будет он уже во многом другим: не при начале неволи, а после долгих ее лет...не одиноким на Косарале, а среди множества удивительных людей на путях возвращения...

Первые, начальные редакции сейчас прячут в конце томов, в примечаниях. Не для общего, мол, чтения - для ученых мужей и дам, для исследователей.Ая мечтаю, и вижу в том элементарную справедливость, чтобы всем, кому интересен (и дорог) Шевченко, были даны книги, в которых варианты стихов и поэм сосуществовали, соседствовали на равных. Насколько ближе узнал бы читатель поэта, насколько прямее, непосредственнее стало бы общение его с нами...

Поэзия изменчива. Как жизнь, как чувства. До чего же важны поэтические мгновения...

Лизогуб писал:"Мабуть, не скоро доб!жить до Вас оцей м!й лист.. Не скоро, но дошел, дополз. Дорого оно, слово доброе!

3.

Письмо от Александрийского было совсем коротким.

"Свидетельствуя мое усердное почтение любезному Тарасу Гр горьевичу, препровождаю присланное из Одессы на имя мое к Вам с неизвестного мне гЛизогуба..."

Обыкновенная формула учтивости. Но на всякий случай:"от не известного". Они, конечно, не знакомы, однако адрес для писем Шевченко сообщил не раньше, чем испросил у Михаилы Семеновича согласие на получение пересылку писем, назвав, разумеется, тех немногих, кто писать ему мог. "Неизвестного..." Ответственности за "препровождение", стало быть, не несет. |

"...Каково то поживает пан; лучше ли, удобнее ли Вам здесь, чем в Орской? - Надеюсь, что ответы будут утвердительные, а о веселостяи не спрашиваю - в полной уверенности, что в кругу добрых походных ' товарищей их всегда бывает больше, чем в провинциальном местечке, где сплетни и проявления самого мелочного эгоизма не дают никому покоя..."

Вопросы и надежды искренни. Может ли он усомниться, что Александрийский поминает его добром и ничего иного, кроме добра, ему не желает? "Сплетни...не дают...покоя..." (Сплетни, по Далю, это "пересказы и наговоры, смутки, перенос вестей из дому в дом, с пересудами, толками, прибавками"). Хороши сплетни, если происходит от них то, что случилось в Орской, если гонят по

доносу подлому достойнейшего Л свитского, если в гроб его вгоняют? Александрийский пишет 16 августа, он еще не знает, что Гаврила Гаврилович на смертном одре в Оренбурге (и два дня спустя закончит свои земные дни), но до Коса-рала эта весть уже дошла, вызвав горькие вздохи по благородному покойнику. Сплетни, которые убивают... Таких убивают, что через огонь и воду прошли... Конечно, в Орской неспокойно, Орская в тревоге, и Михаила Семенович не рискует писать открыто - опасается. Тот самый мерзавец-доносчик может точить перо и против него...

Мог бы - написал все откровенно, как и говорил, когда встречались в его доме не орском форштадте. Написать, чувствуется, ему охота. Высказаться, облегчить душу, и прежде всего даже не о том, что вокруг, в крепости, среди обывателей тамошних - нет, о делах, событиях в мире, о главном, что занимает умы людские.

Пишет, но как? Завуалированно, намеками. Боится неприятностей, боится кары - "СПЛРТНИ...НС дают..покоя..." И задает загадки, надеясь, что поймет его адресат сам.

"...Новостей много, очень много, но так как они отнюдь не Орские, а политические и вдобавок европейские, а не российские только, то излагать их со всеми подробностями я не берусь; скажу однако ж главную тему их: хочется лучшего!. Это старая песня, современная и человеку и человечеству, - только поется на новый лад - с аккомпани-ментом 24-х фунтового калибру!

Впрочем, Вы знаете, вероятно, все затеи европейской политики в настоящее время!"

В том, что речь идет о революции 1848 года в Европе, публикаторы и комментаторы письма, как равно другие исследователи, сомнений не выражают от самого первого его прочтения. Это и впрямь на поверхности: новости "политические и вдобавок европейские". Но стоит в письмо вчитаться, как возникают вопросы конкретного характера. Что могло быть действительно новым для Александрийского в августе? Какие "затеи европейской политики в насто-ящее время" имеет он в виду? Куда клонит, утверждая, что "главная тема" новостей, коих "много, очень много" (а точнее главный их д е в и з):"хочется лучшего"?

Загадки в каждой строке и каждом слове.

4.

Прежде всего его сдерживает запрет самой темы, табу,
наложенноенанее сверху

Воспроизведу переписку официальную.

Тоненькая подшивка бумаг из Государственного архива Оренбургской области (ф.6, оп.10, д.5937). Четыре документа за апрель-май 1848 года.

Первый (Оренбургская Пограничная комиссия – военному губернатору):

Правительствующий Сенат при указе от 14 марта за N14582 доставил в Пограничную комиссию для повсеместного обнародования 50 экземпляров высочайшего его императорского величества Манифеста, состоявшегося в 14-й день марта, относительно событий в Западной Европе. А как Пограничной комиссии подчинены одни лишь киргизы, то она, найдя неудобным объявлять им означенного Манифеста, дабы не произвести тем между ними неблагоприятных толков, имеет честь испрашивать на это разрешения вашего высокопре- восходительства...

Второй (военный губернатор - Пограничной комиссии): Находя со своей стороны основательным изъясненное в представлении ко мне Пограничной комиссии от 9 апреля за N5721 заключение ее о неудобствах объявлять подведомственным ей киргизам состоявшийся в 14-й день марта Манифест его императорского величества относительно событий в Западной Европе, я предлагаю Комиссии приостановить ее (начатую работу?)...впредь до особого разрешения...

Третий (К.В.Нессельроде - В.А.Обручеву): Я имел честь получить отношение вашего высокопревосхо- дитель-ства от 13 апреля N 441 ив ответ на оное поспешаю Вас, милостивый государь, уведомить, что я нахожу весьма основательными причины, по коим Оренбургская Пограничная комиссия находит неудобным объявлять в Киргизской степи высочайший Манифест, 14 марта состоявшийся, по поводу политических событий в Западной Европе. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности...

Четвертый (Обручев - Пограничной комиссии): ..."Входил в сношение с государственным канцлером иностранных дел... Он находит весьма основательными причины, по коим Комиссия считает неудобным объявлять в Киргизской степи помянутый выше манифест..."

Дата на последнем документе: 18 мая 1848 года.

Тон вроде бы и не приказной. Но - вполне категорический.

Не объявлять...Держать в тайне...

Одним словом: табу!

Александрийский - лицо официальное, чиновное. За исполнение предписания он отвечает всем своим положением. Пренебрежет директивой - пусть пеняет на себя. Даже в частном письме надлежит ему быть осторожным. Уже отсюда, думается, намеки вместо информации, загадки впротивовес фактам. Письмо идет к Шевченко. Но степными дорогами, степной почтой - и в степь. Уж если высочайший манифест объявлению там не подлежит (манифест обнародованный!), то что говорить обо всем прочем?

"Первой великой гражданской войной между пролетариатом и буржуазией" назвал В.И.Ленин июньское восстание 1848 года во Франции. Восстание вызвала провокационная политика буржуазного правительства, устремленная к тому, чтобы от всех и всяких уступок парижским рабочим отказаться, с социальными их требованиями покончить и тем самым упрочить, сделать вечным и непоколебимым господство буржуазии крупной, всевластной. Непосредственным поводом к восстанию стало распоряжение правительства о закрытии "национальных мастерских"; после февральской революции, одним из лозунгов которой стало "право на труд", они объединили свыше ста тысяч недавних безработных, которым дали возможность делать и тяжелую, и плохо организованную физическую работу. Но и с этим решили покончить. Неженатых до двадцати пяти лет - в армию, остальных - на земляные работы подальше от Парижа!.. Подчиниться произволу рабочие отказались. 23 июня в столице вспыхнуло вооруженное восстание. На баррикады (их оказалось более шестисот) стало сорок-сорок пять тысяч рабочих, мелких ремесленников, членов их семей. Бои на улицах продолжались четыре дня и носили весьма ожесточенный характер. Довольно часто участники восстания переходили в наступление и причиняли серьезный урон неприятелю. Но у противной стороны сил было больше, единства в руководстве тоже. Иоахим Рене Теофиль Керсози, революционер еще с двадцатых годов, когда он примкнул к карбонариям, этот, по определению Ф.Энгельса, "первый баррикадный полководец", осуществить свой план общих наступательных действий не смог. Правительственные войска во главе с генералом Луи Эженом Кавеньяком жестоко, беспощадно подавили восстание. Пятьсот рабочих погибло на баррикадах, одиннадцать тысяч перебили потом, двадцать пять тысяч арестовали. Контрреволюционная диктатура палача Кавеньяка растоптала требования восставших (распустить учредительное собрание, арестовать членов правительства, сохранить "национальные мастерские", вывести войска из Парижа, всенародно выработать новую конституцию), попрала их лозунг:"Да здравствует демократическая и социальная республика!"

Произошло это 23-26 июня; до Петербурга весть о том дошла в начале июля, до Орской крепости, по обыкновению, месяц спустя (или около того).

...Июньское восстание и его подавление были одной из важнейших "затей европейской политики в настоящее время" и среди "многих, очень многих" новостей ("политических и вдобавок европейских") выделялись особо.

"...но так как они отнюдь не Орские, а политические и вдобавок европейские,а не российские только ..."

Разрядка моя.

"...а не российские только..."

Значит, намекает также на новости российские, прямо связанные с европейскими?

Тут не только овосприятии происходящего в Западной Европе, но и действиях под влиянием этих событий.

Восприятие, безусловно, важно. Ограничусь двумя-тремя выписками из позднейших мемуаров.

"Чуть не каждая заграничная почта приносила известие о новых нравах, даруемых волей или неволей народам, а между тем в русском обществе ходили только слухи о новых ограничениях. Кто помнит то время, тот знает, как все это отзывалось на умах интеллигентной молодежи". (А.Милюков, "Литературные встречи и знакомства", СПб, 1890.С.171).

"Я пришел в неистовый восторг, влез на стол, драпировался в простыню и начал кричать:"Уг/е la Republigue!" На следующий день весь университет знал уже об этой новости. Студенты с волнением и любопытством сообщали ее друг другу... После обеда я полетел к Грановскому, который, со своей стороны, приветствовал это событие, как новый шаг по пути свободы и равенства". ("Воспоминания Б.Н. Чичерина. Москва сороковых годов". М., 1929, с.74).

"Можно ли было, имея в груди молодое сердце, не пленяться этой неистощимостью жизненного творчества, которое, вдобавок, отнюдь не соглашалось сосредоточиться в определенных границах, а рвалось захватить все дальше и дальше. И точно, мы не только пленялись, но даже не особенно искусно скрывали свои восторги от глаз бодрствующего начальства". (М.Е.Салтыков-Щедрин, Полное собрание сочинений, Т.Х1У, "За рубежом", Л., 1936, с.163).

Свидетельств поистине множество. И вот еще одно, совсем лаконичное:

"хочется лучшего!..."

Слова из письма Александрийского - к Шевченко. Из Орской - на Косарал.

"хочется лучшего!..."

Это и о действиях. Напоминаю- российских, но с европейскими связанных.

Тревожные для власть предержащих события происходили в западных губерниях России и в Царстве Польском, где "революционные идеи, при посредстве всемирной пропаганды и эмиссаров парижских, познанских, галицийских находили для себя более приуготовленное поле". ("Русская старина", 1900, март, с.562). "В управляемых мною губерниях (Киевской, Подольской и Волынской), - докладывал в Петербург генерал-губернатор А.А.Бибиков, - распространяются следующие слухи: крестьяне будут резать поляков; солдаты будут резать крестьян; чиновники обязаны подписками поступить на военную службу". (А.С.Нифонтов. "Россия в 1848 году". М., 1949, с.131).

"Восстань от сна, народ русский! Обрати тот кнут, который доселе тяготел над тобою, на твоих владык..." - призывала одна из прокламаций. (Там же, с.86).

Опираясь на военную силу, Николай I сумел предотвратить восстания на западных национальных окраинах державы, и прежде всего на землях польских. Обретя более твердую почву, он - в июне же -снарядил двенадцатитысячное войско в Дунайские княжества (Молдавию и Валахию), подавив там движения за независимость.

"хочется лучшего!..."

Александрийского ничуть не радовал "аккомпанимент 24-х фунтового калибру". И, напротив, явное сочувствие вызывала "старая песня, современная и человеку и человечеству". Жажда свободы? Стремление жить достойно?

Его письмо я понимаю только так.

Не усомнюсь и в том, что не иначе воспринял его Тарас.

5.

Совершенно субъективно думаю о шевченковском "Пророке". Субъективность моя в интуитивной связи стихотворения и с полученными письмами, и с известиями, которые доходили редко, а волновали постоянно.

На бумагу оно впервые излилось на Косарале, и случилось это осенью сорок восьмого. Пройдут годы - и безымянное обретет имя, явятся новые редакции, новые автографы; печатается оно по последнему из сохранившихся, с датою "1859 року, декабря 18". Но, как и в других случаях, меня, прежде всего, занимает то, что записано было тогда, на острове. Рождалось оно в тревогах, в поисках.

Образ пророка пришел в его поэзию еще в молодые годы и жил в ней, кажется, всегда. Тут же он утверждался как носитель высоких идей, готовый на борьбу со всем косным, и в этой борьбе пока не понятый ^побежденный. Но даже поверженный пророк жив, даже побежденный - людям он необходим.

Неначе праведних дітей,
Господь, любя своіх людей,
Послав на землю ім пророка
Свою любое благовістить,
Святому разуму учить.
І наче горного потока...

Так записалось сразу. Но горный поток остановил своей чужеродностью. Надо по другому... Вычеркнул строку, написал иное.

Неначе наш Дніпро широкий
Слова його лились, текли
І в серце падали глибоко,
І божіім огнем пекли
Холодні душі...

"Божпм огнем"? Не то. "І шби тим огнем..." Неопределенно.

Невидимим огнем пекли
Холодні душі, полюбили Його, по улицях ходили
За ним, і божим нарекли...
И здесь можно сказать точнее, выразительнее:
Того пророка, скрізь ходили
За ним і сльози, знай, лили...

Варианты, варианты -хочется лучшего. Так в письме, так в поэтической его душе. Но хватит путешествовать по словам изначальным и последующим, строкам былым и сложившимся. Вчитаемся в то, что получилось и зазвучало дальше.

...Полюбили
Того пророка, скрізь ходили
За ним і сльози, знай, лили
Навчені люди. І лукаві!
Господнюю святую славу
Розтлили... І чужим богам
Пожерли жертву! Омерзились!
І мужа свята...горе вам!
На стогнах каменем побили.
І праведно господь великий,
Мов на звірей тих лютих, диких,
Кайдани повелів кувать,
Глибокі тюрми покопать.
І роде лютий і жестокий!
Вомісто кроткого пророка...
Царя вам повелів издать!

О стихотворении сложилась большая литература. О нем писали Е.П.Кирилюк, Ф.Я.Прийма, Ю.А.Ивакин и другие. Есть в их исследованиях разные аспекты: "Пророк" и Библия, "Пророк" и - Лермонтов; соединительных "и" множество, все они закономерны. Я у своих старших коллег позаимствую одно-единственное. "Изобразив в своем стихотворении пророка, побиваемого на площади камнями непросвещенной толпой, Шевченко ставил вопрос о недостаточном развитии революционной сознательности в массах. Целям ее пробуждения подчинены как содержание стихотворения, так и избранная поэтом форма притчи: "цари с их тюрьмами и кандалами посланы Богом в наказание за потерю ими чувства собственного достоинства". (Ими- людьми, массами. Мысль Ф.Я.Приймы вполне определенна). Нельзя, н е д о с т о и н о мириться с рабством; те, что примирились, - отступники, лучшей судьбы не.заслуживающие.

..Библейские мотивы в "Пророке" звучат в полный голос. Но звучит и день нынешний - время революционное. Он тоже будто на баррикаде.

"Баррикаде" Косарала.

"ТАРАСИЙ КЛАНЯЕТСЯ..."

1.

Круг его корреспондентов в солдатские годы, и особенно первые, был очень узок. Мы знаем всех наперечет: кто писал Тарасу, кому писал он.

Письма от Александрийского и Лизогуба - вот и все, что дошло до него на Косарале.

Ни одного письма не отослал отсюда сам. Не то, что не дошло до нас,- не было и написано.

Занимался рисованием, писал стихи, а вот до писем руки не доходили - к ним испытывал чуть ли не отвращение. Нет - нет, получать их жаждал, но излагать на бумаге жизнь свою не тянуло никак.

Так мы, сегодняшние, лишились ценнейшего источника информации о его аральских месяцах. Ни дневника, ни писем...

Тем дороже, важнее то, что вышло из-под пера Бутакова.

Только им писанное и отыскано.

2.

Почерк у Алексея Ивановича каллиграфическим не был. А уж если спешил... Летучие его строки уносили в невесть какие дебри - сдается, что и не выберешься. Вмешивалось также время. Иные страницы не прочесть, как ни старайся.

Возвращаюсь к письму родителям, датированному 24-м ноября. Читал его без особых затруднений и вдруг все разладилось - сплошные ухабы,частокол неясностей.

"По Сырдарье пошел было лед 23 октября, но это скоро миновалось и теперь, хотя морозы и бывают градусов до 8 и больше, а река чиста. По закраинам есть лед, а в заливчике...гавань моего флота.....катаюсь на коньках.....нарочно из Петербурга....."

И лед на воде, и температура воздуха - разве это не детали коса-ральских дней Шевченко? А Бутаков на коньках близ судов своего флота - не зрелище для него, Тараса, не воспоминание о Петербурге?

"...были здесь слухи.....нападениях хивинцев... .....вздор я,
однако.....делаю тревоги, учу свою публику стрельбе в цель и
т.п."

Кто скажет, что к Шевченко это не относится? Постоянное ожидание враждебных действий со стороны хивинцев, учебные тревоги, тренировки в стрельбе? Свою публику значит матросов и солдат, унтер-офицеров и офицеров, всех, кто составлял экспедицию Бутако-ва. Это было для него и по службе, и по необходимости.

"А почты в Раиме нет как нет! (Тут снова читается, и тому радуешься) . Вот скоро три месяца, как ее у нас не было и нам неизвестно ничего о творящемся вне киргизской степи и пограничных с нею Хивы и Бухары. Почты ждем со дня на день, как-будто она должна привезти Бог весть какие новости; вероятнее всего, что гора родит мышь, как в басне, не помню чьей..."

Разве нам, биографам Шевченко, это не важно? Его не касается? "Скоро три месяца..." Выходит, что последняя почта с "материка" пришла под конец августа или в начале сентября (Бутаков получил с нею письмо от брата Владимира, а возможно и другие) и с тех пор никаких дальних присылок. Из Раима идет - и официальное, и личное. Информация о происходящем вокруг и южнее, даже намного южнее, доходит, а вот что в Европе, в Петербурге - ничего определенного, одни слухи.

Александрийский воспользовался служебной почтой. Почтари-казахи - его, Орской дистанции - увезли личное вместе с конвертами деловыми. Но это не положено, нарываться на неприятности незачем и не станет.

Опять неразборчивое. Впрочем, тут одни приветы и пожелания. Да еще демонстрация продвижения своего в освоении казахского языка: "Хош аман, милые родители! Сызга сах - селяматлик телейман!.."

Не просто щеголял словами для "восточного колорита" - переводил каждое. Его личное? Разумеется. К Шевченко отношения не имеет? Как сказать! Если ближайший (и уважаемый) сосед увлечен языком кочевников, это заражает и тебя, это передается, вызывая реакцию ответную. Он же к их языку стал прислушиваться еще в походе...

Вывод напрашивается сам: на Косарале поэт и художник в "чине" рядового жил в атмосфере повышенного внимания к казахскому. И"он в этом задавал Бутаков.

3.

Так прямой ли, косвенный источник наших представлений о жизни Тараса на Косарале, эти и другие письма лейтенанта флота?

Все-таки п р я м о и. В них воздух, которым он дышал, жизнь, к коей был причастен, события... Особых событий не происходило, тянулись будни, но отнюдь не бездумные, не пустые.

Занимались делами и вспоминали тех, кто после плаваний убыл, -топографа Акишева, например, или Макшеева, им более близкого.Доходил третий месяц как отплыли они на косовой лодке, давно уже в Оренбурге, городе почти столичном, вот бы узнать? что там деется, приобщиться к его жизни, повидать добрых знакомых, приятелей и приятельниц, а заодно поразведать, что думают в высоких кругах об экспедиции, ее первых результатах...

16 декабря Бутаков писал своему тезке Макшееву. Дружеское это письмо воспроизведу здесь полностью, нбс остановками - по ходу его буду комментировать.

Итак-

...0 вы, счастливец, обедающий за столом, накрытым скатертью, имея пред собою тарелки, стаканы и рюмки, предназначенные исключительно для вас, заседая на стуле со спинкой и беседуя с прекрасными, - вы, уже не ожидающий как празднеств дней гороха и гречневой каши, - вы забыли, что прописи, употребленные для обучения чистописанию, говорят:

- Будь тверд в несчастьи и не горд в счастии!

Возгордившись и предаваясь чревобесию, вы забыли о нас, обитателях пустыни, или, как выражается политичный и тонко образованный Иван Фадеевич, -пещеры. А мы, принимаясь за б о лото щей, за рыбу или баранину, вспоминаем о вас и думаем: что, дескать, наш соплаватель не пишет ничего о своем путешествии и прибытии в страну обетованную? Что, дескать, не пишет о интересующем всех нас Лео фон Шульце? И о наипаче интересующих нас оренбургских дамах? И о том, что делают эти дамы. И о многом другом...

Живой голос Бутакова, непринужденный его стиль, ироничные ; интонации... В комментарии нуждаются некоторые обороты и имена. Что ж, не стану откладывать "на потом" то, что можно сделать сразу.

"Политичный и тонко образованный Иван Фадеевич..." Много лет назад я установил, что И.Ф.Петров, рекомендованный Шевченко Федором Лазаревским как "хороший человяга", это асессор комиссии военного суда Уральского казачьего войска, командированный в Ра-имское укрепление одновременно со многими другими. Характеристика, данная ему Бутаковым в нескольких словах письма, имеет достаточно глубокий подтекст: политичный, по Далю, это "хитрый, ловкий, тонкий, обходительный", тонко образованный - "научно развитой, воспитанный, приличный в обществе". Обращает на себя внимание и вот это: "как выражается". Уж не на Косарале ли сейчас Петров?

А через несколько строк - вопрос о Шульце. "Интересующем всех нас Лед фон Шульце..." На Косарале знали, что отправлялись они из Раима вместе, а потому и предвидели неожиданности, на которые тот был горазд.

(И действительно... Макшеев:

...На другой день (по выходе из Раима) Шульц, желавший разыгрывать роль главнокомандующего, а не просто путешественника, нашел, что Топчевский не способен начальствовать конвоем и составил об этом акт, который и разослал для подписи офицерам. Я не подписался, но прочие офицеры, все молодые прапорщики, не могли последовать моему примеру. Вследствие этого акта Шульц дал приказ об отрешении Топчевского и о личнрм вступлении своем в начальствование отрядом, как называл он наш скромный конвой...

...Шульц ежедневно упражнялся в сочинении приказов, иногда весьма оригинальных, например в таком роде: до сведения моего дошло, что сборища хищных чиклинцев, дюрткаринцев, карасакаловцев, чуменеевцев и прочее, и прочее рыскают по Каракумам в намерении напасть на наш отряд, потому предписываю всем чинам его принять меры и прочее. Между тем дорогой мы не встречали ни одной посторонней души и следовательно не могли получить ни от кого никаких сведений о сборищах...

...Любя развивать свои фантазии при полном спокойствии, Шульц двигался с своею командою медленно, делая по одному переходу в день, тогда как легкие отряды делают обыкновенно не менее двух переходов, особенно в осеннее время... Таким причудам его конца не было).

4.

Бутаков:

...А наша жизнь течет здесь мирно и безмятежно. По временам доходят слухи о преднамереваемых приготовлениях сартов, которые якобы придут сюда нынешней зимою под предводительством самого хана; но потом слухи умолкают и снова все тихо. 20 ноября убили мы на Косарале джулбарса - не того двуногого, который под Раимом, а настоящего четвероногого. Охоту я устроил, руководствуясь идеями и звестнейшего в'Киргизской степи ловчего (??!!!) Лео фон Шульца - так он сам себя величал в бумаге, которую мне показывал Матвеев. Шкура джулбарса отделывается для меня Альмабетом -об этом убиении зверя я писал графу Цукато и Мертваго, а потому лень повторять ту же новость. В Раим прибыл новый батальонный командир, майор Дамис, у которого хорошенькая племянница - так я слышал, сам же не видал ее; но жемчужина, говорят, остается по-прежнему жемчужиной Раима. Жрица кутит по-прежнему, жрец прекратил было на время возлияния Бахусу, но потом принялся за них вдвое сильнее...

Сартами величал он хивинцев и бухарцев - потенциального неприятеля, козни которого держали гарнизоны и отряды в постоянном напряжении. В современном энциклопедическом словаре о сартах всего несколько слов: "оседлая с древних времен часть узбеков".

"Не того двуногого, который под Раимом..." О, Макшеев вспомнит бедняка-казаха, приходившего к пристани, когда снаряжали их суда, и получившего от русских в безраздельное свое владение малую толику земли на берегу Сырдарьи. "Бедняка звали Джулбарсом, потому что, для потехи русских, он забавно представлял из себя тигра", -вспоминал многие годы спустя.

Шкуру убитого тигра отделывал Альмабет - об этом только здесь. О тигровой охоте Бутаков писал П.С.Мертваго; за "отличную службу-при заложении укрепления на урочище Раим" тот получил орден Св.Анны 3-й степени, а теперь состоял в штате Неплюевского кадетского корпуса, исправляя там целых три должности: учителя математики, эконома и...полицеймейстера. Письма кому попало не пишут; переписка, если она не официальная, подразумевает знакомство и даже приятельство. Об "убиении зверя" писал он, оказывается, и Н.С.Цукато, наказному атаману Оренбургского казачьего войска, генерал-майору еще с тридцатых годов, участнику сражений 1812-го, походов в Молдавии и на Кавказе. Совсем недолго был Бутаков в Оренбурге, а сойтись с ним успел. С людьми вообще сходился он просто; ощутил это Шевченко на себе самом, и ощутил уже при первой встрече.

...Новости раимские доходили до Косарала почти без заминок. Совсем скоро узнали тут о прибытии нового командира 4-го линейного батальона Я.Я.Дамиса, о приехавших с ним сестре и племяннице, о том даже, что племянница девица преславная, но совсем юная. Предметом неумолкавших разговоров-пересудов оставалась чета Семихатовых. Жемчужина-жрица Елена Тихоновна была, как и раньше, вне конкуренции.

Что ни говори, а Раим в глазах островитян казался чуть ли не гор одом. ,

...Здорова ли м-м Бларамберг? Когда увидите ее, то скажите кул д у к тутэм за меня. ("Держу руку, целую руку" - вот что означали загадочные "восточные" слова. "Я преклоняюсь перед вами, мадам", -так переводился французский оборот, вынесенный в конец странички, как пояснение к "кулдук тутэм"). Начались ли в Оренбурге, без сомнения уже опомнившемся после холеры, разные увеселения? Какие новые созвездия и светила явились на оренбургском горизонте? О Оренбург^Оренбург!...и так далее... Я недавно писал и Коведяеву в надежде вытянуть из него несколько строк, но тщетно; неужели так же жестокосердны? Нет, я не верю!

Оренбург пришелся ему по сердцу! Пробыл там всего полтора месяца, дел было невообразимо много, а сколько людей стало его знакомцами.

Тепло вспоминал Елену Павловну Бларамберг, милую гречанку, жену оберквартирмейстера корпуса; муж еще не вернулся тогда из Петербурга, в своем доме принимала его сама и совершенно очаровала.

Чиновник Коведяев, врач Майдель, супруги Герны - многих вспомнил (но многих и не выделил) в письме. Что творилось в Оренбурге этим летом, он толком не представлял - жил впечатлениями мартовскими, апрельскими, а были уже и июнь, и июль, и август, была, и долго не отступала, опустошительная холера.

Потом о ней напишет Иван Федорович Бларамберг. "...Каждый день мы слышали о друзьях и знакомых, которых уносила холера. У богатого винодела Звенигородского имели обыкновение собираться по вечерам несколько домашних друзей, чтобы сыграть свою ежедневную партию в вист; из восьми игроков остался в живых лишь сам хозяин, все остальные умерли за несколько дней. Не хватало гробов, и мертвых из холерного госпиталя арестанты дюжинами вывозили каждую ночь на телегах. Их бросали в большие ямы, засыпали негашеной известью и затем закапывали... Почти не было дома, где мор не унес бы одну или несколько жертв, и число вдов и сирот было огромно..."

Но Оренбург и впрямь был городом неунывающим. По свидетельству того же Бларамберга, "вечера, балы и любительский театр занимали много времени в нашей жизни, и год прошел быстро".

Вопреки всему.

5.

В письме своем к Макшееву Бутаков подошел к вопросу д е л и к а
тному и сугубо интимному.

...Есть еще предмет, возбуждающий зависть во мне, -вы, без сомнения, сочли первым долгом или одним из первых долгов вознаградить себя за прошедшее целомудрие в степи и на море; увы! мы целомудр-ствуем по-прежнему: здешние м у р ж и не возбуждают "восторгов сладость"! И такого же добродетельного состояния протечет еще год, без малого. Впрочем, я начинаю уже посматривать с некоторым снисхождением на сноху или племянницу Альмабета - одна беда, они грязны невыносимо! Неужели провидение не вознаградит наших трудов и лишений?..

"Мы целомудрствуем..." Это и он, автор письма, и Поспелов, И...Т а р а с. Все они в расцвете сил, бурлят в них жизненные соки, воздержание их тяготит. Меж собою про то разговаривают - мужские разговоры бывают скользкими. Хотя это разве скользкое? Обыкновенное, житейское, о чем говорится потому, что думается, грезится. Не всегда предосудительны даже скабрезности - только если в меру, когда они щепотка перца не более. В один из таких моментов, наверное, и нарисовал себя Тарас идущим по пустынному берегу с торчащим, простите, членом. Автопортрет состояния, им, товарищам, понятного... Конечно, рисунок показывал, и реагировали сочувственно.

Набрасывал женские фигурки, часто обнаженные: Селена и Эндимон, Лот с дочками, Казашка над ступой. О, прекрасное женское тело, оно само совершенство - так может ли не привлекать, не манить? "Таточко з мамкою ripають лавкою..." Нет, эротики в стихах его не избыток. Влечет любовь- горькая, трагическая, всегда, или чаще всего, несчастная. Такая она у него, такая в его поэзии. В том, что пишется на Косарале, особенно. Чем глубже одиночество, тем больше строк любви и тем они жгучее.

Якби зострілся ми знову,
Чи т излякалася б, чи ні?
Якее тихее ти слово
Тойді б промовила мені?
Ніякого.І не пізнала б.
А може б потім нагадала,
Сказавши: -Снилося дурній.-
А я зрадів би мое !
Моя ти доле чернобрива!…
…….
Полюбилася я,
Одружилася я
З безталанним сиротою.-
Така доля моя!
Люде гордіі,.злі
Рознізнили, взяли
Та повезли до прийому-
Оддали в москалі!
І московкою я,
Одинокою я,
Старіюся в чужій хаті-
Така доля моя!
……..
Закувала зозулёнька
В зеленому гаі,
Заплакала дівчинонька-
Дружини немае.
А дівочі молодіі
Веселіі літа,
Як квіточки за водою,
Пливуть з сього світа.…
…….
Із-за гаю сонце сходить,
За гай і заходить,
По долині увечері
Козак смутний ходить.
Ходить він годину,
Ходить він і другу.
Не виходить чорнобрива
Із темного лугу,
Не выходить зрадливая …
А з яру та з лісу
З собаками та псарями
Іде пан гульвіса.
Цькують його собаками,
Крутять назад руки
І завдають козакові
Смертельноі муки;

У льох його, молодого,
Той пан замикае...
А дівчину покриткою
По світу пускае.

Стихи о любви - стихи о горе.

Тоска одиночества - в новых и новых его косаральских записях. Радостнейшее, светлейшее из чувств и - печаль безысходная. Гложет она душу, бередит все естество.

"Мы целомудрствуем..."

6.

...Мы обладаем здесь двумя из седьми добродетелей: благоутробьем и целомудрием. Какой пилав делает Тихов! Чудо. Ксенофонт Егорович посолил отличной солонины - не желаете ли еще раз в море?

Ксеноф. Егор и Тарасий кланяются премного...

Да храни вас Аллах!

Алексей.

Уже закончив, приписал:

...P.S.Не грозит ли мне горе за посещение Аму? Спрашивал ли Вас об этом Владимир Афанасьевич? Ca no intrig ue.

Серьезно подозреваю: эти вопросы во всем письме главные; во многом ради них письмо и затевалось.

"Ca no intrigue" - "Это меня волнует"...

Бутакова тревожило возможное неудовольст-вие и нака з а н и е за предпринятый им, вопреки запретам, осмотр устьев Аму-дарьи. Сам государь император повелел: "обзор Аральского моря произвесть с соблюдением величайшей осторожности, дабы не возбудить никакого подозрения соседственных азиатских народов; что же касается осмотра устья упомянутой реки и близлежащего острова, то такового осмотра вовсе не производить".

Он рискнул ипроизвел.Не для собственной корысти - на благо отечеству. Сведения собраны полезные, важные - и сейчас важные, и для будущего полезные. Но высокие наставления, а равно высочайшее повеление все-таки нарушено. Сойдет ли ему это с рук? обойдется? Или нашепчут что худое интриганы и тогда не сдобровать? Пока ждал ответа от Макшеева.

...Свою статью "Дельта и устья реки Амударьи" Бутаков опубликует уже в шестидесятые годы. Будет в ней и такое, относившееся, правда, не к сорок восьмому году, а к одному из последующих:

"...войдя в главное русло Амударьи, я прошел его с поднятым фла-. гом поперек от одного берега к другому.

- Эка штука, ведь вон куда забрался российский наш флаг! - сказал с гордостью один матрос стоявшему подле него кочегару. Сознаюсь, все мы разделили это чувство".

Сейчас, увы, он вынужден был думать о другом.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ, НО НЕ ЕДИНСТВЕННОЕ

1.

Кучукбая Башканова из Кичкене-Чиклинского рода, Курманаева отделения, загрыз тигр. Случилось это близ озера Раим под конец сорок восьмого.

В урочище Иланды тигры растерзали Бикбатыра, Тасима, Суне и еще двенадцать человек, имена коих остались неизвестными.

...Все эти факты оказались в специальном деле Оренбургского архива, озаглавленном совершенно конкретно:"О растерзании тиграми киргизов в числе 16 человек". (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6299). Дело было заведено в 1850-м, но касалось и двух предыдущих лет.

Дикие великаны, звери дерзкие и ненасытные, наводили страх, не давали покоя...

В своем докладе, читанном в общем собрании членов Императорского Русского Географического общества 20 декабря 1852 года, а потом опубликованном в "Вестнике" этого общества на 1853-й (кн.1, отд.УП), Бутаков счел нужным сказать и о поисках агрессивных четвероногих:

"По возвращению моем в Сыр, первая услышанная мною новость была та, что джулбарс (татарское название тигра) "зарезал" четырех коров рыболовной компании, пасшихся на одном их островков дельты. Недели через две киргизы рассказали мне, что джулбарс съел двух человек и множество баранов, и тогда показались совершенно свежие следы его на песке и на взморье; наконец, 21 ноября, приказчик рыболовной компании пришел ко мне с известием, что джулбарс зарезал у них лошадь в трех верстах от Косаральского форта. Надо было истребить такого соседа во что бы то ни стало..."

С этого решения Бутакова и началась та самая операция, которую он в упомянутом своем докладе назвал "единственным замечательным происшествием зимовки".

Единственное или не единственное, но в памяти оно осталось. И у начальника экспедиции, и, без сомнения, у всех других. Тех, кто сам ходил на зверя, и тех, кто слушал рассказы охотников, видел их добычу.

"...Я тотчас же выступил против него с половиною моего гарнизона; мы -сделали облаву поперек песчаной косы, оканчивающей остров Косарал к северу, и, благодаря Бога, зверь был убит без малейшего вреда охотникам. То был настоящий tigre-roual, с ярко-оранжевой шкурой, с черными полосами, необыкновенно жирный и длиною в шесть футов четыре дюйма от морды до начала хвоста..."

Портрет словесный можно поверить рисованным.

Убитого тигра тогда же попытался "воскресить" Шевченко.

Зверь, действительно, могучий, убийственны его лапы, красив природный окрас.

Но - ничего устрашающегося в облике грозного врага нет. Поза его смиренна, глаза печальны...

Как ни старался уважить просьбу Бутакова "передать в акварели (том восьмой, рис. 40) яростную силу кровожадного преступника, это у него не получилось. Подтверждением в е -л и ч и я победы над хищником картинка не стала. Признанием неудачи в осуществлении задуманного явилось то, что до конца свою работу не довел.

Поверженный враг вызывал не злость, но жалость.

2.

А все же событие было не из тех, через которые легко переступают. Алексей Иванович посвятил ему едва ли не все очередное письмо в Николаев. (ЦГАВМФ, ф.4, д.82, лл.73-76).

Косарал, 24 ноября 1848 г.

Здравствуйте, милые родители!

Пребываю в самом мирном спокойствии в своей фортеции, где я главный командир и военный губернатор и комендант - все вместе.

Недавно было, однако, у нас развлечение, каких лишена ваша Европа: не больше и не меньше как тигровая охота! Появился по соседству нашему этот зверь - киргизцы называют его джулбарс; летом еще, пока я был в море, он съел одного киргизца, потом зарезал (так здесь выражаются) 4-х волов рыболовной компании и, наконец, 19 ноября лошадь компании. У киргизцев же он истребил штук 10 разного скота. Так как последний подвиг джулбарса был близко от укрепления, и он мог скушать кого-нибудь из имущих образ и подобие Божье, то 20-го мы и собрались в числе человек 45, и сделали облав у всего острова, который тянется к северу длиною и узкою косою. Намерение мое было: оттеснить тигра до воды шумом и движением, а потом, когда он сунется в воду, чтоб переплыть на другой берег, то л ишить егоживота, для чего по реке спускалась лодка с несколькими стрелками. В числе составляющих 'облаву были также киргизы и рыболовы.

Пройдя версты 4.1/2, мы напали на след джулбарса вдоль берега реки. Поэтому я сдвинул туда человек пять и держался тут сам, вооруженный парою добрых пистолетов. Таким образом мы подвигались вперед в густом камыше с криками, трескотнёю в барабан и т.д. Остальные все шли по двое и по трое, близко друг от' друга. След несколько раз выходил на самое побережье реки, но потом круто пошел влево, через глинистый солонец. Мы тоже поворотили влево. Вдруг на другом фланге облавы раздались выстрелы. Я поскакал туда (я был верхом), люди побежали бегом, и мы всей публикой окружили густой камыш, в котором притаился зверь. Сначала сделали по нем несколько неудачных выстрелов, которые заставили его выскочить из засады; только что он показался, как получил пулю в бок, которая заставила его снова прыгнуть в камыш. Выстреливший так ловко из штуцера солдат (который прошлой зимою убил двух тигров под Раи-мом) стал снова заряжать штуцер; едва успел он кончить, как джулбарс показался из камыша и приспустился на передние лапы, чтобы прыгнуть на него, но тот предупредил тигра и в то самое мгновенье, как он прилег перед прыжком, пустил ему пулю в лоб, с расстояния двух сажен. Удар был так хорош, что тигр как был, так и остался прилегшим на передние лапы. Мы с триумфом притащили его в укрепление.

Шкура, разумеется, моя; я отдал ее выделать одному приятелю-киргизу; а голова джулбарса (т.е. одни кости) висит у меня над постелью. Череп весь раздроблен, но челюсти целы. Длина джулбарса 6 ф. 4 дюйма от конца морды до начала хвоста; передние лапы вдвое толще задних; а на зубы страшно смотреть. Я ими любуюсь на свободе. В кишках его нашли множество кабаньих щетин и вообще он чрезвычайно жирен, - немудрено, все лакомая пища! Мясо его довольно вкусно: как любознательный путешественник, я не преминул сделать cotelette de filee de tigre a la Kirghise.

Когда шкуру сняли, ко мне пришел один киргиз с убедительной просьбой отдать ему зубы джулбарса. "На что тебе?" - "А когда женщина беременна, то ее мучат шайтаны (т.е. черти), и тогда ей надобно носить на шее зуб джулбарса, чтоб черти ушли".- Кто тебе это сказал?" - "Бакса (т.е. колдун, лекарь)".- "Твой бакса бок-джиган (ест грязь)".

Разумеется, что я не расстался с зубами. Но мне стало любопытно видеть баксу. Так как аул его был недалеко, то за ним послали, и он явился дня через три после убиения тигра.

Усевшись на пол, бакса вытащил род скрипки, на которой вместо струн были пряди конских волос, приготовил смычек и спросил меня, о чем мне поворожить? Я пожелал узнать о здоровье жены, которую оставил in a family гооу, когда урус падша (т.е. русский падишах) послал меня сюда, а также о здоровье моего сына и о том, родился ли у меня сын или дочь?

Бакса настроил скрипку, заиграл и запел гнусливым и хриплым голосом с разными кривляньями. Во-первых, он начал прославлять т ы н г ы з тюря, т.е. водяного начальника; распространялся о моих подвигах, добродетелях, о моем богатырстве и моей нежной заботливости о жене и сыне; потом стал под музыку захлебываться и рыгать, и кричать шайтанам, чтоб они поторапливались со своими вестями. ПотЬм он несколько раз корчил, что изнемогает, и скрипица издавала самые дикие звуки; потом взял нож и стал заколачивать его себе в брюхо (т.е. в рубашку), прикрикивая: тарт, тарт! тащи, тащи! (т.е. вести) и наконец обрадовал меня известием, что у меня родился сын - вследствие чего поздравляю вас с внуком, что жена моя здорова и что другой сын немножко похворал без меня, но также выздоровел. Он присовокупил при этом, что у меня есть отец и мать, что у меня два брата и оба старше меня, а сестер нет. Я подарил ему два клетчатых платка, но потом присовокупил на ломаном киргизском языке, что его шайтан бо к-д жиган (ест грязь, или, по настоящему, другой материал, которого я из вежливости не называю); что у меня нет муржи и бала (жены и детей), что у меня 4 брата, которые младше меня, и три сестры. Бакса мой сморщился, однако остался весьма доволен моим подарком и ушел, повторяя:"к у л д у к, к у л д у к!", т.е. повергаюсь во прах перед тобой, б а т ы р (богатырь) ...

Почти все письмо посвящалось одному - тигровой охоте и ей сопутствовавшему. А сопутствовало немаловажное; постижение взглядов, верований, обычаев народа, его нравов, его языка.

3.

"Реконструкция" облика живого тигра Тарасу не удалась. Мертвая громада лихого зверя в первозданной своей силе не оживала. Красоту его показал, ярость - не смог.

Ярость - в клыках, разверстой пасти, глазницах простреленного тигрового черепа над походной постелью Бутакова. Бешеный оскал обращен сразу к двум охотникам - ему и Истомину. Но в той же мере и к художнику, расположившемуся в углу. Зверю, даже убитому, все они - враги:"...на зубы страшно смотреть..."

Но в сепию "А.Бутаков и фельдшер А.Истомик во время зимовки на Косарале" (рис. 41) мы еще всмотримся.

Увы, не удастся пока рассмотреть баксу, о встрече с которым в письме рассказано с таким удовольствием. Шевченко и видел, и слышал, и рисовал его. Тогда же, конечно, - 22 или 23 ноября. Рисунком - акварелью? - он дорожил, и явствует это уже из того, что на Косарале и в Раиме с ним не расстался, что при щедрости своей, даже расточительности в отношении собственных рисунков, не отдавал этот лист больше года, пока не отослал под новый, 1850-й, А.ИЛизогубу. "Шлю вам киргизького Баксу, або по нашому Кобзаря. Коли найдется яка добра душа, то нехай купить, зробить добре ддло, а цшу я йому кладу 50 карбованцв... Буду посилать до вас усе, що зроблю вартого послать..."

Расстаться с баксой вынудила крайняя нужда в деньгах. Эту работу он считал стоющей и радовался, что в чужие руки не попала, что осталась в милой сердцу семье Лизогубов, благодарил Илью Ивановича, брата своего корреспондента, за "благородну щедроту", жаждал узнать его мнение (просил: "розпитайте").

Где он, шевченковский "Бакса", сейчас? Куда завели его перипетии времени? Неужто канул в небытие и уже не отыщется?

...Ненайденного больше, чем считается официально.

И среди них - косаральского.

Интерес ко всему казахскому был у них, Бутакова и Шевченко, общим.

Оба вслушивались в звучание незнакомого доселе языка и старались его понять. Тарас, правда, намерения выучить язык не декларировал, но докапываться до сути каждого слова ему было интересно, и будто открывался поэтический родник чужой народной речи, будто вливалась она в песенный Днепр его украинской, славянской души.

В слове, в мелодии языка, в ритме разговора и песни открывалось ему близкое и дорогое в людях, то, что делало их понятными (и понятыми) , - как в этом доморощенном баксе: кобзаре и одновременно колдуне, неграмотном и в то же время мудром, бесхитростном и откровенно хитром.

"По-нашему Кобзарь..."

Бакса - не Кобзарь; они разные, как разлмчны их народы. Прислушивался к. баксе, рисовал его, а в голове проворачивалось свое и о своем.

І виріс я на чужині,
І сивію в чужому краі
То одинокому мені
Здається - кращого немае
Нічого в Бога, як Дніпро
Та наша славная краіна...
Аж бачу, там тілько добро,
Де нас немае...

...Слушал баксу, рисовал баксу. Это было для него много интереснее, во всех отношениях интереснее, чем переводить в краски убиенного тигра.

Мертвая натура - не его стихия. Его отрада - жизнь во всех ее проявлениях. В людях. В природе. В чем угодно, но только не в том, что жизни лишено.

В ту ненайденную картину с баксой вошла, наверное, и яростная тигровая пасть, украшавшая "дворец" Бутакова.

Тянуло к правде.

Что касается тигров, то о них в цитированном бутаков-ском докладе есть и такое:

"Тигры постоянно бродят около Раима, а в особенности зимою, невзирая на морозы. Зимою они держатся в камышах, и шерсть их чрезвычайно густа и пушиста. Делая обозрение восточного берега моря, я находил, во многих местах, совершенно свежие тигровые следы на песке взморья.

Почти каждый год наши солдаты и казаки убивали их по два, по три и даже по четыре. Теперь, с успехами оседлости, они являются, однако, реже..."

24 ДЕКАБРЯ, НАВЕЧЕРИЕ РОЖДЕСТВА

1.

Стихи, рожденные на Сырдарье и Арале, авторских дат, а равно указаний на место писания, не имеют. И уловок "конспиратора" я в этом не усматриваю. Суверенное право поэта - датировать им сочиненное или пускать его в свет без календарных, географических означек.
Дополнительные сложности для составителей? Вольному воля - доверять или не доверять автору, выстраивавшему свою поэзию в циклы, в тетради, как считал нужным сам. Но по какому праву - не доверять? Не является ли то произволом, непрошенным вторжением в святая святых? А сколько их, таких вторжений, в определении места и времени писания, расстановке и перестановке написанного... Предвидел бы Тарас "терзания" моих современников - не оставил без точных помет ни одно стихотворение. Впрочем, если бы счел нужным. Его воля, его право...

Это стихотворение он поначалу не датировал тоже. Откроем "Малу книжку" и здесь на страницах 247-248 найдем его первоначальный (или близкий к первоначальному) текст. Под номером третьим Шевченко вписал это свое произведение в тетрадку 1849 года. (По сему поводу Ю.А.Ивакин высказался так:"Исследователям нужно учесть тот факт, что стих, созданный в конце 1848г., поэт переписал в тетрадку 1849г.; стало быть, в его захалявных книжечках возможны и другие "хронологические сдвиги". Предупреждение, безусловно, серьезное, но - не всегда учитываемое...) Добавлю к этому лишь одно: рядом с номером дописано NN. Никакого другого посвящения не значилось. Определенного, единственного адресата у стихотворения и не было. Обращался автор сразу ко всем своим друзьям, где бы они не пребывали.

Не додому вночі йдучи
З куминої хати
І не спати лягаючи,
Згадай мене, брате...

И дата - "1848, декабря 24", и "Косарал" появятся под стихом этим тогда же, когда рукою автора он будет вписан в альбом оренбургского земляка-чиновника. Произойдет то примерно через год - уже по возвращении из Аральской экспедиции. Те же пометы окажутся потом в списках, принадлежавших Ивану Лазаревскому и Льву Жемчужни-кову. И снова без даты, без ссылки на далекий остров Шевченко внесет стихотворение, доработанное и дописанное, в "Б1лыпу книжку" - основу всех последующих публикаций.

Посвящения в публикациях нет, и это правильно: обращался поэт не к одному лишь Федору Лазаревскому, но ко многим хорошим людям, его, как надеялся, вспоминавшим.

Не "уполномачивал" нас Шевченко ставить под публикациями, в конце: 1848, декабря 24, Косарал (в основных автографах такой пометы нет, не сыскать).

Однако мне эта конкретика нужна (тем более, что достоверность ее сомнений не вызывает). И снова, снова про себя повторяю: д в а д ц ать четвертое декабря.

2.

...Декабрь, 24 - Навечерие Рождества Христова.

...25 - Рождество Господа нашего Иисуса Христа. Выписываю из указателя евангельских и апостольских чтений церковных - приложения к "Библии", 1988 года издания.

Канун рождения Христа располагал к размышлениям о жизни, о судьбе. И, казалось, особым смыслом полнились Христовы поучения людям, столь афористично выраженные в Евангелии от Матфея. Читал их не в первый раз:

- Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

- Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
- Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
- Блаженны алчущие и жаждающие правды, ибо они насытятся.
- Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
- Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
- Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божии-ми.
- Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное...

Изгнанные за правду...

Это и о нем. Но царства небесного ему мало: мечтается о земном - милой сердцу Украине, праве жить на своей земле, среди друзей-приятелей, быть нужным добрым людям - землякам незабытым.

...А як прийде нудьга в гості
Та и на ніч засаде,
Отойді мене, мій друже,
Зови на пораду...

Его советы - в его стихах. Сам он несказанно далеко, но душа-то там - пусть только помнят о ней и о нем.

..Отойді згадай в пустині,
Далеко над морем,
Своего друга веселого,
Як він горе боре.

(В записанном на бумаге исчезает пауза первой из этих строк, а она нужна, она несет в себе смысл:

...Отойді згадай -
в пустит...

И так далее: приглашение вспомнить и представить, вспомнить и увидеть воочию).

...Як він, своі думи тіі
І сердце убоге
Заховавши, ходить собі,
Та молиться Богу...

(Пришла мне мысль - заглянуть в двухтомный академический "Словник мови Шевченка" (1964) и выяснить, насколько часто поминал он в поэзии своей, во всем, что писал на родном, украинском, Бога, или Господа, или Христа. И что же оказалось? Под девятьсот случаев! Много больше, чем упоминал Украину (262), Днепр (113), Землю (175), Людей (551). Бог у него едва ли не самое распространенное слово, и никогда оно не произносится всуе, просто для красного словца. Вот и здесь:"молиться Богу "...)

...Та згадує Україну
І тебе, мшй друже;
Та іноді и пожуриться –
Звичайне не дуже.
А так тілько. Надворі, бач,
Наступав свято…
Тяжко його, друже-брате,
Самому стрічати
У пустині...

Стихотворение изливалось на бумаге быстрым ручьем, стремительным родником, но это не значит, что поэт не останавливался, не задумывался. Сначала было:

І тебе, мій брате...
Написалось: Та іноді зажуриться...
Звучало:
А так тілько, що надворі...
А так тілько, бо надворі...

Слова становились на свои места постепенно, чувства обретали выразительную силу не враз.

..Завтра рано

Заревуть дзвініці
В Україні; завтра рано
До церкви молитись
Підуть люде... Завтра ж рано
Завис голодний
Звір в пустині, і повіе
Ураган холодний.
І занесе піском, снігом
Курінь - мою хату.
Отак мені доведеться
Свято зострічати...

Резкий, крутой контраст: Рождество т а м и Рождество т у т. Он усиливает его, это противопоставление; один штрих и - качество новое.

Бросает на листок:
Зберуться молиться...
Поправляет:
Зберуться молитись...
Пока, наконец, не является окончательное:
До церкви молитись...
На Косарале церкви нет, и это тоже контраст. Как пустыня по отношению к полю.
Звір у п о л і, і повіе...
Звір в пустині, та п о в і е...
Звір в пустині, і п о в і е ...
И определеннее все, и энергичнее -тому и быть.

3.

Как случалось часто, не сразу далась концовка.
...Що ж діяти? На те и лихо,
Щоб з ним людям битись.
А ти, друже мш единий,
Як маеш журитись,
Прочитай оцю цидулу,
І знай, що на світі
Тілько и тяжко, що в пустині,
Та в неволі жити.
Та и там живуть, хоть погано,
Що ж діяти маем,
..... та надія
З нами умирають.

Многоточие предпоследней строки - густо чернилами замазанные слова (или слово). Неразборчиво... Но в публикуемом основном тексте никаких пропусков нет!

До этого, основного, канонического, всюду публикуемого текста было еще далеко. И не стилевыми только поправками путь к нему будет отмечен - много большим, принципиально большим:

...Прочитай оцю цидулу,
І знай, що на світі
Тілько и тяжко, що в пустині
У неволі жити;
Та и там живуть, хоч погано,
Що ж діяти маю?
Треба вмерти. Так надія,
Брате, не вмирае. '

Надежда умирает вместе с человеком? Нет, не умирает она в нем, изгнаннике, и не умрет вопреки всему!

Навечерие Рождества Христова, или 24 декабря 1848 года, Тарас отметил поэтическим посланием другу.

Одному, определенному? Друзьям и братьям! Всем, о ком думалось в праздничный этот день!

"І мертвим, і живим, і ненарожденим землякам моім в Украйні і не в Украйні мое дружнее посланіе..."

Это он же написал в декабре, три с небольшим года назад, в памятном селе Вьюнище, где так хорошо, так славно жилось и писалось.

Новое, рождественское, стихотворение было, как и то, его посланием сразу всем добрым людям.

Дойдет? Прочтут? Услышат?

Хотелось одного - чтоб услышали...

Писал о себе, что "молится Богу", - молился и впрямь. Но смею сказать: в это Навечерие Рождества Христова думалось ему не так о многострадальном Иисусе, как о жизни земной, о настоящем своем и будущем.

"...Надія, брате, не вмирае..."

ЧЕТВЕРО В ОДНОЙ ЛОДКЕ

или Продолжение записок современных плавателей

1.

В первой части этой книги свел я моих читателей со славными людьми, пустившимися на собственный кошт, риск и страх по местам Аральской экспедиции А.И.Бутакова 1848-1849 годов.

Помните: Помарэкс- 1988 ?

Тут самый раз вернуться к дневниковым записям энтузиастов, приблизившихся в свой срок к манившему их Косаралу.

Три записи - три дня. Не из прошлого - из настоящего.

...8 сентября. Дежурный Николай Жосан разбудил нас едва забрезжил рассвет. Только убрали палатку, уложили рюкзаки - хлынул ливень, ветер стал крепчать и вскоре достиг большой силы. Плыть при таком урагане невозможно, и мы вновь ставим палатку и, забравшись в нее, стараемся уснуть.

С рассветом погода улучшилась, и мы плывем дальше. Ветер не утих и на крутой волне лодка идет тяжело. Рядом беспокойно шелестят многометровые камыши, которые занимают огромные площади. Местные жители используют растение при постройке домов, плетут из него циновки, идет камыш и на корм скоту. Вчера Николаю рядом с лагерем посчастливилось увидеть камышового кота, который при нашем приближении юркнул в густые заросли. Вобще камыши заселены: там встречаются утки, фазаны, цапли.

Ширина реки увеличивается до 200 метров. На таком просторе при встречном ветре работать веслами нелегко: только к двенадцати часам подплываем к поселку рыбаков Аман-откелю. Здесь делаем закупку хлеба, отмечаемся в сельсовете. Его председатель С.Самагулов рассказывает, что большая вода пошла в реке после длительного перерыва осенью 1987 года. До этого рыбу ловить ездили за сотни километров на озеро под Алма-Ату. Сейчас многие возвращаются - появилась работа. Рядом с поселком, например, создали рыбопитомник, где нагуливает вес 225 тысяч мальков карпа и 90 тысяч толстолобика. Рыбу потом поставляют в Аральск, на рыбозавод.

За Яман-откелем реку перегородили шлюзы и плотина, образовалось рукотворное озеро Табекен. Вновь, как уже было, перетаскиваем лодку волоком по берегу. Только вышли на большую воду - вновь задул "аралец". Из гребцов превращаемся в бурлаков. Через несколько километров выбиваемся из сил и ставим лагерь. Беда не приходит одна и скоро выясняется, что во время "буксировки" продырявили в нескольких местах надувную спасательную лодку, в которой были сложены продукты...

Сели ужинать, и Юрий Жолобов с досады бросил в воду корку арбуза. Она шлепнулась недалеко от берега и вдруг вода вокруг нее забурлила. Оказалось, что корка угодила в голову огромного сазана, который пригрелся на мелководье. Очумелая от удара рыба вылетела из воды как торпеда и с шумом ушла на глубину. От неожиданности мы оторопели, но, поняв в чем дело, - смеялись от души...

9 сентября. Скоро поселок Каратерен - конечная точка нашего маршрута этого года. Каратерен - на том самом шевченковском острове Косарал. К сожалению, уже бывшем острове... На берегу стоят люди и жестами приглашают пристать. Оказалось, что это рыбаки из поселка Бугунь, приехали заготовлять камыш. Моторист Е.Едигеевс; горечью рассказал, что поселок стоял на берегу моря до 1969 года.! Сейчас Арал ушел на 70 километров, главное - перестала ловиться "1 нем рыба. Раньше в Бугунь заходили пароходы и баржи, был порт, с полной нагрузкой работал рыбозавод. В настоящее время рабочих1 осталось 150 человек и каждый год 20 семей уезжают в поисках лучших мест. Оставшимся приходится ездить рыбачить на озеро Балхаш,; бросать на многие месяцы свои семьи...

Подходим к Каратерену. Русло реки разделилось на три рукав*,, плывем по среднему, ширина которого метров семьдесят. Берега стали 1 обрывистыми, скорость течения угрожающе возросла. Стараемся гре^ | сти к берегу, но бесполезно: нас несет прямо на паром, который! неожиданно показался из-за очередного поворота. Самое опасное - \ два стальных троса, с помощью которых паром движется через реку. Расстояние быстро сокращается: 100, 90,80 метров... Вновь стараемся приблизиться к берегу, но нас тащит и закрепиться нет никакой возможности. Тогда Юра Жолобов принимает единственно правильное решение. Он хватает лежащую* рядом с ним веревку (на конце ее закреплен якорь) и, оттолкнувшись от лодки, прыгает прямо на камни. Прыжок получается удачным, и Юрий закрепляет якорь за огромный валун. Веревка натягивается как струна и...выдерживает. Лодка останавливается, мы мгновенно вытаскиваем ее на берег... "Самаре" уже не качаться на крутой сырдарьинской волне - водная часть нашего маршрута закончилась. Начинается заключительный этап экспедиции - посещение Косаральского форта... За сто с лишним лет море отступило на десятки километров, остров давно стал частью суши...

10 сентября. Нас пригласили в Каратеренскую среднюю школу имени Т.Г.Шевченко. Директор школы К.Батаманов с гордостью показывал собранный руками школьников музей, многие экспонаты которого рассказывали об Аральской экспедиции, ее руководителе и участниках. На видном месте в музее стоит макет катера "Бутаков", который десять лет назад вместе с судном "Шевченко" плавал в Аральское море, заходил в Сырдарью. Сейчас эти судна ржавеют где-то в песках, их постигла участь всего аральского флота...

Разговор в конце концов коснулся экологической обстановки в Приаралье, и это не удивительно. Ведь жизнь школьников и их родителей связана с морем. Жизнь, прямо скажем, не радует. Вот что рассказал директор рыбзавода Т.Уйкасов:"Море стало уходить из наших мест с 1968 года. Через десять лет пропала и рыба. Чтобы завод не простаивал, рыбу завозим с Дальнего Востока и Севера. От этого она становится в прямом смысле золотой... Чтобы как-то обеспечить людей работой, отправляем бригады рыбаков в другие области, ремонтируем и изготовляем стеклопластиковые лодки. Но это не спасение от наших бед. Мы хотим одного - чтобы возвратилось к нам море..."

...Едем по бывшему дну Аральского моря к Косаральскому форту, вернее к тому месту, где он находился. Ветер, постоянно дующий в этих местах, давно засыпал его песком. По подсчетам ученых, с обнажившегося дна моря ветром ежегодно поднимается до 100 миллионов тонн песка и соли.

...Машина преодолевает сыпучие пески, которые тянутся за горизонт. Вокруг нет никакой жизни, только верблюжья колючка зацепилась за эту землю и упрямо стелется вдоль дороги. Внезапно впереди возникает маленький зеленый оазис. Машина тормозит возле небольшого, но раскидистого дерева, по-казахски называемого джида. Рядом установлена памятная доска, на которой написано, что это дерево посадил в 1848 году Тарас Шевченко. Великий Кобзарь посадил джиду сто сорок лет назад, конечно же, не для того, чтобы отметить свое пребывание на Косарале. Он озеленил клочок земли с целью остановить наступление пустыни, скрасить трудную жизнь участников экспедиции. Это ли не пример бережного отношения к природе, призывающий и нас,

потомков, пристальнее взглянуть на проблему сохранения для будущих поколений Аральского моря?..

...Мы стоим на берегу одного их трех устьев Сырдарьи. Отсюда до моря пять-шесть километров. Подъехать к нему мешают болота, которые образовались в дельте Сырдарьи. Море - за горизонтом. Мечтается, что быть ему и здесь, быть всегда...

Дневник есть дневник, и мне остается поблагодарить Игоря Кононова, начальника и летописца "Помарэкса-88", за его старания.

Косарал, увы, в прошлом. Острова нет, исчезло и само его название. Сохранилось оно только на старых картах да еще в жизнеописаниях Поэта и Художника, здесь жившего, здесь творившего. Жизнеописаниях и-сотворенном им тут в поэзии, в живописи.

2.

Живой Косарал во многих его акварелях, сепиях, рисунках карандашных: законченных и незаконченных.

...Ш хуны возле форта. Сам форт - на втором плане, чуть поодаль; мы видим только ближайшие его строения. Вьется дым из трубы - там люди, там жизнь. Жизнью тут пронизано все: и затока, и камыши, и лодка, и суда.

...Л унная ночь. Удивительная акварель, исполненная глубокого художественного смысла. Какая маленькая площадь - лист из альбома, и сколько в картине красоты, сколько чувства. Лает ц□| луну собака; она увязывается за художником куда бы тот ни шел, овд| друзья - этот человек, и этот пес, и луна, и ночь.

...К азахская стоянка. Тоже на Косарале, неподалеку от. форта: вот он с другой, еще неизвестной нам стороны. Но в центре внимания рисовальщика - не скучные постройки укрепления, а кибит-.; ка в окружении своих хозяев. Немолодой казах в ленивой поэ нарядная казашка, ребенок... Им спокойно вблизи русского форта, она под защитой...

...Укрепление зимой.Наближнемпланенеталиджуламейка, которую облюбовал для себя Шевченко, сделав и пристанищем своим, и мастерской? Постройки вблизи и вдали; у верхних несет службу солдат. Композиция многоплановая: тут и треугольник укрепления, и суда в гавани, и казаки в ожидании чего-то или кого-то.

...Е ще одна зимняя картинка. Она была у Бутакова, хранилась в его альбоме. Впереди слева - "дворец" Алексея Ивановича, близ него одна из четырех пушек Косарала. Это еще один уголок форта, зарисованного художником с самых разных точек.

...К азахи в юртах (или юрте). Целая сепия зарисовок быта: мальчик разжигает печку и радуется теплу; согревшись, он дремлет возле очага; двое казахов - пожилой и молодой^ у разгоревшегося огня...

Не "служебные" это рисунки, не те, что "для отчета" - произведения истинного художника, мастера.

В косаральской его галерее немало карандашных зарисовок.

Они сделаны впрок, для будущего.

Зимние строения Аральской экспедиции. Удивительно невыразительно названа зарисовка одной из частей форта. Сама же она и точна, и композиционно выверена. Есть правда, есть настрое-; ние...

Казашка над ступой. Набросок, эскиз будущей акварели. Степенный казах в ленивой истоме за спиною статной, работающей жены или невестки; та же фигура в"Казахской стоянке", где работницы на первом плане нет - лучшее подтверждение того, что замысел родился не где-то еще, а именно на этом острове.

Маяк на Косарале. Чего уж больше, если в углу надпись его рукой?

Шхуны на стоянке...

Топографы на берегу...

И это явно не весь косаральский цикл. Многое разошлось по рукам, утрачено. Но и то, что доступно, хранит в себе истинный облик острова в устье Сырдарьи тех месяцев, когда принял он Аральскую экспедицию и - Шевченко.

Художник рисовал, писал Косарал увлеченно, сохраняя память о нем для будущего.

Будто превидел: быть им сделанному единственным свидетельством того, как и чем жил этот остров в те далекие времена, когда люди открывали Арал для долгой и полезной жизни, а о возможной его гибели не могли и помышлять.

Косарала в наши дни нет.

Живет он только в поэзии и живописи Тарасовой.

БУТАКОВ, ПИСАТЕЛЬ РУССКИЙ

1.

Не для людей, тієі слави,
Мережані та кучеряві
Оці вірші віршую я.
Для себе, братія моя...

Не знаю, как вы, а я людей пишущих, кои были бы спокойны, тем более равнодушны, в отношении публикации ими написанного, не встречал.

Шевченко страдал - не мог не страдать - уже от того, что переполнявшая его поэзия выхода к читателям не имела.

"С запрещением писать..." Запрет пусть высочайший, но он и пишет, и писать будет. Да только кто прочтет? как дойдут стихи до Украины, до земляков?

...Мені легшае в нейолі,
Як я іх складаю,
3-за Дніпра мов далекого
Слова прилітають
І стеляться на папері,
Плачучи, сміючись,
Мов ті діти. І радують
Одиноку душу
Убогую. Любо мені,
Любо мені з ними
Мов батькові багатому
3 дітками малими...

Кто-кто, а Бутаков понимал его, ему сочувствовал. Причем не по одной лишь доброте души, не исключительно по врожденной интеллигентности или (что, конечно, важно) демократичности взглядов.

Писателем был он сам!

О близости Алексея Ивановича к литературе я не раз уже упоминал, но всегда мимоходом. Теперь хочу эту мысль развить, опираясь и на факты, и на размышления собственные, и на признание в р емени.

Но вернусь прежде к недочитанному стихотворению Шевченко. Бытует оно в двух вариантах. Печатается по тому, который содержит в себе "Бшьша книжка"; изначальный же оговаривается разве что в комментариях (в изданиях сугубо "научных"). *

Начав с текста "окончательного", продолжу и закончу тем, котор сложился на Косарале - наиболее существенные отличия тут.

...І радий я, і веселий,
І Бога благаю,
Щоб не займав моіх діток
В далекому краі.
А іноді...нагадаю
Мою Укріану
І заплачу... Боже милий!

Нехай я загину
У цій проклятій пустині
Та не пусти димом
Дітей своіх бесталанних
В широкій пустині.
Нехай ідуть додомоньку
Моі любі діти.
Та розкажуть, як то тяжко
Було мені в світі.
І в сем'і веселій тихо
Сумно прочитають,
І сивою головою
Батько покивае.
Мати скдже: - Бодай тіі
Діти не родились. -
А дівчина подумае:
Я б його любила.

Снова и снова приходит мне мысль о равноправии вариантов, о і что многое надо печатать параллельно, на равных основаниях, а отодвигать в примечания. Сравните интереса ради истинно косаральское с тем, что получилось при доработке, и убедитесь вы сами: то и не то, различия существенные.

...Нет, не мог он не страдать, переписывая стихотворение за стихотворением в "захалявную" свою книжку, как не мог ему не сочувствовать человек пишущий-Бутаков.

2.

Только-только собирался приняться за новую главу, как пришла давно жданная книга: биографический словарь "Русские писатели", том первый. Начал рассматривать, листать и вскоре натолкнулся на ...Бутакова А.И., мореплавателя, исследователя и - писателя, "автора путевых записок, переводчика". Признание времени - оно вот, в энциклопедии 1989 года, вышедшей через сто двадцать лет после смерти первого "аральского адмирала".

Основные штрихи биографии, сообщение о начале пути потомственного моряка, а дальше то, что касается деятельности его литературной.

...Отлично образованный, владеющий несколькими европейскими языками, в том числе итальянским и португальским, Бутаков в 1838-м (шел ему двадцать второй) выступает в "Библиотеке для чтения" и "Сыне Отечества" с переводами произведений англичан: повести Ф.Марриета "Три яхты" и "Путешествия по Нигеру..." М.Г.Лерда и Р.А.Олдфилдома.

...Кругосветное плавание на судне "Або" подвигает его к очеркам "Пуло-Пенанг. Сингапур. Манила" ("Отечественныезаписки", 1843) и продолжавшим их "Запискам русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 гг". (там же, 1844), отмеченным Виссарионом Белинским как замечательные учено-беллетристические статьи.

...Художественный перевод остался его увлечением и дальше. Переводил главным образом то, что занимало самого, отвечало страсти Бутакова к путешествиям. В "Отечественных записках" появляются переведенные им "Замечания и анекдоты о южно-африканском льве" Томпсона (1843), "Новозеландские китоловы" Дж.Уэйкфилда (1846), "Странствования португальца Фернана-Мендезо Пинто, описанные им самим..." (1847) и другое. '

"Видимо, Б. собирался посвятить себя литературе", - замечает автор статьи в биографическом справочнике Н.П. Барсукова.

Что ж, исключить это нельзя - особенно во время опальЦпосле тяжелейшего плавания на "Або". Но представить Бутакова йне морской стихии все-таки не могу. Не представлял себя в разлуке с морем, прежде всего, он сам. Море плюс литература - вот что было для него сплавом естественным, линией из самых желанных.

Теперь "Отечественные записки" печатали новую большую работу переводчика: "Домби и сын" Чарльза Диккенса. Роман шел с продолжениями, в нескольких номерах (1847, сентябрь-декабрь,

1848, июль-август). Его, собственно, уже напечатали, только последние журнальные выпуски с этим произведением дойти до Бутакова еще не могли. (Как не сказать, что и на эту его работу по-доброму отозвался все тот же Белинский?)

Замечу, что "Торговый дом под фирмою "Домби и сын" в одно время с "Отечественными записками" печатал "Современник". Там роман шел в переводе Иринарха Введенского. В английской периодике оба переводчика заметили новинку одновременно и за интерпретацию ее на русском взялись, независимо друг от друга, сразу. Оба перевода были вполне профессиональными, но, конечно, во многом различными. Введенский грешил "отсебятиной", Бутаков - буквализмом.
Корней Чуковский отмечал, что без Введенского "у нас не было бы (Диккенса". Спорить с этим не приходится - он и впрямь перевел целую серию романов и повестей Диккенса ("Замогильные записки Пиквикского клуба...", "Давид Копперфильд", "Договор с привидением"). Но в Бутакове "Домби и сын" обрел, на мой взгляд, толкователя более глубокого, сумевшего полнее передать и национальный колорит подлинника, и всю индивидуальность творческой манеры англичанина.

...В список трудов писателя Бутакова современный биографийческий словарь включил статьи "Эпизод из современной историй Средней Азии" (1865), "Дельта и устья реки Амударьи" (1866) и ,конечно, "Дневные записки плавания...для исследования Аральского моря в 1848-1849 гг", которым суждено было увидеть свет только сто с лишним лет спустя, в 1953-м.

Не включенными оказались многокрасочные его письма' талантливые эпистолярные новеллы.

Дошли до нас лишь немногие. Но те, что дошли, это яркие штрю и к портрету автора, и к портрету времени.

3.

Бутаков - родителям

Косарал,4 января 1849
Байрамляр кутлы булсын!
Да будут для Вас счастливыми праздники!

И мы встречали здесь новый год, просидев до полуночи; выпили бутылку портвейна, уцелевшую у меня от привезенных сюда из Питера, за здравие отсутствующих, а на другой день обедали торжественно, за столом, накрытым салфеткой, - в обыкновенные дни мы едим по-артельному, за недостатком сервизов. За обедом был жареный фазан и щи из кабанины с сальником, - словом, пир горой.

Несмотря на однообразную жизнь - после победы над джулбарсом развлечений никаких не было, - время идет довольно скоро. В феврале и марте я буду брать лунные расстояния и готовиться к морю, а в апреле поплыву снова по водам аральским, и тогда время помчится опять бешеною рысью, и я не увижу как буду снова сидеть на коне, путешествуя по степи на север, с увенчанною лаврами главою, а там, худа и бирса (Бог даст), и в Николаев!

Соседи наши хивинцы еще не приходили, но моя фортеция на военной ноге, и я жду гостей в феврале. От нечего делать, хан хивинский рассылает по нашим киргизам зажигательные прокламации и по-видимому желает действовать на них с религиозной стороны. Так, например, преданные ему султаны писали киргизам: "Чего вы ждете от этих неверных у р у - с о в (русских) ? Идите к нам, хан вас примет, обласкает и не даст в обиду. Если вы магометане, то вы должны оставить неверных, если же нет, то кровь и месть на ваши головы!!!"

Или еще образчик, из письма куш-беги хи-винского, т.е. первого визиря хана:

"Омочите ваши руки и ноги в крови неверных псов (т.е. нас православных) и тогда идите к нам, на защиту истинной веры. Если же вы отступники, то проклятие на вас и предков ваших, мы придем и растопчем вас и детей ваших копытами наших коней, во славу аллаха!"

Некоторые киргизы, боясь угроз хана, перекочевывают в хивинские владения, но другие, поумнее, не верят хану и надеятся на защиту русских. Когда прокламации эти дошли до сведения поселившихся около моей фортеции киргизов, аксакалы (белобородые или старшины) пришли ко мне в испуге на совещание. Я усадил их и сказал им следующую притчу (переделанную из басни Крылова): "Пришла раз мышка к медведю в гости. Медведь, старик добрый, приласкал мышку и стал ее потчевать; странно только медведю, что мышка чего-то боится и что ей как-будто неловко. На вопрос, что это значит, мышка говорит: "Ой, ой, боюсь кошки, сильнее кошки зверя нет!" На это медведь показал мышке свою лапу и спросил ее: такая ли лапа у кошки? Вот мышка успокоилась и увидела, что у медведя ей бояться нечего кошки". Киргизы мои призадумались, но, наконец, закричали вголос: "Билям,билям,тюря! (Понимаем, понимаем!) Урус - это бирюк, т.е. медведь; сарт (хивинец) - масык, кошка, а киргиз - мышка.

Ой, ой, какой же ты разумный!" На этот комплимент я ответил им на ломаном татарском языке, которым объясняюсь, когда говорю не через переводчика: "А вы все бок джиган (едите грязь). Разве хивинцы били когда-нибудь у р у с о в ! Хивинец пушки боится, значит его самого бояться нечего".

Вот Вам образчик моей политики - а после этого еще будут уверять, что из морехода не может быть хорошего дипломата! Да в сравнении со мною все дипломаты бок-джиган, начиная с самого Меттерниха. Грустно смотреть, в какой нищете живут бедные киргизы благодаря этой блудливой кошке - хивинцам. Войлоки, которым обтянуты их кибитки, состоят из дыр. Трудно понять, как они в своем рубище могут выдерживать здешние зимы. А нынешняя зима была еще не из жестоких, хотя морозы, при метели, доходили до 19 градусов. Сырдарья покрылась льдом 29 ноября, а вскроется, как бывает обыкновенно, вероятно, в половине или исходе марта.

Пребывание наше здесь - истинное благодеяние для киргизов. Старший врач моего флота (фельдшер Истомин) вылечил многих больных, над которыми оказывались бессильными ворожбы боксы, хотя бокса и брал за лечение по нескольку баранов, а лейб-медик мой лечит даром. Кроме того, они получают от наших разные тряпки, летом променивают арбузы и дыни и живятся крохами разного рода. У солдат и матросов есть между ребятишками фавориты, которых они кормят и принаряжают и которых выучили креститься после обеда в казарме. Собак здесь тьма и все чистейшие дворняжки, перед которыми покойница Пестряшка была бы аристократкой. На святках пришла одному из рыболовов фантазия нарядить собаку каким-то невиданным (зверем, и эта выдумка имела успех самый блистательный. На святках ; были и у нас маскарады: матросы и солдаты наряжались генералами, медведями, тиграми, турками и проч. Уральские казаки, как староверры, не принимали в этом участия. J

Раим оживляется между прочим заграничною торговлей: в конце) декабря пришел из Бухары небольшой караван (в 9 верблюдов) коврами, одеялами, халатами, бумажными материями и т.п. Я заказ хозяину, который к весне намерен придти еще раз с свежим запасом ,чтоб он привез мне ковер и шахматы, а также рису.

Вот Вам и все здешние новости - да и чего ждать от одичалого жителя пустыни? Разве известия, что приятель мой Альмабет выд дочь свою, юную Тушюк, за приятеля же моего Саксымбая, которь был женат на старшей сестре, за которую заплатил верблюда и лошадь теперь, вследствие смерти старшей, он имеет право и на младшую сестру, за которую заплатил только барана и бычка.

Здесь при свадьбах есть забавный обычай: на другой день брака к молодым приходят с визитом все знакомые ей женщины, и эти приятельницы имеют право брать у молодых все, что им понравится. Так под Раимом женился мой приятель Бикмурза. У его кибитки была новая дверь. Султанша Алтынгазы, которой дверь очень понравилась, потребовала ее и взяла, несмотря на все убеждения в необходимости двери самому хозяину, который просил ее взять что-нибудь другое. "Как бы не так! Хочу дверь да и только", - и взяла дверь.

Общество Раима увеличилось еще семейством: приехал новый батальонный командир с сестрою и двумя племянницами, из которых одна, как говорят, недурна собою - я их еще не видел. Вследствие приезда их были в Раиме балы и веселие велие. Чего даже! Явились конфекты! Шутите после этого с нами, среднеазиатцами.

Ради Бога, милые родители, напишите хоть строчку - вот более года, как я не имею никаких вестей из дома, а между тем по матушке России прошла холера. Прощайте, будьте здоровы и счастливы. Целую Ваши руки и обнимаю Вас несчетно. Сызгасах оляматлик те л ейман!!...

Аминь.

Детям по пенде - сердит на них. (ЦГАВМФ, ф.4, ф.82, лл.77-80об).

4.

Знака равенства между Бутаковым и Шевченко не ставлю. Разное положение, разные люди, различен их завтрашний день, одному сулящий награды, а другому не более, чем смутные надежды... Отсюда и настроение, его несхожесть. Так почему, читая картинное письмо морского офицера, ищу в строках его, и между строк, праздники и будни всецело занимающего меня Тараса?

Его имя тут не упоминается, но бутаковское "мы" это и он, который все эти месяцы рядом.

Р я д о м - в плавании, в открытии и первом исследовании островов, в разведках каменного угля.

Рядом- когда ждали вестей с "большой земли" и тревожились о друзьях в охваченном холерой Оренбурге, когда охотились на сайгаков и устраивали погоню за тигром-людоедом.

Рядом- когда встречали новый год, вели беседы с казахами, слушали и наблюдали баксу, готовили оборону перед лицом воинственных хивинцев...

То, о чем писал Бутаков, во многом отражало суть их общих дней на Арале. Не один факт из письма можно отнести к Шевченко прямо, без оговорок, включить даже в летопись его жизни.

Скажем:

...31-е декабря - встреча сорок девятого с бутылкой заветного вина, привезенной из немыслимо далекого Питера.

...1-е января-торжественный пир за относи-тельно серви рованным столом, опять же, конечно, с тостами и разговорами допозна.

...Все дни - что в декабре, что в январе - готовность военная: форт е ц и я на Косарале пребывала в ожидании возможного нападения; окрестные аулы будоражили письма с угрозам и; во избежание панических настроений приходилось казахов увещевать - и в форте, и в их же юртах...

Но личное письмо, коль скоро дается ему такой ход, нуждается в подтверждениях из других, менее субъективных, источников. Ну хотя бы вот это - вероятность подстрекательских писем.

О них, "зажигательных прокламациях", в Оренбургском архиве есть особое дело. Название его: "О праве наказывать за возмутительные письма" (ф.6, оп.10, д.6001).

"...На-днях здесь распространились слухи, - докладывал еще осенью 1848 года Обручеву исправлявший должность начальника Ра-имского укрепления Матвеев, - что батыр Джанходжа недели через две придет сюда с 2000 киргиз, чтобы идти за Сыр до урочища Даукара грабить враждебных киргиз и каракалпаков; что Джанходжа уже получил на это согласие султана-правителя и что только ожидает соизволения вашего высокопревосходительства, за чем он послал в Оренбург нарочного..."

Матвеев Джанходже не верил, его верноподданство было для него сомнительным, и он прибегал к разным способам разведки -лишь бы разузнать все досконально. Многое подтверждалось.

"...Вместе с вышеобъясненными слухами распространяют также, что батыр запретил здешним киргизам продавать хлеб, отчего мы для укрепления в настоящее время запасать хлеб не можем; что в Оренбурге и на линии холеры свирепствует во всей силе, что неурожай хлеба на линии заставляет дюртакаринцев и все аулы батыря идти сюда за хлебом, что киргизы из шайки Илькея и Буре приходят к левому берегу Сыра и в значительном количестве выменивают там хлеба.

Вообще, мне кажется, нынешний год надобно обнаруживать более движения и силы в степи, пока яснее не установились отношения наши не только с Хивой, но и с самими киргизами, которые еще долго не привыкнут р.Сыр считать границей, не отвыкнут переходить через нее по поизволу и ездить за Сыр воровать скот".

Слухи распространялись изустно, донимали в письмах.

Одно из таких писем - в деле. Подлинник, и тут же перевод. В полный голос - призыв становиться под знамена священной мусульманской войны против иноверцев.

Такими же были и другие подметные послания. Матвеев наблюдал их воздействие и настоятельно запрашивал высшее свое начальство: "Не изволите ли, ваше высокопревосходительство, признать полезным киргиз, привозящих возмутительные письма, ловить и по наказании секретно в укреплении казачьими плетьми, при собрании штаб- и обер-офицеров гарнизона, высылать за Сыр чрез ближайшую переправу?"

И Обручев, и Пограничная комиссия предложение поддержали. Военный губернатор дал согласие на применение мер, о которых писал Матвеев. Разве только уточнил: наказывать р о з г а м и, от 60 до 70 ударов в каждом случае, да еще - для поощрения поимщиков-выдавать отличившимся по 5 рублей серебром.

Приказ был отдан уже в первых числах января. Но и до получения ответа из Оренбурга начальник Раима с распространением таких писем боролся. По собственному усмотрению. Как считал нужным сам. Того же требовал и от офицеров на аванпостах. Не самосудов, но - бдительности. Готовности полной, постоянной.

Документальные свидетельства важны безоговорочно, для меня они всегда на первом плане. Письмо Бутакова тоже документ, да еще какой. Сила у него двойная, тройная: в нем и факты, и отношение к ним, и сведения о тех, кто вокруг, и штрихи живой жизни, воздействующие психологически, настраивающие на определенный, автору близкий, лад.

Ему угодно, чтобы в далеком Николаеве за него не переживали. Угодно выказать себя и сильным, и умным, но не показаться хвастуном. Угодно поведать о всяких трудностях, но не переборщить с ними...

Читать наверняка будут многие. Тем более охота предстать перед всеми в лучшем свете. И он набрасывает эскизы бытия-сдержанные, будто мимолетные, и в то же время вполне выразительные. О жизни на Косарале пишет свободно, раскованно, с юмором и...с достоинством.

Письмо несет в себе обаяние личности, и под пером возникает сама эта личность: увлеченная делом, глубоко человечная, вО всех отношениях симпатичная.

К нему и его письмам возвращаться нам еще не раз. Быть новым публикациям, быть комментариям, прямо или косвенно касающимся не только Бутакова и его семьи, его флотилии, его времени, но и Тараса Шевченко. Это, однако, потом - по мере необходимости. Пока мне хотелось напомнить лишь вот о чем: в одно и то же время на Косарале жили и работали два профессиональных писателя. Жили в согласии, друг друга уважали и сотрудничали покрепче, чем в...самой "благополучной" писательской организации нашего времени. Вряд ли ошибусь, если скажу, что Бутаков и первым слушателем-критиком Тарасовых стихов. По праву землячества...по праву доверия...

Косарал-Косарал - никому не ведомый остров, его глухая обитель.

...Погуляю понад морем
Та розважу свое горе.
Та Україну згадаю,
Та пісеньку заспіваю...

Часть четвертая: "НЕИЗМЕНЯЕМЫЙ"

СНОВА РАИМ

1.

Начинался его январь на Косарале, продолжался в Раиме.

Когда и как это перемещение произошло?

Точной даты назвать не смогу. Единственное свидетельство на сей счет, хоть и исходило от самого Шевченко, характер носило приблизительный. Имею в виду его, Тараса, приписку к письму раимского лекаря Лаврова к Макшееву. Письмо было датировано 26-м марта 1849 года, а особо не датированная приписка начиналась словами: "Я уже два месяца как оставил свою резиденцию Косарал..."

"У ж е означает совершение,' исполнение, окончание дела или поры и срока". Это - Даль. "Я уже два месяца..." Значит, месяцы поз а д и и, таким образом, в Раиме автор пребывал с января.

Но будь он тут с начала января, написал бы, пожалуй, по другому: почти три или около трех. Нет, сказано определенно: д в а. А коль так, мы вправе полагать, что пребывал, скорее всего, здесь с двадцатых чисел.

Как добрался? Разумеется, не так, как вообразил Анатоль Костенко в книге "За морями, за горами". В годы сталинщины Анатолий Иванович прошел через многие муки ада и, проецируя на Шевченко то что было с ним самим, очередную главу своего художественно-документального повествования начал таким, весьма зловещим пассажем: "В январе 1849 года, в зимнюю пургу с нестерпимыми ветрами, "рядовой Шевченко" был вынужден пройти семидесятикилометровый путь до Раима в 4-й батальон, за которым он числился и где должен был постоянно пребывать до следующего выхода экспедиции в море".

Выходит, пройти? Сквозь морозы, метели и ветры? Через пространства, где каждый шаг грозил жизни? Где хозяевами чувствовали себя хищники двуногие и четвероногие? Полноте, быть такого не, могло. Даже если бы препровождали уголовника, убийцу, не то что п олитического, отданного в солдаты " с правом выслуги" петербургского художника, прикомандированного к описной экспедиции, человека, известного самому губернатору, а в Раиме всем и вся, начиная от начальника, Матвеева.

"Мусив пройти..." У Шевченко в ретроспективе дневника 1857-1858 годов насчет этого говорится попроще: "отправился яв Раим, главное тогда укрепление на берегу Сырдарьи". Отправился, без сомнения, единственным возможным способом - в санях. Где по льду, где по берегу - зимник был освоен и накатан, возницы дело свое знали... И ни к чему излишние страсти, вроде смертельно опасного пешего перехода в злое ненастье. До чего же падки мы порою ужасы нагнетать вопреки логике и правде!

Просто так, по первому же своему желанию, отправиться в Раим Шевченко не мог. Для этого было нужно, во-первых, согласие его непосредственного начальника по месту прикомандирования, Бу-1 такова. Должен был, во-вторых, дать добро кто-то из главных должностных лиц укрепления - Матвеев ли, Дамис. Получение согласия требовало формальной причины. Ею могла стать официально засвидетельствованная в продолжение трех недель прошлогоднего; плавания болезнь и необходимость в помощи врачей раимского лазарета. Причиной-поводом можно считать потребность в согласовании усилий художника с тем, что делали топографы-картографы, или получении неких дополнительных материалов из канцелярии' укрепления. Наконец, нужда в нем для решения каких-либо л и ч н ы х вопросов - скажем, в связи с претензией насчет невозврата долга оросим подпоручиком Бархвицом... Придумать причину дело нехитрое - была <5ы благосклонность к его желанию поехать, поддержка его в принципе.

Бутаков согласие дал, начальство в Раиме не препятствовало. Обошлись без переписки: в декабре-январе на Косарал, как основной аванпост укрепления, лица являлись сами. Тут и решили. С тем и отправился.

2.

Прапорщик Нудатов, по всему судя, впервые увидел Шевченко как раз в это время, похоже даже, что в эти дни.

"Первая встреча г.Н. с поэтом, - сообщал слышанное от него журналист и литератор Д.Клеменсов, - ... произошла на параде у церковной палатки в день прибытия г.Н. во главе большого транспорта, доставившего в Раим жалованье, провиант и оружие".

О каком транспорте речь? О том, пожалуй, который так порадовал Бутакова. В письме от 29 января он, обращаясь к родителям, писал: "Последняя почта, пришедшая сюда из Оренбурга, была мне истинным праздником: наконец, не получая никаких вестей от Вас в течение целого года, я

получил давно желанную весточку. Чтоб вполне понять эту радость, надобно быть отрезанным от всего человечества обитателем плюгавого островишки в пустыне.

Можно было не связывать означенную 'весточку" с приходом в Раим транспорта, если бы ограничилось все долгожданным родительским письмом. Но нет, с той же почтой пришло еще несколько писем ("от моей доброй Н.И.Голицыной, от двух оренбургских приятельниц, от генерала Толмачева..."), а, кроме того, и многое "веще ственное".От того же Толмачева, например, прислявшего Бутакову "целую груду гостинцев", в том числе "20 рябчиков (из Башкирии, где деревня его зятя), сигар, табаку, стеариновых свеч, окорок, масла, булочек и сухариков, муки крупчатой целый пуд, зеленого гороху". Сверх того, ему прислали "целую кипу французских и немецких газет" да еще многое, в письме не перечисленное. Судя по всему - такое и столько, что в почтовой сумке не довезешь. Прибыло это, скорее всего, с тем самым январским транспортом и 27-го было доставлено на Косарал, Бутакову.

В Раимское укрепление, следовательно, транспорт пришел за несколько дней до того - скорее всего после двадцатого. Транспорт, в котором был и Нудатов, проштрафившийся в холерном Оренбурге и за то покаранный отправкой на Сырдарыо. Он следовал, конечно, не "во главе большого транспорта", а в нем, в качестве одного из офицеров, -не разжалованный, но все-таки опальный, долженствовавший искупить вину службой на краю света.

И вот в Раиме увидел Нудатов Шевченко...

Выписываю соответствующее место из статьи Д.Клеменсова.

"Меня поразила, - говорит г.Н., - какая-то странная неуклюжая фигура, разгуливавшая по церковной площади. Кругом все военный народ, - солдаты, офицеры, а он в мерлушковой шапке, в широких шароварах, в какой-то странной поддевке... и с бородой. Он так вольно похаживал, заговаривал с офицерами, смеялся".

На вопрос г.Н. один из офицеров укрепления ответил, что это знаменитый хохлацкий поэт Шевченко, сданный в солдаты по какому-то политическому делу.

- В солдаты? Почему же он не в форме? И с бородой?

- Ну что вы, ему и без того горько!.."

Подчеркивают бородой.

О бороде речь шла уже на косаральских страницах. Читатель, надеюсь не мог еще забыть, что опирался автор на два места из написанного самим Шевченко. Но имеются тут расхождения - и между самими текстами шевченковскими, а равно с сообщенным Нудатовым.

Обратимся к "Близнецам".

"... И эта комедия (когда за бороду пред ним склонялись как перед старообрядческим пресвитером - Л.Б.) продолжалась до тех пор, пока ротный командир не приказал ему сбрить бороду".

В дневнике 1857-1858 годов то самое выглядит чуть иначе: "Вскоре после этого казуса, уже сбривши бороду, отправился я в Раим..."

Так с бородой отправился или без оной?

Попробуем разобраться.

В начале 1849 года ротным командиром стал поручик Богомолов, до этого возглавлявший солдатскую команду на рыболовецкой ватаге и какое-то время даже форт на Косарале. С новым назначением он перебрался в Раим. Приказать (или посоветовать) Шевченко сбрить бороду ротный, всего вероятнее, мог уже там.

Дневниковая запись противоречива. С одной стороны в Раим автор отправился "уже обривши голову". Но с другой... Комедия-то продолжалась!

" В Раиме встретили меня уральцы с затаенным восторгом. А отрядный начальник их, полковник Марков, тоже не будучи дурак, испросив мое благословение, предложил мне 25 рублей, от которых я неблагоразумно отказался и этим, по их понятиям, беспримерным бескорыстием подвинул благочестивую душу старика отговеться в табуне в кибитке по секрету и, если возможность позволит, приобщиться святых тайн от такого беспримерного пастыря, как я".

"Чтобы не нажить себе хлопот с этими седыми беспримерными дураками", Шевченко предпочел "аккуратно, каждую неделю два раза" брить бороду и не вводить более в искушение фанатично верующих казаков-старообрядцев.

Нудатов видел Тараса с бородой. Примем это сообщение как должное и подвергать сомнению не станем.

Не так уж ошибся он и в утверждении своем, что к тому времени Шевченко находился в укреплении "около полугода". После прихода его в Раим в составе майско-июньского транспорта, минуло семь меся-цевч Другое дело, что в самом Раиме провел только первый с небольшим месяц, потом же ходил по Сырдарье и Аралу, а далее обитал на Косарале.

Однако в укреплении его не забывали. Относились к нему "на той же мерке участия и сожаления", что сложилась с самого начала. И об этом сообщил нам не кто иной, как Нудатов, в то время прапорщик.

3.

Я за б ы л ь о Тарасе, и, значит, против искаженияправды, против ничем не оправданного нагнетанияужасов.

Раимскую его жизнь Анатоль Костенко представил себе (и описал

для нас) в самом мрачном свете. *'

"Вторая половина зимы, прожитая Шевченко в Раимском укреплении, была не лучшей, чем первая, отмученная на Косарале. Она легла на него тяжким камнем...

Положение рядового солдата линейного батальона и условия жизни были нестерпимы: грязная глиняная казарма, в которой не имел он хоть какого-нибудь уголка, где можно было бы спокойно работать. Дикая казарменная обстановка, изолированность от мира, сознание своего бесперспективного невольничьего существования - все это вместе не только не способствовало художественному творчеству, а, наоборот, убивало его..."

И зачем только уезжал с Косарала!

На что опирается современный биограф, всячески нас убеждая, что вдруг, без всякого повода, без малейшей реальной (и объявленной) причины положение Шевченко разительно переменилось?

Не опирается ни на что. Оснований для сделанных им выводов нет у него и в помине. Главный мемуарный источник - сообщенное Нудатовым и донесенное до нас Клеменсовым - Костенко, разумеется, знает; разные места его он, избирательно, цитирует или излагает. Но многое (по причинам не всегда понятным) оказывается обойденным, прямо-таки проигнорированным.

Например, такое: "Квартируя в особой от солдат юламейке, вместе с таким же безденежным солдатом, из поляков (Н. не припомнил его > фамилии), Тарас Григорьевич, с соквартирантом, приносил себе туда же пищу из общего солдатского котла".

Это, однако, противоречит утверждению о "грязной глиняной казарме", вкупе с "дикой казарменной обстановкой", а посему опускается А.Костенко раз и навсегда. Нет, нет и нет - "глиняная казарма", никаких тебе обособлений.

Поляком-соквартирантом был, по общему мнению, Томаш Вернер. В Раим они могли отправиться и вдвоем- два участника бутаковской экспедиции, два прикомандированных к оной на равных условиях, два опальных нижних чина - живописец и геолог. На зимнем Косарале Вернеру делать было нечего, Раимское же укрепление сулило дополнительные возможности собирания, систематизации, описания геологических (а заодно ботанических) материалов. Им, Томашем, были довольны, что подтверждалось представлением его к чину унтер-офицера. Этот чин к нему скоро придет, пока же оснований не дозволять ему временный выезд в Раим не виделось.

Да, соквартирантом Шевченко мог быть Вернер. Мог и кто-то иной. "Из поляков..." Поляков в составе прошлогоднего их транспорта хватало; рассказывая о походе к Сырдарье, польские фамилии я называл.

Это, конечно, частности, не столь уж, может, и важные. Но игнорирование "частностей" ведет к выводам, противоречащим истине, опровергаемым фактами и все же-живучим.

"Дикая казарменная обстановка, изолированность от мира, сознание своего бесперспективного невольничьего существования - все это -вместе не только не способствовало художественному творчеству, а, наоборот, убивало его..."

Не способствовало! Убивало!... Откуда только взялись стихи и поэмы этой самой "второй половины зимы", проведенной в Раиме, где все, оказывается, противостояло, мешало творчеству, не позволяло писать и рисовать?

Ни под одним поэтическим произведением, ни под одной акварелью, сепией, карандашной работой действительно нет пометы "Раим, 1849". Да ведь эти пометы не Шевченко ставил. Не им место и время сочинения (или рисования) засвидетельствованы. Недодумали текстологи, составители, комментаторы, а охаянным оказался ни в чем не повинный Раим. Всю славу отдали Косаралу, все б е с с л а в и е обрушили на него. Несправедливо по отношению к степному поселению, давшему Тарасу и приют, и друзей, и возможность творить. К одной из важных его мастерских солдатского десятилетия...

На шевченковскую приписку в письме врача Лаврова сослаться мне довелось еще при начале главы ("Я уже два месяца как оставил свою резиденцию Косарал..."). Тот же абзац имел такое окончание: "...а о Раиме и говорить нечего: неизменяемый!" Тарас вторил словам при-ятеля-лекаря:"Что вам сказать о Раиме?... Он, кажется, неизменяем и едва ли еще скоро наступит то время, когда он будет нравиться всем и каждому так, как Л.П.Ш.!.. Мы здесь, по правде сказать, не существуем, а прозябаем. После этого можно ли не желать отплыть из Раима не только в Оренбург, но хоть куда-нибудь".

Лавров добивался позволения весною отправиться с Бутаковым в
море.

"С целью разнообразия своей жизни..."

Разнообразия ради переселился Шевченко в Раимское укрепление - тоже до весны, до следующей морской кампании.

ВОКРУГ ИСТОЧНИКА

1.

Главный мемуарный источни к... Звучит это громко. А если добавлю: и единственный? Преувеличения ни в одном, ни в другом эпитете не будет. Больше того, главный он еще и потому (именно потому), что единственный. Так уж получилось: о пребывании Шевченко в Раиме 1849 года воспоминаний, кроме Нудатова, не оставил никто. Многие десятилетия - целый век! - мы довольствуемся тем только, что припомнилось ему, а литературным фактом стало благодаря журналисту и писателю Д.Клеменсову; если без псевдонима - то Дмитрию Григорьевичу Монтвиду (или Монтвижу).

Справка. Монтвиж-Монтвид, Дмитрий. Родился около 1856 г. Во второй половине 1870-х гг. студент Харьковского ветеринарного института. Участник нелегального студенческого кружка, пропагандист и распространитель запрещенных книг. Узнав об обыске, произведенном 30 декабря 1878 г. в его квартире, когда сам он там отсутствовал, скрылся, но был разыскан. Как участник "беспорядков" среди харьковского студенчества, подвергся высылке под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию. С января 1879г. был водворен в Шенкурске, но два месяца спустя - отдан на военную службу...

Так начиналась жизнь будущего автора статьи "Кое-что из жизни Т.Г.Шевченко в Раиме. По воспоминаниям сотоварища по службе". (О ней и веду я речь). Справка - из книги с выразительным названием "Деятели революционного движения в России" (том 2, выпуск III, 1931).

Вот кому, оказывается, обязаны мы тем, что появилась на свет рукопись, написанная им (следую за Д.Клеменсовым) "со слов бывшего председателя Самарской губернской земской управы, ныне (в 1889 году - Л.Б.) управляющего отделением Дворянского и крестьянского банка в Пензе, Эраста Васильевича Нудатова, - человека, заслуживающего полного доверия". Это - из

сопроводительного письма автора в журнал "Киевская старина", где статья тогда так и не появилась. "Наверное, из цензурных соображений" - прокомментировал отказ от публикации Д.Иофанов, поместивший полный ее текст (по автографу, сохранившемуся в отделе рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украины) в подготовленном им сборнике "Матер!али про життя і творчкггь Тараса Шевченка" (Киев, 1957). Цензура, думается, была тут непричем (она никак не препятствовала печатанию в том самом году и воспоминаний Н.И.Усковой, и очерка с пересказом сообщенного Е.М.Косаревым; так отчего бы ей понадобилось быть беспощадной к статье из Пензы...) Нет, обнародованию помешало что-то другое, "внутреннее", и только полтора года спустя, под новый, 1891-й, отрывок из нее, причем в иной редакции, был помещен в харьковской газете "Южный край". Попал он туда, наверное, стараниями самого автора, с Харьковом связанного теснейше.

Но почему все-таки первоначальный выбор места помещения статьи пал на "Киевскую старину"? "Живя по несчастию (теперь нам понятно какому - Л.Б.) в таком трущобном городе, каким по всей справедливости может быть названа Пенза", Клеменсов, по-его же словам в ранее уже цитированном сопроводительном письме от 30 марта 1889 года, "к сожалению, только на днях совершенно случайно узнал, что в "Киевской старине" помещены воспоминания о Т.Г.Шевченко".

Имел он в виду не что иное, как появившийся в мартовскойкниге этого ежемесячника очерк некоего Н.Д.Н. (Н.Д.Новицкого) "На Сыр-дарье у ротного командира". Новицкий излагал воспоминания полковника Косарева о жизни Шевченко вНовопетровском укреплении, то-есть в 1850-57 годах, предыдущих его лет почти н е к а с а л с я, но название публикации (Сырдарья - в ней) сбило Клемен-сова с толку. "Не имея возможности достать эти воспоминания для руководства (?) немедленно", он решил, что с обнародованием им записанного и написанного надо поторопиться. Как журналист и литератор, в оперативности, ее значении и цене Дмитрий Григорьевич разбирался.

А все-таки дороже всего нам то, что не прошел этот человек мимо рассказов этого прапорщика, тогда уже достаточно пожилого чиновника, не отмахнулся от них даже через сорок лет после раимских месяцев Нудатова (и Шевченко), больше того - поверил им услышанное бумаге. Не предприми он такой шаг - не сохранился бы этот главный, и единственнный доныне, источник сведений о той поре, улетучился, испарился, как многие и многие другие воспоминания.

Теперь понятно, почему непоправимое не произошло. Будем же помнить: биография автора занимающей нас статьи - в книге о деятелях революционного движения России.

2.

Побольше надо бы разузнать и о Нудатове, тогда, в Раиме, девятнадцатилетнем. Хотя бы для того надо, чтоб подтвердить (или опротестовать) характеристику его как "человека, заслуживающего полного доверия", а еще... еще сделать более перспективным поиск "портрета Э.Н., нарисованного Шевченко "по просьбе этого офицера". Клеменсов-Монтвид его видел ("у нас имеется"). Почему же тогда не заинтересовалась портретом шевченковского пера "Киевская старина"? что с ним случилось дальше? Загадка. И разве она тут одна?..

В идеале нужно знать все биографии, всех людей, в разное время общавшихся или связанных с Шевченко. Сейчас я критикую себя за неполноту многих статей составленного мною два десятилетия назад Словаря окружения и связей Тарасовых периода его солдатчины. Тогда мне казалось успехом установление почти всех фамилий, тем паче имен-отчеств, да еще хоть каких-то биографических данных каждого из тех, кто возникал - на годы или часы - на горизонте изгнанника, в его судьбе, его жизни. Ныне мне этого явно недостаточно. Мечтаю докопаться до полных жизненных перипетий всех этих людей, именитых и безвестных. Хватит терпения, времени, сил - перепишу свой Словарь заново. Но быть тому не ранее, чем отыщу во множестве архивов те сведения, которых так недостает сегодня. Затаились они среди тысяч подшивок старых бумаг и словно ждут, когда же их извлекут на поверхность, раскроют, прочтут. А мы не торопимся, довольствуемся известным, не проявляем даже элементарного любопытства. О люди, люди, не будет ли нам стыдно глянуть в глаза поколениям следующим?

В который уж раз мысленно проговариваю такую тираду, обращаясь, прежде всего, к самому себе.

Авторы статьи, занявшей изрядное место в Шевченкиане, известны. Для дела важно дать оценку ей самой. Называется это критике и источника. В данном случае - еще раз напомню - единствен н о г о. Можно ли ему верить? И в какой мере?

3.

Д.Иофанов: "Воспоминания Э.В.Нудатова, записанные Д.Клемен-совым, производят впечатление правдивого литературного документа".

Раньше всего, о самом термине: воспоминания. Употребление его тут отнюдь не безоговорочно, весьма даже условно. Рассказы Нудатова послужили для его собеседника лишь поводом к собственному журналистскому исследованию.

Первые, начальные страницы статьи литератор посвятил выясне-, нию причин ареста Шевченко и применения к нему "столь тяжелой по тому времени кары, как.сдача в солдаты в степные оренбургские батальоны". Прочел и изучил он многие материалы, публиковавшиеся в восьмидесятые годы в "Историческом вестнике", "Русской мысли", "Русской старине", других изданиях. С опубликованными документами, воспоминаниями, статьями познакомился не для того, чтобы пересказать их очередной раз, но ради более существенного - разобраться в неясностях судьбы Шевченко. Почему именно он изо всех кирилло-мефодиевцев понес самое большое наказание? За что его лишили права не только писать ("перо Тараса Григорьевича не было безгрешным, это давно известно"), но и рисовать (ведущий "-расследование" делает вывод, что такую кару предопределило "рисование политических карикатур или скорее неблагопристойных картинок")?

Исследование локально, но основательно.С автором можно соглашаться или не соглашаться, однако упрекнуть его в некомпетентности, поверхностности, бездумной легкости пера невозможно никак.

Уже здесь он вводит в ткань статьи важный факт, почерпнутый, разумеется, от Нудатова, еще пока не упомянутого: "сам же Тарас Григорьевич на месте своей ссылки рас-сказывал тов арищам по службе о двух карикатурах, изображавших - одна толпу лаццарони, щедро оделяемых червонцами из блестящей кареты с русским гербом, а другая - толпу русских нищих, получающих из той же кареты эгоистическое "Бог подаст". Отбрасывать это сообщение оснований нет. Мы знаем выразительнейшую картину Шевченко, публикуемую под названием "Государственный (или державный) кулак". Не того ли самого она ряда? И тут суровое обличение бездушие всесильной власти к нищенствующему народу своей державы. (Вспомним: казахские дети-байгуши, получающие из окна не подаяние, но угрозу - могучий кулак)...

"На месте своей ссылки рассказывал товарищам по службе..." Оставлять эти строки без внимания не пристало. Как и журналистский поиск Клеменсова-Монтвида вообще. Из текста статьи удалять начальные страницы - все равно что рубить голову живому существу.

Без них статья лишается логики и, во многом, изначально заложенного в ней смысла.

Чего не знает, о том не пишет.

Признается: "Как провел поэт этот (орский - Л.Б.) год, - мы не знаем..."

Не ищет обтекаемые формы, не придумывает - продолжает расследование спорного, разведку нового.

Вот тут источником нового и становятся для Клеменсова рассказы "уважаемого земского деятеля" Э.В.Нудатова.

Уважаемый земский деятель... Что это - дань уважения видному чиновнику или оценка личности по ее взглядам, по действиям?

Земская реформа была одной из буржуазных реформ шестидеся-тых-семидесятых годов. Земские собрания и управы возникали по всей России, поначалу обнадеживая: хоть в какой-то мере вершить дела на местах станет сам народ. Но скоро пришло отрезвление: ожидавшихся перемен не наступило. И возникла оппозиция либерального толка. Участники земского движения стали требовать расширения прав и компетенции земств, пусть умеренных, но все же демократических уступок, протестовали против "крайностей царизма". Одной из видных фигур оппозиции и суждено было стать Нудатову, тогда председателю Самарской губернской земской управы.

Свидетельствовал Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский, революционный народник и писатель. Выписываю строки из его книги "Россия под властью царей".

"Россия всегда с глубокой признательностью будет вспоминать имена Нудатова и Жданова из Самары, Петрункевича из Чернигова... и многих других, у кого хватило смелости отстаивать свои убеждения, и слишком часто они платили за свою безрассудную смелость долгосрочной ссылкой.

Не хочу приводить обращений и речей этих земских деятелей, читатель, возможно, нашел бы их весьма скромными. Добавлю лишь, что в России они все же имеют совсем особенное зна"ение, обнаруживая гражданское мужество, которым мы, к сожалению, обыкновенно не отличаемся. Всякий знает, что на каждую такую речь как речь Нудатова,... приходится десять других, не произнесенных и не написанных, скрытых и хранимых in petto".

Последнее выражение - на итальянском и означает; про себя.

Нудатов своих дерзких мыслей не таил. Говорил открыто, прямо, за что, собственно, и вынужден был расстаться с Самарой. В сравнении с этим городом Пенза была провинцией.

Клеменсов и не пытается выдать узнанное от Нудатова за истину в последней инстанции, за нечто безоговорочное, документально точное. Напротив, прямо и четко предупреждает: " Многое, даже из виденного и слышанного им (Нудатовым - Л.Б.), за долгий 40-летний промежуток, с 1848 по 1889 год, улетучилось из его памяти. И немудрено. Слава Тараса Григорьевича, эта прихотливая любовница, венчающая своих избранников обыкновенно после конца всех их житейских треволнений, слава поэта сверкнула много позже описываемого нами времени, и тогда только Н. узнал, с кем сталкивала его судьба". О том же дальше: "И теперь в воспоминаниях его, уже подернувшихся туманом былого, симпатичный образ изгнанника-поэта рисуется далеко не ясными штрихами. Время пощадило только отдельные эпизоды да и то выдающиеся, детальная же сторона столкновений Н. с поэтом закрылась непроницаемым флером минувшего".

Непроницаемый этот флер делает рассказы Нудатова не во всем, не целиком и полностью достоверными. Не каждый факт, не каждую строку вправе мы принимать без поправок - легко обмануться, запутаться, повернуть не в ту сторону.

4.

Касается это, всего больше, частностей: смещения некоторых эпизодов во времени, ошибочности, в предлагаемом рассказчиком контексте, отдельных имен.

"Начальником укрепления в это время был Ерофеев, личность легендарная..."

Нудатов его не застал. Но не застал и Шевченко, прибывший в Раим уже при Матвееве. Значит ли, что Тарас, как оказавшийся в укреплении раньше, не мог рассказывать все то, что записано от Нудатова его собеседником со ссылкой на поэта-старожила? Легенды о Ерофееве, основанные на событиях подлинных, жили, обрастали де-

талями, распространялись. Слышал их во множестве, передавал другом, в том числе новичку офицеру, и он, рассказчик увлеченный, остроумный.

Три таких рассказа о "подвигах" Ерофеева Клеменсов воспроизвел в лицах. О том как по пьянке искупал Ерофеев посреди Сырдарьи здешнего батюшку (предшественника отца Захария и тоже завзятого выпивоху)... как затеял он в винном угаре, "развлечения ради", поход на левый берег Сыра, трагически закончившийся для мирных кочевников, зато откликнувшийся наградами - "за доблесть" - начальнику укрепления и его присным... как "пошутили" над прапорщиком Лиф-ляндом, любившим прокатиться по окрестностям в гордом уединении...

(Устные рассказы Шевченко... Разве не заслуживают они внимания - хотя бы как блестки его живого, тонкого юмора? Под такими рассказами, часто анекдотами, не может быть, конечно, авторской подписи Тараса. Но противоречит ли это возможности его авторства -подлинного или приписанного, все равно?)

Нет, Ерофеева тогда уже не было (пусть даже царского повеления в отношении его увольнения все еще не последовало, а преемник значился исправляющим должность). Главное: дух

степного укрепления рассказы доносили, и это, понимал Клеменсов, само по себе оправдывало включение их в ткань статьи.

"При Матвееве пьянство и картеж процветали не менее..."

Нудатов начинал здесь уже при нем, но вот что характерно - историй, подобных ерофеевским, не запомнилось ни одной. Напротив, помнил личность незлобивую, доброжелательную. Вопреки утверждению, приведенному чуть ранее, Матвеев, лично отстранивший Ерофеева и до особого распоряжения принявший укрепление на себя, сумел прибрать к рукам многое и многих, установить пусть относительный, но все же порядок. Обстановка в Раиме была иной, хотя "пьянство и картеж" так скоро вытравить не смог бы никто.

"После своего назначения в Раим Матвеев... приставил часового к складу со спиртом и опечатал бочонки у маркитантов..."

Весь подтекст опровергает утверждение о незыблемости нравов укрепления, как равно и то, что Матвеев оказался не в силах противостоять пьянству - "махнул рукой да кстати и сам принял участие в общем разгуле".

Д.Клеменсов, автор вышедшей незадолго перед тем в Петербурге книги рассказов "По волнам" (1887), силой подтекста владел, а слушать умел не бездумно.

Помогали ему в статье и "оговорки". Будто мимолетные, и в то же время значительные, существенные.

"Со слов г.Н..."

Нудатов, мол, рассказывал так, но... можно ли доверять всему?

"Вообще вся жизнь поэта в Раимском укреплении рисуется нам, с о слов г.Н., крайне печальными красками; почти вся она проходила в ничегонеделаньи и разгуле. Редко Шевченко увлекался рисованьем какого-нибудь портрета, еще реже стихами, которые он тут же, прочтя кому-либо из приятелей, уничтожал".

Исходило это от Нудатова - человека, далекого и от поэзии, и от живописи. Профессионал-литератор Клеменсов в такое явно не верил. Ни в ничегонеделание Шевченко, ни в уничтожение им написанного тотчас по прочтении случайному слушателю. Все это прямо противоречило природе художественного творчества, на которую взгляд у него был иным - своим, собственным. Будь он, Тарас, эдаким, разве достиг бы вершин, остался в памяти и сердцах, завладел вселюдской любовью?

Внимательно, вдумчиво читая то, что вышло из под пера Клемен-сова-Монтвида, мы уясняем подлинные черты почитаемого им народного гения, находим прямые опровержения представлявшегося, "с о с л о в г.Н.", поначалу. Противоречия он уловил в тех же рассказах собеседника и - донес до нас, не сглаживая и не приукрашивая, как было на самом деле.

Не все оказалось доступным разумению прапорщика, и это тоже не' скрывает тот, кто волею судьбы приник к счастливому источнику, вдохновившему его на тридцать девять страниц в тетради большого формата с крупицами живых воспоминаний неравнодушного свидетеля раимских дней Т.Шевченко.

Мы к ним, этим страницам, будем еще обращаться. Критически, но с благодарностью. Без легковесной доверчивости и все-таки с уважительным доверием.

ЗНАКОМСТВА ДАВНИЕ И НОВЫЕ

1.

У батальонного командира майора Дамиса никакой нужды в радо-вом Шевченко не было, и где тот находится - в морской ли команде, на Косарале или где-то еще - разницы он не ощущал. В списках сих служивый значится живым, в бега не ударился - ну и ладно, что о нем и думать.

Если и думал о нем кто, так это Матвеев. Не часто, но вспоминал. Сколько еще оставаться ему в Раиме, как долго исправлять комендантскую должность, этого он не знал, не смел и предположить. Приказ от Обручева мог придти со дня на день - так почему бы до отъезда не свидеться с Тарасом снова? Скучнее, чем на Косарале, тому в укреплении не будет. Поживет, знакомых увидит, новых заведет -развеется.

Насчет лазарета, Бархвица и прочих, вполне уважительных, причин возражений быть не могло (и я их не снимаю), но все-таки на первый план выдвигаю доброе сердце Матвеева. Где договорились, к а к обставили - дело другое. Налицо факт главный: переселился.

2.

Жизнь тут шла , конечно, поживее.

Аборигены сетовали на оторванность от мира, скуку, беспросветную тоску, но ему - после Косарала - в Раиме нравилось. Столько людей, столько новизны... Раимские обитатели были, казалось, в курсе всего на свете. Знали, или делали вид будто знают досконально, что в Европе творится, а что в Хиве и за Хивою, как Петербург поживает и какие разговоры "в кругах" (новый заговор вроде бы раскрыли, государственной важности). Само собой, рассказывали об Оренбурге, Опекой, начальствах тамошних, знакомых людях.

Трудно было отличить правду от вымысла, достоверное от слухов. Но из изобилия информации выудить истинное все же легче, чем из ничего. Прояснялись, например, лишь теперь обстоятельства о р с к о и истории, жертвой которой стал комендант Левитский; многих знакомых, особенно среди оренбургских, скосила холера. Покойников были тысячи - хоронить не успевали.

Самые достоверные сведения насчет холеры оказались у прапорщика Нудатова, Он видел "все своими глазами, ужасы эпидемии испытал на себе.

Рассказывал:

- ...Жертвы этой страшной...болезни валились без счета, точно колосья под лезвием острой литовки...

- ...Умиравших уже не отпевали и десятками сваливали в общие могилы без всякого подобья гробов или даже саванов...

- ...Однажды мимо гауптвахты, где... стоял с караулом, промчался казак. "В аптеку, майор помирает!" - крикнул он знакомому часовому. Не прошло пяти минут, казак летел обратно со склянкой в руке и, поравнявшись с гауптвахтой, грянулся на землю... Солдаты бросились к нему и подняли уже труп...

- ...Все ждали последнего часа, народ бродил как потерянный, спал под открытым небом, не решаясь заходить в дома. Соборный протоерей Садольский (Содальский - Л.Б.) в разгаре эпидемии предложил всенародную исповедь, и тысячные толпы каялись вслух...

- ...В местных войсках болезнь произвела такое опустошение, что смены караулов производились раз в три или четыре дня,... солдаты и офицеры по неделям не заглядывали в казармы...

- ...Для предания трупов земле... ежедневно приводились из замка большие партии арестантов, целые дни занимавшиеся только рытьем братских могил да сваливанием туда очередных трупов... В один из таких страшных дней девять арестантов не выдержали и бежали...

Ответственность за побег пала на Нудатова, в тот день караульного начальника. Его, может, и оправдали бы, но совсем зеленый прапорщик "вздумал оправдываться непосильностью лежавших на нем и на всех низших офицерах обязанностей, и в этом духе дал письменные ответы на... запросы судной комиссии", что сочтено было "жалобой на начальство". Судить его не стали. Оставили "на холере", где он мог, и не раз, умереть. Господь уберег, но пущей острастки ради его отправили в Раим, что само по себе было наказанием не из легких.

("Чума з лопатою ходила, Та гробовища рила, рила, Та трупом, трупом начиняла і "со святими" не сшвала..." - повторял про себя Шевченко строки, родившиеся в нем при первых известиях об оренбургской холере. Своими рассказами прапорщик свидетельствовал п р а в д у его стихотворения - было это и приятно, и горько).

Подтверждение подлинности истории, за которую Нудатова наказали, - в одном из дел Оренбургского архива (ф.6, оп.6, д.12541, л.301-301 об.), 12 июня 1848 года городничий Оренбурга доносил военному губернатору: "Сего месяца II числа в 6 часов пополудни из Оренбургского тюремного замка послано было для работ на холерном кладбище 10 человек арестантов за препровождением 8 конных рядовых здешнего гарнизона. При обращении их в город... из числа тех арестантов сделали побег... успели скрыться..." Имени офицера в оперативном рапорте городничего не значилось, но речь шла о Нудатове - сомнений в том нет.

(И опять из шевченковского: "Гробокопател! в сел! Волочать трупи ланцюгами За царину - і засипають Без домовини; дн! минають...")

Нудатов, несмотря на небольшие свои годы, натерпелся премного. Продолжали донимать его и тут, в Раиме. Потом он вспоминал, как Шевченко помог ему полезным "юридическим" советом. Случилось это, когда от прапорщика вновь затребовали из Оренбурга ответы на казенные вопросы относительно исчерпанного, казалось, дела.

"Шевченков, к которому Н. обратился как к "опытном у, ком петентному" с вопросом, как поступишь, посоветовал ответить: "На сие имею честь уведомить военно-судную комиссию, что ответы на требуемые оной комиссией вопосы мною уже даны такого-то числа в бытность мою в Оренбурге", то-есть посоветовал сослаться на опав-дательную отповедь, собственно-то и вызвавшую ссылку г. Н. в Раим.

- Пуска-ка они там почухаются! - добавил советчик.

Расчет Тараса Григорьевича опавдался, и Н. больше не тревожили запросами".

Был Шевченко, как видим, не только слушателем.

3.

Сам Раим происшествиями не удивлял.

Месяца два назад, в середине октября, случился пожар. Было это на берегу озера Джилангач, неподалеку от вновь возводимой плотины. Солдаты вытряхивали трубки с непогасшим еще огнем в прибрежные заросли и не заметили, как начал гореть камыш. Сколько-то его выгорело, но потушили скоро и без особенного труда. Виновных отыскали сразу. Ими были Прокофий Данилов и Данила Бешкуров, рядовые четвертого батальона. Взяли под арест, посадили на гауптвахту, но дела затевать не захотели. "На первый раз простил", -докладывал Обручеву Матвеев. Правда, категорически запретил всем курить вне казармы и вообще жилых помещений. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6038).

От махорки и прочего зелья в казарме стоял густой, едучий дым

-можно было задохнуться. За дымом едва разглядел Михаилу Чемер-ду, знакомца своего в Орской, земляка из Галиции, ради которого сюда, собственно, и шел. Михаиле сидел на нарах понурый, неулыбчивый. Скучает по родным местам, по приятелям, оставленным в пятом батальоне, по украинскому слову. Тарас читал ему свои стихи - давние и новые. Вполголоса пели...

За месяцы после первого знакомства с Раимом в батальоне прибавилось штрафованных. От кого-то даже цифры услышал: 117 таких было в ранжирных списках рот, в том числе 59 присланных по суду. (ГПБ, ф. 120, оп.1, д.2478). В солдаты отдавали за разное все больше за политику. Как например, Вроблевского Еремея (или Евстахия - называли и так и сяк). Был он поляком, а учился на Украине. Знал, как оказалось, о кирилло-мефодиевцах, не чужими ему были фамилии Кулиша, Костомарова, читал "Кобзаря" и слыхивал об отдаче Шевченко в солдаты. Не думал, не гадал, что встретятся. И где ?!...

Длинный язык привел в солдаты Насонова. Служил он в1 батальоне N2, в самом Оренбурге.В Раим попал по своей воле. В былое время учился в семинарии, вот и вызвался поехать причетником в новую церковь. Чем день-деньской на плацу, чем треклятая строевая, так уж лучше псаломщиком, дьячком. И к людям ближе, а людям он сочувствует, соболезнует. Правда, отец Захарий...

О священнике Семихатове говорил едва ли не каждый. Ч у д и л святой отец беспрерывно (можно даже сказать беспробудно). За горя-1 чительное был способен на все. (Одно из его деяний Нудатов связал! с Шевченко, который, мол, "обещанием бутылки рома...заставил пол-1 кового священника взобраться "за делом" на крепостной бруствер";! пьяный отец Захарий "исполнил эту миссию при общем хохоте всего53 укрепления").

Церковь строилась. Неужто и в ней править службу забулдыге Семихатову ? Что, перевелись разве священники боголюбивые и добропорядочные? настоящие духовные пастыри? В далеком, унылом краю Бог людям нужен как отрада, как спасение. Но услышит, захочет ли услышать всевышний пьяные вопли безобразного попика? Уж лучше молиться самому, наедине...

...Якого ж ми раю

У Бога благаем?

Рай у серце л!зе,
А ми в церкву лізем,
Заплющивши О4і, -
Такого не хочем.
Сказав би я правду,
Та що з не! буде?
Самому завадить,
А попам та людям
Однаково буде.

Стихотворение, конечно, этой моей трактовки шире, но слышится мне в нем и мотив личного недовольства раимскими церковными порядками, а особенно непутевым батюшкой - посрамлением храма.

Встречи были на каждом шагу.

4.

Штрихи жизни в Раиме (поНудатову)

1. Однажды, сильно подгулявши на именинах Н., Шевченко в присутствии офицеров и своего ротного командира Богомолова дерзко рассказал следующий анекдот о том же Богомолове. "Помните, Э.В., как вы строили дамбу на берегу? Присылали вы в роту унтера взять три топора. Унтер взял топоры, а вечером пришел в роту и говорит: "Вот умный у нас командир! Я ему говорю:"прислали...спросить три топора", а он взял бумагу и давай писать. Раз написал -порвал, другой раз написал - порвал, третий написал - и опять порвал. "Вот поди ж ты, говорит, чертово письмо какое хитрое! Да я ж тебя перехитрю!" Взял четвертый лист и написал:"отпустить три топора". -Вот, говорит /унтер/, умный у нас командир, какое хитрое письмо, а и то написал"...

II. Над консервированием пищевых веществ хлопотали и в ту пору. Генерал Обручев не отставал от других и выдумал сушеную капусту. Насушили целые горы капустных листов и разослали а разные подведомственные изобретателю места для наполнения выносливого солдатского брюха. В число объектов наблюдения попали раимский гарнизон с Тарасом Григорьевичем. Из консервированной капусты наварили какой-то бурды и торжественно, в присутствии всего крепостного начальства, дали солдатам испробовать. Солдаты поморщились, хлебнули раз, другой и позасовывали ложки, по обычаю, за голенище.

- Хорошо? - спрашивает Матвеев.
- Так точно, ваше высокоблогородие!
- Почему же не едите, или не вкусно?
- Так точно, ваше высокоблогородие!
- Ну, что ж, выбросить что ли?
- Рады стараться, ваше высокоблогородие! - обрадовались солдаты.
- Я знаю, что вы рады бы, да казенное добро бросать зря не годится.
- Что ж делать с ней? - задумался Матвеев.
- Киргизам заместо табаку, ваше высокоблогородие! - предложил чей-то изобретательный голос, и весь транспорт капусты действительно ушел к киргизам, охотно выменивавшим и курившим это зелье...

Штрихи раимского еще (Матвеев - Обручеву).

III. Кичкене-Чиклинского рода Джакаимова отделения старшина Байсалбай Байчукин, 23-го минувшего февраля, вошел ко мне с рапортом, прося о принятии на Раиме баранов с управляемого им Бердыгулова и других подразделений, за кочевание в степи, так как ныне, за водворением здесь спокойствия, они не намерены откочевывать к линии. Вместе с сим Байчукин просит с одноотделенцев его, не имеющих скота и занимающихся хлебопашеством, взыскать вместо баранов хлебом, сообразно с ценностью барана..." (ГАОО, ф.6, оп.16, д. 16, л.3).

IV. "...В отношении количества сбора хлеба я полагаю на первое время ограничиться тремя пудами ячменя, пшеницы или проса с каждой кибитки, которое количество, сколько известно мне, здешние киргизы не считают отяготительным..."(Там же, л. боб.)

В жизни Раима было все: и серьезные вопросы внешнихснош ений, и военная служба с караулами, с походами, и о б ы к н о в е н н о е житье отстраненного от всего света поселения с его типичными, невесть когда сложившимися, нравами. Сюда эти нравы пришли готовыми, переделать их не смог бы никто. Да никто и не пытался - за явной бесполезностью попыток. Разве что Матвеев, старавшийся, сколько мог, потушить пьянство... Но как ни старайся, глухомань к тому не располагала.

БАРХВИЦ, ДАМИС И "ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ"

I.

Свое заявление насчет того, что при Дамисе "собственно, и начались для Шевченко тяжелые дни", Нудатов не подтвердил никак.

"Неуживчивый, требовательный и всеми нелюбимый человек.." Характеристика, вероятно, верна, но как проявились не лучшие качества майора в отношении к данному нижнему чину, не явствует ни из каких свидетельств, а тем более документов.

Их имена, насколько установить удалось, сошлись только в одном известном нам комплексе деловой переписки. Касалась она взыскания долга с подпоручика Бархвица и для Шевченко закончилась огорчением. Вместо долгожданных денег, шестидесяти восьми рублей и тридцати копеек, одолженных тому из лучших побуждений, под частное-благородное слово, еще в Орской крепости.получил он пшик, и подозрение в оговоре его благородия, и явное недоверие со стороны Дамиса, взявшего сторону пусть бесчестного, но офицера.

Может это, а не что иное, Нудатов и имел в виду под "тяжелыми днями" рядового Шевченко в связи с "неуживчивым, требовательным" Дамисом? Подробности забылись -ощущение осталось. Что ж, любая несправедливость, любое разочарование ранили чуткое сердце поэта. Наивно честный во всем, не мог он жить под тяжестью чьего бы то ни было сомнения в его порядочности. Не поверил Дамис - могут не поверить и другие. Как им докажешь, если всего- навсего солдат?

2.

А теперь - к истории с долгом и тому, что завязалось вокруг этих рублей. Денег по тем временам немалых, для Шевченко же с его п у стыми карманами особенно.

В начале января 1849 года Бутаков докладывал Дамису следую-щее:" Находившийся в морской кампании вверенного Вам батальона рядовой Тарас Шевченко объявил мне..." Впрочем, цитировать черновик не стану: в поисках более четких формулировок Алексей Иванович многое зачеркнул, многое надписал поверх строк; смысл ясен, но текст не для буквального воспроизведения. Да нам, конечно, смысл и важнее. Бутаков доносил, что еще "перед вступлением в степь" Шевченко заявил о невозвращении ему долга в сумме 68 рублей 30 копеек серебром и вот теперь просит "о взыскании означенной суммы с подпоручика Бархвица и высылке ее в Раим".

Дамис, разумеется, мог рапорт начальника экспедиции переправить командиру пятого батальона в Орской и даже в штаб бригады или дивизии, в Оренбург. Но рассудил он по своему и запросил Бутакова официально; означенный рядовой справедливость претензии подтвердить может? В ответе, последовавшим быстро, содержались уже некоторые подробности. Заем был сделан подпоручиком "по случаю отъезда своего из Орской крепости в Оренбург". О займе этом, сообщал он, было известно командиру рядового Шевченко штабс-капитану Степанову, но не известно батальонному командиру. Объяснительная записка имела дату январскую, писал ее Бутаков в первые недели года (вытекает это уже из самой нумерации документов: один шел под номером шестым, другой под

четырнадцатым).

На последующих листах дела (ЦНБ АН Украины, отд. рукоп., ф. 1, N 1186, л.64) продолжения переписки нет. Она, однако, не заглохла. Соответствующий запрос уходил в Орскую и не него был дан ответ: Бархвиц от долга отказался, больше того- заложное предъя вление претензии попросил поступить с зарвавшимся рядовым по всей строгости законов. Свидетельство подпоручика своей подписью скрепил майор Мешков.

Шевченко оказался перед угрозой гауптвахты. Может даже суда, с приговором по всей форме.

Произошло все это необыкновенно оперативно. Исхожу из документа, воспроизвести которой намерен чуть дальше. Из него, документа официального, явствует, что ответ из Орской с опровержением "клеветы" на Бархвица, в Раимское укрепление, к Дамису, прибыл совсем скоро. Уже 1 февраля майор письменно констатировал факт: подпоручик от "займа" отпирается, а за навет требует суровогопокарания виновника.

(Могу ли я, вправе утаить еще один поворот в своих рассуждениях о причинах перемещения Тараса:

- А не был ли приезд его в Раимское укрепление с самого н ач ала исполнением воли Дамиса призвать не утихомирившегося нижнего чина к тому самому ответу, на котором настаивал Бархвиц при явной поддержке Мешкова? Не гауптвахта ли дожидалась "злокозненного" рядового, дерзнувшего на посрамление офицерской чести?)

Но приведу обещанный документ, впервые обнародованный сто лет назад, в "Киевской старине" 1891 года. Это "Список с рапорта и.д. начальника Раимского укрепления г. начальнику 23 пехотной дивизии от 10 апреля за N 901".

Полный его текст такой:

"Состоящий на службе а Раимском укреплении, а ныне в числе экипажа описной экспедиции Аральского моря линейного оренбургского N 4 батальона рядовой Тарас Шевченко объявил мне, что батальона N 5 подпоручик Бархвица состоит ему должен шестьдесят восемь руб. тридцать копеек серебром, и просил ходатайства моего о взыскании с подпоручика Бархвица следующих ему денег, присовокупляя в числе доказательства, что о займе этом зимою 1848 г. во время служения Шевченко в батальоне N 5-го известно ротному его командиру штабс-капитану Степанову, кото- рый засвидетельствовал о том и г. командиру бригады; Шевченко расписки от Бархвица не имеет, но говорит, что давал в заем по случаю отъезда подпоручика Бархвиа в гор. Оренбург; между тем, по отзыву командующего батальоном N 4 от первого минувшего февраля за N 946, Бархвиц от этого займа отказался и просил поступить с рядовым Шевченко по всей строгости законов, будто бы за ложное предъявление претензии, и командующий батальоном N 5-го, которому обстоятельство дела было сообщено подпоручиком Бархвицем, не спросив даже удостоверения штабс-капитана Степанова, сообщает командующему батальоном N 4-го только об отзыве Бархвица и его требовании.

Обстоятельство это представляя на милостивое благоуваже- ние вашего превосходительства, честь имею почтительнейше испрашивать зависящего распоряжения о законном удовлетворении рядового Шевченко и ограждении его от подобного вышеизложенному притязания.

Подписал полковник Матвеев Скрепил подпоручик Богданович

С подлинным верно: И.д. секретаря И. Г е и е р" ...Значит, вмешался Матвеев. Матвеев и пересилил Дамиса, отведя от Шевченко руку карающую.

3.

Даты во внимание принимаю. Между концом января и десятым апреля, которым помечен приведенный рапорт, срок пролег изрядный. Матвеев, по всему судя, у б е д и л Дамиса не спешить с выполнением требования Бархвица насчет наказания Шевченко повсей строг ости законов, использовал свой авторитет - и должностной, и человеческий, - чтобы не подвергнуть без того страдающего Тараса новым невзгодам.

Убедил и-отстоял. Доброхотов Бархвица в Раиме не обнаружилось. Все, кто его знал, отзывались об орском подпоручике без всякого уважения. Мало того, у каждого из них находились свои доводы в подтверждение не лучших качеств сей личности. Следствия, конечно, Матвеев не вел, показания не снимал, но веские аргументы накапливал. Придет время - использует. А пока хорошо уже то, что Дамис Шевченко не замечает. Убедил и его: до поры до времени справедливости не добиваться.

Время приспело в апреле. Тогда-то и написал свой рапорт А.А. Толмачеву. В обращении к начальнику дивизии он вполне определенно встал на сторону Шевченко. Да, расписки тот

опрометчиво не взял, но штабс-капитан Степанов факт дачи денег подтверждает и даже свидетельствует это (устно? письменно?) "г. командиру бригады". (Выходит связывался на сей счет и со Степановым, и с Федяевым...)

Недвусмысленно пишет: "...б у д т о б ы за ложное предъявление претензии..." Как ни читай, налицо прямое сомнение в честности Бархвица, его порядочности. Претензию Шевченко считает он отнюдь не ложной.

И вполне логичный вывод: рядовой должен получить "законное удовлетворение", его надо оградить от поползновений, притязаний, "подобных вышеизложенному", от любых попыток свести с ним счеты.

...Как тут не вспомнить свидетельство Ф. Лазаревского: "... от всяческих взысканий и строгостей батальонного начальства нашего Кобзаря хранило доброе-расположение бравого казака Матвеева?"

Тарас получал предметный урок доверия и доверчивости. За доверчивость, исходившую из доброты души и всегдашней готовности порадеть ближнему, наказывала его сейчас жизнь.

Доверие к росказням Бархвица, вроде бы вполне убедительным, оборачивалось уже не сомнением, но уверенностью, которая не давала покоя: оказался "приятель" не т е м, за кого себя выдавал, обвел простодушного своего слушателя вокруг пальца, наговорил невесть! что, а тот и уши развесил.

Сказано: "Вели Бог подать, не вели Бог простить". И еще: "Дураку и Бог простит". Только до чего ж обидно в человеке разочаровываться! Будет тебе, старый дурень, наука...

Имел он в виду уже не позыченные сдуру деньги, но крушение в в е х иллюзий в отношении Бархвица. Начиналось оно еще в Орской. (Об ' этом - в книге предыдущей, в главе "...Об Б... я чув...") Там, в пятом' линейном, узнал Шевченко о причастности подпоручика к нашумев-; шей истории с устройством побега Шимона Конарского группой офицеров под началом Аглая Кузьмина-Караваева. За участие в бла-городном том деле и попал его Орский знакомый на службу в эту крепость. Пусть не разжалованным в рядовые, пусть а прежнем чине - только "Яман-кала" представлялась ему местом каторжным для человека любого. Сочувствовал душевно, готов был чем угодно помочь -, хоть и узнавал о нем со временем недоброе, хоть и настораживали предупреждения друзей. Предупреждениям все-таки не верил. Думал: ошибаются, напраслину возводят. А напраслины-то и не было... Предал его, Шевченко, значит предал и товарищей по делу, вошедшему в историю... торговал совестью своей в Орской... Жаль: раскусил эту мелкую, подлую душу слишком поздно.

Свою оплошность он будет помнить долго. Имя Бархвица появится впоследствии в его Дневнике 1857 года. "Искорени друзей, подобных...Бархвицу..." "Плевелами", возросшими " на ниве благороднейшего чувства" - дружбы, поименует Тарас названную в записи троицу (Афанасьева, Бархвица, Апрелева). Двух первых пометит и еще более хлестко: "дрянь, мелочь". В свое время, раздумывая над этими строками, я предложил такой комментарий к упоминанию о Бархвице: "Бархвиц Станислав Августович, будучи прапорщиком ревельского егерского полка, принадлежал в 1838-1839 гг. к группе русских офицеров, созданной подпоручиком А.Н. Кузьминым-Караваевым с целью организации побега одного из руководителей польского революционного движения 30-х годов Шимона Конарского. Отказавшись после ареста от декларированных им политических убеждений и, судя по всему, оказав следствию ряд "услуг", был оставлен на военной службе в прежнем чине, но с переводом в пятый линейный батальон Отдельного Оренбургского корпуса. В Орской крепости, где служил с 1841 года, старался зарекомендовать себя ревностным и политически благонадежным службистом, результатом чего явилось производство его в ччн подпоручика. Моральная нечистоплотность этого "еловека сказалась в отношении к своим слугам и товарищам по службе. Небезосновательны подозрения его в авторстве ряда злонамеренных доносов. Известен случай, когда Бархвиц, одолжив у Шевченко в Орской 68 рублей 30 копеек серебром, от возврата долга в дальнейшем отказался, мало того - потребовал привлечь рядового к ответственности будто бы за "ложное" предъявление претензии. Шевченковская оценка сего лица ("дрянь, мелочь") - свидетельство его отношения к политическим отступникам и вообще людям безнравственным".

Так оно и было - сомнений у меня нет.

Жизнь преподавала ему урок за уроком.

ЧТО ТАМ, НА КОСАРАЛЕ?..

I.

Живя в Раиме, Тарас все время ощущал свою причастность к экспедиции Бутакова, чувствовал себя непременным ее сотрудником. Это он соблазнил Лаврова испросить у оренбурского начальства дозволения вместе отправиться в будущий морской поход; тот, после рассказов Шевченко, настолько разохотился, что представил на губернаторское имя соответствующий рапорт, а теперь лелеял надежду - отказа не будет.

Вместе перечитывали они в канцелярии Матвеева копию предписания В.А. Обручева Бутакову; корпусной командир с присущей ему дотошностью старался предусмотреть каждый момент и прожитой, и предстоящей аральских компаний.

"Пред выходом в море в лето 1849 года, - настаивал он, -вы... не упустите из виду проверить хронометры и окончить в точности возложенное на вас поручение по обзору Аральского моря и снятию берегов оного. Основанием к последнему будут определенные вами астрономические пункты. Берега заливов, удобных для якорных стоянок, и мест особенно замечательных определить сетью треугольников, а остальные и дополнительные очерки берега - посредством компаса и дальномера, а около рек в море определить, далеко ли простирается влияние этого течения и в какую сторону..." (ГАОО, ф.6, оп.Ю/2, д.2, лл.4-7 об.).

Лавров, читая инструкцию Обручева, равнодушно переступал через эти, ни о чем ему не говорившие, строки - никаких ассоциаций они

в нем не вызывали. В поход он намеревался идти лекарем, ему все эти треугольники и дальномеры представлялись чем-то совершенно чуждым, забивать ими голову не желал.

Примерно так относился прежде ко всем этим словесным премудростям и Шевченко. Относился до того, как пустился в прошлогоднее плавание. Теперь все, что предписывал главный начальник края, было ему понятно. Каждая строка, каждое слово обретали совершенно реальный смысл, представлялись воочию, зримо и ощутимо. Даже отсюда, из Раима, виделось ему сейчас, как и чем занят добросовест*?, нейший Алексей Иванович, как скрупулезно готовится к маю1 Поспелов, что делают Истомин, матросы, все другие участники экспедиции. До следующей кампании вроде бы и не так близко, но в работе дни не ползут, а бегут - их, этих дней, всегда не хватает. Представлялось как разворачивается астрономическая съемка, как о проверяются вооружение и снаряжение шхун... Даже совестно было, что он не там, не с командиром и товарищами.'

Еще в первые дни по приезде в Раим Тарас поздравил Бутакова с получением диплома действительного члена Русского Географического общества, собственноручно подписанного великим князем Костантином Николаевичем.

Из Петербурга этот документ был отправлен 14 октября 1848 года. Отправитель просил генерала Обручева доставить "прилагаемый при сем пакет... находящемуся в экспедиции для описи берегов Аральского моря лейтенанту А.И. Бутакову". В канцелярии военного губернатора по прибытии пакета сделали помету: "Отправить к подполковнику Матвееву для доставления г.Бутакову". С соответствующей сопроводительной пакет ушел дальше. (Указ.дело, лл.13-14). Три месяца потребовалось, прежде чем было преодолено расстояние между северной столицей и степным укреплением, и документ, Бутакову приятный, попал к нему в руки. Начальник описной экспедиции вручил его., самому себе, сам же поздравив себя с авторитетным признанием собственных .заслуг ученым миром -синклитом географов, путешественников, исследователей российских земель и вод. В январском письме к родителям не преминул он отметить: "общество географическое избрало меня само, без малейшего домогательства с моей стороны..."Сознание этого радость усиливало.

...Диплом был не ему, Шевченко. Но пакет из Петербурга воспринял как событие личное.

2.

У всех, кого можно было расспросить, выспрашивал Тарас о том, что происходило на Косарале. Туда, однако, в эти месяцы наведывались реже, сведений поступало мало. Посему-то и приписал в письме Лаврова к Макшееву: не может, не в силах "сообщить ничего нового о тамошнем житьи-бытьи любезного А.И."

Ничего нового это, конечно, не ничеговообще.

О жизни на Косарале, настроении Бутакова и образе его мыслей в то время, когда Шевченко обитал уже в Раиме, определенным образом свидетельствует письмо от 29 января 1849 года, частично процитированное или изложенное раньше.

Начну с того, на чем прервал пересказ бутаковского письма при начале этой части.

Итак-

"...оренбургские дамы прислали мне целую кипу французских и немецких газет, так что мне будет известно все, что творилось в сумасшедшей Евдоропее (как выразился мой приятель, есаул Уральского казачьего войска Черторогов). По правде сказать, в Евдоропее не творится ничего путного: люди беснуются, режутся, говорят и делают глупости, но больше всего меня потешают немцы: они как будто уговорились опрокинуть кверху дном мнение мирзы Фируза, который говорил Ходже-бабе, описывая ему разные роды неверных: "Есть там немсе-гяуру, народ поистине добрый, трубкокуривый м безвредный; мы, им не раз мяли кости и даже ходили войною под самую столицу". И вот наши немсе-гяуру, вместо того, чтобы оставаться трубокуривыми и безвредными, шить сапоги и делать различные сосиски, вдруг вздумали поднять полундру!

У нас no-соседству все спокойно; носятся слухи, что блудливая кошка хивинская намерена сделать на нас нападение, а в особенности, что они желают сжечь наши суда.

Мне писали из Оренбурга, что там был хивинский посол, преглу-пейшее животное, требовавшее от имени своего хана, чтоб мы сняли укрепления Раимское и Новопетровское (на Каспийском море), на что ему был дан из Петербурга ответ: "Если русский царь воздвиг где-нибудь укрепление, то не снимет его ни по чьим требованиям; оно воздвигнуто с миролюбивою целью, для покровительства, против разбоя, торговле и промыслам. Вместе с тем хану было дано почувствовать, что он не очень крепко сидит на своем троне и может свалиться с него.

Хивинский хан наводняет степь рассылаемыми по киргизам прокламациями против неверных урусов. Его фирманы начинаются так:

Во имя Аллаха!

Слава отца величия и непобедимогоМухаммеда-Мин-Бага-дур-хана, и прочиеобразцы этих прокламаций я вам написал в моем прошлом письме.

Решительно, хан сходит с ума и поплатится за это.

Башкирец Насыр... правду говорил, что "хивинска хан дурака". Вскоре после нападения хивинцев на наши транспорты в степи, когда мы еще шли к Раиму, он подъехал ко мне:

"Ты не знаешь, наша царь возьмет Хивам?"

"Не знаю, Насыр".

"Хивам надо взять. Хивинска хан дурака. Как он смеет нападать на русака? Русска царь старик добрый, смирный, а когда рассердится, так велит взять хивинска хан и посадит его на уструв, где издох П унабарда, среди к и я н ы (океана)".

"А ты почему знаешь Пунабарду?"

"Я гулял на 12-й год и много убил француза".

А, право, не мешало бы посадить хивинского хана хоть не на тот уструв, где издох Пунабарда, а, пожалуй, на один из открытых мною островов. Большая часть его собственных подданных того же мнения: он разоряет их вконец своими требованиями. В особенности ужасна нищета несчастных киргизов, о которой, не видавши, нельзя составить себе даже понятия; глядя на них, удивляешься живучести человеческой; они едва одеты, живут в прозрачных кибитках, продуваемых насквозь морозными ветрами, и едва не умирают с голода. Довольно сказать, что кочующие по Сырдарье киргизы были ограблены 4 раза в течение каких-нибудь 8 месяцев! И как ограблены! Хивинец жжет и уничтожает все, чего не хочет или не может забрать с собою.

Варварства этих подлых разбойников превосходят всякое описание, и завоевание Хивы нами было бы величайшим благодеянием для всех подданных хивинского хана. Бог весть, когда это будет! А дорога проложена и, могу сказать, проложена мною; стоит привести сюда парохода два в 40 сил, уголь превосходный есть, да бросить человек 1000 на берега ханства у Амударьи - этого за глаза

станет, потому что при первом появлении русских все киргизы, каракалпаки и большинство туркменов переходят к нам. Для доставки же пароходов, разумеется железных, понадобится не более 600 башкирских телег, которых ежегодно ходит в степь по 3 и по 4 тысячи.

По случаю ожидаемого прибытия хивинцев, кроме широкой май-ны, которую я постоянно поддерживаю, я велел вокруг судов очистить лед сажен на 15: хивинцы лошадей своих не подковывают, а спешиваться не любят, следовательно им весьма плохо придется на гладком льде, под огнем выстрелов из орудий, ружей, и вряд ли они слишком пламенно примутся за истребление судов, которые им весьма не по нутру. Вообще хивинцы считают русских опасными

чародеями. Один из моих здешних приятелей ходил по льду через море на остров Кугарал, в гости к своим родственникам, и те рассказывали ему, что они слышали от каракалпаков будто у хивинских берегов показалась на море белая гора, превысокая, которой вершина разговаривала с небесами; гора эта то показывалась, то ныряла в воду (я отлавировывал от хивинского берега, к которому инструкция запрещала мне приближаться, но к которому меня принесло крепким ветром); то был огромный русский каюке 1000 человек и множеством пушек (у страха глаза велики), с корабля все втыкали в воду черные колья (я промеривал черным футштоком). Узнав об этих кольях, хан приказал каракалпакам повыдергивать их, считая эти колья указанием места, где русские хотят строить крепость; но каракалпаки отказались наотрез, говоря что они не могут этого сделать, так как колья заколдованные, и что скорее пусть хан велит рубить их головы, если такова его воля...

...Ход осетров еще не начался, но должно ожидать, что они явятся в Дарье на масляницу. Недавно был пойман один икряный, и, разумеется, приказчики компании тотчас же поднесли свеженькой икорки наместнику царскому на Косарале, а тот со своей стороны весьма милостиво скушал эту икорку. В 12 верстах от Раима убили недавно тигра, который,как говорят, еще больше моего; у него в когтях был уже один уральский казак, которого, к счастью, спасла меховая шапка; тигр начал теребить ее, а в это время подоспели на помощь другие казаки и убили зверя..."

Письмо касалось многого.

И желания Бутакова потешить отца, потрафить его давнему увлечению коллекционера-нумизмата: "...Для вас, тятинька, у меня есть одна бухарская серебрянная монета и несколько мелких хивинских; на последних не видно никакой надписи, никаких изображений, точь в точь как на наших, вышедших из употребления, стертых старинных гривенниках и пятиалтынных".

И всегдашнего интереса к делам семейным:

"...Где братие Ивановичи? По каким морям носятся они?"

И охоты по-мужски приласкаться:

"...Тысячу раз целую ваши руки и обнимаю вас. Х о ш а м а н ! Сау-бул, сау-бул!11 (Будьте здоровы). Благословите на предстоящие подвиги на море, куда думаю отплыть в начале апреля". (ЦГАВМФ, ф.4,д.82,лл.81-84об.)

Это письмо, как предыдущие, а равно последующие, говорит об одном и том же: ему, Алексею Бутакову, угодно, чтобы в далеком

Николаеве за него не переживали. Угодно выказать себя и сильным, и умным, но не показаться хвастуном. Угодно поведать о всяких ьруд. ностях, но не переборщить с ними. Читать наверняка будут многие. Тем более охота предстать перед всеми в лучшем свете. Да, беглы, да, мимолетны, но в то же время вполне выразительны, набросанные им эскизы бытия. О жизни на Косарале он не р а п о р т у е т, но пишет свободно, раскованно, с юмором. Письмо несет в себе обаяние его личности, и под пером возникает сама эта личность: увлеченная' делом, глубоко человечная, во всех отношениях симпатичная.

Симпатичная, разумеется, и узнавшему его всего считанные месяцы назад Тарасу Шевченко...в то время в Раиме. Что касается "рационализации" убийства зверя, "технические способности" такого рода, как, впрочем, и любого другого, прямо противоречили складу его ума, не говоря уж о доброте души, не способной на расчетливое убиение живого. Да и не так убили тигра под Раимом: за нападение на человека и во спасение его, уже обреченного.

...Шесть "самостреляющих" ружей (тем более как изобретение Тараса), "великое удовольствие", испытанное им от убийства, -легенда не из удачных, характеру Шевченко противоречащая.

3.

Писано письмо уже в отсутствие Тараса на Косарале. Но привносит оно кое-что и в летопись его дней.

Исключает из нее очередную раимскую охоту на тигра, когда, якобы, зверь "убит был... при деятельном участии Тараса Григорьевича". По рассказу Нудатова, уничтожение кровожадного хищника являлось заслугой не кого иного, как стратега этой операции -...Шевченко.

- А "охота" Шевченко происходила при следующих условиях: однажды четверо казаков ухлопали огромного кабана. Тушу вытащили кое-как из камышей и бросили на берегу, предполагая наследующее утро прислать за нею телегу, но на утро половина двадцатипудовой туши оказалась съеденною, причем на песке остались несомненно следы присутствия тигра. На собранном по этому поводу солдатском совете Тарас Григорьевич предложил оставить тушу на месте, но прямо к ней насторожить несколько ружей. К последним от туши провести бичевки и приспособить их так, чтобы тигр, зацепивши свой ужин, непременно спустил все курки. Тарас Григорьевич тут же устроил модель приспособлений на особых рожках, и охотники уставили свою засаду. На следующее утро, к великому удовольствию Тараса Григорьевича, тигра нашли убитым, но на расстоянии полуверсты от места катастрофы! Шесть ружей выпустили свои заряды, шесть пуль всадили в зверя, но он имел еще силы отойти на полверсты. Шкура этого царя камышей, не считая хвоста, была не менее четырех аршин в длину....

История, что и говорить, складная, "сюжет" ее определенно взят изжизни, но Шевченко к ней никакого отношения не имел. "Убили н е д а в н о" в письме Бутакова напрочь исключает пребывание Тараса

4.

В марте, на первых его неделях, поздравил он Бутакова с еще одной доброй переменой. Лейтенант флота был произведен в чин капитан-лейтенанта. А несколько дней спустя Шевченко узнал о рапорте своего начальника генералу Обручеву: "Осчастливленный всемилостивейшею наградой, беру смелость почтительнейше представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, что один я никак бы не мог достигнуть результатов, удостоившихся одобрения, если б у меня на было усердных и деятельных помощников..." Ходатайствовал о "высочайшей награде" Поспелову, делил оказанную ему милость со всеми, которые вправе были почувствовать, получить признательность "за прошлогоднюю кампанию".

Это был шаг, достойный такого благородного человека, как потомственный русский морской офицер Бутаков.

Награда возбуждала надежду и у Шевченко. Может все-таки сработает, сбудется дарованное ему "право выслуги"... Может оно в приговоре и не для красного словца записано...

Резолюцию Обручева на рапорте капитан-лейтенанта - появилась собственноручная в середине апреля - Шевченко увидеть не мог.

Генеральский карандаш рекомендовал Бутакову дождаться окончания всей кампании. Значит, и той ее части, что п р и б лижалась.

Надежда надеждой, а надо было и зарабатывать. Зарабатывать в Раиме мог он только карандашом или кистью. Безденежье угнетало.

УТРАЧЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ

I.

Учитываемо в его живописно-графическом наследии должно быть все.

И то, что действительно написал, нарисовал. И то, что задумал, собирался сделать.

Известное и утраченное. Неотысканное, но искомое. Не значаще*-еся в розыске, а того требующее...

В перечне ненайденных работ и такая раимская, которую искать абсурдно - не найти ни при каких обстоятельствах. Это дружеский шарж, а может карикатура, и знаем мы о ней лишь из свидетельства Нудатова.

- Дочь Цыбисова, хорошенькая девятнадцатилетняя брюнетка, влекла к себе все сердца укрепления. Наиболее сильно такая любовная горячка сказывалась в первых числах каждого месяца, когда головы офицеров еще не успевали прийти в норму после непрерывных возлияний Бахусу. Бедная девушка в эти числа выслушивала по десятку предложений, забывавшихся, однако, виновниками на другой же день по вытрезвлении. Вот на этот-то наплыв матримониальных чувств в пьяные сердца Шевченко нарисовал карикатуру. Он изобразил всех ухаживателей направляющимися к дому Цыбисова прямо из палатки маркитанта. Тут среди других офицеров Тарас Григорьевич изобразил и четырех наиболее близких своих приятелей - поручиков Эйсмонта и Нудатова и двух докторов - Лаврова и Килькевича. Виновница демонстрации сидела в объятиях матери у входа в юламейку, а над ними в позе боксера высилась фигура негодующего отца семейства, лопатою угрожающего наступающим женихам. Эта большая, около аршина в длину карикатура была н абросана на большой чистой доске обыкновенно го деревянного некрашенного стола, стоявшего в палатке-Кому придет в голову намерение искать тот стол и ту доску с изображенной Шевченко - пером? мелом? углем? - группой реальных, узнаваемых, но пародийно, или даже сатирически, преподанных лиц "местного общества"?

Да, всплеск такой был. Да, сделал и это. Как от сообщения отмахнуться - тем более, если работ художника в жанре пародии до нас почти не дошло? Но разыскивать "большую, около аршина в длину карикатуру", повторяюсь, не станем, памятуя хотя бы о том, что в любой палатке мог быть всего один стол и предназначалась его поверхность отнюдь не для упражнений художественных. Посмотрели, повеселились и - вернули доске ее прямое назначение...

А вот как не искать реальное и еще, возможно, живое? Реальное, но не найденное оттого, что поиска его и не в е л о с ь? Не на доске выполненное - на листе бумаги? И не на одном каком-то листе - н а многих?

Как отмахнуться от целой портретной галере и?!

Снова выписки из сообщенного Нудатовым. На первый взгляд, противоречивые, чуть ли не взаимоисключающие.

"Редко Шевченко увлекался рисованием какого-нибудь портрета..." Портреты, выходит, рисовал редко. Но как же то, что вслед за этим? Заявление такое: он-де "...попросту сам напрашивался, предлагай свои услуги снять портрет с кого-либо"? Или еще более определенное: "Единственным денежным ресурсом его были портреты с сотоваришей, за которые он получал обыкновенно по червонцу за каждый..."?

К сожалению: "офицеров в укреплении было очень не много".

Но даже если основываться на фамилиях, названных Нудатовым, то их - и портретов! - окажется достаточно много.

Как же тогда понимать утверждение насчет "редко"?

Так и понимать: рисовал много, однако работа увлекала его далеко не всегда.

Увлекала ли, не увлекала - рисовал.

Разнообразил интерьер, позы - искал свои средства выразительности.

"В одну из...поездок к бию... лежа на разостланной у биевой палатки кошме за кирпичным чаем, Шевченко предложил г-ну Н. снять с него портрет в настоящей его позе и обстановке..."

Несмотря на отговорки Нудатова, портрет "был снят". (Конечно, это случилось не в феврале и даже не в марте -у палатки тогда было еще холодно; но уже апрель такой работе благоприятствовал).

Еще один портрет его самого - выполненный тушью - упомянут Нудатовым чуть раньше.

Где они, эти работы? Что с ними сталось? Неясно... И это при том, что жизнь Нудатова, благодаря Клеменсову-Монтвиду, прослежена до начала 90-х годов.

С другими такого не случилось. Биографов на всех других не хватило. И если не воспоминания этих "других" , то их с у д ь б ы "реконструировать" придется нам самим, спустя век, даже около полутора.

И галерею в примерном ее составе тоже.

Ранее всего, выспросим у Нудатова возможный состав портретированных лиц. Некоторых он и упоминает-то в этом кон-стексте, не прямо, так косвенно свидетельствуя: портреты быть м о г л и.

Выпишу всех поименно.

Лифлянд, Килькевич, Лавров, Богомолов, Эйсмонт, Ковальский, Васильев, Салецкий, Шкупь, Богданович.

Ерофеева не было - начальствовали Матвеев, Дамис.

"Кроме упомянутых в настоящей статье и кроме казачьих офицеров..." Казачьих офицеров Нудатов не называет; но, знаем, служили и Марков, и Черторогов...

А отец Захарий с "матушкой"?

А чиновники?

Список будет уточняться, условная галерея проясняться.

Приспело время взяться за индивидуальные биографически е портреты.

3.

Сначала "четырех наиболее близких приятелей".

Примем на веру градацию заинтересованного Нудатова. Что поделаешь- других, опровергающих его, мемуарных заметок до нас не дошло.

О Нудатове уже было, и довольно подробно. На очередитрое из четверки.

В порядке, определенном свидетельством очевидца и участника тех эпизодов из жизни Шевченко в Раиме.

"Поручик" Эйсмонт. Поручика я взял в кавычки лишь точности ради; был он тогда всего-навсего прапорщиком. В этом чине пребывал и год спустя, когда стал-таки мужем той самой семнадцатилетней (Нудатов прибавил ей годы) дочери провиантского чиновника Цыбисова, анастасии - персонажа шевченковской карикатуры, объекта воздыханий молодых офицеров Раима. Он обошел всех других, одержав победу в нешуточной битве за "сердце красавицы". Но произошло это уже тогда, когда Шевченко оставил, и давно, Раимское укрепление, находился от него далеко-далече. При нем Эйсмонт Густав Карлович принадлежал кпольским знакомым Тараса. Он был одним из тех, кто оказался в этом крае не по собственной воле. Не ссыльным или солдатом, но...не там, где быть хотелось. С годами выслужится, создаст семью, в общем остепенится. Все будет... все...

Сейчас Эйсмонт служил адъютантом 4-го линейного батальона, был его "начальником штаба". В этом качестве его имя значится под перепиской "о присылке письменных сведений на переведенных в батальон N 4 нижних чинов", в том числе Шевченко... Дружба дружбой, а служба службой.

Доктор Лавров. Арсентий Михайлович служил младшим лекарем Раимского лазарета; старшими были В.Н. Белов, тоже в чине титулярного советника, а потом С.С. Килькевич, того же чина. Медики всегда являлись цветом интеллигенции военных поселений, тем паче таких далеких. Они несли в себе и гуманные начала, и культуру. Из далекого, глухого степного укрепления их тянуло в города, навстречу цивилизации. Желание Лаврова со временем исполнится: быть ему лекарем второго батальона в Оренбурге, а позже - первого линейного в Уральске. Пока перспективы были самыми неопределенными. Что у него, что у другого "штатского" приятеля Шевченко - еще одного лекаря, Селиверста Станиславовича Килькевича.

Килькевич. В первой части книги я его представил, и читатель, наверное, эту личность запомнил. Но данная там характеристика все же скупа, а Килькевич (кое-где пишут еще Келькевич) был из наиболее близких Шевченко людей.

4.

В формулярном списке обозначены такие вехи его жизненного пути: родился в 1813-м году в семье беспоместного польского шляхтича, в 1833-м, поступил вольнослушателем в Виленскую медико-хирургическую академию, в 1835-м был зачислен там же на казенное содержание, в 1839-м по окончании курса, получил звание лекаря и назначение батальонным врачом в Екатеринославский гренадерский полк, расположенный в Пскове, прослужил там несколько лет. Но вот 1843-й, и он уже лекарь войсковой врачебной управы Оренбурского казачьего войска.(ГАОО, ф.191, оп.1, д.1). Почему и отчего?

Опираясь на дела, обнаруженные в ЦГВИА, известный историк В.А. Дьяков в своем биографическом словаре "Деятели русского и польского освободительного движения..."

(М.,1967,с.79) сообщил, что ...в студенческие годы Килькевич был близок к возглавлявщемуся: Францем Савичем Демократическому обществу, но ареста при его разгроме избежал...

...в 1843 году по доносу был обвинен в намерении совершить, вместе с несколькими товарищами, покушение на Николая I и, хот" обвинение доказать не удалось, его из Пскова предпочли убрать, ото-' слав подальше, на восток...

Тот же Дьяков прояснил и ряд небезынтересных деталей, которые обнародовал в книге "Тарас Шевченко и его польские друзья" (М., 1964.С.51-55).

В Демократическом обществе виленских студентов, сообщал он, Килькевич был достаточно заметной фигурой. Особенно тесную связь поддерживал он с Матвеем Ловицким - одним из ближайших друзей-единомышленников Савича. Это послужило косвенным свидетельством поддержки им позиции руководителя, в спорах участников общества выступавшего неумолимым обличителем помещиков, проповедником самых крайних мер по отношения к ним... При обыске, однако, никаких компрометирующих материалов у Килькевича не нашли. Обошлось тем, что за ним установили "строгий и самый бдительный надзор". Годы спустя, когда мерзкий доносчик написал насчет "намерения" военного лекаря посягнуть на особу монарха, герою доноса припомнили и прежнее, акольтак, опять же не имея никаких доказательств, переправили его в места отдаленные.

(Не могу не разделить мысли В.А. Дьякова о причастности Килькевича к возникновению - осуществлению - замысла стихотворения "У В!льш, город! преславшм...", написанного Тарасом Шевченко во второй половине сорок восьмого (или первой сорок девятого), на Кор-сале (или в Раиме - последнее представляется более вероятным). Вот логика раздумий историка: "Сюжет стихотворения... построен на происшествии, случившемся, судя по тексту, не ранее 1832 г. Кто мог рассказать о нем Шевченко, уехавшему из Вильно за год до этого? Что всколыхнуло виленские воспоминания поэта, восстановило перед его мысленным взором своеобразную обстановку Вильно, кто напомнил ему стершиеся в памяти названия: Вилия, Любек? Чем вызвана сильная социально-политическая струя, вливаемая в романтическое повествование упоминанием о закрытии университета и рассказом о поведении графини после смерти ее сына, явно выходящим за рамки сюжета и наполненным злым сарказмом. Ответить на эти вопросы, не зная того, что теперь стало известно о Килькевиче, очень трудно..."

У Вшьни, городи преславим,
Оце случилося недавно,
Ще був тойд!... От як на те
Не вбгаю в в!ршу цього слова...
Тройд! здоровий-прездоровий
Зробили з його лазарет,
А бакаляр!в роз!гнали
За те, що шапки не ламали
У ОстрШ брам!...

Между прочим, сейчас, когда стихотворение это перечитываю, откликается оно во мне по-особому современно. Происшествие в старом Вильно оживает в межнациональных столкновениях современной Литвы - на шевченковское, конечно, не похожих, но тоже достаточно болезненных).

У них было много общего. И тоска от неполучения писем, неведения о родных, о близких... Живы?

Матвеев - Обручеву, 3 октября 1848года: "Старший лекарь Раимского укрепления титулярный советник Келькевич, рапортом от 2-го сего октября за N 18-м, донес, что он, не получая более четырех лет писем от ближайших своих родственников и не зная о месте их жительства в настоящее время, просит моего ходатайства у вашего высокопревосходительства об отыскании их..."

Надеялся, но вестей как не было, так и нет. Ни о братьях Ильде-фоне, Тимофее и Петре, ни о сестре Эмилии, по мужу Новицкой. Рапорт Матвеева послужил поиску. Запросы ушли в Виленскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую губернии, в Августовскую губернию Царства Польского. Они помогут, братья с сестрой отыщутся, переписка возобновится, но до всего этого пройдет еще немало времени. (ГАОО, ф.6. оп.10, д.6035).

Важны любые детали. Невозможно даже судить, что н е в а ж н о. И я удивился, потом огорчился, когда в новейшем томе "Воспоминания о Тарасе Шевченко"(К., 1988) не нашел вот такой

-малозначительной? - реплики:" Взяли бы хоть вы, Килькевич (доктор, большой'приятель поэта), сердитого хохла да уложили спать! -предлагал Матвеев, когда сарказм поэта переходил все границы".

Обращался к Селиверсту Килькевичу - не к кому другому.

Обрываю главу, не желая ее затягивать. Продолжение утрачен ной галереи следует. А пока...

МОНОЛОГ ЕГО ГЛАЗ

I.

Рисовал других - всматривался в себя.

Тридцать пять... уже за половину четвертого десятка его лет... Нынешние именины отгуляли в Тайме. Отгуляли шумно, весело. Только после веселья такого на глазах всегда слезы. Бегут, безвозвратно утекают годы, заметают следы его в людской памяти. Никто о нем, верно, и не помнит - для чего жил? во имя чего существует? Думают, небось, что и не живой, на тот свет давно отправился...

В портретах на заказ/за червонец каждый, а с безденежных и подешевле, добивался он не большего, чем сходства. Лишь этого, внешнего сходства, а еще - пущей авантажности вида, осанки "чином повыше", в общем какой-никакой , но непременно лести. А в т о п о р т р е т ы давали разрядку. В них он мог оставаться самим собой, не гнаться за мишурой, не льстить. Напротив даже - изливать, выворачивать душу.

Раимские автопортреты, больше, чем любые другие, были беспощадно откровенными. Хотите узнать, какой он теперь? Смотрите, Никаких прикрас, ни малейшей утайки!

Самый что ни на есть н епарадный вид: неказистость, небрежность, даже небритость щек заострившегося лица, неприглаженность поредевших волос на голове..

Другое изображение, еще одна попытка. В том же одеянии и настроении, только в светлой фуражке с козырьком; козырек навис над лбом, частью его прикрывая, частично затеняя...

На обоих листах, что в одном, что в другом автопортретах, господствует взгляд. Открытый, немигающий, прямой...Гипнотический взгляд из самого человеческого нутра, концентрирующий все его, шевченковское, естество, всю его силу.

Глаза в глаза. Глаза - главное.

Взгляд-монолог... Дано ли кому его прочесть, услышать?

Дано, если вчитаться в поэзию Тараса тех месяцев.

...Глаза автопортретов говорят стихами их автора - утомленного всем пережитым, усталого от подневольной этой жизни, но ж и в о г о и, без сомнения, жить жаждущего.

2.

Итак, монолог глаз: в фрагментах из самого кровного, потаенного, исповедального - его Поэзии. Немногих фрагментах -

каждый волен вычитать в глазах поэта близкое ему, улавливаемое им, и только им. Монолог это делает неисчерпаемым.

Неначе степом чумаки,
У осени верству проходять,
Так і мене минають годи.
А я и байдуже. Книжечки
Мережаю та начиняю
Таки в!ршами. Розважаю
Дурную голову свою
Та кайдани собі кую
(Як ц! доброди дознають)...
Як маю я журитися,
Докучати людям,

Пщу соб! св!т-за-оч1-
Що буде, те и буде.
Найду долю, одружуся,
Не найду, втоплюся,
Та не продамся нжому,
В найми не наймуся...

Слушаем думу Тарасову - сокровенную думу поэта, вычитыва- ем в его взгляде, бездонных его очах.

Монолог глаз Тарасовых в раимских автопортретах... Обидно мало, нищенски мало воспоминаний о тех днях. А ведь стихи вмещают в себя далеко не все. Опять добром поминаю Нудатова.

Во взгляде Шевченко, во всем его облике, самим же воссозданном с беспощадной, нельстивой правдой, - терзания бедности. Не духовной - о, нет. Самой обыкновенной, обыденной, банальной.

Н у д а т о в: "...-не получая помощи решительно ниоткуда, он крайне нуждался в деньгах. Единственным денежным ресурсом его были портреты сотоварищей,...но так как офицеров в укреплении было очень не много, то и весь годовой бюджет... был крайне скуден..."

Напрашиваться на портретирование за деньги было унизител ь н о. Однажды Нудатов не ахти как деликатно отверг предложение художника, упрекнув его, что из полученного им червонца все-рав-но не будет толка, что он будет пропит.

Нудатов:

"...Тарас Григорьевич опустил голову.

-Что об этом толковать? - через минуту сказал он. - Вот вы тоже, как и я, за вину сюда попали, да знаете, что скоро выйдете и опять

станете вольной птицей, а я? Я не только не знаю, когда и куда, а не знаю даже, выйду ли из этой .каторги. -...Вот до чего был унижен человек, а петербургские друзья его занимались в это время платоническими соболезнованиями о судьбе гонимого поэта..."

Терзал душу особенно больной вопрос: "Для кого пишу?"

Н у д а т о в: "Помню, как однажды ранней весной мы вышли с ним на солнечный припек и расположились на глинобитных скамейках у южной стены солдатских казарм. Мы были одни и сидели молча. Долго смотрел Тарас Григорьевич на ярко блестевшие желтовато-белые пески голой степи и начал читать мне на память какие-то отрывки на своем родном наречии..."

Случайный слушатель, к тому же украинского языка не знающий, - мог ли он быть тем, для кого писал, в ком видел своего читателя поэт-изгнанник?

Н у д а т о в: "Да, и солдатская шапка, и тяжесть изгнания на могли выветрить из печальной души - души поэта - родных звуков его далекой родины".

Звуки те тоже в глазах автопортретов.

Его глазах.

3.

Взгляд-монолог: снова стихи тех дней и месяцев. Что их заменит? что пересилит?

...А туман, неначе ворог, Закривае море І хмареньку рожевую, І тьму за собою Розстилае туман сивий, І тьмою шмою Оповие тоб! душу И не знаеш, де д!тись, 1 ждеш його, того сшту, Мов матери д!ти.

Якби тоб! довелося
В нас попанувати,
То знав би ти, пане-брате,
Як іх називати,
Отих ТВоіх безталанних
Д1вчаток накритих.
А то верзе б!си зна що

Та и думае: - Ми то! Ми то людям покажемо Оцих безталанних Та навчимо шануватись Панич1в поганил!..

...Безталанная! де дшась
Краса твоя тая, о
Що вс! люде дивувались?
Пропала, немае!
Все забрала дитиночка
I вигналаз хати,
I вийшла ти за царину,
3 христа шби знята.
Старщ тебе цураються,
Мов гіі прокази.
А воно таке маленьке,
Воно ще и не лазить.
I коли-то воно буде
Гратись і промовить
Слово м а м о. Великее,
Найкращее слово!..

Сколько же услышить, слушая его взгляд, его вечную думу. Поистине говорящие автопортреты!

4.

Оба автопортрета большинство исследователей упорно числили за Оренбургом осени 1849 года. В своих утверждениях они основывались на том, что, якобы, не вызывало сомнения - авторитетной помете на одном из этих листов: "29Х1 1849. Оренбург. Т.Шевченко". Но тут обозначение не времени и места рисования, а дня и города дарения - в данном случае Ф.Лазаревскому. Примерно тогда же, с самой небольшой разницей во времени, получил в дар автопортрет в фуражке и А.Венгржиновский.

Один из новейших исследователей, Владимир Яцюк, доказывает, что автопортреты выполнены еще во время Аральской описной экспедиции - "вероятнее всего, на Корасале". Им предложена своя датировка автопортретов: 1848-1849. Но ведь по возвращении из плавания, на Косарале, облик Шевченко был иным - лицо его обрамляла широчайшая борода. С нею он расстался только на Раиме. И уже здесь обрел тот вид, который перед нами в рассматриваемых листах.

Автопортрет в фуражке хранится сейчас во Львове, в его чудесном Музее украинского искусства. Этим автопортретом было положено начало целой группе портретов маслом ("их нам известно, по крайней мере, четыре" - замечает Яцюк).

Та же масляная копия, которая отыскалась недавно в Черниговском художественном музее, чудом избежала гибели в пожаре Отечественной войны. После памятной мне страшной августовской бомбежки 1941 года, превратившей мой родной Чернигов в груду развалин, небольшой портрет нашла и подобрала на разрушенной улице Люба Кулешова, моя землячка, тогда еще школьница. Подобрала, сунула меж страницами какой-то книги и думать о находке перестала. Только тридцать пять лет спустя портрет вернулся в музей. В.Яцюк опубликовал его впервые в статье об автопортретах. ("Обра-зотворче мистецтво", 1988, N 5, стр.3-5).

Копия 1856 года нуждается в глубоком анализе. Она и повторение, и продолжение одного из автопортретов-49. Это и копия, и оригинал. Попрежнему проницателен, гипнотичен взгляд Тараса. Взгляд-монолог, "вычитанный" П.А.Кулишом по-своему и его же рукою воспроизведенный внизу, по бокам овала:

Оттод! згадай в невол!,
Далеко над морем
С1ромаху сердечного,
Як вш горе боре,
Як вш свою думу тяжку
I серце убоге,
Заховавши, ходить соб!
Та молиться Богу.

Монолог глаз повторений не знает.

ПОРТРЕТЫ И РАЗДУМЬЯ

I.

Одних рисовал, других, может, и нет - в этом ли суть взаимоотношений? Сейчас для нас важнее, что всех их на какое-то время свел небольшой этот треугольник на Сырдарье - едва возникший форпост Российской империи на крутом пограничье с не своим Востоком.

Маленький, тесный, замкнутый Раим сам по себе, вольно или невольно, подчинял единому, общему укладу людей несхожих ни происхождением, ни положением, спрессовывал, сплавлял характеры, нравы, нивелировал судьбы, в то же время высвечивая в каждом что-то свое, особенное.

Были они и похожими, и непохожими. Кому-кому, а художнику, да еще поэту, индивидуальность человеческого в человеке бросалась в глаза раньше других. В его восприятии она, эта несхожесть, фиксировалась всего острее.

Нет у меня оснований выделять (кроме уже выделенной ч е т в е р к и) кого-то одного, затеняя, затушевывая, отодвигая на задний план другого. Шевченко предпочтений своих не засвидетельствовал, иными источниками оценок мы не располагаем.

В таких случаях честнее, объективнее алфавитный порядок имен. Пусть, думается, предстанут они как велит азбука. Но и алфавит -панацея ли? гарант объективности?

2.

Штабс-капитан Шкупь был постарше большинства других. Как-никак, а родился еще в прошлом веке.

Родной его фольварк находился в Подляском воеводстве, но сам он не был там лет двадцать или близко к тому. В ранней юности оставил его, чтобы получить образование. Владел французским, немецким, польским, русским. Знал много и о многом. Знания его шли не только из книг - гораздо больше их пришло к нему из жизни. В начале тридцатых Владислав Адамович, к тому времени уже бывалый офи цер, принял участие в польском национально-освободительном восстании. Победой оно, как известно, не увенчалось. Его, среди многих других, захватили в плен. Вскоре он вступил "в российскую службу". с

Военная карьера в армии России началась для него как бы сызнова. В тридцать третьем, в Отдельном Оренбургском корпусе, поляка в возрасте много за тридцать только-только произвели в унтер-офицеры. Но тогда же, или вскоре, оказался Шкупь под следствием, как один из участников "злонамеренного заговора" в Оренбурге. Заговора выходцев из Польши, изгнанных оттуда за свободомыслие и свободолюбие, борьбу против всякого угнетения. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.94).

Подшивка судебно-следственного дела в Оренбургском архиве (ф.6, оп.6, д.9850) достаточно солидна. Началось все с доноса некоего мещанина А.Е. Старикова кбменданту города генерал-майору

Р.Г.Глазенапу. Доносчик, содержавшийся в местном тюремном замке, времени попусту не терял и, наслушавшись рассказов соседа по камере - "польской нации рядового" (Людвига Мейера), подробно расписал планы "готовящегося мятежа". Под его пером выглядели они весьма внушительно.

Допрошенный Мейер, участник ноябрьского восстания в Польше, то, о чем доносил Стариков, подтвердил. Он сообщил, что "все нижние чины польской нации, служащие в оренбургских батальонах N 2 и N 3,... положили между собою непременное намерение сделать как в г.Оренбурге, так и по всей линии мятеж", что "главными предводителями сего мятежа" являются чиновник Зан, его товарищи Сузин, Виткевич, Ивашкевич, и "таковой мятеж они предположили сделать немедленно". Тактика заговорщиков выглядела, по словам информаторов, таким образом: "Разделясь на пять партий, все мятежники должны напасть на дома значительных особ и лишить

жизни господ: командующего Оренбургским корпусом; начальников - дивизионного и бригадного; оренбургских - коменданта, полицмейстера, плац-майора и других чиновников, в которых встретят сопротивление. Овладевши городом, восстановить свои права и начальство, потом далее продолжить мятеж".

Томаша Зана, Адама Сузина, Яна Виткевича и Виктора Ивашкевича тотчас арестовали. Сразу же начались их допросы. Следствием руководил сам губернатор В.А.Перовский. Дознание он вел строго, но раздувать дело не стал. Месяц спустя следственная комиссия приняла решение: "...Хотя мещанин Стариков и донес со слов рядового Мейера о злоумышленном заговоре некоторых поляков, но так как они в таковом не сознались и по исследовании не открыто ничего, чтобы могло послужить к их обвинению, то комиссия определила: всех, содержавшихся по настоящему делу..., из-под караула освободить и употребить по-прежнему на службе". Перовский скрепил приговор своей подписью.

"Но значит ли это /.../, что, говоря о событиях 1833 г. в Оренбурге, слово "заговор" нужно обязательно брать в кавычки? - ставит вопрос ведущий наш полонист В.А. Дьяков. - Совершенно очевидно, что /.../ осуждение /.../ было невыгодно генерал-губернатору, путало его честолюбивые планы, ущемляло болезненное самолюбие /.../ Накопленный фактический материал пока не позволяет воссоздать картину во всех деталях, но для утверждения, что оренбургские ссыльные готовились к выступлению, материал этот вполне достаточен..."

Готовился и Шкупь, тогда унтер-офицер. Не случайно сидел в каземате, а потом еще долго пребывал под особым надзором. Это с

годами он простится (простится? смирится?) с былыми своими мечтами-планами, станет исправным, ревностным российским офицером. Сейчас штабс-капитан командовал ротой в четвертом линейном; со временем быть ему и майором, и подполковником, и полковником. В места родные даже в отпуск не выберется - все тут да тут. В Оренбуржье, в 1863-м, и умрет. (ГАОО, ф.173, оп.Н, д.188).

Нелишне бы, конечно, знать: говорили меж собою о событи- ях тридцатых годов офицер Шкупь и рядовой Шевченко? Чего, каких тем касались? Но мы, скажем честно, не знаем даже, были такие разговоры или нет. Были ли в о о б щ е... меж ними двум я... не в общей компании...

Мало ли что, однако, знать нам хочется! Сочинять же - не моя задача. Быль требует достоверности - полной, безоговорочной. Да, Шкупь Нудатовым назван, и мы вправе знать, кто он такой, что у него за душой было. Косвенно засвидетельствовано портретирова-ние - портрет стоит искать... Но упаси нас Бог от слишком широких и вольных домыслов. А сколько их наворочено вокруг Шевченко, как много накручивается из года в год!

В юбилейном раже завели, к примеру, разговоры, что он, Тарас, знал, дескать, французский. Договариваются даже - знал, не больше и не меньше, блестяще. Когда узнал и от кого? где и в чем свое знание демонстрировал? Констатируют сам "факт", возражений не ожидая, не приемля. И у же не установить, кто первый сказал "э", кому в голову пришла мысль, что без знания французского Шевченко обойтись не мог. Так, гляди, с чьей-то легкой руки на поверхность всплывут, потом вознесутся и пойдут гулять по свету "идеи" постижения Тарасом прочих европейских и, далее, восточных языков. Странное представление о его действительной образованности.

Вообще-то месяцы в Раиме расширяли и Шевченкову образов а н н о с т ь. При всем немноголюдии укрепления образованных людей в нем хватало. Нудатов от чего-то не вспомнил Ремишевского. Его же судьба была похожа, при начале особенно, на ту, которая постигла Ткупя.

Оба они начинали службу в польской армии, оба участвовали в национально-освободительном движении начала 30-х годов, оба "по собственному желанию" присягнули русскому царю. Только Марце-лий Варфоломеевич служил, как и до плена, по артиллерийской части. Артиллеристом участвовал в Хивинской экспедиции, отличился; сейчас на нем лежало заведывание артиллерийскими чинами, артиллерийским имуществом в Раиме. За отличия получил и прапорщика, и подпоручика. Он тоже знал многие языки, многие науки. (ГАОО, ф.6, оп.5., д.11615/6). Жил сорокапятилетний офицер

один-одинешенек, но надежды заиметь хозяйку не терял. Три года спустя женился и впрямь, привезя сюда из Оренбурга дочь учителя Неплюевского кадетского корпуса Аделаиду Давыдову, девицу девятнадцати лет. (ГАОО, ф.173, оп.И, д.223).

Но при Шевченко что Шкупь, что он жили в одиночестве.

...Возвращаясь к вопросу о языках, которыми тот и другой владели, "заподозрю" именно в них (а еще, быть может, в Килькевиче) людей, пользовавшихся не только российскими источниками информации о событиях в Европе. *;

В Россию поступало ограниченное число иностранных повремен ных изданий, преимущественно реакционного и умеренно-либерального толка. Имею в виду ежедневную парижскую газету "Journal de Debats", другие французские - "gazette de France", "La Presse", немецкие - "Albgemeine Zeitung", "Illustrierte Zeitung"., Есть много подтверждений того, что газеты, прочитанные в Петербур ге и Москве, затем пересылались в губернские города, где также не оседали и продолжали свой путь дальше, в места отдаленные, глубин ные.

Могли попадать также экземпляры выходившего в Петербурге официоза (или "полуофициоза") "Journal de St.-Peterbourg". 0 критериях отбора иноземной прессы, как равно о том, какой хотела бы видеть информацию о европейских событиях царская власть, свидетельствовала жандармская "Записка о направлении газет русских и иностранных". Ориентировала она на такое: "...статьи о событиях во Франции должны отзаваться сожалением к несчастью добрых граждан Франции и презрением к безумству бунтовщиков; должно выказывать благосостояние русского народа в сравнении голого, голодного и обезумленного, зачумленного народа парижского. Переводы должны быть не буквальны, а с достоинством переводчиков в монархическом государстве". (А.С.Нифонтов. "Россияв 1848 году". М., 1949, с.56). Достоинство переводчика виделось не в чем ином, как в... утаивании и даже фальсификации положения истинного.

Иноземные издания к правде были ближе.

3.

Но вернусь все-таки к первоначально задуманному - азбучному -порядку имен.

Имен из утраченной портретной галереи, которую очертил, обозначил Нудатов...

Субалтерн Богданович. Субалтерн - не имя и не звание. Это должность: подчиненный, или младший, или второй офицер в той же роте. В данном случае - роте штабс-капитана Шкупя.

Поручалось Богдановичу разное. Ему, к слову, препоручил Матвеев заведывание переселенцами, к приему которых в Раиме готовились загодя. Дело было хлопотным, время терять не приходилось.

И вообще Матвеев ему доверял. Под рапортом начальнику дивизии касательно долга Бархвица для порядка требовалась еще одна подпись. "Скрепил подпоручик Богданович..." Так что был он в курсе шевченковских забот больше многих других.

Богомолов. Значился Шевченко в его, а не Шкупя - Богдановича, роте, и хотя бы потому общались они чаще, теснее. Вспоминать ротного мне приходилось уже не раз - и на раимских, и на косаральских страницах. Ближе других стоял Александр Трофимович к Аральской описной экспедиции. Их с Шевченко отношения были покороче, что приметил и Нудатов, вспомнивший как гласно подтрунивал Тарас над "господином подпоручиком". Менее определенен в характеристике Богомолова другой мемуарист, Е.М. Косарев, но он лично его не знал, а рассказов Шевченко о нем не помнил и мог сказать лишь то, что тот, "кажись", не говорил о своем ротном "ничего, ни худого, ни хорошего".

Васильев. "Изящным укреплением" назвал форт Коса- рал И.Ф. Бларамберг. "Нашел все в отличном состоянии" - отозвался он же о Раимском укреплении. По-доброму писали о здешних сооружениях А.И. Макшеев, А.И. Бутаков и другие. С похвалой оценивали они, прежде всего, искусство гарнизонного инженера-прапорщика Алексея Степановича Васильева. Был он здесь и архитектором, и фортификатором, и строителем - начинал с нуля, довел "до ума". Шевченко, архитектурой и строительством интересовавшийся профессионально, считал Васильева своим коллегой. В Раиме тот жил еще в течение нескольких лет. В январе 1850-го в местной церкви состоялось бракосочетание его с А.П. Максимовой, дочерью покойного чиновника 8-го класса. Замечу также, что был Васильев немногим моложе Шевченко (родился в 1816-м).

Ковальский. У Нудатова - "начальник артиллерии". Но начальником артиллерии Раима был Ремишевский... За давностью лет забыл? запамятовал? Похоже, что так. Если и встречался воспоминатель с носителем такой фамилии, то значительно позже, на других

дорогах своей военной службы. В утраченной портретной галерее

этого Ковальского искать не приходится.

"К у л ь д у к" - Л и ф л я н д. "Кульдук" - а если точнее, то к у д у к - означает колодец. Так окрестили в Раиме прапорщика Лифлянда. Окрестили потому, что в пьянстве был он емкостью' едва ли не бездонной - истинным колодцем. А еще - любителем прогу-' лок по опасным окрестностям. Однажды, чтобы его припугнуть, устроили местные шутники засаду." Перепуганный любитель катать-1 ся, не имея при себе никакого оружия, отбивался чубуком от| задевавшего его острия пики и только в самом укреплении по хохотуj окружавших догадался, что это была шутка" (Нудатов). В своем словаре окружения Шевченко периода солдатчины (Л1та невольничГ, 1971) я, исходя из указания о том, что сей Лифлянд был сыном ге н е р а л а - оренбургского коменданта, поименовал его Федором; Михайловичем. На самом деле, это имя-отчество принадлежало отцу, он же являлся уже генеральским внуком. Итак, речь идет о Л ифлянде Николае Федоровиче. Его портрет в исполнении Шевченко представляется вполне реальным.

И наконец -Салецкий. "Штаб-офицер" с такой фамилией пришел к Нудатову невесть откуда. Сорок лет - срок большой; не такое,) забудешь, много больше спутаешь. Как и раимского Ковальского": его искал. Искал и не нашел... Вслед за четверкой "наиболее близких приятелей", этих людей назвал Нудатов. Назвал как служивших там же и тогда же. Входивших в круг "сотоварищей" и бывших, по его предположению, моделями для портретов Шевченко, исполненных заработка ради. ...И они в утраченной той галерее, сейчас сугубо условной.

ПОЭМА О КОВАРСТВЕ И ЛЮБВИ

I.

Здоровались с ним, здоровался сам - наперечет знал если не каждого, то многих. Что ни день знакомцев становилось все больше. И среди казаков тоже. Службу в Раиме несли казаки уральские и оренбургские, разных полков и разных станиц, новой и старой линий, староверы и единоверцы. Встречались каждый божий день и, конечно, перезнакомились.

Интерес к этим людям подогревало свое.

Кто-то имел в роду предков-украинцев; давным-давно те предки переселились - добровольно, вынужденно, а то и по принуждению - с берегов Днепра к берегам Яика-батюшки.

Кто-то в разные годьг; вплоть до недавних, бывал в "Малороссии" по службе - куда только казаков, как людей в е р н ы х, не снаряжали!

В них Тарас видел чуть не земляков, а к землякам, понятное дело, влекло особо. Иной раз (да что там - частенько...) перекидывались меж собою украинскими словами-фразами, жартами з перцем. По родной речи он скучал, как и по родным пейзажам, напоенным родными песнями.

У Оглавь.. Чи по знаку Кому цей Оглав бшохатий?...

Почему вспомнился именно Оглав? В Раиме и - вдруг - Оглав? В этом тихом местечке на Черниговщине, в Остерском ее уезде, он побывал еще в т о и жизни, даже сколько-то дней там прожил. Рассказов всяких наслушался тогда довольно - как и всюду, куда заносила доля. Но непостижимо, отчего сейчас-вот выплыл из небытия давно, казалось, забытый тот куток благословенной и несчастной земли... он, а не любой и н о и... этот, а не другой какой с л уча и... Для самого загадка. Не- уловимы они, побудительные силы

поэзии!

В Раиме стояли казаки - старина казачья украинская вспомнилась, зашевелилась, заговорила его стихами. Вдруг полилась... А может и не вдруг?3дешниеказакибылинетеми, о которых он знал, много знал от самого своего младенчества, чьей историей, чьими легендами и песнями увлекался. Но жили в них и казачий дух, и казачьи традиции - многое доброе и многое заскорузлое. Позже Шевченко изложит утвердившуюся в нем творческую идею:".. .напишу четырехтомный нравоописательно-исторический роман, в котором потщуся изобразить с микроскопическими подробностями нравы, обычаи и историю сего архиправославного народа..." Его записи об уральских

казаках, сделанные в разные годы солдатчины, содержат далеко не лестные выражения, вроде "грязь и невежество", "седые беспримерные дураки", "изуверы", "фанатизм", "мерзость". Однако эти же - или в чем-то другие - мерзости присутствовали в той же или иной мере и в быту, нравах казаков (точнее - казачьей старшины) на его Украине, в е е прошлом. И он хотел, он старался быть безупречно-объективным.

Наблюдал Раим - вспоминал Оглав. ...Од Борисполя недалеко,

А буде так, як Борисполь. І доа ще сто1ть любенько Рядок на вигош тополь, Неначе з Оглава д!вчата Ватагу вийшли виглядати.

Та и стали... В э т и х местах в а т а г а - чаще всего рыбац артель, постоянная или временная база рыбалок. У казаков же -тут, что там - по Далю: "глубокий, походный строй, колонна".

Деревья, как девчата, будто ждали молодцов-парней. ...Отут, бувало, 13-за тину

Вилась квасоля по тичиш, І з оболонками вжно В садочок л!том одчинялось, І хата, бачите, була За тином, сотникова хата.

А сотник був со6і багатий... і

Ничего этого в Раиме не было: ни тополей на выгоне, ни нарядной j

хаты с оградой-тыном вокруг нее (а меж тыном и хатой - красы-садочка, вьющейся по тычкам фасоли, другого-всякого, от чего сладко млело сердце). Сотники были, может и не бедные, но тут они жили, мало чем выделяясь. Как большинство других - в казармах.

...А сотник був со6і багатий... Вспомнилась история, слышанная в Оглаве.

2.

Поэму на ходу не сочинишь. Требует она и времени, и условий. Стола, если хотите, требует - чтобы сосредоточится над листками бумаги, свободно разложить заготовки-наброски, обрести твердую почву не на час и не на день. Рождаетсяпоэма! Большая, наподобие романа, или сравнительно небольшая, историческая или социально-бытовая, многоплановая или с сюжетом простейшим - поэма есть поэма, произведение эпическое.

Мировая слава у его "Катерини". Знаменита "Наймичка". Да если бы и не создал ничего более... Но к поэмам его влекло и дальше, влекло постоянно. И в эти годы солдатчины, с запретом на поэзию вообще. Написал исторические поэмы "Чернець", "Заступила чор-на хмара", сатирико-политическую, тоже на историческом материале, "Цар1", социально-бытовые: в 1847-м- "Княжну", "Меж скалами, неначе злодШ", в 1849-м - "Сотника".

"Сотник" писался сейчас. В основе его лежали события дав- ние, но Шевченко занимало в них вовсе не историческое - только быт, только жизнь украинской глубинки, только народная мораль.

Сюжет был вроде сугубо семейным. Старый вдовец-сотник лелеял подспудную мысль женится на своей юной воспитаннице сироте Насте, которая с детских лет относилась к нему, как к родному отцу. Любила же она, неосознаннно пока любила, сына сотника, Петра, предусмотрительно отправленного отцом учится в киевскую бурсу -с глаз подальше. Однако планам немолодого сотника сбыться не привелось. Верх взяла любовь. Поняв коварный замысел опекуна, девушка от него убежала и связала жизнь с Петром. Сотник остался один, в полном разочаровании, в упадке духа. Хата его, все хозяйство пришли в запустение, тоска приблизила смерть, умер он в одиночестве и похоронили его чужие люди, не пролив над могилой слезинки.

Вот и все. Простая, незамысловатая, но поучительная история человека, который думал о самом себе, жил для себя, судьбы других в расчет не принимая. Душевно черствый, эгоистичный сотник чужд автору, который примерно его наказывает, выставляя на посрамление людям, обрекая на одиночество, смерть "на вулищ", посмертное забвение ("і хрестика над ним не вкопали"). Шевченко знает, твердо знает, что ему противно, с чем не мирится, и не смирится, никогда, против чего будет воевать своим творчеством, своей поэмой. Да, в о е в а т ь, хотя и кажется поэма эпически спокойной.

Эпика есть - спокойствия нет. Он осуждает и обличает, и все это -в науку людям. Как не раз до того, поэт подчеркивает: поведение сотника предопределено неравенством в мире, богатством "избранных" и бедностью всех прочих. Незабвенный Юрий Алексеевич Ивакин отнес поэму к

произведениям просветительского реализма. Но от него один шаг до реализма критического, как и от романтизма к реализму у Шевченко вообще. Тот же Ивакин предупреждал: "...не будем черезчур упрощенно понимать социальную дидактику шевченковских бытовых поэм, порожденных не холодными рассуждениями, а болью за человека и юбовью к народу". Во всех случаях, подчеркивал исследователь, герои или "антигерои" этих поэм - не умозрительные построения. "Ибо типы социального поведения, которые воплощал поэт в образах "праведников" или "нелюдей" и которые служили для него "доказательством идей", существовали в реальной действительности (ГвакшЮ.О. Поез1я Шевченка перюду заслання", К., 1984, с.159-160). Присущий Шевченко моральный пафос, идеализация положительных героев, олицетворяющих собою его этическими идеал, душевное воплощение обыденного быта обыкновенных, простых, трудовых людей - они и в "Сотнике".

3.

При чтении поэмы сама собою возникает мысль о близости "Сотника" к "Назару Стодоле", написанному еще шесть лет назад и уже испытанному сценой. В таком случае естественно задуматься: а не видел ли ее автор, пусть даже поначалу, пьесой для постановки первоначально в Раиме и силами раимских "артистов"? спектаклем с песнями, а, может, и плясками? Не должен ли он был скрасить томительное однообразие здешнего быта? Думается: может оттого по ходу поэмы, по всему ее строю так много выразительных ремарок, текста не поэтического, а в прозе. Но в таком случае он должен был видеть и реальных исполнителей. По меньшей мере четырех. Сам Шевченко - режиссер, художник и чтец "от автора", А кто сотник? Петро? Настя? Это так, предположения, ничем не подтверждаемые догадки. Но нечто реальное в них я вижу, потому с вами и делюсь. От вымысла отказался, от гипотез не могу.

"От автора" и начало, запев поэтический, и то, последующее, что непосредственно подводит к диалогу героев.

...Сидить сотник на причшку
Та думку гадае,
А Настуся по садочку
Пташкою лггае.
То посидит коло його,
Руку пощлуе,
То усами страшенними
Сивими пустуе, -
Ну, звичайне, як дитина
Пестуе старого.
А старому не до того,
1ншого якогось,
FpiхoBHoro пестування
Старе тшо просить!..
А вона, моя голубка, Шчого не знае. Мов кошеня на пришчку 3 старым котом грае...
Далее поэма расцвечивается голосами Сотника и Настуси. С /от ни к/
Та одчепись, божевшьна... Дивись лишень: коси Мов русалка розтршала... А чому ти

Нпсоли не вплетеш к!сники
Ori, що Tinea привезла?..
Н а с т у с я
Якби пустили на музыки,
То я б KicHHKH зашила,
Надша б жовтвй черевики,
Червону б юпку одягла,
Заквггчала б барвшком коси... С. Стривай, стривай, простоволоса!
Дурненька, де б же ти взяла
Того барвшку заквггчатись? Н. А коло тину! там такий
Пор1с зелений, та хрищатий,

Та сишй! Синш-голубий
Зацв1в...
С. Не будеш д!вувати!
Н. А цо ж, умру хі6а?
С. Ба Ні,
А снилось восени меш,
Тойдд, як щепи мы щепили, -
Як приймуться, то восени
Ти вийдеш зам!ж.
Н. Схаменись!
І шепи ваш! поламаю... С. І як барвшок зацвгге... Н. То я и барвшок позриваю. С. А од веолля не втечеш! Н. Ба НІ, втечу, та ще и заплачу!
(Плаче) С. Дурна ти, Насте, як я бачу,
І посм!яться на даси...
Хі6а не бачиш, я жартую.
Пщи лиш скрипку принеси
Та з лиха гарно потанцуеш
А я заграю... Н. Добре, тэту...
Овеселенька шасть у хату). С. Ні, трохи треба пщождать.
Воно то так! та от ще, брате:
Лгга не ждуть! л!та летять...

Так и слышишь их разноголосье. Так и видишь живых людей, живые образы. Шевченко мог примерить на себя, актера, и автора, и сотника, даже одновременно. А кого видел он Настусей? Впрочем, был у него талант учить, "натаскивать", репетировать. Вспомним хотя бы русскую по рождению и воспитанию Катю Пиу-нову, играющей в паре с самим Щепкиным украинку Тетяшу. Вводил ее в роль он, Шевченко. Мог ввести в дивчину Настусю ту же дочь Цыбисова или племянницу Дамиса. Ну а Петро нашелся бы тем паче. [Автор]

...Дивися, рай кругом тебе,
І дгги, як квгги;
За що ж ти іх, молоденьких.
Думаеш убити? -
Ні, старий мш чепуриться,
Аж бридко дивиться!
А Настуся з богословом
Заповщ! вчится.
Он дивпъся: у садочок
Вийшли погуляти,
Удвох соб! похожають,
Мов т! голуб'ята...
П/етро/
Чом же ти оце, Настусю, правда не читает? Настуся А хі6а я школяр, чи що? Не хочу, та и год!,
П. Хоч одну невеличку заповщь сьогодш вивчи, хоть п'яту.
Н. І п'ято!, і шосто!, шяко! не хочу. П. То nin і не вшчатиме школи, як не вмггимеш! Н. Байдуже, нехай соб6і... не вшчае. П. А зо мною?
Н. І з тобою нехай соб6і... Е, ш, нехай повшчае!.. П. Та читай же, а то... Н. А то що ти зробиш? П. Поцшую, ось побачиш! Н. Хоч як хочеш цшуй соб6і, а я таки не читатиму!
П. (ц і л у е і і і примовляе). Оце тоб! раз! оце тоб! два!
Сотник (сам)
Навчились, шчого сказать! Оце дитина! Ні, Настусю,

Я коло тебе захожуся Тепер, лебеденько, не так! И читать не хоче! А бурсак! Собачий сину, знаеш смак, Ось я тебе попомуштрую Не так, як в бурс!!.. Помелом! Щоб духу в хат! не було! Великий св!т наш, не загниешь! Дивися, пся його личина!..

/Автор/
Отак! батьки на свт,
Нащо вони д!тям?
На наругу перед Богом.
А шануйте, чт!те...

Настуся не такое уж дитя, как было, каким казалось поначалу. На коварство сотника она отвечает хитростью, ловко маскируемой простодушием. Влюбленные соединяют свои судьбы, а сотник остается ни с чем и скоро, всеми брошенный, одинокий и от одиночества запивший, умирает. "А восени на улиц! сотника убито! А може вмер неборака, од шинкарки йдучи?.."

Спектакль обещал быть увлекательным. Осуществить его не удалось. О чем-чем, а об этом событии, произойди оно тогда, Нудатов бы вспомнил. Главное - осталась поэма. Социально-бытовая. Психологическая. Драматическая поэма,известная под позднейшим, не авторским, названием "Сотник".

На сценические подмостки ей выйти много позже, и выходить в разных вариантах. Известна даже опера - ее создал композитор М.И, Вериковский.

МЫСЛИ В ПУТИ ИЛИ СМАЛЬТЫ МОЗАИКИ

1.

Нет, я не сторонник камешков на ладонях, мг н овени и и всякого такого, облачаемого в переплеты законченности, на самом же деле являющего собою обрывки ненаписанного и недодуманного, вырванного из контекста несостоявшихся произведений. Но господь с ними, авторами преждевременно опубликованных при жизни страниц писательской кухни. Куда предпочтительнее блюда готовые.

Смальты мозаики, собранные мною тут, в этой главе, одной из многихв книге, это несколько разрозненных наблюдений,

связанных с жизнью Шевченко все в том же Раиме. Просто не пришлось к слову, чтобы сообщить их по ходу повествования предшествующего.

***

Зачем нужны были ему, Тарасу, солдату на казенном довольствии, деньги? Мало ли для чего... От бумаги, карандашей, красок до того, чтобы не чувствовать себя нахлебником за общим столом. Пусть не многим, но в укреплении торговали: и приказчики оренбургского купца Деева или первогильдийного же Путолова, и отставной казак Измаильской станицы, вдовец 55 лет Сейфульмулюк Аббясов. Захаживали караваны из Бухары и Хивы, в общем с т о г о берега, из краев южных.

Но вот свидетельство современника - не его, а нешего: талантливого, трагически погибшего поэта Осипа Мандельштама. Из воспоминаний вдовы, Надежды Яковлевны, мы вычитываем строки о разговоре в рабочей семье, приютившей под крышей своего дома гонимого поэта с женой: "О.М. только все норовил заварить /чай/ по своему и рассказывал, что первое, на что тратил, получив деньги, Шевченко, был фунт чаю..." ("Юность", 1989, N 8, с.37).

О добром индийском или цейлонском чае Нудатов позабыл. Он вспоминал все больше о спиртном. Мандельштам же помнил именно о фунте чая...

И коль скоро вспомнился мне Мандельштам, то вот еще несколько строк из тех же воспоминаний - о скоропалительной поездке в дом отдыха Саматиха, откуда его и увезли в небытие: "О.М. привез с собою Данте, Хлебникова; однотомник Пушкина под редакцией Томашев-ского да еще Шевченко, которого ему в последнюю минуту подарил Боря Лапин..." (с.42)

***

А не было ли причиной (одной из причин) долговременной в этот раз жизни Шевченко в Раиме его желание расписать возводимую церковь во славу Воскресения Господня? Тараса манила такая масштабная роспись, влекла еще со времен Ширяева. Не терпелось -жаждалось! - воссоздать маслом запрестольный образ жизни и другие лики... всегда волновавшие его Распятие многострадального Христа... Отец Захарий возражать против такого божеского дела не мог, но храм тогда еще не достроили.

Выходит, было не до росписи? не до кистей и красок? Да ведь известно, что существовала и существует роспись на металле, на дереве с последующим водворением расписанного в соответствен-

ных, для сего предназначенных, местах. Давно, и дотла, разрушен собор в Оренбурге, а росшей Маковского целы, сохранились...

Ничего не утверждаю, ничего не отрицаю. Свидетельств нет. Но кто возьмет на себя дерзость заявить, что быть такого не могло?

Вдруг толкнуло меня что-то. Так что ж: в "Сотнике" и п р о г н о з тридцатипятилетним Тарасом своей собственной жизненной коллизии, своего,а не только того, сотника, незавидного семейного будущего?

Нет и нет, он писал не о себе, хотя и то, что слышал, что знал сам. "Чи по знаку кому цей Оглав бшохатий?.." Ему Оглав был "по знаку".

Он не сотник, не богат, нет у него красивой хаты с веселым, цветущим подворьем-садом. И вообще ничего своего, кроме рук, сердца, да еще поэтического, художественного дара, на котором припечатан царский запрет. Не сластолюбец какой, нет в нем неблагородных, тем паче распутных, намерений - упаси, убереги от греха, всевышний заступник.

Но б у д е т в его жизни, уже под сорок пять, любование свежестью и веселой непосредственностью шестнадцатилетней "Катруси" Пиу-новой, отцовское поначалу покровительство юной артисточке, а потом мужское влечение к ней с самыми серьезными намерениями. Будут надежды, которые рассеются впрах: сначала не поймет она основательности намерений старого холостяка с истраченным, источенным подневольной жизнью здоровьем, а , поняв, станет его избегать и в недалеком будущем соединит судьбу с молодым актером Максимилианом Шмитгофом. Повторится такое и с менее юной, более зрелой Ликерой Полусмак, другой несостоявшейся "невестой". Умрет Шевченко одиноким. Не как его сотник - "на улиц!", но...на лестнице в мастерской.

Совпадение? Совпадение... Однако и прогноз дол и.

Опять о том же: месяцы в Раиме образовывали. В медицине и метеорологии. В строительстве и фортификации. В тонкостях меновой торговли и разговорном польском. Все легче находил взаимопонимание с казахами и каракалпаками, лучше постигал их нравы, обычаи... Находились книги - по одной-две, не у каждого, но в общем-то книжный голод утолял. Рисуя портреты, лучше постигал характеры...

Неделя за неделей, месяц за месяцем откладывали не одни лишь впечатления - знания.

зиониста", показывал мне маленькие книжечки, рукописные (или машинописные) конечно, которые "издавал" в одном, двух, трех экземплярах после того, как путь к читателю был ему заказан не только на его родине, айв стране, ставшей для изгнанника вторым отчим домом (он к тому времени был уже и гражданином СССР, и членом Союза советских писателей) . Крохотные тоненькие книжечки становились его отчетами в творчестве за год. Отчетом перед собою, Грецией, Россией. "Я жив", - говорила каждая. "Родники моей души не иссякают.." - лучшего подтверждения этому и не требовалось. Стихи слагались на греческом и переводились на русский им самим либо друзьями-поэтами из тех, кого ярлыки не пугали.

Писал он как получалось: месяц за месяцем, неделя за неделей, а иной раз день за днем. "Издавал" же не в хронологии написанного - в своем, особом, одному ему понятном порядке. В "сборник" этого года могло войти и написанное прежде - было бы оно к месту. Но причем тут Петрас Антеос (или комиссар бригады Стомати, или носитель иных громких имен, славных в греческом Сопротивлении, а на деле все один и тот же человек)?

При сем его самодельные книжечки, в которых ничто не лишне и ничто не переставишь. Авторская воля...

Так почему мы отказываем в выстроенноеТ "Малш книжц!" Тараса Шевченко? И тасуем стихи как карты, авторской его тогда

ш н е и воле противопоставляя его жеболее позднюю или вовсе свою.

Не мешает ли это пониманию внутреннего мира поэта-изгнанника , его состояния?

Из написанного в эти месяцы: ... І тьмою н!мою Оповие тоб! душу, И не знаеш, де д!тись. І ждеш його, того свггу. Мов матер! д!ти.

...Найду собі чорнобривку В стену при долин! -Високую могилоньку На тш Украш!...

...Поки села, Поки пани в селах, Будуть соб! тинятися Покритки весел! По шиночках з москалями.

...Мене по вол!! невол! Носило всюди..

Було, роблю що, чи гуляю, Чи Богу молюся...

...Мое! - і дивиться на його, І молиться за його Богу...

***

Передо мною - двухтомник "Словник мови Шевченка" (К., 1964).

Бога, как творца мироздания, он упоминает 637 раз. Б о ж е (в сочетании со словами "м!й", "милий", "милостивий", "сильний") - в 67 случаях. Бог даст-160. Чуть меньше - 124 - божий. И так далее; учтено еще много разных форм.

...Это еще к вопросу об "а т е и з м е" Тараса.

Мой друг Петрас Антеос, сын Греции и ее поэт, дважды приговоренный к смертной казни как борец против короля и хунты, а у нас, в политической эмиграции, сброшенный с пьедестала с ярлыком "реви-

Знали или не знали а Раиме доподлинное звучание монаршего приговора Тарасу?

Матвеев знал слово в слово. Остальные - "в общих чертах". Кто знал, а кто и нет...

В любом случае издавна подмечено: жестокость наказаний свыше амортизировалась необязательностью их исполнения. Неслучайна поговорка: "закон что дышло, как повернул, так и вышло" Родилась она в давние времена. И поясняла многое, в том числе - отношение к Шевченко.

Из раимского:

...Та талану господь не дав... -А може и дав, та хтось украв,

І обурив святого Бога.

... І стане ясно перед ним Наддя ангелом святим...

... І перед нею помолюся, Мов перед образом святим Tiei матер! свято!, Що в мир наш Бога принесла...

Если помните, в первой части я привел выписку из дневника современной экспедиции "Помарэкс-88", а в ней эпизод о том, как в самом начале века Шанияз Канысов, тогда еще мальчишка, раскопал склеп, в котором оказалось тело русского офицера. "Впоследствии Шанияз узнал, что умерший был товарищем Тараса Шевченко, и поэт в память о дружбе рядом с могилой, в небольшом углублении, обложенном кирпичом, зарыл тетрадь со стихами..."

Тетрадь со стихами сущая легенда, одна их многих в Шевченкиане. И товарищем Тараса покойник не был.

Пишу об этом так уверенно, зная, что 19 декабря 1850 года в Раиме от "тифозного воспаления желудка" умер командир линейного батальона N4 Яков Яковлевич Дамис. "Похоронен на крепостном кладбище" - свидетельствует метрическая книга Воскресенской церкви. (ГАОО, ф.173, оп.П, д.197, л.И).

Таков конец давней легенды.

Температура января-февраля по средним данным полковника Л.Ф. Костенко ("Туркестанский край"): январь - минус 13,4, февраль - минус 12,5, март - минус 3,5, апрель -плюс 8,4, В1849-м Сырдарья вскрылась выше Раима (иуРаима) 29-30 марта.

Вернуться на Косарал по реке стало возможным уже в апреле, второй его половине.

Часть пятая: АРАЛ- 49

ВО ПЯТНИЦУ, ДЕНЬ "ЛЕГКИЙ"

I.

Шестое мая было пятницей.

"Вторник да пятница легкие дни" - утверждали всезнающие.

Им однако, перечили другие мудрые: "Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться".

Так или иначе, но отодвигать начало своего аральского плавания Алексей Иванович уже не мог. Подготовка к выходу в море затянулась и без того: задерживалась проверка хронометров, астрономические измерения не всегда удовлетворяли, точность их приходилось перепроверять - вот и стояли лишние дни, теряли хорошее время.

Теперь можно было отдавать швартовы.

Майские дни торопили.

Из "Дневных записок..." 1849-го:

Май 6. Кончив астрономические наблюдения для поверки хронометров, не позволявшие мне ранее начать кампанию нынешнего лета, сего числа поднял на судах флаги, а на шхуне Конста нтин свой брейд-вымпел. Начал производить морскую провизию и перешел с отрядом от Косаральского форта на северную оконечность острова. Состояние хронометра Гауза... (далее точные данные-Л.Б.) Провизии на судах: на 3 морских месяца на шхуне Константин и на 21/2 месяца на шхуне Николай.

Начал кампанию на шхуне Константин. Командир etc капитан-лейтенант Бутаков. Топограф Кузьма Рыбин. 4 линейного батальона унтер-офицеры: РахматуллаАбизаров (из морского ведомства), Томас Вернер, Рядовые...

Запись первая-ее печатный, официально признанный, текст. Больше, чем напечатано, из него не вычитаешь. Ни касательно начала нового плавания, ни насчет состава. Расшифровки многоточия не дождешься. Увы, это так...

Но есть еще один источник, о котором Е.К.Бетгер, чьими стараниями стала реальностью книга "Дневные записки плавания А.И. Бутакова на шхуне "Константин" для исследования Аральского моря в 1848-1849 гг.", не знал. Свой труд он готовил " по рукописным материалам Узбекской и Украинской государственных публичных библиотек", то-есть по отысканному в Ташкенте и Киеве, я же имею сейчас в виду рукопись московскую, а именно "Дневник Начальника описной экспедиции Аральского моря в плавание 1849 года" (ЦГВИА, ф.1441, оп.1, д.34, лл.171-189). Отличаясь от тех, которые легли в основу книги, имеет она немало очевидных преимуществ и в сути, и в стиле. Обидно, что ее обходят.

Сравним, сопоставим. То же и - не то же.

Май6. Кончив необходимые дляповерки хрономе тров астрономические наблюдения, не позволявшие мне ранее начать кампанию нынешнего года, поднял на судах вверенного мнеотряда флаг, а на шхуне Константин свой брейд-вымпел, и начал производить морскую провизию.

Вечером перешел с отрядом от места зимовки судов у Косаральского форта в устье Сырдарьи, к северной оконечности о.Ко-сарала.

("Состояние хронометров" - и далее, до конца абзаца в печатном тексте - совпадает. А вот дальнейшее... тут уже не стиль и не уточнения , но существеннейшиестраницы, без которых ни

сейчас, ни далее не обойтись. Это полный штат экспедиции, где заполнена каждая строка и все поставлено на свои места. Итак, снова текст - Бутакова, но уже не из "Дневных записок", а из "Дневника"...)

...Начали кампанию на шхуне Константин: Начальник экспедиции и командир шхуны, 9-го флотского экипажа капитан-лейтенант Бутаков.

Топограф Кузьма Рыбин. 4-го линейного батальона унтер-офицеры:

Рахматулла Абизаров (из 45 фл. экипажа) Фома Вернер Рядовые,

переведенные из 45 флот, экипажа: Иван Петренко Никита Даниленко Аверьян Забродин Прохор Васильев Густав Терн Таврило Погорелый

Взятые из Раимского гарнизона в дополнение: Иван Васильев Иван Секерин Гурьян Андреев Ефим Гореев Николай Семенов Петр Селиверстов Осип Поляков Митрофан Егранов Тарас Шевченко Нестроевые:

Старший фельдшер Александр Истомин Денщик Иван Тихов На шхуне Николай:
Командир шхуны, корпуса флотских штурманов прапорщик По-пелов.
Топограф Михаил Христофоров Унтер - офицер
Дмитрий Садчиков (из 45 фл. экипажа) Рядовые
Переведенные из 45 флот, экипажа Абдул Оскин
Калистрат Парфенов
Тарас Фунин
Григорий Орлянский
Николай Трифонов
Андрей Сахнов Взятые в дополнение из Раимского гарнизона
Алексей Панфилов
Павел Иванов
Иван Ларионов
Иван Маркелов
Яков Шилоносов Нестроевой
Младший фельдшер Медведев.

Насколько законченнее редакция бутаковского "Дневника"!.. А он лежит себе в архиве, и редко когда скользнет по спрессованным временем листам взгляд исследователя, причем отнюдь не шевченковеда. Считается, что "Дневные записки..."в ташкентском издании исчерпывают чуть ли не все, что именно тут дан текст канонический. Так к чему же, рассуждают, глаза утруждать разбором совсем не каллиграфического почерка морского офицера? ради чего портить зрение, с лупой разбирая летучие слова и строки, стремительные, как сам их автор?.. Да ведь есть к чемуи для чего- мы в этом убеждаемся уже с первой записи.

Записи, сделанной если не шестого мая ночью, то уж наверняка седьмого.

Бутаков не откладывал ничего.

2.

Место зимовки оставили в пятницу вечером и-отрядом.

Отряд был всего из двух шхун - "Константина" и "Николая", но в рейд отправлялась сразу вся "Аральская флотилия", и значение события это поднимало особо.

"Николай" Бутаков отдал под начало прапорщика Поспелова. Кому, как не ему, мог поручить он такой труд, на кого еще, как не на него, положиться целиком и полностью? Верил Ксенофонту Егорычу будто себе самому - за год и сработались, и сроднились.

Не день и не два думали оба над составом будущих команд. В прошлом году экипаж "Константина" почти сплошь был из моряков бывалых, опытных - одним словом, профессионалов. Но где набрать их тут для двух судов? Ни о каком подкреплении за счет морского

ведомства речи быть не могло: кто есть, тот и останется, теми и довольствуйся, не требуя большего.

Матросов и унтеров из 45-го флотского экипажа разделили "по-братски". На "Константине" оставались унтер-офицер Абизаров, матросы Петренко, Даниленко, Забродин, Васильев, Терн, Погорелый. Другие переходили в команду Поспелова. Из прошлогоднего списка прикомандированных выпали умерший Иванов да еще унтер-офицер Клюкин (что с ним стало, проследить не удалось, но ни в той, ни в другой команде его не оказалось).

Бутаков отдавал лучших своих матросов. Того же, например, Сахнова - первооткрывателя островов и весельчака-заводилу, поднимавшего дух команды в самое невеселое время. Но думалось только об успехе общего дела, а коль так, то приходилось жертвовать удобствами личными: больше и лучше сделают на "Николае" -лучше и больше будут результаты всего этого решающего года.

Из современной книги: "Нужно было обладать организаторскими способностями, разносторонними морскими знаниями, верой в собственные силы и силы подчиненных, чтобы пускаться в научно-исследовательскую экспедицию по неизведанному, капризному морю на плоскодонном парусном судне без специалистов-помощников, имея команду из солдат, впервые ступивших на палубу". (Дмитриев В.И., "А.И.Бутаков", с.35).

На семерых моряков "Константина" приходилось девять не моряков ("взятых из Раимского гарнизона в дополнение"); замыкал эту девятку Шевченко, остальные были из сухопутного состава 4-го линейного батальона, доселе с матросской службой не знавшиеся.

Из "ветеранов" на судне оставались также произведенный в унтер-офицеры Фома Вернер и фельдшер Истомин; им предстояло взять на себя и обязанности, которые безупречно выполнял в продолжение всей прошлой кампании Поспелов. Отныне они становились также вахтенными офицерами. Предыдущее плавание обнадеживало и в этом.

Ну и, наконец, новым человеком на флагманской шхуне был топограф Рыбин, сменивший своего коллегу Акишева. На "Николае" отплывал еще один топограф, Михаил Христофоров. Люди этой профессии были в экспедиции на виду. Какая такая опись без профессиональной топографической съемки?..

В сорок восьмом на судне значилось 27 человек, в сорок девятом их оказалось меньше: двадцать один. Но экспедиция в целом стала численно большей, значительно большей - общий состав команд достиг 35 "порций". Двадцать были из постоянных, х о ж а л ы х, пятнадцать - новых, привлеченных впервые, морем не испытанных.

Таким был расклад кадровый. Для Бутакова, пожалуй, важнейший. Но в людей он верил - как верил в себя самого. Служба морская требовала и слаженности, и небоязни трудностей, и, разумеется, взаимного доверия.

3.

Однако собственно плавание не началось ни шестого, ни даже седьмого.

Из "Дневных записок..."

...7. Простоял в самом устье для определения девиации судовых компасов, но свежий ветр и сильное течение реки не дозволили держать судно на разных румбах с надлежащей верностью, почему должен был отказаться от этого намерения. Только определив по наблюдениям отклонение компаса, я решился отложить сличение девиации до более удобного времени и в каком-нибудь закрытом месте..."

(В "Дневнике..." принципиально нового по этому дню нет, но кое-какие детали все же полезны. "Простоял на я к о р е..." Или "...почему я должен был отказаться от девиации и определил по наблюдениям склонение компаса". Но признаем, печатный текст в этом месте выразительнее, определеннее).

Девиация (в данном случае установление отклонения магнитной стрелки компаса от магнитного меридиана под воздействием больших масс железа и электромагнитных полей) 7 мая не удалась, и Бутакову пришлось от нее отказаться.

Но чтобы день не оказался пропащим, -

"...Вечером я свез команды обоих судов на берег для .обучения цельной стрельбе из штуцеров, причем израсходовано по 8 боевых патронов на каждого человека".

Штуцеры, или нарезные ружья, были для четвертого линейного вооружением новым, многим еще не известным. До поры, до времени сей новинкой российской армии вооружались только лучшие стрелки - их так и величали: штуцерн ы м и. Для обеспечения более безопасного плавания и отражения возможных нападений штуцерами снабдили и команды судов. Не персональными, каждого своим, но к меткой, прицельной стрельбе должен был приготовить себя любой.

На учебные стрельбы Бутаков в тот вечер списал 280 боевых патронов. Обручев строго требовал и счета, и отчета. Ну а качество подготовки военной-в первую голову.

Такой подготовке и был отдан последний вечер на Косарале, его северной оконечности.

Стрелял и нижний чин четвертого линейного Тарас Шевченко, в

списках рядовых замыкающий.

Насчет прикомандирования его к экспедиции в качестве ж и в о писца Бутаков в своем списке 1849-го года пометы не сделал. Но это было то, что подразумевалось само собою.

4.

О Шевченко-живописце, его работе на "Константине" и том, что будет и ним дальше, когда опись закончится, Алексей Иванович размышлял и наедине с собою, и, как говорится, практически.

Практически в смысле дела, эти размышления закреплявшего.

Еще 22 апреля отослал он в Оренбург рапорт.

Господину начальнику 23-й пехотной дивизии, генералу-лейтенанту и кавалеру Толмачеву Начальника описной экспедиции Аральского моря Рапорт

В команде вверенных мне судов находятся 4-го линейного батальона унтер-офицер Фома Вернер и рядовой Тарас Шевченко. Первый был мною был взят в прошлогоднее плавание по предложению г. подполковника Матвеева для исследования каменного угля, которого признаки были найдены на северо-западном берегу Аральского моря, и для геологических и ботанических наблюдений, причем он оказался весьма полезным, ибо честь открытия пласта каменного угля принадлежит ему, - а последний был назначен его высокопревосходительством господином корпусным командиром для снимания видов степи и на берегах Аральского моря. Оба они будут мне необходимо нужны по возвращении в Оренбург: унтер-офицер Вернер для окончательного составления геологического описания берегов и клас-сифицирования долженствующих быть отправленными в С.-Петербург образцов горных пород и ботанических экземпляров, которых собирание возложено на него, а рядовой Шевченко - для окончательной отделки живописных видов, чего в море сделать невозможно, и для перенесения гидрографических видов на карту после того, как она будет составлена в Оренбурге.

О чем вашему превосходительству почтительнейше имею честь донести, прося всепокорнейше соблаговолить сделать заблаговременное распоряжение об отправлении поименованных нижних чинов вместе со мною на линию из Раима, по окончании предстоящей навигации, а также о немедленной доставке их обоих из Орской крепости в Оренбург.

Капитан-лейтенант А. Б у таков. Косарал 22 апреля 1849 ... Что решат в Оренбурге? Каким будет ответ?

Перед тем, как сесть в лодки, команды распрощались. Разлучались надолго.

«БЕРЕГИСЬ»

I.

Как ни суди, а "Дневнику" из ЦГВИА быть на рабочем моем столе всегда рядом с "Дневными записками плавания...", а потому и надо в полной мере себе уяснить как происхождение его, так и назначение.

"Дневник Начальника описной экспедиции Аральского моря в плавание 1849 года" - в фонде Отдельного Оренбургского корпуса. Тут потому, что предназначался не для чего иного, как для отчета перед генералом от инфантерии В.А. Обручевым - инициатором, организатором и главным руководителем всего этого предприятия.

Что это, просто копия (пусть даже поправленная) с "основного" текста "Дневных записок..." или труд, имеющий самостоя- тельное значение? Но какой текст основной, а какой копи йный, может сказать только сам автор, Бутаков же подобной градации не произвел, решающего слова не обронил, оставил несколько автографов, а все остальное предоставил делать нам.

Первооснова, безусловно, одна: записи, которые Алексей Иванович вел день за днем, непосредственно на шхуне, выкраивая для этого немногие, относительно свободные, минуты.

Черновые записи высоким начальникам не посылают - элементарно неприлично, не принято, недопустимо, и вообще черновики еще не произведение. Им они становятся не раньше , чем произойдет тщательная фактологическая и литературная обработка. Не всегда она ведет к улучшения текста, иногда получается и наоборот, но... что сделано, то сделано, хозяин-барин.

Дневник...поденные (или дневные) записки... журнал...- смысл у этих понятий, как утверждал Даль, один и тот же; разнобоя тут выискивать не приходится. Различия в самих автографах: один черновой, другой с первоначальной обработкой, третий окончательный.

Этот, третий, Е.К.Бетгеру, ташкентскому библиографу, остался неизвестен. Мое внимание на рукопись в ЦГВИА обратил лет тридцать назад увлеченный историк, под конец жизни профессор,

Георгий Николаевич Чабров, но только сейчас у меня, как говорится, дошли р у к и. Дай Бог, чтобы дошли они и у других, прежде всего географов, и подсказала рукопись благую мысль: повторить подвиг Евгения Карловича Бетгера - издать Записки А.И.Бутакова снова, уже на более широкой основе.

Это нужно. Это важно.

А хорошим приложением к ним могли бы стать рапорты Бутакова о его плаваниях. Они, напомню, в фонде 410 ЦГАВМФ. Тут я воспользуюсь и ими.

2.

Из рапорта от 1 июля

...Перейдя вечером 6 мая с вверенным мне отрядом от места зимовки судов к устью Сыра, я сначала имел намерение посвятить весь следующий день определению девиации судовых компасов, но свежий ветр и сильное течение не дозволили удерживать судно на шпрингах в желаемых положениях, почему я нашелся вынужденным отложить сыскание девиации до более удобного времени...

"Шпринг - растительный или стальной трос, закрепленный одним концом на корме, а другим соединенный со становым якорем или якорной цепью, чтобы при переменах ветра или течения удержать корабль (судно) лагом к ветру или течению. Постановку корабля на шпринг широко использовали в парусном флоте..." (Из современного "Военно-морского словаря", 1988, с.511).

Ветер, стихший накануне к вечеру, не поднялся и ночью, и к утру. Бутакову это благоприятствовало.

Из "Дневных записо к..."

...8. В 1/27 часа утра с отрядом снялся с якоря. К 8 часам оба судна вылавировали из устья Сыра и направились к югу, вдоль восточного берега Аральского моря...

Из "Дневника..."

Начало, с незначительным отличием, то же, но после "Аральского моря" следует продолжение: "...каждое по своему назначению, а потом для определения астрономических пунктов, съемки отдаленных от берега островов и промера морского, а прапорщик Поспелов, на шхуне "Николай", к съемке восточного берега Аральского моря и прибрежного промера".

Из "Дневных записо к..."

...Разлучаясь со мной, шхуна Николай отсалютовала моему брейд-вымпелу 7 выстрелами, на что я отвечал ей равным числом. Вечером, заштилев, стал на якорь против острова Каскаулан на глубине 4 саж. К ночи скрепчало так, что я должен был отдать другой якорь. Берега островов, мимо которых я проходил, низменны, песчаны и с кустами саксаульника...

В "Дневнике..." детали, которых в приведенном тексте не найти.

На "Николае" отсалютовали из фальконетов (гладкоствольных орудий малого калибра) о

Берега островов были не только "низменны, песчаны", но и "поросшими по краям камышом, а в середине кустами саксаульника и джангыла".

Художника Шевченко эти мимолетные острова не привлекли ничем. К альбому не потянуло ни на мгновение. Все было так обыденно, как и многожды раз в прошлую морскую кампанию.

Мог сравнивать, мог выбирать. Глаза искали необыкновенн ое.

3.

"Дневные записки..." - следуем далее.

Второй день на морских волнах.

...9. Снялся с якоря в полдень при тихом ветре, но вечером, заштилев, снова положил якорь у острова Кушджитмес. В 5 ч. пополудни заметил в воде мох и мелкие травы, которых проносилось много; зачерпнув воды, увидел, что на поверхности ее выступали смолистые или жировые частицы, разливавшиеся по воде радужными цветами вроде нефти, но запаху не было слышно никакого.

Берега весьма отмелы, что заставляло идти с величайшею осторожностью и держаться вдали от берегов, ибо верстах в 4 и больше было глубины только 1 1/4 саж. (6-футовой меры), а иногда и меньше. Ночь простоял на якоре...

Снова у Кушджитмес а? Но накануне "Константин" стоял против острова с другим названием. Были здесь прошлым лет о м? Но такого названия нигде раньше не встречалось. "Снова положил якорь..." - понимать надо так, и только так; что же касается места

непредвиденной стоянки, то его имя прозвучало впервые и лишь отсюда вошло в шевченковскую замысловатую географию.

Здесь среди дня, до того, как стал на якорь, заметил Бутаков в воде "мох и морские травы". (Не "мелкие", а именно "морские" -уточняет "Дневник". Уточнения и дальше: проносились травы с з а п ада на восток, частицы были не "жировыми", а жирными -разница существенная).

Радужные пятна на поверхности рождали мысль о нефтяных выходах. Можно представить себе в этот момент геолога экспедиции Вернера и художника Шевченко. Смотрели на одно и то же, но каждый видел свое: Вернер - предположительную нефть, Шевченко -необычную игру красок.

Уже в этот , второй, день начали беспокоить мели. Народная мудрость утверждала: "Лучше десять раз поворотить, чем один раз на мель сесть". Но обратного ходу не было, пасовать перед мелью не приходилось, а вот соблюдать осторожность, сугубую осторожность, требовалось каждую минуту.

Ночевали спокойно.

Что сулит день грядущий? Продвинутся дальше или снова будут вертеться вокруг собственного хвоста?

Только три часа плыли по курсу, данному Бутаковым.

... 10. Снялся в 6 ч. утра, лишь только задул легкий ветерок, и пошел на SO, желая обогнуть южную оконечность острова Кушджитмес, чтобы осмотреть и определить устье Кувандарьи...

Но уже в девять... "В 9 ч. приткнулся к мели, тянущейся на 2 версты к северу и кругом версты на 1 1 /2 от двух маленьких песчаных островков. Мель эту, особенно опасную потому, что она выдается в море далеко от берегов и не заметна ни по чему, я назвал "Берегись!"

Название родилось из тревожного окрика на палубе шхуны. Кто крикнул первым? Первого, казалось, не было-возглас выдохнули все

разом.

"Берегись!.." Лучшего названия для гиблого этого места не придумаешь. Едва-едва избежали крупной неприятности. Врежешься в такую косу - не стащишься. Слава Господу, учуяли в самый раз...

...Снявшись с мели и приткнувшись к N на завозе, я послал вперед шлюпку для промера по направлению к острову Джангылу, находящемуся против устья Кувандарьи (по словам киргиза-вожака), вступил снова под паруса и последовал за шлюпкою; в 11 ч. по сигналу с шлюпки, что меньше 7 ф. глубины, стал на якорь на глубине 6 3/4 фута. В полдень засвежело, почему для нового промера нельзя было послать шлюпку ранее как в 2 1/2 ч. пополудни. Около мели "Берегись!" велел опять зачерпнуть из-за борта воды и заметил вчерашние признаки присутствия в ней жирного или смолистого вещества...

Осторожность требовала: уходить! уходить! Однако уйти Бутаков не мог. "Необходимость наблюдений астрономического пункта, по которому бы с вероятностью определилось положение мели "Берегись!", заставило меня подойти к острову Джангыл ближе, чем бы предписывало благоразумие, на глубине 6 ф.; но тут везде так мелко, что без риска подобного рода пришлось бы отказаться от всяких работ..."

Потом эти строки он вычеркнет как излишние. Но разве они не нужны? Разве не объясняют побудительные мотивы действия командира, задавшегося целью во что бы то ни стало нанести на карту эту, издали заметную, но такую коварную мель - врага всех будущих плавателей? Благоразумие благоразумием, риск риском, но если велит долг...

Долг велел, и он не уходил.

4.

О Джангыле, находящемся "против устья Кувандарьи", сообщил все тот же прошлогодний, испытанный в походах, "киргиз-вожак".

На "Константине" значился двадцать один член экипажа, а было их на самом деле двадцать два. И этот двадцать второй нес с собою исконное знание берегов Арала, бывших для него землей родной, землей обетованной.

От него исходили казахские названия, от него же - предания.

Продолжение и окончание той самой записи:

...На острове Джангыл, низменном с песчаными буграми, солонцом в середине, множеством камыша и разбросанными кустами гребенщика (джангыл-агач), видны следы небольшого киргизского кочевья, а также следы тигровые, волчьи, лисьи и кабаньи.

Однако в "Дневнике" Джангыл указан только как место, куда Бутаков послал сначала "шлюпку для промера", а потом "пошел за нею со шхуной". И все...

"Под вечер стал на якорь..." О поездке туда, о высадке на остров в записи "Дневника " - того, что в фонде ЦГВИА, - ни слова, ни полслова. А как же впечатления, переданные чуть выше, в словах из "Дневных записок"?

Они не этого дня, а уже из следующего. Из одиннадцатого мая.

В "Дневнике" день выглядит вполне определенно:

...11. Простоял на море за дровами. Остров этот низмен, с песчаными буграми, поросши к и кустарником джангылом, солонцом в середине и множеством камыша по закраинам. На нем видны следы небольшого киргизского кочевья, а также следы тигровые, волчьи, лисьи и кабаньи. Вечером я снялся и пошел для осмотра мели "Берегись" , но штиль и темнота заставили стать на якорь в 9 часов, не дойдя до нее...

Окончательная редакция тут. Но есть и еще одна - в рапорте от 1 июля. Соответствующее ее место читается так:

"...Стащившись с нее (мели - Л.Б.), я послал вперед шлюпку с промером и сам последовал за нею со шхуной по направлению к острову Джангыл у, у которого стал на якорь на глубине 6 3/4 ф. для определения астрономического пункта, по которому бы с верностью означилось положение мели "Берегись". На острове Джангыл, низменном, с песчаными буграми, множеством камыша по закраинам и разбросанными кустами джангыла (гребенщика), видны были следы небольшого киргизского зимовья, а также следы тигровые, волчьи, кабаньи и лисьи. Пробиваться с судном далее к устью Кувана было невозможно по мелководью. 11 -го мая делал на острове наблюдения и запасся дровами, а 12-го перешел к мели..."

Всюду свои детали - каждая новая, пусть мельчайшая, добавляет нечто к характеристике дня, к портрету острова, и пусть немного, к образу мыслей Бутакова с его командой.

5.

Не рисовал и Джангыл.

Может, все-таки рисовал, но никаких помет не сделал и потому подписи на листах репродукций безымянные?

Возможно и это.

Он обязан был рисовать, много рисовать.

Не проходило дня, когда бы мысли его не летели вслед бутаковско-му рапорту. Тому самому, апрельскому. О нем, его ближайшем будущем. А коль повезет, то и не только ближайшем...

Не мог и подумать, что именно вэтотдень, одиннадцатого мая, на рапорте появилась резолюция генерал-лейтенанта Толмачева: "Представить корпусному командиру для распоряжений завтра поутру. 11 мая"

"Завтра" - значит двенадцатого.

Из "Дневных записок"

...12. Снялся с якоря, прилавировал к мели, осмотрел, определил ее. На ней несметное множество яиц мартышек и детенышей, только что вылупившихся из яйца. Чтоб сделать эту мель хоть сколько-нибудь заметною, на ней устроили из птичьих гнезд знак.

Из "Дневника"

... 12. У т р о м прилавировал к мели, осмотрел и определил ее. Н а песчаных островках, составляющих ее основание, несметное множество яиц мартышек и детенышей их, только что

вылупившихся. Чтоб сделать эту мель сколько-нибудь заметною с м о р я, я устроил на ней из птичьих гнезд знак.

Из рапорта

...На песчаных островках, составляющих ее центр, несметное множество яиц чаечных и мартышечьих, и детенышей... я приказа л устроить из птичьих гнезд маяк...

Это было двенадцатого.

И двенадцатого же...

"Г. корпусной командир разрешил возвратить с г. Бутаковым Вер-нера и Шевченко, почему заготовить о сем бумагу г. начальнику дивизии и начальнику Раимского укрепления. Числить в 4-м батальоне и по окончании работы в Оренбурге возвратить в укрепление".

Последнее - насчет укрепления - радости, верное дело, не несло. Но что далеко заглядывать?

О резолюции Обручева Шевченко не знал и даже не подозревал. Дойдет до него генеральский приказ много позже. Добрые вести добираются куда медленнее худых.

ШТОРМ У ЧИКАН-АРАЛА

1.

Солдатом в Оренбургском корпусе был еще Рыбин Данила, его отец. "Из солдатских детей" - значилось во всех формулярах Козьмы (в документах так) Даниловича.

На три года моложе Шевченко, он уже почти пятнадцать лет ходил-ездил по этому необозримому краю, фиксируя все особенности его,вплоть до малейших.

Как вышел на пороге своих семнадцати из батальона военных кантонистов в Оренбурге, так и пошла, покатилась его тяжелая бродячая служба - без отпусков, без передышки.

"Для поступления из кантонистов в топографы должно выдержать строгий экзамен в следующем: 1/ в арифметике, 2/ а алгебре, до уравнения 2-й степени, 3/ в плоской геометрии, 4/ в чистописании и рисовании планов..." ("Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов. 1822-1872", СПб, 1872, с. 89).

Строгий экзамен был сдан в конце 1833 - начале 1834 годов. Еще более строгие, нарастающе сложные, а часто и опасны е, Рыбин держал каждый год.

"Нельзя не отдать полной похвалы трудам топографов, успевших в небольшой срок собрать сведения об обширном пространстве в 800000 квадратных верст. По мере накопления топографических сведений, были составлены и отполиграфированы при штабе Оренбургского военного округа разные карты, из которых наиболее замечательны карта Оренбургского края с киргизской степью Оренбургского ведомства в масштабе 10 верст в дюйме, на 83 листах, и две такие же карты в масштабе 20 верст в дюйме..." (Там же с.400-401). Было это итогом и тридцатых,' и сороковых, и пятидесятых годов, но начиналось еще при губернаторе Сухтелене, в 1830 году .когда на просторы отправились первые в крае профессиональные топографы. Со временем их становилось больше, но всегда оставалось так мало, что каждого знали всюду и, можно сказать, все. К таким относился и он, Козьма Рыбин, из топографов "первого призыва". Вся из полурота при Отдельном Оренбургском корпусе насчитывала 24 человека.

Трудились они и в степях, и на морях.

На Сырдарье и Аральском море - с сорок седьмого.

С началом экспедиции Бутакова - особенно.

В январском, 1849 года, письме "заведывающему флотилией для плавания по Аральскому морю", уведомляя его о производстве в следующий чин, Обручев, в частности, писал: "По возвращении в минувшем году из Раимского укрепления в г. Оренбург прикомандированных к корпусу топографов армии прапорщиков Голова и Акишева была составлена из сделанных им съемок карта Аральского моря с показанием путей следования а прошлом 1848г. под управлением вашим, шхун "Николай" и "Константин" и с нанесением вновь открытых островов..." Карта удостоилась похвалы самого государя императора. (Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедвина, ф.120, N 2593, л.34-35 об.) Но работ оставался еще непочатый край. Потом сделанное в 1849-м войдет в историю полувековой деятельности корпуса военных топографов: "Во время плавания по Аральскому морю шхун "Николай" и "Константин" топографами

Рыбиным и Христофоровым сняты в двухверстном масштабе западный, южный и восточные берега..." (с.394)

Михаил Христофоров занимался сейчас своим делом на "Николае", Козьма Рыбин обосновался на "Константине", и времени зря не терял. Для Шевченко он был прямым укором совести: топограф день-деньской работал, ему же работа на ум н е ш л а. Порою пристраивался рядом, присматривался к его действиям, но мысли заняться топографией самому, о чем кое-кто его спрашивал, все-таки не возникало.

Жилив одной каюте-единственной "офицерской" каюте на судне. Рыбин в офицеры еще не вышел - не первый год ходил в унтерах, но надежды получить погоны прапорщика не терял. (Получит он их после этой кампании, в феврале пятидесятого, в будущем же дослужится до капитана, но последнее потребует еще пятнадцати лет трудов и подвигов. Именно подвигов; большинства чинов Козьма Данилович удостоится "за отличие").

Отличия Рыбина были отмечены уже в формулярном его списке сороковых годов: "7 мая 1848 г. командирован из крепости Орской в...степь с отрядом, состоявшим из 176 казаков Оренбургского войска, под начальством корпуса топографов подпоручика Яковлева, для производства полуинструментальной съемки пространства, заключающегося между р. Сырдарьею и северными окраинами песков Каракум; на пути следования по означенной дороге к Уральскому укреплению, 26 мая, участвовал в отражении напавших на съемочный отряд вооруженных хивинцев и туркмен - около 1000 чел. При обратном следовании съемочного отряда к линии, командирован на службу в Раимское укрепление, где состоял в экспедиции при капитане-лейтенанте Бутакове для производства съемки берегов и островов Аральского моря... (ЦГВИА, ф. 1441, оп. 1, д.34, л.230-230 об.)

Ни себе, ни семье Рыбин не принадлежал. Все время в пути, в походах... Но на судьбу не сетовал - дело свое любил и ни на какое другое не променял бы.

...Взаимное расположение, симпатию друг у другу Шевченко и Рыбин почувствовали с первого же знакомства.

2.

Из "Дневных записок..."

...13. Снялся с якоря утром с намерением перейти к Царским островам для морского промера к ним и для промера около них, так как южный ветер не дозволял подаваться далее к югу; вскоре, однако, заштилело, ветер переменился, и я спустился далее вдоль островов,

прилегающих к восточному берегу Аральского моря. В 2 ч. пополудни стал на якорь у острова Чучка-баса. Ветер вскоре скрепчал от W с жестокими порывами, так что заставил отстаиваться на 2-х якорях.

14. Несколько тише, но все еще ветер крепкий с сильными порывами. Стоял на обоих якорях.

15. К полдню стихло. Снялся с якоря и приблизился к берегу; но шлюпки для съемки все еще нельзя было послать.

16. Ездил на остров для наблюдений и посылал топографа Рыбина для съемки, которую он кончил в 5 ч. вечера. Остров состоит из наносного, песчанистого и солонцеватого грунта; на нем есть в копа-нях снеговая вода, растет камыш и гребенщик в большом количестве. Нарубил дров.

В "Дневнике" опять же наблюдается авторское, писательско е, старание сделать записки свои поточнее, повыразительнее. Сравним первые строки относящегося к 13-му: "На рассвете снялся с якоря с намерением перейти для моркого промера к Царским островам, так как теплый ветер..." А вот измененный вариант концовки записи 16-го: "Остров состоит из наносного песчаного и солонцеватого грунта, сбуграми, поросшими кустами джанг ыла. По закраинам густые камыши, а в каналах х орошая снеговая вода".

С Бутаковым ли, с Рыбиным мог выезжать на остров и Шевченко. Чучка-баса (в "Дневнике" поправлено: баша) на карту попал в достаточно подробном виде. От утра до вечера времени было изрядно, так что топограф имел возможность снять все особенности берегов, их изгибы,- заливы, возвышенности-низменности, растительность. Не верится, что "молчал" карандаш Тараса и ничего не привлекло к е г о внимания. Ход размышлений моих снова и снова подводит к выводу: многое из нарисованного им все-таки не сохранилось, разошлось по рукам и до сих пор не собрано.

Только по репродукции в украинском художественном журнале "Малярство і скульптура" полувековой давности (1938, N 3) знаем мы акварель, публикуемую в восьмом томе под названием "Ост- ров Чи-кита-арал".

Тогда она была собственностью некоего П.Потоцкого. Первая, журнальная публикация имела подпись: "Неввдома акварель Т.Г.Шевченка. На берез! Аральского моря".

Уточнить, конкретизировать название помог Бутаков, явившийся нам всем своими "Дневными записками..." всего за десять лет до

выхода в свет серии томов живописно-графического шевченковского наследия.

Итак - картина, "нарисованная" Алексеем Ивановичем, "словесный портрет" Чикита-арала.

...17. Около полдня снялся и перешел к небольшому острову Чики-та-арал, для съемки которого посылал топографа. Остров окружен мелью и на нем огромное количество гнезд бакланьих, лебяжьих и бабы-птицы, в которых были уже детеныши разных возрастов. Ничего нет плюгавее меленьких бабенят: они родятся красные, без пуху, лежат в гнездах и только тяжело дышат. Заметил, что матки приносят им для пищи рыбу смотря по их возрасту: у только что родившихся были рыбки крошечные, величиною со снетка; потом более и все crescendo. У больших в зобу большие рыбы. Рожи гадкие. Лебедята прехорошенькие, бакланы родятся черными, и гнезда их подле бабьих. Лебедей, баб, бакланов, мартышек и больших чаек несметное множество. Остров низмен и покрыт раковинами; на нем растет камыш и разбросаны кусты гребенщика. На обоих этих островах нет следов пребывания киргизов.

Это из "Дневных записок..."

"Дневник" что-то исключает, но нечто существенное и добавляет. К примеру, такое:

-...на нем огромное количество гнезд пеликаньих, лебяжьих и бакланьих...

Или развернутое:

-...От гнезд этих по всему острову нестерпимая вонь; вокруг него носились и плавали в несметном множестве чайки, пеликаны, лебеди и бакланы...

В бутаковских строках находим мы то, что видим на акварели Шевченко. И вот что любопытно: Бутаков поначалу "пропустил" таких обитателей острова, как пеликаны, и лишь в "Дневнике...", переданном Обручеву, написал о плавающих вокруг "в несметном множестве" разнообразных птицах.

Не поправил ли самого себя, глядя на акварель Шевченко, тогда уже законченную?

Не предназначалась ли акварель в подарок Обручевым? Как одно из приложений к "Дневнику", своеобразное засвидетельствование его?.. И уже потом, из семьи оренбургского военного губернатора, от его потомков попала в руки коллекционера (или коллекционеров)... Не был ли неведомый нам П.Потоцкий в родстве с Обручевыми по нисходящей?

Оригинал не найден. Есть только репродукция.

На акварели остров такой, как в "Дневнике Начальника описной экспедиции Аральского моря..."

Тянущиеся цепью, уходящие в даль клочки и площади суши, живописно проросшие редкими деревьями и властно захваченные камышом, а вокруг вода, аральская вода, где так вольготно пеликану, баклану, лебедям, выстрелами не пуганным, свободным всегда и во всем. Человек на противоположном берегу - не враг; он не возьмет эту красоту на прицел, не порушит такую добрую, хрупкую тишину.

Может еще отыщется эта акварель из 16 мая? Надо искать.

3.

И уже шестнадцатого...

...Вечером снялся и перешел к острову Чикан-аралу, находящемуся на близком расстоянии к S, и стал на якорь по западную его сторону.

("...перешелк находящемуся недалекокюгуострову Чикан-аралу..." - в "Дневнике" так, с необходимым уточнением. Не к северу, а к югу - Бутаков себя поправляет).

Но съезжать на берег было, вероятно, поздно. Это командир отложил на завтра.

...18 В 4 часа утра при совершенном штиле послал для

съемки топографа...")

Но Арал капризен и непредсказуем.

...В 8 ч. ветр вдруг от W и засвежало, почему я тотчас сделал посланной на берег шлюпке сигнал с пушечным выстрелом; но ветер между тем скрепчал до того, что шлюпка не могла выгрести к судну, почему ее вытащили на берег. В 9 ч. утра ветр скрепчал до степени шторма, и я бросил другой якорь. В 1-м часу в один из жестоких порывов лопнул канат у даглистового якоря (с левой стороны). Опасаясь за плехт, так как я знал ненадежность канатов, я привязал обрывок даглистового каната к верпу и бросил его в помощь плехту. Волнение развело огромное и, так сказать, бурунное, отчего каждый вал с ужасною силою ударял шхуну, которая вообще легко всплывает на волны, и я ежеминутно ожидал гибели.

В 7 ч. вечера налетел страшный шквал с градом. Не постигаю, как не оборвались канаты и как мы уцелели. Потом во всю ночь ни ветр, ни волнение не смягчались нисколько; и мы обязаны спасением единственно Божию милосердию.

(Примечание Бутакова относительно ненадежности канатов: "Я испытывал их весною по штатному положению и кабельтовы выдерживали вместо узаконенного на казенных канатных заводах веса от 8 до 12 пуд. только 3 п. 3 ф.").

Гибель грозила всем, гибели ждал и Шевченко. Потому-то не спешу отойти от события, и не хочу любую возможность использовать, чтобы драма того дня прозвучала острее.

Привносить, однако, свое, подменять собственным, сочиненны м, подлинное не намерен по-прежнему. Путь к этому один - вернуться к свидетельствам Бутакова.

Прежде всего в "Дневнике".

Цитирую выборочно.

-...В 9 часов заревел настоящий шторм...

-...К счастию, после порыва, в который лопнул канат, ветр несколько смягчился на полчаса и позволил это сделать, но после того усилился снова и сопровождался страшными порывами...

-...ежеминутно ожидал, что нас сорвет и бросит в жертву голодной смерти на голый и безводный остров...

-... Потом, во всю мучительную ночь...

И совсем немного из первоиюльского рапорта.

"...Мне ежеминутно угрожала гибель. Особенно опасен был один, налетевший в 7 ч. вечера, страшный шквал с градом в 1/2 дюйма в диаметре. Не постигаю, как не оборвались вытянувшиеся в струну канаты, как нас не выбросило на берег и не разбило в щепки. Спасением нашим мы обязаны единственно Божию милосердию. До полуночи ни ветр, ни волнение не смягчались нисколько, и я был в крайней опасности..."

Но это во многом эмоции. Тот, кому рапорт адресован, и другие, которым доведется его читать, должны сделать выводы и для будущего. "При сем, - писал Бутаков,-считаю долгом не скрывать от вашего высокопревосходительства, что слабость канатов моих становых якорей возбуждает во мне самые серьезные опасения и тем более, что самый род моих теперешних действий заставляет меня часто стоять в таких местах, где вся надежда должна основываться на благонадежности якорей и канатов, в местах, которых в обыкновенном плавании мы обязаны избегать под строгою ответственностью".

Шторм бушевал и ночью.

...19. После полуночи ветр начал смягчаться...; в 10 ч. я сделал съемочной команде сигнал с пушечным выстрелом, и она возвратилась благополучно на судно, проголодав целые сутки...

Смягчение ветра, если точнее (в "Дневнике"), началось только в половине четвертого, а значит к рассвету. От того времени все мысли Бутакова были на острове Чикан-арал, где уже сутки находились Козьма Рыбин с матросами. Им досталось не меньше, чем тем, кто оставался на "Константа- не". Живы? Невредимы?

Живы!

Удалось им и лодку сберечь - от бурана упрятали надежно. Нашли укрытие и для себя.

Не нашли только еды. Голодать, к счастью пришлось не так уж долго - от утра до утра.

Не думали все это время о еде и на шхуне.

По выстрелу из пушки Рыбин сел в лодку, и она отправилась к судну.

4.

Чикан-арал запомнился.

Название это - и на карандашном рисунке Тараса Шевченко: В. б. чеканъ аралъ-4. В.б. - восточный берег, цифра в конце -обозначение непроясненное.

Рисовал с моря, с борта шхуны. Обзор был достаточно широким, но панорама открывалась скучная, серая. Места эти вполне могли стать их общей безвестной могилой. Слава Богу, не стали...

Зарисовка делалась в те часы 19-го, когда "Константин" с о б и р а лея с духом, чтобы отправиться дальше - иными словами, между десятью утра и часом пополудни (в это время снялось судно с якоря). После всего пережитого художник чувствовал себя не лучшим образом, но, понимал, это запечатлеть необходимо.

Позже - возможно уже в Оренбурге - беглый рисунок послужит основой акварели, которую облюбует для себя А.И.Бутаков. Долгое время будет она храниться в его семье, потом окажется в музеях; сейчас акварель в художественном музее Харькова.

Набросок обрел краски. Зажили и земля, и море, и небо. Они, казалось, навсегда сохранили память о дне, который едва не обернулся трагедией.

Шевченко, конечно, его запомнил.

Из "Дневных записок..."

19 (продолжение). В 1 ч. снялся с якоря, но не видя к югу островов, направился к восточному берегу, чтобы определить на нем астрономический пункт.

В 9 ч. вечера стал на якорь за темнотою, пройдя по северо-восточную сторону большого острова Аталык-арал, где было так мелко и глубина так неровна, что послал вперед шлюпку для промера,

(В "Дневнике" уточнение и тут: "...стал на якорь за темнотою, между берегом и большим островом Аталык-аралом, на глуб. 1 сажени").

Понимать надо так, что произошло это не раньше чем дал добр о Рыбин - отдыхать ему не приходилось.

...Каждый шаг давался тяжко.

Тяжко для всех.

"НЕ ДАЙ МЕНІ ЗАГИНУТЬ..."

1.

Бумаги в корпусном штабе были заготовлены, подписаны и без всяких задержек разосланы по адресам официальным.

Засвидетельствовал их своей подписью М.Л.Фантон-де-Веррайон, исправлявший должность начальника штаба и только что произведенный в генералы.

(Был он питомцем Муравьевского училища колонновожатых, в службу вступил поручиком, отличился в войне с Турцией, в частности в освобождении Болгарии, сделал довольно быструю карьеру. Участвуя в топографической съемке Бессарабии - проводилась она в 1821-1823 годах, молодой еще тогда офицер был добрым знакомцем и приятелем опального Пушкина, встречался с которым чуть не каждый вечер).

...Начальнику 23-й пехотной дивизии...

...Начальнику Раимского укрепления...

...N2149...

...N 2150...

"Вследствие ходатайства капитан-лейтенанте Бутакова его высокопревосходительство г.корпусной командир изволил разрешить отправить на линию с этим штаб-офицером для окончательных с ним занятий по возложенному на него поручению унтер-офицера Вернера и рядового Шевченко с тем, чтобы нижние чины эти, представленные в Оренбургский линейный N 4 батальон, по минованию в них здесь надобности были возвращены в Раимское укрепление.

Имею честь уведомить об этом ваше высокоблагородие к сведению и дальнейшему распоряжению".

В дивизионном штабе отношение получили тотчас: с корпусным пребывал он в одном здании.

А до Раима было далеко.

И еще дальше - до Кунган-сандана.

Хотя никто не знал, и знать не мог, где "Константин" в этот момент, на плаву ли вообще. Мог ведь быть и на дне морском...

2.

Позволю себе обратиться сразу не к печатным "Дневным запискам...", ак рукописному "Дневнику..." Как и некоторые предыдущие, следующая запись тут кажется мне более законченной.

...20. Перешел ближе к восточному берегу моря и стал на якорь у мыса Кунган-сандан. В 9 часов я поехал на берег с вооруженною партией для обозрения местности, полагая сначала, что это еще не материк, а один из многочисленных островов, которыми усеяна восточная часть моря. Людей я там не видал. Оставя часового у шлюпки и приказав остальным гребцам рыть колодец, чтоб узнать, нет ли пресной воды, я взял с собою топографа Рыбина и мы, вооружившись штуцерами, направились вдвоем во внутрь берега, чтоб оглядеться с какого-нибудь высокого холма. Пройдя версты 4, мы убедились, обозревая местность с возвышенности, что находимся действительно на материке. Полуостров Кунган-сандан выходит далеко в море, образуя по обе стороны большие заливы: на северную Уч-уткуль, а на южную г Бусай. Прибрежье полуострова состоит во-первых из низкой, в уровень с водою, песчаной равнины, на которой местами небольшие бугорки с камышом, далее тянется вдоль взморья ряд песчаных бугров (dunes), заросших кустарником - саксаулом, джалылом и куян-суюком - кустом, из которого киргизы и каракалпаки добывают себе желтое красильное вещество. Воду мы нашли в своих каналах горькую; следов кочевьев не было видно, но много попадалось следов лисьих, сайгачьих и кабаньих, хотя самих зверей мы не видали.

Около высот версты на 4 от взморья видно по остаткам обгорелых костров, что тут останавливались люди. Далее во внутрь берега тянулась мертвая пустыня, холмы которой были испещрены кустарником. В длину полуострова во внутрь тянется на 5 верст соленое озеро, имеющее сообщение с морем, шириною не более 100 сажен, а местами сажен в десять и менее. Озеро это мелко с морской стороны, где вход занесен песком, но чем дальше, тем становится глубже, так что его вброд переходить нельзя. Берега заливов, которые, по сторонам полуострова Кунган-сандана, составляют самые восточные части этого берега, который отсюда начинает склоняться к W...

Географическая проза - так можно назвать эти строки и собственно все, написанное Бутаковым. Единственным, кто оставил нам

свидетельства о тех днях, неделях, месяцах, причем абсолютно достоверные, лишенные малейшей авторской рисовки.

Досадно только, что нет здесь Шевченко.

...Но нет ли?

3.

В.б.полуостровъ Бусай

Лист тонированной бумаги, карандаш...

Единственное прямое свидетельство того, что в этот день, начинавший третью неделю по выходе из залива Косарала, он на судне не оставался.

Бусай - пусть не полуостров, а залив - упоминается в развернутой записи Бутакова. Значит, художник облюбовал южную сторону этой земли.

Вернер занялся колодцем - он должен был ответить, есть ли тут пресная вода. Бутаков с Рыбиным, "взяв по штуцеру на плечи" (так в "Дневных записках..."), отправились искать холмы, которые господствовали бы над местностью, давая возможность разглядеть ее полнее и шире. Ну а Шевченко ушел на поиск наиболее характерных для этих берегов пейзажей. Были они один другого

унылее, но в них обнажалась сама правда сурового, безлюдного края. Нашел местечко, пристроился, стал рисовать карандашом. Может, со временем захочется "перевести" все это в краски, в акварель, а пока...

Захотелось ли -не знаю. Акварели нет. Не дошло до нас все-таки много. Может даже больше чем дошло.

А пока смотрел взглядом ищущим, впитывающим. Глаза художника вбирали в себя и внешнее, и внутреннее - совсем не мертвое безмолвие. Для него чужое - для других свое, понятное и желанное. Горели, и гореть еще тут будут, костры кочевников - факелы жизни.

Может, именно здесь, в этот день, или на следующий, случилось то, о чем он годы спустя расскажет Михаиле Чалому и о чем тот, добросовестный, старательный биограф, поведает в своей книжке о жизни и творчестве Тараса Шевченко.

Что именно расскажет? А то, как однажды, отправившись на шлюпке к берегу и выйдя там, чтобы все осмотреть и зарисовать, он - сделав, наверное, свое дело - спрятался в высокой растительности, лег на спину, вверх животом, и предался "поэтическим мечтам". Матросы, сразу не обратив внимание на то, что Шевченко нет, отчалили, но ТуТ же спохватились, вернулись и стали аукать, звать его. "А я

лежу себе и молчу..." Признался, что думал даже как бы совсем тут остаться, но - матросы нашли.

Было где спрятаться и на Кунган-сандане.

Что касается поэтических мечтаний, то они овладевали им в самых неожиданных местах и в самой, казалось, неподходящей обстановке.

Заросли шляхи тернами На тую крашу, Мабуть я и нависи,
Навнси покинув.
Мабуть мен! не вернутись
Школи додому?
Мабудь меш доведеться
Читати самому
Ощ думи? Боже милий!
Тяжко меш жити!
Маю серце широкее -
Ні з ким подшити!
Не дав еси мет дол!,
Школи! школи!
Не дав серця молодого
3 тим серцем д!вочим
Поеднати! - Минулися
Моі дш і ноч!
Без рад осп, молоди!
Так собі минули
На чужиш. Не найшлося
3 ким серцем дштись,
А тепер не маю навггь
3 ким поговорити!
Тяжко меш, Боже милий,
Носити самому
Ощ думи. І не дшить
Ні з ким, - і шкому
Не сказать святого слова,
І душу убогу
Не радовать, і не корить
Чоловпса злого.
І умерти!.. О Господи!
Дай меш хоч глянуть
На народ отой убитий

На тую Украину!

Думалось об этом постоянно. Нослова не лились, не подгоняли одно другое, рождались трудно, как все выстраданное. Записывать их не торопился - не забудет. Искал самые уместные, самые точные. Никакой фальши, прочь случайное - только то, что впрямь способно выразить глубину его чувств, переживаний.

...Без радост! молодо!!

...Без радосп, молоди!

Только одна буква, всего одна запятая, а меняется, шире становится смысл.

...Порадовать, і укорить

...Не радовать, і не корить

Проще, понятнее и-мускулистее, что ли. Поэзия не может, не должна быть рыхлой, расплавленной.

...Не дай мен! загинуть
На чужин!, дай хоч глянуть
На тую крашу
...Не дай мен! згинуть
Отут на чужин!
...Дай мен! хоч глянуть
На народ стой убитий,
На тую Украину!

Стихи о доле собственной, но и о судьбе родного "убитого" народа, "святого слова", многострадальной Украины - средоточия его надежд. Такое за один присест не напишешь. Долго проворачиваться оно должно - в сердце его, в голове - прежде чем сочтешь хоть сколько-нибудь законченным.

"А я лежу себе и молчу..." О, это молчание Поэта!

4.

...21. Сделал наблюдения и нарубил дров.

Строка в "Дневнике":

...21. Сделал астрономические наблюдения и запасся дровами.

"Константин" с места не тронулся. Дел еще было много и погода благоприятствовала.

Дальше двинулись в воскресенье.

Шли с рассвета и до самого вечера.

...22. На рассвете послал вперед шлюпку для промера к выходу в пролив по южную сторону Аталык-арала и снялся с якоря вслед за нею.

В исходе 9 ч. вечера заштилело, почему я стал на якорь у северной оконечности большого острова, подход к которому от N есть обнаженная песчаная мель в 4 милях расстояния. Остров этот, не имеющий киргизского названия и первое открытие мое в нынешнем году, я назвал в честь его светлости начальника главного морского штаба е.и.в. Островом Меншикова.

Шевченко понимал: не из особого личного почтения и не из желания выслужиться нарекал искренне уважаемый им Бутаков новую землю сиятельным адмиральским именем. Не его то была охота - так повелевал служебный долг, этого требовала писанная и неписанная должностная инструкция. Наречение, выходит, являлось вынужденным. Тем паче сразу после многотрудного, едва не ставшего для них роковым, восемнадцатого, когда еще раз сказалась неподготовленность экспедиции, слабость ее оснащения, технического обеспечения, а шло все это, в конечном счете, от главного морского штаба и, значит, не от кого иного, как Меншикова. Нет, благодарности он не заслуживал, но... в его власти было помешать исследованиям Арала в будущем, осуществлению планов и намерений первопроходцев, благополучию многих судеб...

Не Меншикова ради, но Острова и Карты - ее истинности, ее г л а с н о с т и - остались здесь и на следующий день.

...23. На рассвете перешел по северо-западную сторону острова, послал топографа для съемки и людей для рытья копаней. На острове, которого длина 14, а наибольшая ширина около 11/2

верст, мы нашли отличную снеговую воду, которою тотчас же начали наливаться; к сожалению, мне удалось взять только 5 ведер воды... ибо после полдня ветр засвежел и заставил зайти за южную оконечность острова.. По восточную сторону...хорошо отстаиваться при крепких W и NW ветрах. К вечеру съемка острова была закончена... Бутаков испытывал удовлетворение. Рыбин все, что требовалось, зафиксировал. Но нас, безусловно, интересует Шевченко. В восьмом томе - как и ни где еще -его "Острова Меншикова" не сыскать. Это, конечно, не значит, что такого рисунка (таких рисунков), такой акварели (таких акварелей) не было. Сказав "а" (назвав остров именем адмирала), нельзя было не сказать "б" (предъявить остров его патрону), а предъявить можно было только при участии художника, о наличии которого в экспедиции высокопоставленный князь, безусловно, знал. Приходило ли кому в голову искать рисунки Шевченко в архивных фондах Меншикова Александра Сергеевича? Они в ЦГАВМФ, ЦГВИА, ПД - только тут 2409 дел. И это, не считая многих и многих попавших в фонды других Меншиковых...

ОТКРЫТИЯ И НЕУДАЧИ

1.

Открытия.как и неудачи, идут парами.

Накануне на карту был нанесен остров Меншикова, и вот еще одна удача - еще один неизвестный остров.

Прошло мимо, но не потому, что отмахнулись - нет, к тому обязывало уже принятое решение.Оно-то и заставило выйти в путь пораньше утром.

"Утром рано ..." - начинается следующая запись в "Дневнике".Уточнение появилось позже - представлялось существенным.

Возвращаюсь к страницам "Дневных записок..."

...24.Утром снялся с якоря и пошел вдоль берега далее на SW. В 10 ч. открылся небольшой остров, который я назвал в честь начальника пехоты Оренбургского отдельного корпуса Островом Толмачева, но съемку его отложил до другого времени, спеша к высотам на берегу, которые обещали удобный астрономический пункт.Около 1/2 8-го стал на якорь против острова Кызылчалы в расстоянии около 2-х верст.Ближе нельзя - примелко.

Остров Толмачева... Название дано было, как говорится, налету. Но явно не сходу. Для себя Бутаков решил этот вопрос раньше. Может еще тогда, в начале сентября прошлого года, когда на карте появилось имя Обручева - общепризнанного инициатора-организатора всех работ на Арале. Теперь, когда почтенными оказались царь с наследником и великим князем Константином, а с ними Меншиков, столь же всесильный, сколь и коварный, дошел черед до увековечения имени командира 23-й пехотной дивизии - второго, после Владимира Афанасьевича, лица в воинской верхушке края. Со стороны открывателя было это данью не чину, не посту, но человеку, личной благодарностью ему и за помощь официальную, и за расположение чисто дружеское.

Многое Афанасий Емельянович сделал, чтобы шхуна была построена поскорее и перевезена в полной исправности, чтобы командиры батальонов не чинили описной экспедиции никаких препятствий и во всем шли ей навстречу; просьбы Бутакова (ничего чрезмерного он не просил) на отказ доселе не наталкивались, больше того - когда требовалось - дивизионный генерал выступал, некоторым образом, посредником меж ними и придирчивым, неуступчивым Обручевым, готов был за него заступиться.

Лейтенант флота едва ли не с первых дней по приезде в Оренбург, в начале марта сорок восьмого, оказался принят семейством Толмаче-

вых - Тимашевых - на зависть другим офицерам, чином и повыше, родом познатнее. В болыпом, красивом каменном доме на главной улице (стоит он и доныне) дочь Толмачева, Надежда Афанасьевна, была гостеприимной, хлебосольной хозяйкой. Супруги Тимашевы потчевали многочисленных гостей не только изысканными блюдами, но и поэзией. Мать хозяина, Николая Егоровича, зятя Толмачева, была поэтессой; стихи ее, Екатерины Александровны, урожденной Загряжской, печатались в "Северных цветах" и "Литературной газете", о них с похвалой отзывался Пушкин,симпатизировавший Тимашевой и даже посвятивший молодой женщине стихотворение "Я видел вас, я их читал". Николай, служивший гвардейским офицером, а в отставку вышедший

надворным советником, в детстве своем Пушкина видел и слышал. Он знал наизусть стихи, посвященные его матери Баратынским, Вяземским, Языковым, Растопчиной и другими. Уже во время экспедиции Толмачев не раз выказывал Бутакову свое внимание и словом, и делом. Как не вспомнить факт из январского письма его к родным: "Получил письмо...от генерала Толмачева, который вместе с тем прислал мне целую груду гостинцев: 20 рябчиков (из Башкирии, где деревня его зятя), сигар, табаку, стеариновых свеч, окорок, масла, булочек и сухариков, муки крупчатой целый пуд, зеленого гороху..." Об этой присылке он вспомнил и два месяца спустя, в письме к Макшееву: "Провидение внушило благодетельную мысль А.Е.Толмачеву, и у нас началось чревоугодие велие".

Остров Толмачева...

Шевченко личной симпатии к недоступному ему генерал-лейтенанту не питал. Хватало того, что тот упек его в пятый линейный батальон, под начало клятого солдафона Мешкова. Но Бутаков, во-первых, мнения Тараса на сей счет не спрашивал - решил сам, как и подобало флотоводцу-открывателю.

Ну а, во-вторых, кому-кому, а своему капитан-лейтенанту он верил. Назвал - значит так и надо.Назвал - выходит видит в том прок.

Да и какое ему, нижнему чину, дело, чье имя получит клочок суши среди скучного-прескучного моря?

Эти мысли рождала накипавшая досада. На самом деле, в походе его касалось все.

2.

"Дневные записки": "На Бишкуме местность имеет много сходства с местностью Кунган-сандана..."

"Дневник": "На Кызылчалы местность совершенно сходна с местностью на Кунган-сандане..."

Из двух источников выделяю два названия. Но тут же предупреждаю: речь идет не о разных местах- одном и том же. Достигнутом "Константином" еще двадцать четвертого, однако остававшемся до поры до времени неприступным.

...25.До полдня свежий ветр не дозволил посылать шлюпку на берег. Но к 2 часам стихло, и я поехал на берег для рекогносцировки местности. Прибережье состоит из пространной песчаной равнины, на которой бугры с саксаульником и гребенщиком показываются пройдя около 1/2 версты во внутрь; потом идет длинный и местами узкий рукав моря, начинающийся с NO стороны. Желая удостовериться, остров ли это там или часть материка, я взял с собою унтер-офицера Вернера, собиравщего мимоходом ботанические экземпляры, и двух рядовых, все мы имели по штуцеру. Во внутрь берега виден был высокий дым (по словам моего киргиза, каракалпаки ходят туда жечь уголь для продажи в Хиве, где его употребляют в жаровнях); таким образом мы направились во внутрь берега к возвышенностям Джидели, поднимавшимся круто на 15 град., до которых я добрался пройдя утомительных 7 верст по сыпучим пескам и буграм. С высот этих я убедился, что нахожусь на острове, отделяющемся от материка узким проливом, врезывающимся глубокими заливами в оба берега. На Биш-куме местность имеет много сходства с местностью Кунган-сандана. Сначала, после заросшей местами камышом равнины, идут те же dunes, поросшие кустарником, потом узкий рукав моря, за которым растительности больше и грунт делается несколько тверже, хотя также песчаный, и потом холмы, возвышающиеся все более и более. На них я видел встречающихся в степи по северную сторону Сырдарьи маленьких зайцев с длинными задними ногами, похожих складом на новоголландских (австралийских) кенгуру, и сусликов. Растительность состоит из гребенщика (джангала), джидовника, изредка дикой конопли, куян-суюка (красильного желтого) и разных произрастающих на песках кустарников. По пути от рукава моря во внутрь попались два соленых озера: одно в окружности версты в 2 и другое верст в 8. Поздно вечером воротился я на судно.

Воспроизвел запись по привычным "Дневным запискам", хотя и стоило дать ее по "Дневнику", где очевидно больше отточенности. Прибавлю только концовку, приписанную после всего: "...где уже сильно обо мне беспокоились".

Беспокоился и Шевченко, проводивший на остров Бутакова с Вер-нером?

Беспокоился бы, конечно, останься он на шхуне. Теперь там беспокоились и о нем.

Но как же - в записи упоминаний о том нет... Называет - безымянно - еще разве что "двух рядовых", вооруженных, подобно капитан-лейтенанту и унтер-офицеру, штуцерами...

И все-таки на острове он был, прошел теми же дорогами-тропами, что описаны Бутаковым, тоже, что и Алексей Иванович, видел, вместе взбирался "к высотам Джидели,поднимающимся фут на 150" (в "Дневнике" редакция такая).

"С высот этих я убедился, что нахожусь на острове..." С одной, трудно доставшейся им всем, высоты увидел Шевченко значительную часть острова с главными особенностями его расположения, песчаную равнину с буграми, местами небольшие участки камыша, саксаула и другой растительности, водную гладь, а на ней далекие очертания "Константина".

Под карандашным рисунком его рукою написано: бишъ кумъ. В переводе это означает "пять песков". На Бишкуме они были 25 июня.

Более точное название - Кызылчалы - вытеснило первоначальное попозже. Шевченко рисовал Бишкум, но не Кызылчалы.

Рисовал не просто местность. Набросок пейзажа стал первым приближением к картине. Лист населен.

На первом плане некий усач, разделывающий тушу только что убитого дикого кабана. (В "Дневнике": "Попадались следы кабаньи, волчьи и лисьи, местами следы привалов киргизских или каракалпакских").

Рядом, чуть поодаль, за работой наблюдает приятель; штуцер отложен, он снял сапоги, - отдыхает после поединка с опасным и сильным зверем.

Легкой, едва заметной линией, обозначена подплывшая к совсем близкому берегу лодка. Один из гребцов подтаскивает ее на прибрежный грунт, другой собирается перешагнуть через борт. Тушу после разделки они погрузят и увезут на шхуну. То-то подивятся там, порадуются!..

Крохотные, порою мельчайшие, другому незаметные следы нашептывали сюжет, подсказывали образы. Вот эти двое - не совершенные ли, законченные живые люди?

Представляю себе, как увлекся замыслом. Осуществил? Не осуществил? Он был щедр, художник Тарас, и листы свои раздаривал безоглядно.

"Константин" простоял на месте и весь следующий день, все двадцать шестое. Но... "Крепкий ветер с моря, заставивший отстаиваться на 2-х якорях, не дозволил иметь сообщения с берегом".

Оставались до вечера двадцать седьмого.

...27. Утром поехал для астрономических наблюдений и вместе с тем приказал нарубить дров.

(Из "Дневника" - дальше, после этого: "Вместе с тем пробовал найти свежую воду в копанях, однако труды наши оказались напрасными -вода была совершенно горькая". Запасы пресной воды иссякали быстро, это тревожило).

Времени до половины шестого вечера было достаточно. "Поехал" -у Бутакова - вовсе не означает, что действовал в одиночку. Перечислил он то и такое, что требовало усилий коллективных, и видятся мне на острове не только начальник экспедиции, а и топограф Рыбин, Фома Вернер, матросы. Вижу по особому занимающего меня Шевченко. Замысел, возникший за два дня до того, мог обрасти новыми деталями, как равно была и возможность взяться за акварель...

Под вечер "Константин" двинулся по своему маршруту.

...В 1 /2 6 ч.вечера снялся и прошел к острову Обручева, где стал на якорь в исходе 9-го часа.

Там только переночевали. Манило к себе вновь открытое.

3.

Из "Дневных записок":

...28.Утром снялся и перешел к острову Толмачева, где стал на якорь в 1 ч. пополудни и тотчас же отправил топографа для съемки,которую он кончил в 6 ч.

Толмачев... Как отзовется на рапорт Бутакова о дозволении Шевченко и Вернеру отправиться сразу по окончании плавания не в Раим и не в Орскую - в Оренбург? У Фомы на этот счет шансов больше -унтер-офицер... Но что гадать? Пока надо набраться терпения - и ждать.

...Шшов же я св!т-за-оч!,

Доля заховалась
А воленьку люде добр!
І не торговали,
А без торгу закинули
В далеку неволю...
Щоб не росло таке з!лля
На нашому полю.

Так в автографе окончательном - том, который хранит "Бшыпа книжка".

Поначалу иные места складывались по другому. ...Шшов соб! свгг-за-оч! Не найшлася доля... Другой была и концовка:

...Щобнебуло свободного На нашому пол!!..

Захотят ли в Оренбурге видеть его пусть относительно, но свободным, пусть ненадолго, но художником, или оставаться ему по гроб жизни солдатом, да еще и самим царем покаранным? Нто ответит генерал?

Где-то еще есть, а, может, была и утрачена, шевченковская акварель небольшого острова, который 24 мая Бутаков нарек именем Толмачева.

Нарек с надеждой.

ЖАЖДА

1.

Май подходил к концу.

Вот хроника последних его дней в изложении опять же Бутакова, но не в "Дневных записках" и не в "Дневнике", а в рапорте от 1 июля.

"...Не найдя пресной воды на о.Толмачева, я решился налиться ею на о.Меншикова, но свежий противный ветр заставил отказаться от этого намерения.

29 мая, видя, что ветр не переменяется, зная, как здесь упорны северные ветры и в надежде найти где-нибудь дальше остров с снеговою водой, я снялся с якоря в 4 ч. утра для дальнейшего обозрения восточного берега; но примелкость его заставила меня держаться дальше к западу. К вечеру ветер засвежел и я стал на якорь в виду берега, против необитаемого восточного устья Амударьи, называемого Джал-пак.

30-го утром перешел несколько ближе к той косе, где в прошлом году нашел пресную воду; но скрепчавший ветр заставил стать на оба якоря.

31-го в 4 ч. утра посылал шлюпку для промера к OSO, но вскоре по возвращении ее ветр скрепчал снова, и я опять не мог тронуться с места..." (ЦГАВМФ, ф.410, оп.2, д.147, лл.52об.- 53).

Отсутствие воды, годной для питья и приготовления пищи, досаждало всего более. Заготовленная на Сырдарье у Косарала, как ни экономили ее, уже закончилась, источники пресной воды не попадались, морская была горько-соленой по вкусу и от употребления ее то один, то другой маялся желудком, корчился от болей.

- Вода, только вода... - качал головою фельдшер Истомин.

- От воды, - объяснял он появление золотушных нарывов на ногах и всем теле Тараса.

- Еще несколько дней и жди беды, - сокрушался "лейб-медик", понимавший, что взять питьевую воду негде.

Бутаков готов был - единственно ради воды - на любые действия; вот и к среднему устью Аму спустился ради того, чтобы перестали мучиться люди...

В прошлом году воду, вполне пригодную питьевую воду, он тут нашел; сейчас же, как назло, к ней, спасительной, не подпускал шальной ветер - не тронешься, не подплывешь. Экая беда! Хоть плачь!

Но что толку в стенаниях?..

2.

Алексей Иванович всегда помнил наставления отца, старого морского волка, всю жизнь ходившего по морям: "Пуше всего уважай и береги матроса".

Это было в традициях Российского флота, в самой душе его истинных сынов-офицеров.

Лейтенант В.Зарубин записал в свое время слова П.С.Нахимова, обращенные к морскому офицерству:

- Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудие на неприятеля.

- У мужика есть ум, душа, сердце, так же как и у всякого другого...

Эти слова - на видном месте в Морском музее над Невой. Памятные навсегда, вовек.

Капитан-лейтенант Юнкер на транспорте "Або" презирал своих матросов, издевался над ними, обворовывал их, наказывал по любому поводу и без всякого повода. Люди и голодали, и замерзали. Скольких матросов похоронили в чужих морях, сколько их вернулось для того только, чтобы умереть... И вдовы, и сироты - горе! Могло кругосветное плавание окончиться полным крахом, всеобщей трагедией. Обошлось чудом, а, вернее, стараниями Бутакова и других офицеров, его единомышленников.

Вспоминая месяцы кругосветки, он поверял теми горькими, тяжкими воспоминаниями свои сегодняшние действия на Аральском море, свой вседневный труд начальника экспедиции и командира на "Константине".

Никакого панибратства, никаких потачек Бутаков не допускал. Спрашивал с каждого, требовал по всем правилам. Считал нужным -наказывал. Морские уставы, как и дисциплинарные, уголовные постановления, были ему известны, широкие свои права знал, но пользовался ими разумно, применял осмотрительно и никогда - не позволял ни себе, ни дригим унижения матросской, солдатской личности, зуботычины и прочие рукоприкладства; никого не упек в арестантские команды и не списал в "безнадежные" - выговаривал, увещал, справлялся на месте. Меж тем под началом его были всякие; не из образцовых команды набирал, кого прислали, тем и довольствовался.

Довольствовался, но учил, подтягивал, требовал. В деле учил, примером воспитывал. Не спрашивал того, что не делал сам; сам же -пользы ради - был готов на все. И на рассвете, и в полночь - за работой.

Пекся о житейском. Чтобы поспать где было, надеть-обуть что, поесть-попить. Пьянства не терпел - в море особенно. За винными порциями следил самолично. И тут не прошли впустую уроки "Або" -они помнились, они предостерегали.

Есть у Нудатова такой эпизод:

"...Дамис послал Бутакову водку в бочонках для надобностей экспедиции. Капитан-лейтенант сейчас же разделил всю получку на всю команду, а через несколько дней, протрезвившись, послал новое требование, мотивируя его тем, что бочонки разбились при перевозке от беспрерывного прыганья по кочкам (которых, кстати, по дороге вовсе нет).

- Удивительная резвость бочонков! - заметил Дамис, посылая новый транспорт.

-1 то скажет! - прибавлял Шевченко, любивший рассказывать этот анекдот..."

Именно анекдот, причем в современном смысле этого понятия.

Нет, я не ханжа и отнюдь не против анекдотов. Но вкладывать в уста Шевченко рассказ такого рода, уличающий Бутакова в потакании пьянству и нетрезвости его собственной ("протрезвившись"...да еще "через несколько дней"...), значит возводить напраслину и на одного, и на другого. Вряд ли Нудатов сделал это со злым умыслом: морского офицера лично он почти не знал; сорок лет -не лучший срок и для воспоминаний достоверных; может в чем-то

погрешил Клеменсов, эпизод воспроизводивший. Так или иначе, нашего доверия он не заслуживает. Бутаков был совсем другим.

Много раз подступал Тарас к картине о морском их быте. Трудном, неустроенном, но...терпимом. В его альбомах несколько "палубных" набросков с людьми, и в каждом присутствующем нам видится свое, угадывается нечто индивидуальное.

Наиболее законченное в этой, если можно так сказать, серии -то, что в восьмом томе воспроизведено под номером 178. Точнейше переданы все детали оснащения кормы, ее походный

"уют". На ближнем плане - группа членов экипажа, занятых на досуге игрой в шашки или в кости; вдали еще одна фигура - что-то чинит, а может просто присел, не снимая облачения. Столь же четко, как и пушка, выписаны карандашом художника бочки. С водой?

Сейчас емкости для воды были пусты.

3.

Из того же рапорта:"...! -го июня перешел на расстоянии 1,5 миль к мысу, образуемому поросшим камышом речным наносом; но вода у якорного места была немногим преснее морской от постоянных сильных северных ветров.

2,3 и 4-го июня сильные северные ветры, несколько смягчавшиеся к вечеру. Все время отстаивался на обоих якорях.

5-го в 7 ч. утра, заведя и сличив хронометры, поехал на шлюпке, взяв топографа Рыбина и вооружившись на всякий случай 6 штуцерами и 4 мушкетонами, для осмотра залива Джалпак и места, где бы запастись пресною водой, которая у меня уже вся вышла.

...Большую часть залива мы выходили вброд, не видав на берегах признаков живой души. По-видимому, судя по наносным островкам, устье здешнее было прежде быстро и вливало в море большое количество воды; но волнением господствующих северных ветров и выносимое рекою грязью нанесло в него столько песку и ила, что оно постоянно засаривалось и мелело, а вместе с тем и течение его ослаблялось, от чего значительная часть воды устремлялась в среднее устье Амударьи, впадающее в море против о-ва Токмак-ата. Вода в заливе соленая; даже в самом русле она была солоновата, что меня весьма удивило, ибо в прошлом году я нашел у восточного мыса, вне перегораживающей залив отмели, совершенно пресную воду. Но тогда были продолжительные штили...

...Сделав с воды съемку залива, не углубляясь в южную сторону, я возвратился на судно в 1/2 2-го часа, но выгреб туда с трудом, при

усилившемся северном ветре, с двумя восьмиведерными бочонками воды..." (Лл.53-54).

Бочонки с водою - не пресной, но все-таки менее соленой, - скорее всего те, что на карандашном его рисунке.

В "Дневнике" Бутаков назовет эту воду "незавидной". И все же пить ее будут. Пить, морщась...

Мен!, щоб знали ви, не жаль Мое! молодост! и дос!, (А я уже сивоволосий), Ташод! така печаль, Осяде душу, аж заплачу... А надто (хлопц!) як побачу В сел! веселому, в ряднин! Малого хлопчина п!д тином

Мен! здається, що це я!
Що це вся молодость моя
Мен! здається що школе,
Воно не бачитиме вол!.
Свято! воленьки! що так
Його найкращи л!та
Даремне, марне пролетать
Що сам не знатиме де дггись
На с!м чудшм широк!м свт
Що п!де в люде, що колись,
Щоб в!н не плакав, не журився
Щоб хоч де-небудь прихилився
То оддадуть у москаль

Так записалось в аральские его месяцы, на море ли, на берегу каком - как узнать?

Потом стихотворение, уже в иной, новой редакции, перепишет автор в "Б!лыпу книжку".

Но увидит оно свет только в 1867-м - его знаменитое "І золото! и дорого!..."

Поиски воды осложняли и без того сложную работу Бутакова со товарищи.

Из "Дневных записок"

...6. В ночь стихло, и утром задул умеренный NNW ветер. Так как якорная стоянка здесь была неудобна у подветренного неприятельского берега, а за водою приходилось бы посылать

слишком далеко, следовательно с опасностью, и при том вода была немногим лучше чем за бортом, я решился сняться с якоря, чтобы налиться у острова Мен-шикова в надежде, что когда же нибудь переменится ветр, а в водяные ящики налил воду из-за борта, которая, как я упоминал выше, была несколько преснее здешней морской воды, но все-таки значительно горько-солоновата. К вечеру я прилавировал к мели поблизости Биш-кума и, заштилев, стал на якорь...

"Водяные ящики" (или "водные цистерны", как в "Дневнике") были достаточно полны, но никого, и тем паче Бутакова, это не радовало. Матросы и солдаты, все на судне не переставали болеть и работали через силу. Держались только надеждой. Но сколько еще можно ее испытывать?

Шли ночь, шли день. Слава Богу, погода на сей раз не мешала.

...11. В начале 6 ч. вечера я стал на якорь против острова Токмак-ата в 2-х милях от устьев реки, так что можно было наливать свежую воду из-за борта...

...12. Штиль. Налился водою...

Наконец-то, вода, желанная пресная вода, много воды, которую можно пить, сполна утоляя жажду!

Бутаков: "Лишь только команда начала пить хорошую воду, болезнь тотчас же прекратилась".

Может, и не тотчас, не в одночасье, но прекратилась впрямь.

Из конца мая и прожитых дней июня в альбомах Шевченко не осталось ни-че-го...

4.

Опись замедлялась и держалась только на энтузиазме немногих -Бутакова, Поспелова и Рыбина прежде всего.

...7. На рассвете снялся и начал лавировать к северу, но в исходе 6 часа стал на якорь, увидев перед собою мель, которую тотчас же послал промерить на шлюпке. Оказалось, что мель совершенно преграждала мне путь...

8. Весь день пролавировал и к вечеру стал на якорь у острова Толмачева, куда тотчас же послали шлюпку за дровами и для рытья копанеи; но вода здесь оказалась совершенно горькою, хуже чем когда искали ее тут в первый раз.

9. Простоял за островом на двух якорях при крепком и порывистом NNW ветре. К ночи заштилело.

10. Утром снялся с якоря и пошел к прилегающему к восточному берегу острову в надежде найти там воду; но и там поиски оказались тщетными...

Как ни старались, воду найти не удавалось. Поблизости ее не было - сомнения это не вызывало. К острову Меншикова в ближайшее время не пробиться: не пускали ветры, а лавировать на плоскодонном судне при зыби значило только терять время.

Время меж тем работало против них.

Того же, десятого, Бутаков записывал: "...Все мы страдали от соленой воды поносами и у многих из команды были в животе судороги".

В этот самый день, "опасаясь, чтоб поносы эти не превратились в кровавые и не началась смертность", он "нашелся вынужденным покориться крайности и, снявшись в ночь, спустился к среднему устью Аму, предпочтя его восточному, в котором господствующие свежие северные ветры могли не дозволить...еще целую неделю посылать шлюпку за довольно дурною водою".

К АМУ, РЕКЕ ПОКА ЧУЖОЙ

1.

Амурда.рья влекла Бутакова с особою силой.

Понимал: не изучив одной из двух главных рек бассейна, не поймешь и Арала в целом.

Многие годы спустя он напишет статью "Дельта и устья реки Аму-дарьи", которую напечатают "Отечественные записки". Статья будет начинаться так:

"Амударья, Оксус древних, пройдя одним общим руслом большую часть Хивинского ханства, начинает разветвляться в широте около 42 гр. 12 мин., долготе от Гринвича - 60 гр. 15 мин., между городами Кипчаком и Ходжайли, разделяясь на многие рукава, составляющие ее дельту. На середине пространства, занимаемого дельтой, почва образует род впадины, в которую вода сливается изо всех рукавов, кроме самого западного, в ряд озер, более или менее заросших камышами, из которых она потом снова стекает в отдельные русла, впадающие в Аральское море..."

Станет она, эта статья, открытием для русского, и не только русского, читателя, но не многие будут знать, чего, каких трудов, какого риска стоила она автору.

Река была чужой, приближение к ней грозило и распрями международными, и опасностью для жизни.

Однако опасность смертельная, прямая угроза многим, если не всем, таилась и в питьевом голоде, в непереносимой жажде.

Из двух зол - возможного конфликта и неминуемой гибели - Бута-ков выбрал риск во спасение.

Теперь воду пили хорошую, было ее сколько угодно, запаслись в полной мере. Но оставлять это место близ неприятельского берега командир не спешил.

...12. Штиль. Налился водою и ночью, приняв все нужн ы е предосторожности, осмотрел, взяв с собою топографа Рыбина, ближайший к острову Токмак-ата приток Амударьи; но до него идет обширная мель в 2 или 1,5 ф. глубины не больше. Из этого, а также из прошлогоднего осмотра этих устьев Аму, я убедился, что в этом рукаве реки через один только проток, перейденный мною вброд в прошлом году, где быстрина сбивала нас с ног, можно пройти на мелкосидящем железном пароходе...

Еще раз выделяю: ночью...приняв все меры... Опасность грозила не только ему, Бутакову, не только Рыбину и матросам на веслах лодки, а и другим, всем на "Константине".

Из статьи, с которой начал:

"...Прямо до моря, не прерываясь озерами, доходит только часть Амударьи, называемая...Талдыком, подразделяющимся перед впадением в море на несколько меньших протоков. Талдык составляет второе от запада из устьев Амударьи. В 1848 и 49 годах он имел весьма быстрое течение и 3 фута глубины на баре; в 1858 г. я нашел, что наносы его выдвинулись вперед версты на две против прежнего и на баре было только 1,25 и 1,5 фута глубины, а дно такое низкое, что мы с трудом вытаскивали ноги. По берегам Талдыка отличные луговые места, много пашен и бахчей..." . (Два примечания.

1. В записи "Дневника" за 11 июня есть такое географическое уточнение: "спустился к устью Амударьи, впадающему в залив Талдык".

2. Бар - гряда в прибрежной полосе морского дна, образованная наносами).

Вынужден повториться, но именно в записи 12 июня (цитирую на сей раз по неопубликованному "Дневнику") дано то подробное и выразительное описание, обойтись без которого, мне кажется, нельзя:

"На острове Токман-ата (в прошлогодних моих донесениях я называл его ошибочно Токмак-ата) я не видал ни жителей, ни признаков жилья, хотя по берегам залива Талдык были расположены большие аулы каракалпаков и виднелось много кибиток. Киргиз мой, бывавший здесь 8 лет тому назад, объяснил мне причину этой необитаемости: на острове Токмак-ата постоянных кочевьев не бывает, потому что для больших аулов остров слишком тесен, а малыми аулами каракалпаки не кочуют; но главное - на острове есть могила святого, куда, начиная с августа, приходит на поклонение много богомольцев, которых, однако, пускают туда не прежде, как собрав для хана ягоды джиды, для чего он посылает особых чиновников; кроме того, хан запрещает вырубать на острове лес. Киргизы говорят, что и сам хивинский хан посещает почти ежегодно могилу святого каракалпака. По всем этим причинам на о.Токмак-ата нет хлебопашества, и вот отчего на нем было так много народа и скота в исходе августа прошлого года, и так пусто в начале нынешнего июня..."

Залив не отпуска!.

Уже закончили разведку, уже определили "астрономически широту и долготу места судна" (снова "Дневные записки"), а отчалить не удавалось никак.

...13-15. Все эти дни прошли в лавировке из залива Талдыка. Тихие ветры с зыбью делали лавировку весьма медленною, но зато дали мне возможность сделать с судна довольно верную съемку берегов залива...

"Почти безуспешной лавировке..." - уточняет "Дневник". Безуспешным было лавирование - вполне успешной работа. В ней, конечно же, участвовал и Шевченко.

2.

... 16. Во втором часу ночи задул ровный NW ветр; я тотчас же снялся с якоря, но через 1,5 часа меня вогнало во все рифы, ветер скрепчал до шторма, зашел к NNO, развел огромное волнение (на глубине 7 саж) и начал нажимать меня к югу, почему я стал на оба якоря...

Сначала мешал штиль, теперь штормовой ветер - море снова и снова выказывало свой характер. Привыкнуть к нему, переменчивому непредсказуемо, было невозможно.

Бутаков все чаще заговаривал о "Николае" и Поспелове. Нарастала тревога: не разбились ли? живы? благополучны? Как начальник экспедиции, он отвечал и за вторую шхуну, за всех доверенных ему людей. Но думал о них не только по долгу службы - по человечески.

"Николая" надо разыскать. Во что бы то ни стало - разыскать...

После полудня следующего дня, семнадцатого, стихло, и в первом часу- .. .снялся с якоря и пошел...вдоль юго-восточного берега с тем, чтобы отыскать шхуну Николай и снабдить ее по возможности; в особенности, испытав сам крайнюю нужду в воде, я должен был опасаться, что и там в ней нуждаются, тем более, что на шхуне Николай нет железных ящиков, а вода в бочках скоро тухнет. Вместе с тем мне необходимо было передать прап. Поспелову некоторые сведения и узнать о ходе его работ...

Ожидание встречи, предвкушение встречи овладело каждым. У всех на "Константине" были там товарищи, друзья. Всех их объединяло одно, общее дело, роднила одна, единая судьба. Хотелось увидеться, обняться, наговориться.

Но найти плавателей оказалось непросто. На простоту задачи, конечно, и не рассчитывали, а все же надеялись: встретятся без лишних задержек, сойдутся поскорее.

Шли от полудня до полуночи, потом всю ночь, все утренние и дневные часы, пока, уже около пяти часов вечера, приблизились к южной оконечности острова Меншикова и тут стали на якорь.

Ни шхуны "Николай", ни следов ее обнаружить не удалось.

Северный, довольно сильный, ветер заставил простоять на якоре более полутора суток.

...19. Желая узнать место шхуны Николай, я пустил вечером две ракеты, но ответа на них не было...

Стоять не приходилось - искать следовало активно. Куда направить ход "Константина" далее?

...20. Утром снялся и пошел по восточную сторону острова Меншикова.

В 11 ч. стал на якорь у одного острова, прилегающего к восточному берегу.

Послав туда шлюпку за дровами, я узнал, что на мысе этого острова устроен съемочный маяк;

в 8 ч. вечера я съездил туда сам и убедился в истине своими глазами;

заключив из этого, что прап. Поспелов уже прошел к S от этого места и что я разминовался с ним, идучи ночью, я решил на другой же день спуститься к нему;

выпустил в 9 ч. вечера еще две ракеты, но и на этот сигнал ответа не было...

На абзацы запись разделил я. Согласитесь: это хроника; она и полна, и точна. День расписан по часам и решениям, часам и действиям.

От утра и до ночи весь он был пронизан одним - поиском.

Следующий день - тоже...

3.

Предвкушение значительного, важного обостряет чувства у всех. Ну а у "человека чувства" - поэта?

Вопрос риторический, никакого ответа не требующий. Обостряет, конечно. Даже если без того остры они до крайности.

Чувства требовали выхода.

Не оны на предстоящую встречу... Не посвящения славному Ксе-нофонту Егоровичу... Сочинить он мог все и про все, но на заказ, даже от себя самого исходящий, писать не любил и давно уже не пытался. Поэт - не виршеплет. Поэзия - сплав мыслей и переживаний, всего, чем живешь.

Писал в альбоме. Раскрыл на первом попавшемся листе и стал записывать теснившиеся в нем, переполнявшие его строки.

Дурн! та горд!! ми люди
На вс1х шляхах, по вс!й усюд!,
А хвалимось, що ось-то ми
І над землею і водою
І од палат та до тюрми
Усе цар!, а над собою
Аж деспота - так! цар!,
Всв!тлиц! розуму і вол!
Огонь премудрост! горить,
Як той маяк у сишм мор!
Чи те...в житейсьюм...

Писалось так. Черновой автограф сохранился, хотя и побывал, вместе с альбомом, под долгим, пятидесятисемилетним, арестом. Другого автографа не было и нет. Первая публикация состоялась в 1907-м, в журнале "Украша". Давно умершего автора поправлял публикатор или редактор. Исправил (читай - переделал, перекрутил) девятую-десятую строки, мною здесь выделенные.

І на престол! і в невол!
І все то те по добрш вол!...

С тех пор мы читаем это, об автографе забывая. А он есть, он жив! ...Чи те...в житейськ!м. Само так

У нас у костянш комор!
Горить розумний той маяк,
А ми оливи наливаем
Та байдуже соб! сшваем -
Чи то в годину, чи в напасть...

Перевел дыхание, задумался, и снова вернулся к рождавшемуся своему детищу.

...Орли, орли ви сизокршп,
Поки вам лихо не приснилось,
Хоч невеличке, хоч на час!
А там - пщ лавою в шиночку
Сховаетесь у холодочку.

Огонь небесний той погас,
І в тую костяну комору
Пол1зли свит 1знадвору,
Мов у калюжу, та и лежат ь...

В посмертном издании "Кобзаря" кем-то исправлено: "Мов у калюжу, та и с о п у т ь ". Печатается так и только так, вопреки единственному автографу.

...І добре роблять, що кують
На руки доби кайдани
Та чарки в руки не дають
Або ножа, а то б зараш
Гарненько з лиха б напились,
А пот1м з жалю заридали
Та батька, мат!р прокляли

I тих, хто до Христа держали.
А пот!м н!ж - і потекла
Свиняча кров, як та смола,
3 печ!нок ваших поросячих,
AnoriM...

Искал слова повыразительнее, поточнее. Ножа сначала не было ("Або ножа..." и т.д.). Было иначе:

...А ви б з нудьги понапивались
Та перер!зались би любо...

Перечеркнул, как и другую "пробу" продолжения:

Ще лихо в молод! б со6і спало
Сповитеэ...

Ни к чему, не годится и такое. Долой...

Помучился, пока не нашел бодее решительное, более злое. ...А пот1м...

На этом "пстм", на многозначительном вздохе, многотрудном перевале и замер, оборвал.

Отложил, чтобы додумать, дописать потом.

Не дописал. Стихотворение осталось незаконченным.

Не успел, не смог осуществить многое...

Из рап'орта Бутакова

"21-го, снявшись на рассвете, шел весь день вдоль берега и после солнечного заката увидел шхуну "Николай", которая по сигналу моему немедленно снялась с якоря и пошла ко мне навстречу. В 10 ч. вечера мы сошлись..."

Сошлись!

ВСТРЕЧА В НОЧИ

1.

Сошлись "после солнечного заката" (слова Бутакова в "Дневнике"). И довольно скоро разошлись -" в ночь".

Алексей Иванович принял рапорт командира "Николая" Поспелова. По его докладу, "все обстояло благополучно".

"...Прапорщик Поспелов сделал почти всю съемку восточного берега и ему оставалось кончить только 30 миль к югу, а в северной части на расстояние от о.Косарала до о.Кушджитмеса". ("Дневник").

Результаты были убедительными. Подтверждались они листами, которые взял с собою на борт "Константина" топограф Христофоров.

Сделали действительно немало. Но и досталось же шхуне!..

По горячим следам доклада Бутаков записывал:

-...Дурные качества шхуны, вовсе не могущей лавировать... хотя паруса и приспособлены для этого, значительно задерживали его и в опасных случаях усугубляли опасность...

-...Вода в бочках тухла через 4 дня, так что они были вынуждены вылить за борт, взятую из Сырдарьи, и нередко оставались на морской воде, что неминуемо сопровождалось поносами...

О воде было всего более. Только что пережитое самими делало то, с чем столкнулся "Николай", особенно понятным.

"...В устьях Кувандарьи, которых два, они воды вовсе не нашли, а видели только пересохшее русло. Кувандарья теперь вовсе не вливает воды в Аральское море; русло ее запружено киргизами на 60 верст во внутрь для земледелия. Вода в нем поддерживается в омутах от тающих снегов. Крайность заставляла прап.Поспелова, находившего сначала воду в копанях на островах (но вода эта не держалась в бочках и двух суток, а горкла и тухла), спускаться за водою к восточному устью Аму, к Джалпаку, где ему удалось запастись на несколько дней такою же солоноватой водою, какую я там брал..."

- Я отдал ему 60 ведер амударьинской воды, - фиксировал Бутаков, и звучало это как сообщение о награде, о поступке.

А ведь и впрямь: отдавал самое необходимое, делился жизненным. Когда еще удастся до хорошей воды дорваться...

Но подробный разбор всего отложили на будущее. Задерживаться здесь смысла не было. Бутаков решил это для себя заранее, а теперь убедился в том окончательно.

Распростились по-мужски сдержанно - до встречи, которая не должна была отдалиться надолго. Хотя раньше трех недель ждать ее не приходилось. Это если все будет благополучно...

Из "Дневных записок": "...в ночь направился к северу, чтоб иметь продольную полосу промера через все море и дополнить свой запас провизии в устье Сыра, дабы после не быть связанным в своих дальнейших действиях, испытав как в прошлогоднем, так и в нынешнем плавании, как легко в Аральском море идти на парусных судах от N к S, но зато как чрезвычайно трудно подниматься обратно".

Записывая по горячим следам встречи мысли, ею вызванные, Бу-таков рассуждал:

-...Шхуна Константин, хотя и плоскодонная, все еще может выигрывать лавировкою при умеренном ветре; но, к сожалению, здесь ровные умеренные ветры весьма редки, а чаще всего крепкие ветры, после которых всегда наступают штили с большою зыбью, делающие лавировку совершенно невозможною. Но прап. Поспелову, если на его счастье не задует попутного ветра, когда он кончит свои работы на юго-восточном берегу, будет весьма трудно попасть на север на таком судне, как шхуна Николай...

"Константин" шел к Косаралу.

2.

Тарас был рад увидеть Поспелова снова. Их свела экспедиция. Поход...прошлогоднее плавание...осенне-зимний Косарал... Один другого узнали, поняли, приняли, в общем - подружились. Сейчас обнимались братски. Что при встрече, что на прощанье. Поговорить на вольные темы, к сожалению, не привелось.

Из старых знакомцев были и гребцы. С ними обнимался тоже, но матросы рвались к своим, то-бишь астраханцам; он это понимал и не задерживал.

В офицерские каюте, где происходил доклад, Шевченко, можно сказать впервые, увидел в деле Христофорова, топографа с "Николая". Увидел и оценил. Тот был подстать Рыбину - таким же умелым, безотказным, мужественным. И он происходил из солдатских детей, и его путь к топографии пролег через Оренбургский батальон военных кантонистов. Заканчивал курс тамошнего обучения, а вернее срок подготовки к долгой службе в строю, двумя годами позднее Козьмы Даниловича. У Михаила Федоровича за плечами было всего тридцать лет жизни, но уже тринадцать - службы на стезе топографической. Ходить им и ходить по этим просторам долгие годы... (Ан нет, Христо-форову выпадут не долгие: умрет он всего семь лет спустя и где? на Сырдарьинской линии!) Последнее, однако, на лице его написано не было и ведомо сейчас только мне, листающему уже упоминавшийся "Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов".

...Посидели часа два, не больше. Пора было сниматься с якоря, медлить не приходилось.

...23-24. Шел к северу при благоприятных и легких ветерках то попутных, то боковых, становясь иногда на якорь, когда совершенно штилело.

25. Простоял на якоре за свежим противным ветром.

26-27. Лавировал к северу, пользуясь тем, что утром дули NO, а после полдня NW ветры, то легкие, то крепчавшие.

28-29. Лавировал с большим трудом к северу...

Из рапорта: "До устья Сырдарьи я добрался 30-го июня в 4 ч. пополудни".

Добрался с изрядным трудом. Мешали то и дело менявшиеся ветры, неустойчивые течения, штили.

Бутаков рассчитывал, что достигнет желанного места самое позднее двадцать девятого, но тогда, как и не раз до того, все обернулось иным: "Около полдня стал на якорь против форта (с морской стороны) и посылал шлюпку за водою из Дарьи и за живым бараном для освежения команды".

Шлюпка вернулась, доставив и воду, и барана; команда воспряла. Около солнечного заката опять "снялся и начал лавировать, но в 10 ч. веч. должен был стать на якорь".

Так и шли, пока судно не вылавировало к северной оконечности Косарала и вошло в долгожданное знакомое устье...

Безделья, разумеется, все эти дни не было.

3.

Больше всего завидовал Шевченко Бутакову: он получил письмо от братьев. Письмо пришло в Раим, потом на Косарал, а оттуда попало к нему прямо в море.

Тут же, на подступах к желанному форту, затеял писать ответ.

Аман булсын, братие!!...

Тебе, Яни, преогромное спасибо за твое послание, истыканное и прокопченное всеми карантинными ароматами... Жаль, что мое письмо попало в руки папуске, в которые оно, конечно, не предназначалось, потому что мне бы весьма не хотелось пугать наших стариков, но...

Хвала Аллаху, я отломал первую половину компании и теперь пру в Сырдарью за провизией и для освежения моей публики, которой 3/4 состоит из пехотных солдат, но ребят славных, которые понасобачи-

лись довольно скоро. Так как в Сырдарье мне придете ч писать длинный рапорт Обручеву, да длинное письмо светлейшему, да брать и вычислять соответствующие высоты и лунные расстояния..., то я принялся писать к вам теперь..., приближаясь с морским промером к устью Сыра.

Задала же мне ходу первая половина нынешнего плавания!.. Я,право, считаю совершенным чудом, что пишу "сии строки". Нынешнее лето я осматривал восточный берег Ар.моря, определял на нем астро-номич.пункты, делал съемку новооткрываемых островов и морской промер. 18 мая - день достопамятный; стоял я по западную сторону низменного песчаного острова, на 1,5 саж. глубины, и меня прихватило таким WSW, что можно бы было воскликнуть вместе с Шекспиром: Ад пустой, все черти здесь!!! Отойти невозможно ни в ту, ни в другую сторону, чтобы укрыться за островок; волнение развело страшное, бурунное, валившее с глубины; к довершению удовольствия в один из самых бешенных порывов лопнул даглистов канат и когда я привязал к остатку оборванного каната верп, который бросил в помощь плехту, налетел страшнейший шквал с градом в 1 /2 дюйма в диаметре - право не понимаю, как меня не сорвало и не выбросило на островишко, песчаный, безводный, на котором мы бы все передохли с голода и жажды. В прошлом году мне пришлось было очень и очень плохо, отстаиваясь на якорях с каменистым берегом за кормою, но в это 18 мая было еще хуже! Да избавит вас Аллах от подобных положений!

Здесь есть еще наслаждение для плавателей, это северные ветры! Ведь с трудом можно поверить, что NO - NW ветры дуют здесь с самого начала апреля!?... Судите о приятности и выгоде лавировки на плоскодонном судне при вечной зыби - если не ошибаюсь, я писал вам прежде, что волнение здесь всегда сильнее ветра и разводится сразу; ровных умеренных ветров в нынешнюю навигацию я почти не имел, а обыкновенно или штиль или чорт с цепи срывается. Чтобы извлечь из Арал-тынгыза какую-нибудь пользу, необходимы пароходы, а с парусными судами сделаешь немного. С севера на юг всегда легко попасть -тут за попутняками дело не станет, но с юга на север!..

...Если уцелею, то не знаю, приеду ли в нынешнюю зиму в Николаев, хотя средства и будут. Я рассчитываю воротиться в Петербург не ранее половины или исхода декабря - вам, вероятно, известно из письма моего к папуске, что я сделался знаменитым современником. Вследствие чего боюсь, что поздно будет проситься в отпуск, а впрочем увидим, что будет дальше, хотя мне бы весьма хотелось скорее явиться к нашим старикам в густых эполетах и в сиянии своей знаменитости. Но прежде всего надобно еще остаться целым, а это здесь не так легко как кажется.

У меня до вас, братие, есть еще просьба: в Черноморский флот поступил, как мне писали из Питера, дальновояжный спутник мой Н.Б.Фредерикс, которому сам шайтан подрядился пакостить в делах жизни сей, равно как и всем его братьям: старший убит, другой изувечен, третий (Сережа) умер в чахотке в цвете лет, а этого преследует судьба на всяком шагу. Познакомьтесь и сблизьтесь с ним; в особенности это относится к тебе, Грицко, потому что тебе к этому больше средств... Он малый благороднейшего характера и, право, достоин не такой горькой участи...

...Не знаю, какие новости найду я теперь на Косарале: летняя почта, вероятно, пришла уже в Раим - может быть матушка-Россия уже пылает воинственным жаром и поражает нечестивых; а нам здесь остается только поглядывать на нечестивую Хиву, да облизываться. Но авось доберемся и до нее!

Нынешнее лето я плаваю в роскоши, сравнительно с прошлым плаванием. Хотя основанием всему та же матросская порция, но я запасся от рыболовной компании балыками осетрины, да кроме того есть окорока (скоро скажу были, потому что доедаю последний), рис, крупчатой муки малая толика и на пустых песчаных островах попадалось много яиц лебяжьих, пеликаньих и чаечных - ... мы предаемся чревобесию.

Tbi.Demetrius Poliorutes, обязан мне хоть несколькими словами поведать о твоем достославном и победоносном плавании. Первое известие о победе "Орианды" я прочитал в "Инвалиде" - славно, черноморы!! Воображаю, как обрадовался Мишук! Я дал ему остров на Аральском море... Ты обезьяна милейшая, Володя, также должен поведать мне свое первое мичманское плавание... Послания этого не показывайте родителям - зачем их пугать!

А право было бы важно, если бы вся наша земноводная семья снова стеклась от всех четырех румбов компаса. Мы тогда попируем, как, помните, Грицко и Яни, ужин после знаменитого клубного бала -хороши мы были все трое! Поклон...всем, кто меня вспомнит.

Так как все-таки пробуду до декабря в Оренбурге, то адрес прежний: в штаб Оренб.отдельн.корпуса, а еще лучше, на имя генерал-лейтенанта Афанасия Емельяновича Толмачева в Оренбурге, для пересылки ко мне. (ЦГАВМФ, ф.4, д.82, лл.85-88 об.)

Над письмом значилась дата: 28 июня. Место писания было обозначено так: Арал- тынгыз. Арал-море... Арал-озеро... Стоит ли тому удивляться, если на море оно и писалось?

...Почему же исследователи отказывают в таком праве Шевченко-поэту? Отчего исключают естественную для стихотворца возможность поэтического творчества среди моря, на волнах?

Опять думаю о странной (и, конечно, несправедливой) приверженности многих к одному-единственному географическому названию под его стихами: Косарал.

4.

Бутаков подбирал и систематизировал материалы для отчета о половине кампании. Рыбин сиднем сидел над своими топографическими листами и одновременно снимал новое. Вернер колдовал над минералогической и ботанической коллекциями. Абизаров заставлял матросов и солдат драить, чистить, мыть, латать, заодно экзаменуя во всякой судовой премудрости.

Шевченко критически разглядывал все то, что рисовал без малого два месяца плавания. Был ли удовлетворен? Одним - да, другим -нет. Законченных работ считанные единицы, над прочими предстоит сидеть изрядное время и, лучше, в мастерской. Будет она, такая возможность? или не представиться? Удастся ли хоть когда-нибудь показать никому не ведомый Арал людям? Задумал и уже начал было свою "Живописную Украину" - не вышло, помешали... Как тяжко, что может прахом пойти и это!

Иногда за спиною его останавливались сотоварищи. Смотрели, узнавали, делились мнениями. Вот и публичная выставка - верниса ж "свободного художника". Но в том-то и горе, что не свободного. Им рисованное да не ему принадлежащее. Разойдется с отчетами или презентами высокопоставленным и... заляжет среди казенных бумаг, люди даже не увидят, не вспомнят. Сам себе не хозяин - хорош свободный художник, которого нахваливали что Брюллов, что Венецианов. Будущее они ему прочили, славу предсказывали; только слава та нищенкой пошла, а будущее... ищи и не сыщешь.

Заросли шляхи тернами
На тую крашу,
Мабуть я ii навши,
Навйси покинув...

Стихам переучета не делал: Бутаков не спросит, для отчета не потребуются, им он хозяин полный. Хозяин? Без права заниматься, сокровенным, со строжайшим запрещением писать?

Пишутся, конечно, но остаются без читателя, в темнице его солдатского сундучка. И никакого выхода не предвидится: кобзарь умер.

А может все-таки его ждут перемены? уже на этих днях, по приходе в Косарал?

Бутаков подбирал самые веские слова, чтобы восхвалитьлюдей экспедиции. Будет... непременно будет в его рапорте-отчете и такое:

"...Считаю долгом отозваться с величайшею похвалою об отличном усердии всех моих подчиненных. То же самое засвидетельствовал мне о своей команде прапорщик Поспелов, которому осмеливаюсь испрашивать особенно благосклонного внимания вашего высокопревосходительства, как офицеру знающему, распорядительному, неутомимому и отважному. Оба топографа отлично знают свое дело; унтер-офицер Вернер и фельдшер Истомин исполняют у меня штурманскую должность: стоят на вахте, ведут шканечный журнал, кроме того, что первый собирает геологические и ботанические экземпляры, а последний считает мне на хронометре во время астрономических наблюдений и записывает моменты высот светил и расстояний. О достоинствах нижних чинов, переведенных из морского ведомства, считаю излишним распространяться, но и пехотные солдаты, плавающие по морю первый год и составляющие большинство моих судовых команд, приучились так хорошо и так усердны и бойки, что я не могу ими нахвалиться. Один, ходивший со мною в прошлом году, выучил компас и уже состоит у меня рулевым. Одним словом, все служащие во вверенном мне отряде проникнуты сознанием того, что работают, исполняя священную царскую волю, и все преисполнены тем пламенным рвением, с которым она должна исполняться..."

Фамилии Шевченко, или хотя бы безымянной должности художника, в рапорте не будет.

Да, это сам Обручев дал добро на прикомандирование Тараса "для снимания видов". Но как неохотно, с какими колебаниями сделал такой шаг...

Да, во всех он списках личного состава, а значит не потайной и не заяц - вполне официальный член команды. Но, если приглядеться, -где-то там, в конце перечня нижних чинов, просто рядовых...

О том, что им недоволен, не может даже быть речи. Сделал многое, во всем чувствуется мастер... А если рапорту суждено пойти дальше Оренбурга, достигнуть высших инстанций? Не навлечет ли, упаси, Господи, на Шевченко новых бед?

о Не может Бутаков нахвалиться всеми солдатами... Обручев поймет: это и о нем, Шевченко.

Все служащие проникнуты сознанием... Проникнут, значит, и он. Дай, Бог, ему лучшей доли!

Но в рапорте своем будет все же осторожен - как бы не навредить...

"ХОЧ СЛОВО МУДРЕ..."

1.

Первой новостью, услышанной Бутаковым и его спутниками, когда "Константин" вошел в устье Сырдарьи и они оказались в форте (случилось то под вечер, или вечером, 30 июня) было известие о прибытии в Раимское укрепление высокой инспекции из Оренбурга. Главным в ней являлся командир первой бригады 23-й пехотной дивизии Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майор Федяев. Теперь инспекцию ожидали на Косарале. Прибыть ей сюда со дня на день и, конечно, не обойти шхуну, экспедицию в целом.

Логвин Иванович был человеком известным. Офицерское звание получил еще в войну с Наполеоном, тридцать семь лет назад; в генералы вышел только пять лет тому, когда под начало ему дали бригаду. Бригада есть бригада: строго определенное число батальонов, команд, рот, батарей, примерно одинаковое количество штыков и орудий. Эту выделяла дислокация. Первый батальон стоял в Уральске и на Мангышлаке, второй и третий имели своим центром Оренбург, но службу несли по всей западной, южной, северной части края, четвертый находился в Раиме и других степных укреплениях, пятый - в Орской крепости (с ротой в Илецкой Защите). Требовалось ездить и ездить, в самом Оренбурге пребывая лишь малую часть времени. Вот и теперь еще в начале мая отправился он на восток, чтобы из Орской проследовать в киргизскую степь для инспектирования Оренбургского, Уральского и Раимского укреплений со всеми фортами и прочими опорными пунктами. Косаралом в том числе.

Агапий Гаврилович Буренин, только что сменивший в командовании фортом Данилу Черторогова, тоже есаул Уральского казачьего войска, рассказывал: в Раиме генерал вникает во все до малейших мелочей, заглядывает в каждый закоулок, все норовит увидеть собственными глазами, прощупать своими руками и ничему не верит, пока не убедится самолично. Распеканку устраивает по всем правилам -слышал и наблюдал сам. Хотя - врать не станет, грех на душу не возьмет - никого пока не отстранил, никому не посулил ни разжалования, ни военного суда. В других укреплениях, говорят, обошлось. Бог даст, проскочит и тут. Но все-таки надо быть готовыми...

Буренин выражал свои опасения, а перед мысленным взором Бута-кова стоял генерал Федяев - старый служака и человек в годах, самый толстый на весь корпус. О странностях его ходили анекдоты. И о том,

как не признавал он зимней одежды и даже в лютую стужу шествовал по улице в сюртуке. Как обливался в сенях своего дома ледяной водой. Как умудрялся жить на один оклад, решительно отказываясь от любых подношений и категорически пресекая малейшую попытку улестить его материально. Его безупречная честность представлялась многим просто чудачеством, но уж таким он был - бессребренником во всем и всегда.

"Федяев был добряк..."

"К добрейшему бригадному генералу..."

Выписываю из воспоминаний современников.

О доброте его знали. Но инспекция есть инспекция, генерал есть генерал, при нем могли быть и отъявленные службисты, люди отнюдь не покладистые, - так что предупреждение Буренина нелишне.

Был или не был Шевченко при этом разговоре, о прибытии генеральской инспекции в Раим - и, совсем скоро, в Косарал - узнал он в тот же вечер.

Что этот визит несет с собой ему?..

2.

Хроника ближайших дней - по "Дневнику", в чем-то уточняющему, а кое-где и поправляющему опубликованные "Дневные записки". Итак...

Июль, 1. Утром поехал в форт для наблюдения соответствующих высот солнца. Когда я садился в шлюпку с хронометром Гауза в руках, один из гребцов, бравший весло, нечаянно подтолкнул меня им под локоть, от чего хронометр получил сильный толчок, но не остановился, а только переменил ход, о чем я в подробности описал в своем астрономическом журнале.

Это происшествие заслонило собою все. Сколько пришлось повозиться с капризным детищем Карла Фридриха Гаусса в Оренбурге, а потом в Раиме... Как оберегал точнейшие часы немецкого изобретения от всех неприятностей... И вот нелепая случайность, способная нарушить все планы.

Нового "Гаусса" можно было выписать только из Петербурга, через Академию наук, а это значит получить не раньше будущего года. Требовался же он сейчас и - каждый день.

Виноват, конечно, не матрос. Пенять надо на самого себя, исключительно на себя.

Шевченко (в этот раз, думается, Бутаков его с собою взял) на Косарал стремился. Во-первых, твердая почва под ногами. Во-вторых, места знакомые и, определенным образом, даже близкие. В-третьих, возможность встреч с людьми, которых давно не видел. Последнее, пожалуй, было главнее остального. Люди, с которыми коротал зиму, делил невзгоды бытия...

Кстати, Косарал описал в своем отчете о плавании также Ксено-фонт Поспелов, и пусть об этом острове напомнит сейчас он.

"Остров Косарал находится при устьях реки Сырдарьи, длина его с севера на юг 16 верст и ширина от 1-й до 7 верст. В 6-ти верстах от < северной оконечности форт вооружен 3-мя горными единорогами и 1 фалконетом, гарнизон до 75-ти человек нижних чинов, защищающий гавань и рыбные промыслы. Восточнее на этом острове возвышается солонцеватая гора, на которой в 3-х местах киргизские могилы... Остров песчан, бугры разбросаны на нем отдельными хребтами, между которыми растет редкий камыш и изредка мелкий кустарник джангыл. На острове постоянно кочуют

киргизы, занимающиеся рыболовством, а летом сеют в небольших количествах арбузы и дыни..." (ЦГВИА, Ф.1441,оп.1,д.34,л.200).

Тарас исходил его, кажется, из конца в конец, и знакомо ему тут было все. Многое рисовал, В любом случае, сейчас рисовать не тянуло. Никакой новизны, сколько ни смотрел, не видел. А ко всему, несмотря на утреннее время, стояла душная и пыльная жара. По этой причине на суше оказались все здешние рыбаки - они изнывали от безделья. (Документальное сего подтверждение - строки из делового рапорта от 15 июля: "...компанией рыбопромышленников, находящихся на Коса-1 рале, с 1 по 15 число сего месяца, по случаю сильных жаров, лова рыбы не производилась"; по той же причине не было его и во второй половине июля. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134, лл.12-13). Повидал Захряпина, поговорил с рыбаками, поприветствовал знакомых из казаков и пехоты; бедолаги, гоняли их при полной амуниции, готовя предстать пред очи оренбургского и батальонного начальства.

Сам себе в том не признаваясь, надеялся, что будут письма. От кого именно - сказать бы не смог. Хоть какие-то, хоть от кого-нибудь... Но письма его не ждали. Пиши себе, сиротина, сам - другого выхода, как видно, нет.

Сами собою зашевелились, заговорили стихи:

Х1ба самому написать
Таки послаше до себе
Та все дочиста разказать
Усе, щр треба, що и не треба,
А то не д!ждешся його,

Того писашя святого,
Свято! правди ш од кого,
Та и ждать не маю од кого... Так и затоскуешь, всеми забытый.

...Посмотрел на Бутакова. Спросил его одними глазами. Нет, не пришел и ответ на рапорт насчет него с Вернером.

- Может, завтра объявит что господин генерал-майор... Завтра?

3.

Бутаков спешил писать рапорт Обручеву - свой отчет о первой половине навигации нынешнего года.

"Вчерашнего числа, для дополнения запаса морской провизии, для освежения команды, астрономических наблюдений и некоторых исправлений зашел в устье р.Сырдарьи, - докладывал он, - На вверенной мне шхуне "Константин" все обстоит благополучно, больных нет..."

И дальше, зная требовательность командира корпуса в отношении малейших подробностей, излагал все по дням. Короче нежели в "Дневных записках", но достаточно обстоятельно.

Рапорт, датированный 1 -м июля, - один из важных источников всей этой части, я его не раз цитировал, и представление о не.м мы имеем. В общем и в целом во все "мелочи" генерала от инфантерии не посвящал, однако ничего существенного не упускал.

"...Для успешного плавания по Аральскому морю необходимы пароходы..."

"...Для основания рыболовной ватаги...нет лучшего /места/ как на
острове Токмак-ата..."

"...Солонина, заготовление которой было возложено прошлою зимою на прапорщика Поспелова, при доставленных в изобилии специях, оказалась весьма хорошею..." (Попутно польстил: "Присланное вашим превосходительством масло превосходно").

"...Работы мои в первую половину нынешней навигации весьма замедлялись постоянными свежими N ветрами и бурливыми погодами. Сколько я мог заметить, плавание от N к S здесь всегда легко и может совершаться скоро на парусных судах, но зато путь от юга к северу при господствующих северных ветрах весьма труден, в особенности на судах плоскодонных..."

Бутаков подводил к выводам, не навязывая их сколько-нибудь категорически. Решать высшему начальству, он только высказывает мнение.

Конечно, написал о похвальных действиях всей команды.

И, естественно, о планах:

"...Прапорщику Поспелову я приказал возвратиться в Сыр лишь только он кончит съемку восточного берега, произведенную им так скоро и успешно, потом, налившись водою, запасшись провизией и подкрепив свою команду свежим мясом, он пойдет сперва доделывать небольшой участок съемки по южную сторону Косарала, а после того для промера в северную часть моря. Я же, кончив здесь наблюдения и доприняв в Раиме провизию, пойду к полуострову Куланды, откуда досниму западный берег, поверю прошлогодние астрономические пункты, сделаю промер Царских островов и несколько полос морского промера, а перед окончанием компании зайду в северную часть моря для наблюдений и геологического описания берегов..."

Сделать еще предстояло много.

Тарас тем временем изливал душу в стихах, забурливших в немі
после того, как никакого письма не оказалось.
...Та и ждать не маю од кого,
Бо вже б, здавалося, пора:
Либонь, уже десяте лгго,
Як людям дав я "Кобзаря",
А 1м неначе рот зашито,
НіхТО и не гавкне, не лайне,
Неначейнебулепохвали соб1, громадо! -
Без не! може обШдусь, -
А ради жду соб1, поради!
Та мабуть в яму перейду
1з москатв, а не д!ждусь!

Новое стихотворение рождалось на одном дыхании, изливалось на бумагу как исповедь, которую не можешь удержать в себе, утаить, не излить перед Богом. Богом и - людьми.

...Меш, було, аж серце млшо, -
Мш Боже милий! як хотшось,
Щоб хто-небудь мен! сказав
Хоч слово мудре; щоб я знав,
Для кого я пишу? для чого?
За що я Вкрашу люблю?
Чи варт вона огня святого?..
Бо хоч застариось затого,
А ще не знаю, що роблю.
Пишу соб1, щоб не мшяти
Часа святого так на так,

Та шод! старий козак Верзеться гршшому, усатий, 3 своею волею меш На чортм ворот-кон!! А бшып шчого я не знаю, Хоч я за це і пропадаю Тепер в далекш сторон!...

Неполученные письма были только толчком, всего-навсего толчком, чтобы выплеснуть наружу все, что камнем лежит на сердце, что душу бередит, ни днем, ни ночью не дает покоя. ...Чи доля так оце зробила? Чи мати Богу не молилась, Як понесла мене. Що я -Неначе лютая зм!я Розтоптана в степу здихае, Захода сонця дожидае. Отак-то я тепер терплю, Та смерть 1з степу виглядаю, А за що, ей-богу, не знаю! А все-таки ii люблю, Мою Украшу широку, Хоч я по ш і одинокий (Бо, бачте, пари не найшов) Аж до погибел! дшшов...

Всю эту исповедь можно было бы не воспроизводить - она в каждом современном издании поэзии Т.Шевченко. Раскрой на нужных страницах и читай-перечитывай, вслух или про себя - как угодно. Пытался дать стихотворение отдельными строками или строфами -очертить, так сказать, выделить главное. Не смог сделать ни того, ни другого.

Воспроизвожу полностью - таким, каким родилось, и там, где, по убеждению моему, родилось.

На шхуне, в устье Сырдарьи, в канун важного дня...

...Шчого, друже, не журися!

В дулевину себе закуй, Гарненко Богу помолися, А на громаду хоч наплюй! Вона - капуста головата. А вт!м, як знаэш, пане-брате, Не дурень, сам соб! м!ркуй.

И точка.

Может, хотел еще что добавить. Может, собирался продолжить.

Не продолжил, не добавил. Выразил все, что назрело и созрело. Поднялся над самим собою - не часто такое бывает.

...Но переписав с поправками в "Малу книжку", перечеркнул карандашом и в "Бшыпу книжку" не внес. Почему?

Ночь принесла прохладу. Можно было дышать.

ДОБРАЯ ВЕСТЬ.

1.

Едва забрезжил рассвет, как на "Константине" объявили побудку. Рахматулла Абизаров, старший над командой матросов - настоящих, астраханских, и новоявленных, здешних, - рьяно взялся за пригонку амуниции.

Тарас возненавидел эту тягостную процедуру еще в Орской. В майско-июньском походе лета прошлого года, в Раимском укреплении и на Косарале, снова в Раиме и тем паче в морских плаваниях, от такого удовольствия он был избавлен. А вот теперь опять извлекай свой парадный наряд, чисть его, наглаживай, ушивай-подшивай, одевайся-показывайся, снова снимай, снова мудруй, затягивайся потуже, рапортуй унтеру - как же, грядет генеральский смотр. Но если сегодня его не будет? Значит, и завтра такое, чего доброго - и послезавтра?

Федяев прибыл, спасибо ему, именно в этот день. Когда точнее? В Летописях названо 3 июля - так в "Дневных записках". Однако вот "Дневник", и в нем вполне отчетливо значится:

...2,3. Господин генерал-майор Федяев посещал шхуну и делал команде инспекторский смотр...

Смотр прошел легче, нежели подготовка к нему. Стояла несусветная жара, толстенный генерал изнывал под беспощадным солнцем, к выправке команды особо не придирался - можно было считать, что, остался доволен.

- Пронесло! - шептал унтер-офицер Абизаров. Доволен он был и тем, что никто в команде не заявил никаких претензий. Бригадный, ходили разговоры, насчет претензий был строг - докапывался до самого нутра.

Обходя недлинный строй на палубе шхуны, возле Шевченко Федяев остановился. Поздоровался с ним особо, положил ему на плечо свою мягкую, носильную кисть, посмотрел в глаза. Засвидетельствовал, что помнит? Или имел в виду нечто другое?

Чуть поодаль стояли сопровождавшие генерала Матвеев, Дамис и ...Герн!

2.

Штабс-капитан Герн, интеллигентнейший и обходительнейший Герн, передал ему приветы из Оренбурга и Орской, сообщил что знал о знакомых, поведал кое-какие новости тамошней жизни.

По поручению генерала, он отдал Тарасу краски, привезенные для него. От кого? То ли от Лазаревского, то ли от кого-то еще... Понял: о красках позаботился сам Карл Иванович, а подвиг его на это Федяев.

Из воспоминаний Нудатова:"...ГенералФедяев...привез Тарасу Григорьевичу набор красок. Полагать надо, что все эти краски были поглощены надобностями экспедиции..."

Нудатов, как видно из контекста Д.Клеменсова, относил привоз красок к сорок восьмому, но было то в сорок девятом, июльские его дни.

Как обидно, что воспоминания К.И.Герна о Шевченко предельно лаконичны и сообщают лишь малую толику известного их автору... О встрече 1849-го в них ни слова, будто ее и не было.

"Добрейшего бригадного генерала" он, в связи с заботой о поэте, вспоминает тепло, благодарно,но...приведенный им факт - более ранний.

А они были близки на протяжении долгих лет, о чем говорит уже то, что Федяев являлся воспреемником двух дочерей и сына Герна, своим человеком, другом в семье офицера, в его доме, где позже на некоторое время поселиться и оказавшийся в Оренбурге Шевченко.

Герн бывал в здешних местах еще в сорок седьмом, когда сопровождал к месту закладки будущего Раимского укрепления В.А.Обручева. Тогда он проплыл на катере, или гребной шлюпке, от Раима до устья Сырдарьи, ходил на "Николае" в море и, в общем, почувствовал себя моряком. Карл Иванович, конечно, не преминул спросить Шевченко о его впечатлениях, поинтересовался нарисованным.

Но времени у него было очень мало и принадлежало оно не ему, а генералу, при коем надлежало быть безотлучно.

...О рапорте Бутакова разговора меж ними не возникло. Тараса Герн не утешал, скорого облегчения судьбы ему не сулил. Разве что выразил пожелание встречи в недалеком будущем.

3.

Продолжение записи за 2 и 3 июля в "Дневнике" такое: ...После полдня я поехал в Раимское укрепление для приема морской провизии на остальное время кампании и для указания некоторых кузнечных исправлений.

И тут же неожиданное:

...В течение первой половины кампании нынешнего лета по слабости отпущенного мне уксуса, для сбережения здоровья команды, я находил необходимым выдавать двойную порцию его против регламентной.

Абзац этот в общий тон "Дневника" не вписывается. Но он тут есть. Что его вызвало?

Перерасход спасительного уксуса в рапорте командиру корпуса, врученном 2 июля - для передачи по принадлежности - генерал-майору Федяеву, упомянут не был. Дотошно требовательный, хозяйственный во всем Обручев мог заподозрить его в утайке. Это надо было предупредить. "Неуместную", сугубо частную мысль вписал в "Дневник", тоже предназначенный для главного военного начальника.

Такая моя первая версия. Ну а вторая связана с Федяевым, не менее дотошным, чем Обручев. Явствует это хотя бы из замечаний генерала-инспектора по отчету Матвеева, касавшемуся, в основном, дел хозяйственных.

Два-три примера.

Матвеев настаивал на воспрещении частным лицам покупать у киргизов хлеб. "Мера насильственная, вредная, в особенности при первоначальном занятии края. Киргизец продает свои избытки тому, кто ему предоставит наиболее выгоды".

Матвеев отмечал успешную рассадку в 1848 году коренчатого хрена. "Не только хрен, но и все прочие вещи, должны на будущее время сеяться собственными способами и семенами".

В отчете высказывалось пожелание, чтобы башкирских лошадей, пришедших на путях к укреплению в изнурение, с согласия хозяев брать по оценке в казну. Федяев комментировал: "Это была бы особая милость начальства. Но с другой стороны, не лучше ли стараться достигнуть того, чтобы башкирские лошади не были доводимы до крайнего изнурения..." (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12734, лл.3-10).

Примеры косвенные, но и эту мою версию они подтверждают.

После полдня... В Раим Федяев со всей своей свитой и Бутаковым отплывали во второй половине дня 3 июля. Было воскресенье... жарчайшее июльское воскресенье...Шевченко стоял среди провожающих. Генерал подал ему руку. Герн дружески улыбался. Матвеев молча извинился: жаль, мол, катер тесен и не в моей власти, а то бы взял.

Ушли, когда катер уже скрылся из виду. Как было, так и оставалось все без перемен. Даже без надежд на перемены. А ведь на что-то рассчитывал...

4.

Четвертое. Пятое. Шестое. Седьмое. Восьмое... За этими числами в бутаковском "Дневнике' не закреплено никаких событий - ни больших, ни малых. Алексей Иванович находился в Раимском укреплении. Занимался делами экспедиции, решал вопросы с Федяевым и другими военными чинами, общался с приятелями.

Тут получил письма. Родителям сразу же написал ответ. 7 июля 1849. Раим.

Пишу к Вам на лету, милые родители, потому что столько официального писания, а времени так мало, что у меня голова ходит кругом. Первую половину кампании отломал благополучно, сделал много и в половине сентября надеюсь разделаться окончательно с Арал-тынгы-зом.

Письмо Ваше, тятинька, получил и благодарю за эту отрадную весточку донельзя, а в опровержение Ваших опасений приведу только фразу из имеющегося у меня документа-предписания командира Оренбургского отдельного корпуса. Там сказано: по окончании Ваших работ на Аральском море предписываю вашему высокоблагородию сдать суда начальнику Раимского укрепления и немедленно возвратиться в Оренбург.

Какая же вопиющая нелепость в выписке, присланной Вами из "Инвалида"! С чего взял этот людоед врать о плавающих по Аральскому морю купеческих судах!? Кроме моих двух судов, плюгавейшей посудины рыболовной компании и лодок, на которых рыбаки разъезжают по Сырдарье, тут нет, не было и,вероятно, долго еще не будет никакого судоходства. А этого варвара еще благодарят за его любопытные сведения!!..

Мне пишут из Петербурга, что посланы две пары эполет с верми-шелями для украшения моей персоны - одну посылает гр. Гейден, а другую приятель мой и кругосветный спутник Голицын, но ни те, ни другие не дошли еще до меня.

А у нас в степи все спокойно; о хивинцах слухи замолкли. Один из хивинских киргизов похитил каракалпачку и утек с нею из хивинской земли на берега Сырдарьи. Он рассказывал, между прочим, что в Хиве всю зиму отмаливались в мечетях от русского нашествия, которого зело боялись. Но теперь сумасбродная Евдоропея (так выражается мой приятель казачий есаул Черторогов) слишком занимает всех, чтоб подумать о Хиве, а жаль! Теперь путь туда так проторен, что царю стоит только руку протянуть, чтоб накрыть это подлое разбойничье гнездо.

Я не теряю надежды увидеться с Вами еще в нынешнюю зиму, постараюсь прикатить во что бы ни стало, хоть на 2 месяца. Хорошо, если б стеклось в Николаев все наше земноводное семейство со всех румбов компаса!

Теперь в Раиме ревизор, почтеннейший и добрейший генерал-майор Федяев, посланный В.А.Обручевым для инспектирования степных фортеций. Он делал также смотр моей команды на шхуне и с ним я приехал по делам в Раим. У него я обедаю, сидя на стуле, с тарелки, за столом, покрытым скатертью, и отираю уста салфеткою и питаюсь яствами весьма различными от матросской порции, что мне сделалось несколько дико после года степной жизни и питания из древесной чаши.

Когда увидимся, мне придется поспорить с Вами о многих пунктах Вашего письма, тятинька... Скоро ли Ивановичи начнут сплескиваться законными браками? Был в Кронштадте штурманской прапорщик, который, указывая на единственную звездочку на своих эполетах, говаривал: "Еще бы сюда звезду, а потом и бабу!" Пора и нам. А впрочем Аллах велик! Кому предопределением суждено жениться, тот женится...

Однако стоп! Пора кончить. Куме, детям и племянникам по несчетному множеству лобзаний. Будьте здоровы и благоденствуйте, милые родители! Целую Ваши руки и обнимаю Вас крепко, крепко!..

(ЦГАВМФ, ф.4, д.82, лл.89-90 об.)

...9,10. возвратился из Раимского укрепления. На шхуне все обстоит благополучно.

Вернуться можно в спределенный день - два дня тут исключаются. В "Дневных записках" возвращение закреплено за десятым. Значит, запись приведенную понимать можно только в том смысле, что указанные два дня прошли в пути из Раима. Двое суток - плыли и ночью, избегая дневной жары.

Бутаков устал, но, едва ступив на "Константин", призвал к себе Тараса и Фому. Для них у него была добрая весть: Вернеру и Шевченко дозволялось по окончании морской кампании отправиться в Оренбург.

Рапорт Бутакова поступил в дивизионный штаб на следующий день после отъезда Федяева с инспекцией, решение принималось еще два дня спустя - оттого ни генерал, ни Герн об этом не знали. Пакет с приказом прибыл им вдогонку и поспел к приезду капитан-лейтенанта в Раимское укрепление.

Герн просил поздравить, Матвеев тоже.

Собственной радости Алексей Иванович не скрывал.

Близ Косарала шхуна оставалась еще с неделю.

Одиннадцатого, двенадцатого и тринадцатого в Косаральском форте были заняты наблюдениями над ходом хронометра.

Увы, замечал в "Дневных записках", наблюдения "соответствующих высот солнца" убедили только в одном: "хронометр Гауза переменил ход..." В условиях нынешних это являлось непоправимым.

Все - и Бутаков не меньше других - ждали прихода "Николая".

Увидели судно четырнадцатого.

Здесь я намеревался окончательно вернуться к "Дневным запискам", но текущая запись показалась мне путанной: "14-го числа в о шли (?) в Сырдарью. Шхуна "Николай" кончила съемку..." Заглянул в "Дневник". В нем иначе и - никаких недоуменных вопросов.

...14 числа вошла в устье Сырдарьи шхуна "Николай", кончив съемку восточного берега до Джалпака, за исключением небольшого расстояния к югу от о.Косарала. На шхуне "Николай", от частого употребления дурной пресной воды, портившейся скоро в бочках, и соленой воды, когда случалось оставаться без пресной, вся команда страдала поносами и у двух нижних чинов открылась цынготная болезнь, почему они немедленно были отправлены в Раимский лазарет. Для поправления команды шхуны "Николай" отдыхом и свежей пищей, я приказал прапорщику Поспелову простоять в устье Сырдарьи две недели и потом, кончив съемку до о.Чучка-баса, делать промер в северной части моря...

Встртились!

Но и сейчас встреча не была, быть не могла, продолжительной. Море звало к окончанию описи. Терять дни попусту не приходилось: упустишь - не наверстаешь.

Уже в первый вечер по встрече распростились сердечнейшим образом, даже с чаркой - добавочной винной порцией, которую распорядился выдать Бутаков. Однако утром выход пришлось отложить: держали сильные ветры.

Все, кроме дополнительной чарки, повторялось еще три дня кряду. В "Дневнике" на эти четыре дня (15,16,17 и 18) одна, общая запись: "крепкие SW и W ветры, не позволявшие мне выйти в море для продолжения своих работ. Во все эти дни делал наблюдения для часовых углов солнца".

Не сидел без дела Шевченко.

И в это время могла быть выполнена одна из лучших его акварелей - чарующая "Лунная ночь на Косарале".

И в эти часы рождалась, складывалась поэзия...

СМОТРЕЛ. ВИДЕЛ. РИСОВАЛ.

1.

На Аральском море и в мыслях Тараса Перовский появился в один и тот же год.

Годом тем был сорок седьмой.

Очутившись в Орской, Шевченко просил М.Лазаревского умолить, через Даля, находившегося в Петербурге и весьма влиятельного там В.А.Перовского вызволить его хотя бы из казармы (сиречь выпросить ему позволение рисовать). Просил и - надеялся... Просил и - ждал...

Что же касается Арала, то незадолго перед тем на карте моря, которое только-только начали исследовать, появился залив Перовского; плаватели на "Николае" нарекли свое открытие именем долголетнего военного губернатора края. Его здесь помнили и почитали.

Биографическая справка.

Внебрачный сын графа А.К.Разумовского и М.М.Соболевской, Перовский окончил курс в Московском университетском пансионе, а затем Школу колонновожатых, из которой в 1811 году был выпущен прапорщиком. Участвуя в Отечественной войне 1812 года, получил ранение под Бородино; при отступлении русских войск из Москвы французы взяли его в плен, где и оставался он до взятия Парижа. По возвращении сделал быструю карьеру: в 1818-м стал капитаном, в 1819-м - полковником, в 1825-м - флигель-адъютантом Перовский близко стоял к столичным литературно-общественным кругам. Среди добрых его знакомых были Пушкин, Карамзин, Вяземский, Жуковский, многие из будущих декабристов. Во время следствия по делу декабристов Перовского назвали" не долго принадлежавшим к военному обществу", но злонамеренных действий в поведении офицера установить не удалось, к тому же он сам объявил обо всем в записке на имя царя и тот повелел 'оставить без внимания'.

В 1828 году Перовский (оправившийся от нового ранения в Турецкой кампании) - генерал-майор свиты, в 1829-м директор канцелярии Морского штаба и генерал-адъютант. В 1833-1842 гг. он являлся Оренбургским военным губернатором.!} последующие годы,до вторичного назначения в тот же край,уже в качестве Оренбургского и Самарского генерал-губернатора,был членом Государственного совета и Адмиралтейств-совета,выполнял важнейшие поручения государя.

Да, Василия Алексеевича чтили как личность необыкновенную-вы-дающегося ума.железной воли,широкой культуры.Слыл он великим администратором,многое сделавшим для устроения окраины Российской империи,зачинателем и организатором крупных дел,дерзким,смелым - хотя и не во всем удачливым,военачальником. Вспоминался его трагический поход в Хиву зимою 1839 года - о нем рассказывали участники тех событий...Имя Перовского в названии залива,и вообще на карте пограничного Арала,звучало предостережением неприятелю.

Но почему в этой части книги вдруг появляется Перовский?

Все объясняется записями в "Дневнике" Бутакова:

...*19.После полдня ветер стих и несколько отошел,почему я снялся и пошел для наблюдений и промера в залив Перовского.На ночь.за-штилев,стал на якорь против урочища Куктырнак.

20. В11 часов утра вошел в залив Перовского и стал на якорь подле входа в малый залив Чубартарауз,находящейся в правой стороне залива Перовского...

2.

Он снова был в море.И он,и все вокруг занимались своим.ставшим
привычным делом.

Шевченко зарисовывал берега Чубартарауза.Бутаков с Рыбиным и матросами отправились на промер всего участка."Залив этот,или скорее озеро, с южной и западной стороны мелко,но в северной,вдоль восточного берега и вблизи его,глубина от 8 до 5 ф.,совершенно достаточная для судов,плавающих по Аральскому морю",- к такому выводу пришли промерщики,вернувшиеся к вечеру на судно.

Но не только такому .Записывая результаты проведенного обследо-вания,продолжая свои "Дневные записки", Бутаков размечтался:

"...Совершенно закрытое от всех ветров,озеро представляет единственную и превосходную природную гавань.Пресная вода в ко-панях и родниках недалеко оттуда.дрова поблизости,а главное,так как озеро примыкает к пескам Малым Барсукам,которое для караванов и транспортов удобнее Каракум,при учреждении на Аральском море пароходства путь транспортов и военных экспедиций мог бы значительно сократиться, тем более,что недалеко от залива есть пресноводные озера Кургай и Челкар,от которых весьма недалеко до Чубартарауза...У озер этих транспорты,отряды или военные караваны,выступив из Орской крепости,могли бы приостановиться для отдыха и потом,придя к гавани и сгрузив тяжести,возвратиться снова туда без большого утомления для людей и животных выоч-ных,верховых и упряжных,а тяжести или войска перевозились бы в

скорейшем времени на пароходах по назначению.По берегам Чу-бартарауза растет камыш,а в степи,в долине,прилегающей к Барсукам, есть лужайки с травою;в Барсуках же,по словам киргиза, везде есть пресная вода в копанях и пески эти относительно кормов несравненно лучше каракумских.а главное- гораздо короче.чем по пути с Оренбургской линии."

Мысли,возникшие здесь,не оставляли и потом.Оформляя "Дневник", Бутаков многое додумал.И вот как это место выглядит там:

"...Чубартарауз,совершенно закрытый от всех ветров,представляет превосходную природную гавань.которая может быть с большею пользою (использоваться) в случае военной экспедиции, при необходимом условии учреждении здесь пароходства: путь войску и транспортам от Орской крепости до Чубартарауза,около которого в изобилии пресная вода в копанях и есть корм,- путь этот гораздо короче расстояния от Орской крепости до Раима и,по словам киргизов,гораздо удобнее,ибо пролегает через обильные кормами,топливом и водою пески Малые Барсуки, а не через тяжкий Каракум.От Чубара,на железных пароходах с железными баржами на буксире и на парусных судах,можно доставить войска или тяжести в сутки на остров Токмак-ата или к устью Джакдарьи,которою,как я полагаю,можно проникнуть в самое сердце Хивинского ханства". (К "Джакдарье" примечание:"са-мый восточный из рукавов Амударьи...осмотрен и снят прапорщиком Поспеловым, находившим глубину не менее 4-х фут").

Уже само название залива настраивало на мысли об укрощении,покорении Хивы, пробу ждало в Бутакове стратега.Но,может,настрой этот брал начало в недавних раимских беседах с Федяевым,Герном,Матвеевым и другими военными людьми? Ведь писал же из Раима родителям:"Теперь путь туда (в Хиву-Л.В.) так проторен,что царю стоит только руку протянуть,чтоб накрыть это подлое разбойничье гнездо".

...21.Утром перешел к северному берегу для наблюдений,но пасмурная погода не дозволила взять в полдень высоту солнца.В 4-м часу пополудни снялся с якоря и пошел в восточную сторону залива Перовского.но шквалистая погода заставила вскоре стать на якорь-Перовский был крут.Высказывал свой норов и залив Перовского.

3.

...22.Утром снялся и пошел с промером к востоку.Обойдя залив кругом,в полдень стал на якорь в выходе из него,против мыса св.Василия,ближе к восточному берегу.Нарубив там дров.снялся с якоря в 5-м часу вечера и направился к полуострову Куланды...

Залив и обошли,и нанесли на карту.Кое-что Шевченко взял на карандаш.Его карандаш иной раз видел то, что ускользало даже от всевидящего Козьмы Рыбина.Так говаривал фельдшер Истомин.Впрочем однажды признал это и сам Бутаков.

Но рисункам с палубы предпочитал все же "береговые".Когда матросов снарядили рубить дрова,спрыгнул в лодку с ними.Попытался нарисовать мыс святого Василия,но не нашел в нем ничего такого,за что можно было бы ухватиться.Святого прошлогодние мореходы на "Николае" вспомнили,верно,оттого,что очутились тут как раз вето день. Вообще же эта невзрачная .мертвая высотка могла остаться и без имени.За четыре часа не сделал ничего путного.И все равно не сетовал :все время на шхуне - удовольствие малое...

Бутаков в этот день успел болыпе.Но он фиксировал что ви-дел,придирчивого отбора натуры не производил.И мог представить себе абсолютно достоверную картину не кусками какими-нибудь,не участками,но в ц е л о м,соединяя все в эти дни виденное воедино.

...Вход в залив Перовского обозначается с правой стороны столообразною высотою,оканчивающеюся почти отвесным обрывом с южной стороны:это урочище Куктырнак (Синий коготь); высота его около 350 ф. С левой стороны высокое урочище Чубар. Пройдя между ними,судно входит в пролив шириною в 4 мили. Правый берег его составляет обрывистая возвышенность от 30 до 50 ф. вышины, состоящая из пластов глины и глинистого сланца; следующая за нею равнина покрыта травою и кустами джиды. С левой стороны мыс св.Василия - голая,бесплодная глинистая высота, поднимающаяся футов на 200 от поверхности воды, довольно крутая с южной и отлогая с северной

стороны...

...Весь северный берег состоит из крутых высот, поднимающихся на 270 ф., с которых видны в расстоянии 1-5 верст песчаные, поросшие кустарником бугры песков Малых Бурсуков. Высоты эти состоят из слоев глины,перемежающихся с пластами крупного глинистого сланца. Смываемая с них тающими снегами глина доходит до самой воды.так что шлюпка пристает тут к вязкой глине,вместо

песку и гальков,покрывающих взморье всех здешних берегов.Раковин и ока-менелостей я здесь не видел. На вершине высот глинистая твердая солонцеватая почва, по которой разбросаны куски шифера и изредка кварца (фельдшпата).Восточная сторона спускается обширною отлогостью, которая далее'возвышается снова к стороне залива Сарычеганака. На одной высоте этого яра есть местами родники пресной воды, обросшие густым камышом и дикою коноплею. Их легко можно отличить по яркой зелени,являющейся клочками на бесплодной глине...

Описание описанием,карта картой, однако, согласитесь, мы бы все это себе не представили, не будь перед нами набросков, зарисовок, рисунков Шевченко, часто не привязанных к определенному месту его пометою, -безадресных, но аральских.

И у Бутакова есть тяга к образности.

Куктырнак... Вслушиваясь в звучание непривычного названия, узнает и дает в скобках перевод. Оказывается:С иний коготь.

Бугры песков Малых Барсуков... Пусть потом, но добавляет: "...в которые в каждую зиму прикочевывает мног о киргизо в". (В "Дневнике" появляется и весьма зримое слово: я р...)

А все же для него не в этом суть, его описания - "географически-топографические". Оттого и стремился иметь в команде художника. Оттого и дает ему свободу действий.

Художник должен быть свободен.

...23. Всю ночь шел при довольно благоприятных ветрах и в исходе 8 часа вечера, заштилев, стал на якорь по южную сторону мыса Тюбе-кара...

4.

Все чаще звучали названия прошлогодние.

Куланды... Сарычеганак... Тюбекара...

Шевченко и видел их, и рисовал. Много рисовал. Теперь в них вглядывался как в старых знакомых. Повторные встречи к тому же были предвестниками возвращения.

Все чаще думалось об Оренбурге.

На рассвете 24-го двинулись к восточному берегу полуострова Куланды.

...24. В 4-м часу снялся и в 1/2 11-го стал на якорь против камня Аулье, который поехал осмотреть.

Аулье - святой.

Святой камень как святое дерево - вокруг витают легенды. Знатоки казахского фольклора, казахской топонимии, сколько людей сказало бы вам спасибо, собери вы все эти народные предания. Чтобы камень заговорил... чтобы саркофаг приоткрылся...

...Камень этот представляется издали ввиде большого белого саркофага; он составляет островок, тянущийся к NW на 50 саж., а в ширину имеет около 20 саж...

...Высота камня Аулье, обрывистого со всех четырех сторон, - 35 ф.; он состоит из пластов известняка...

...Всход на вершину так крут, что мы взбирались с трудом по выдавшимся углам камня...

...Сверху мы видели вокруг этого острова множество осетров, сомов
и сазанов.

М ы взбирались, м ы видели... Поехал Бутаков осмотреть могучий камень не в одиночку. На одном из рисунков Шевченко - две фигурки. Они явно для сопоставления, для передачи масштаба. Но не могли обойтись тут без Рыбина, без Вернера, без "главного охотника" Истомина. А матросов? Без них просто-напросто не добрались бы.

Присутствие Тараса засвидетельствовано им самим.

Два карандашных рисунка - камень с разных сторон, на фоне окружающей его местности. Суровая, но не мертвая природа. Не мертво угадываемое море. Где-то вдали - нос пеликана, наверное не
одинокого...

Рукою художника сделаны надписи в левом нижнем углу:

Ток-пакъ-атисе-аулье.

Есть в карандаше - будет в акварели. О ней думалось. Получилась ли? Сейчас акварель неизвестна.

...Возвратясь на судно и видя, что сделался мертвый штиль, я отошел от камня Аулье на буксире и на веслах на 2 мили к N, чтоб в случае, если бы засвежело, быть в безопасности от близкого соседства острова. Ночь простоял на якоре...

Без многоопытных, сильных матросов добраться до судна в мертвый штиль было бы невозможно.

И опять знакомое.

... Снялся на рассвете и перешел к мысу Изенде-аралу, где сделал наблюдения утром и в полдень, и потом перешел к месту, где в прошлом году был найден пласт каменного угля, которого я набрал около 10 пудов, и вместе с тем приказал топографу Рыбину сделать подробную съемку местности прииска.

Прииска? Места, где не только найдено, но и разрабатывает с я полезное ископаемое? Стало быть, предприятия промышленн

ого?

В "Дневнике" прииска нет. Есть -пласта. Вычитываем тут и

кое-что еще:

"Я пробовал также сверлить данным мне 12-коленным буром, в надежде найти под прошлогодним пластом угля другой пласт, находящийся под водою, обломки от которого волнением выбрасывает на песчаное побережье, но, вероятно от неуменья действовать этим буром, мы не могли ввертеть его глубже 11/2 фут в землю".

К новой встрече с Изенде-аралом готовились специально.

Свое имя этот мыс на Куланде получил от названия распространенного тут растения. Но с некоторых пор внимание зани-

мали не ботаника его, но геология,притом уже в плоскости практической.

Переписка о дальнейшем развороте поисков угля продолжалась. За ходом их Обручев следил сам. Личные задания на этот счет получил от него Федяев - никак иначе эта новинка на "Константин" не попала бы. Увы, мало было ее иметь,требовались еще и навыки.

Работали здесь целый день. Набрали и перевезли на шхуну пуды угля. Съемку места непосредственного выхода богатства произвели с особой тщательностью. Рыбин занимался этим вместе с Шевченко.

Стало быть, своим делом художник не занимался?

Изенде-арал он много рисовал в первое плавание. Сейчас профессиональный взгляд его чего-либо нового не улавливал. Много больше влекло то, что от глаз людских было скрыто. Им, как и всеми, владел азарт искателя. Оправдаются ли надежды? Доберутся ли до пласта подводного? Быть равнодушным Тарас не умел.

...26. Снялся на рассвете и перешел по западную сторону мыса Узункаира, где простоял, делая наблюдения часовых углов солнца...

В "Дневнике":"... до 3-х часов пополудни 28 числа".

Стоянка была продолжительнее многих других.

В прошлом августе Шевченко этот мыс и видел, и не видел. Болел, мучился - не до рисования. Сейчас, когда подходили к месту, он, по обыкновению, спросил у своего непременного консультанта, Сарымбека, что сие название означает. Ответил не без труда, но Тарас понял: узун - долгий, кайр - вязкий. До чего же метки имена, народом данные...

Набросал мыс издалека и в общих чертах. На рисунок "персональный" открывшаяся панорама не подвигла.

...28. В 4-м часу пополудни снялся с якоря и пошел для промера в залив, находящийся по западную сторону полуострова Куланды...

В этот день на карте появилось новое имя.

Поначалу считали, что у залива название есть.

А к с у а т... В переводе -многоводны и...

Но против Аксуата решительно высказался Сарымбек. Он уверенно заявил:"название это несправедливо". И пояснил возражение тем, что урочище с таким названием есть в другом месте, гораздо дальше, в южной части Устюрга.

... Так как самый залив не имеет местного названия, я назвал его в честь г.военного министра ЗаливомЧернышев а...

Имя Меншикова на карте уже было, и тем самым морское ведомство оказалось почтенным. Однако экспедиция на Арале являлась предприятием совместным. Так пусть будет здесь и министр военный. Может пособит это решению иных важных вопросов в дальнейшем.

Весь залив не нарисуешь. Шевченко отправился на западный берег - по Бутакову, "глинистый, обрывистый". Такой он и на карандашном рисунке того дня. Рисунок с авторской надписью: К а р-з у н д ы.

...Вершины...возвышенностей во многих местах белы от присутствия известняка и этим сии отличаются как с восточной, так и с западной стороны полуострова от других высот здешних берегов...

Художника занимали не одни лишь причудливые рельефы, не одна только геология. А история? Старинный мавзолей на верхушке горы... А день сегодняшний? Маяк чуть поодаль, ближе к выходу из залива...

Маяк установили они.

...К наступлению ночи, когда я обошел почти вокруг всего залива, заштилело, и я стал на якорь.

ИНСТИТУТ ПОД ПАРУСАМИ

1.

От экспедиции ждали всего и сразу. Ответов на самые разные

вопросы. По инструкции...

Еще в середине мая 1849 года граф Перовский, Лев Алексеевич, министр внутренних дел, отослал письмо военному губернатору

Обручеву.

Он писал:

"Получив сведения об открытии на Аральском море неизвестных доселе островов, из коих один в особенности отличается величиною, я обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою приказать исследовать при первой возможности острова эти в отношении археологическом, полагая, что это могло бы повести к довольно важным открытиям. Бактрианское царство, столь знаменитое по влиянию на него греческого образования, вероятно заключало в пределах своих и Аральское море, коего острова не могли остаться чуждыми этого предприимчивого, промышленного народа; посему крайне желательно бы исследовать, нет ли там каких-либо памятников древности, как-то: остатков разрушенных зданий, обработанных камней, кирпичей, изразцов и пр., или хотя древнего оружия, и в особенности монет. Смею надеяться, что если бы что-нибудь в этом роде было отыскано,... то Вы не откажете прислать мне все то, что кажется удобным для пересылки..."

Через две недели с небольшим Обручев отправил соответствующее свое письмо Бутакову. Дошло оно до адресата не скоро;тот уже нахо-

дился в плавании сорок девятого, и письма, даже самые важные, попадали к нему с большими задержками, спустя долгое время, и ответ мог быть дан только под конец сентября.

Но был тот ответ сугубо деловым, по существу:

"...почтительнейше имею честь донести, что на острове Николая, который в прошлом году во время съемки был выхожен по всем направлениям и на котором в нынешнем году я был в разных местах, - не только нет никаких следов, могущих привести к заключению, что на нем были когда-либо бактрианские колонии, но нет даже и таких, которые бы показывали, что на нем когда-либо была человеческая нога. На всех прочих островах, открытых или описанных мною и прапорщиком Поспеловым, кроме следов пребывания киргизов, мы не находим никаких других, равно и на берегу материка..."

Такой "была переписка в деле под заголовком "По письму графа Льва Алексеевича Перовского об исследовании островов, открытых на Аральском море" (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6136).

В орбиту интересов экспедиции как бы сама по себе вошла также археология. И как тут не вспомнить объяснение в любви к ней Тараса Шевченко:" Я люблю археологию. Я уважаю людей, посвятивших себя этой таинственной матери истории. Я вполне сознаю пользу этих раскапываний".

2.

При всей малочисленности "штата" был это настоящий инст итут под парусами. Теперь в ходу, в моде термины вроде "комплексные исследования". На "Константине" словосочетание такое не звучало - придумали его гораздо позже. Но исследования велись именно комплексно. По всем направлениям сразу.

...29. Утром снялся и, идучи с промером вдоль берега, стал после полдня на якорь в заливе Кумсуат, от которого начал съемку западного берега Аральского моря...

Съемка прибрежной полосы материка была делом и трудоемким, и небезопасным. "После полдня я отправил топографа Рыбина с в о о р уженной партией для измерения основной линии..." Не терял времени попусту и сам, как не позволял терять другим. Его шлюпка "пристала к приглубому берегу" и началась разведка увиденного с анализом его и выводами, пока предварительными. Гипотезы возникали одна за другой и касались разного.

-"Мыс Кумсуат, - фиксировал он, - показывает...постепенное понижение Аральского моря". (Добавлял: "по моему мнению", а в "Дневнике" еще и уточнял: "по моему мнению, заметнее.чем во всех других местах". Выходит, наблюдал это и ранее)

- Вдоль берега, отмечал, "идет гряда глинистых гальков и окамене
лых раковин; за этой грядою идет выше, в расстоянии 10 саж., другая
такая же и потом еще саж. 15 далее третья. По-видимому, каждая из
этих гряд образовалась бурунами при разных высотах уровня воды".
(Еще один вывод из наблюдений, теперь уже в другой отрасли).
"Пространство между второю и третею грядами, - наблюдал далее,-
заросло уже травою и местами кустарником. От третьей гряды саж. На 50 идет крутая возвышенность, состоящая из глины и пластов рыхлого глинисто-песчаникового сланца". ("Мелким кустарником" -
поправляет себя в "Дневнике", как равно и добавляет, что "крутая
возвышенность" служит "продолжением западного берега залива
Чернышева". Во всем - научная скрупулезность...). v

- "В разрезе этой высоты, имеющей около 100 ф., я не видел окаме-нелостей, которые все были в кусках глинистого сланца, Отделенных от подводных пластов. Из окаменелостей тут были только раковины и остатки из таких пород, которые в настоящую эпоху я видел в Индии. Окаменелых же растений или животных я не находил. Окаменелости попадались в комьях глины, снаружи мягкой, но внутри весьма твердой, на прибрежьи". (Все осмотрено, все прощупано* поверено впечатлениями и знаниями - это, уверен, нужное: если не сейчас, то в будущем,пригодится)

- "Залив Кумсуат - хорошее якорное место при господствующих здесь северных ветрах. Глубина 2-3 саж. и грунт - ил". (Это уже вывод моряка, капитана, думающего о будущих мореходах).

Впечатления и выводы одного дня. Много ли современных научных
коллективов производит столько сейчас-за один день и даже
за неделю. А с Бутаковым были немногие, меж которыми наверняка
Вернер и Шевченко. Тут и их взгляды, и их голоса. Ну а бутаковское
"я" - высказывать эту мысль уже приводилось - естественная форма
доклада в устах человека военного, офицера, привыкшего брать все
решения и всю ответственность на себя лично.'

Что делал Шевченко ? Смотрел и видел. Выбирал место для рисования. Может быть, что-то рисовал. Мы часто опрометчиво подменяем живого человека его служебной функциейи забываем, что человек не робот, он может и не хотеть делать то, что предписано должностной инструкцией.

Тем более, что сегодня от Кумсуата еще не отходили...

3.

Но Арал есть Арал.

...30. Определил место.мыса Кумсуата широтою и пеленгом на Узункаир, отправил на рассвете топографа на шлюпке для продолжения съемки. После полуденных наблюдений снялся и пошел вдоль берега, чтобы вечером взять съемочную партию в том месте, где она кончит свою дневную работу. В 4-м часу штиль заставил меня стать на якорь далеко от ушедшей вперед шлюпки...

Однако скоро, в начале шестого часа вечера, задул свежий ветер, крепчавший от минуты к минуте. Бутакова и всех на "Константине" охватила тревога: что будет с Рыбиным и его группой? как вернуть их на судно?

Вдали показалась шлюпка.

...Видя, что шлюпка идет к судну под парусом, я немедленно снялся, чтоб сократить ей далекий возвратный путь по открытому морю, и в исходе 6 часа, когда она уже могла пристать к борту, стал на якорь...

В это самое мгновение налетел огромной силы шквал и стал разыгрываться жесточайший шторм.

...Если б шлюпка опоздала хоть несколькими минутами, или если б я не снялся к ней по ветру, она погибла бы неминуемо, потому что сила ветра, дувшего от берега, от которого шхуна стояла в 2-х верстах на 4 1/2 саж.глубине, была такова, что развело значительное волнение, и шхуна отстаивалась на обоих якорях...

Кто-кто, а моряки понимали, чего удалось избежать им, какое несчастье прошло стороною/'Счастье наше,-записывал Бутаков,- что шторм этот, несший к нам с берега облака пыли, был не с открытого моря, ибо тогда и самой шхуне не было бы спасения".

Море бушевало, ветры не утихали.

...31. Шторм не смягчался всю ночь. К10 ч. утра сделалось несколько тише, почему, взяв по два рифа у парусов, я снялся и перешел ниже урочища Каратамак, не доходя до которого топограф Рыбин кончил свою вчерашнюю работу...

Каратамак - на рисунке Шевченко.

Его рукою помечено: Кар а-Т а м а к ъ з.б.

"Западного берега... Тут и начинался их август.

Август 1. На рассвете отправил для съемки топографа, а сам снялся с якоря и пошел с промером вдоль берега.В исходе 9 часа стал на якорь против начала Устюрта, вскоре после чего я съехал на берег для осмотра местности...

Съезжал опять же не один. И не только он, а и Шевченко, знал местоположение урочища, или оврага, меж мысом Кумсуатом и Устюртом, в непосредственной близости от песков Большие Барсуки, знал и то, как Каратамак переводится:Ч ерное горло.

Оно, это "горло", на его рисунке. Скупое, сухое описание Бутакова ("овраг,которого оба края высоки и обрывисты, находится в долине, образуемой скатами Устюрта и северных глинистых высот") не просто иллюстрируется, но и оживает в причудливых линиях карандаша художника, в тонах и полутонах быстрой, походной зарисовки.

Устремившись к оврагу, моряк не заметил зеленых кустов - зеленых стражей "черного горла". Художник их заметил и оценил. Одинокое деревце угадывается и на вершине одной из высот.

На вершину поднимались (судя по рисунку, было то делом не из легких) ."За глинистыми возвышенностями... видны верстах в 2-х и 3-х красные холмы с белыми округленными вершинами и на поверхности этих возвышенностей разбросаны куски белого известняка с окаменелыми раковинами нынешних пород Аральского моря".

Взбирались и на те холмы - можно ли было иначе видеть окаменелые раковины в кустах известняка?

"На 6 верст к югу от Каратамака в глинистых высотах есть родники горькой воды и подле них на высоте 30 и 40 ф. от поверхности воды я нашел пласты каменного угля, который, однако, по качеству ниже найденного на полуострове КуландьГ.До родников надо было дойти -как без того определишь, что в них за вода? И до пластов угля подниматься следовало довольно высоко. Путь продолжался -дальше.. .глубже...

"...Версты на 3 далее начинается на самом берегу столообразная возвышенность Устюрта, заметная по тонкому (фута в 3) верхнему пласту светлосерого глинистого сланца, который.чем дальше подаешься к югу, тем делается все толще и толще; начало этого пласта обозначается весьма заметно тем, что под ним весь обрыв окрашен разлившеюся из-под него красною глиной, которой нигде нет к северу от этого места". Вряд ли у художника не возникло желания запечатлеть на бумаге еще и необычный контраст серого с красным - по признанию не художника Бутакова, невиданный. Не исключаю, что тут-то появился рисунок "Кызилбулак". Название акцентирует и цвет - "красный", и растекание его - "ручей". Обычный карандаш не передает гамму красок, их контраст. Но потом, когда художник возьмется за акварель, все, при подсказке карандаша, обретет цвета

естественные...

Теперь браться за краски было некогда (да и были ли они под

рукою ?)

Снова стала грозить непогода.

"...Около полдня ветер начал свежать и разводить зыбь, почему я, опасаясь, что береговой прибой, усилившись, не даст воротиться на

судно съемочной партии, дал пушечным выстрелом сигнал прекратить работу".

Вернулся сам и позвал на судно Козьму Рыбина с его помощниками. Те за работой не замечали ничего.

А на песке взморья видели они сегодня следы свежие - и верблюжьи, и лошадиные. Люди, значит, совсем близко. Мирные, доброжелательные? Или неприязненные, враждебные?

4.

...2. На рассвете снялся с якоря и , подойдя к месту окончания вчерашних работ, высадил на берег топографа со съемочной партией, приказав по-прежнему шлюпке идти вдоль берега за ними, а сам с судном отошел далее вперед. Пройдя около 12 миль, я заметил на берегу расположившийся в долине Каскаджул между оврагами караван...

Караван был внушительным: примерно пятьсот верблюдов с поклажей, несколько отар овец, человек тридцать верховых. Сарымбек высказал предположение: то были базарчи и шли они в Кунград по делам торговым, для мены.

"Разумеется,что все внимание этих базарчи сосредоточилось немедленно на шхуне: они собирались на высотах и не сводили с нее глаз. Рассчитывая, что если я снимусь с якоря и ворочусь за шлюпкой, то и они последуют за судном и наткнутся на съемочную партию, хотя и хорошо вооруженную, но весьма малочисленную (всего из 6 человек вместе с топографом, из которых на шлюпке двое), и зная, какую цену дали бы в Хиве за русских, занимающихся начертаниями берегов здешнего моря, я счел более благоразумным остаться на месте, привлекая все их внимание исключительно на себя..."

Бутаков думал, прежде всего, не о шхуне, не о вожможных неприятностях для тех, кто находился на ней, но о Рыбине с группой на берегу, совсем близко от непредсказуемого в мыслях и действиях, достаточного большого и вооруженного отряда при караване.

Не без оружия и свои. Только их малая горстка, притом рассредоточенная. Шлюпка с двумя матросами в стороне, топограф поглощен делом и карабин отложен, из Тараса стрелок никудышный, да и он, конечно, своим занят. Захватить их врасплох,.причем, ко всему,еще на местности незнакомой, дело простое. Простое и... с т р а шное.

Командир судна делал все, чтобы в караване не догадались о его тревогах. Пусть уверуют: тут только "Константин", рядом и вокруг нет никого. Пусть и мысли не возникнет: спуститься к берегу, напасть на крохотный отряд, захватить его. О, такому подарку хан был бы рад!

Затаились, притихли. Рыбин со спутнмками так ничего и не подозревали. Вот-вот они себя обнаружат...

Тревога обострилась, когда со шхуны увидели шлюпку.

"...В 11-м часу, когда шлюпка, идучи вдоль берега, показалась в расстоянии около 3 миль за судном, я сделал ей с пушечным выстрелом предостерегательный сигнал..."

На шлюпке насторожились, осмотрелись. Поняли, какая грозит им опасность?

Сигнал встревожил и "киргизов", и они немедленно поднялись со своими верблюдами и тронулись далее к югу.

Опасность как-будто миновала.Бутаков и другие могли, кажется, перевести дыхание. Да не тут-то было. Одна неприятность сменялась другой.

"...Ветр засвежел, развел огромную зыбь, и шлюпке...сделалось совершенно невозможным возвратиться; почему съемочная партия, вытащив шлюпку на берег, расположилась на песке ждать пока стихнет, приняв все предосторожности против нападения".

Пока стихнет... Стихнуть, или хотя бы поутихнуть, могло не скоро. Давно убедились: от Арала можно ждать всего. А что, если в караване догадались и решат воспользоваться поддержкой непогоды?

"...Я приготовился вытравливать канаты и наставлять их всеми бывшими у меня тросами и перлинями, чтобы в случае нужды приблизиться к берегу и пустить туда несколько гранат..."

(Потом, в "Дневнике", эту, последнюю, весьма энергичную формулировку Бутаков заменит более осторожной:"быть в состоянии обстреливать гранатами").

"...К счастию, однако, киргизы были достаточно напуганы моим холостым сигнальным выстрелом и удалились, по-видимому, не заметив ни шлюпки, ни съемочной партии".

На судне пребывали в напряженном ожидании. Что там, на недальнем том, но таинственном побережье? Когда, наконец, вернутся? Вернулись затемно.

" ... Под вечер заштилело, но зыбь была так велика, что шлюпка возвратилась не раньше как в десятом часу, когда уже совершенно стемнело, и то ее едва не залило в бурунах".

Только тогда и успокоились. Нр происшествие было из тех, которые помнятся долго...

5.

Откуда я взял, что Шевченко был не на "Константине", а на берегу ? что это ему с товарищами угрожала главная, можно сказать с мертельная, опасность?

У Бутакова ни подтверждения, ни отрицания такого предположения нет.

Подтвержение находим у одного из главных действующих лиц события - у него, Тараса.

Имею в виду рисунок "Каскаджул", заверенный если не подписью его, то собственноручной надписью.

Рисунок сделан не с палубы судна - может быть со шлюпки, но, вероятнее,с берега. На нем вовсе не тот участок побережья, который просматривался со шхуны и где расположился караван. Будь художник здесь, он не стал бы "освобождать" долину между оврагами, а равно высоты, господствовавшие над местностью, от людей, верблюдов, овец, лошадей - всего того экзотического, что было в облике прибрежной гряды. С какой стати лишаться такой натуры, если она редка, даже уникальна? Казахов Шевченко рисовал всегда с интересом, запечатлевая их в акварелях, в карандаше...Не однажды набрасывал эскизы верблюдов, этих удивительных обитателей пустынь...Как же было ему отказаться от картины, скомпанованной самой жизнью?

Ничего этого он не видел. Нарисовал иной.свой, район берега. Рисовал, не подозревая, что происходит неподалеку и как тревожатся о них на судне.

Тревога, понял со временем, безосновательной не была.

Сделал выводы и Алексей Иванович.

...3. Видя, с какой опасностью и с какими неудобствами сопряжена съемка на берегу, тем более, что теперь уже пошел самый Устюрт, тянувщийся мало изгибающеюся чертою от севера к югу, я решился продолжать съемку с судна по счислению, не посылая на берег шлюпку. В начале 9-го снялся, делал съемку и около солнечного заката стал на якорь...

Ночью остановились против Актумсука.

Рисовал его с палубы. Конечно, не третьего, как значится в томе живописно-графического наследия. Вношу поправку:четвертого или пятого.

Точность - вежливость не только королей.

ШЕЛ АВГУСТ

1.

Из "Дневных записок"

...4-6 употребил на съемку с судна на ходу. По утрам снимался с якоря, а вечером становился на якорь. 6-го числа вечером кончил эту работу, став окончательно на якорь у Кынькамыса. Прошлогодняя съемка Устюрта, не более как глазомерная, значительно разнствует от нынешней, сделанной весьма тщательно, а главное при благоприятных обстоятельствах: равномерном ходе и прямых курсах, тогда как в прошлом году часто случалось производить эту работу при лавировке, зыби и частых переменах курса.

Те же дни в "Дневник е".

...4.Начав работу на рассвете, в 3 часа вечера (ночи?) стал на якорь у мыса Актумсука и сделал на нем наблюдения.

5.В течение дня делал съемку от Актумсука до Улькунтумсука.

6.Снявшись утром, кончил к вечеру съемку западного берега моря и стал на якорь у Кынькамыса, против урочища Аксуата.

Улькунтумсук ("большой мыс"), как и Актумсук ("белый мыс"), Шевченко рисовал 5 августа. На сей раз условия для этого были бла-гоприятными.Не то что в прошлом году, когда шхуну швыряло на волнах, не давая ей сняться с якоря.

2.

Из многих дней выделяю седьмое.

И не только потому, что оно подарило мореходам встречу с местными жителями.

Но раньше все-таки о ней, этой встрече.

Итак, с вечера стояли на якоре "у Кынькамыса, против урочища Аксуата", а утром...

...7.Я поехал с вооруженною партией на берег для астрологических наблюдений.

Заранее знал: "на высотах был расположен большой и богатый киргизский аул табынского рода". Поведал о том, конечно, Сарымбек - незаменимый консультант во всех делах.связанных с берегами и островами Арала.

Не все, впрочем, знал и он. О том, что аул был и, возможно, есть -предупреждал заранее. Уровень же достатка его сообщить, по прежним сведениям, не мог. Стало известно это только когда высади-

лись. Аул, как "после узнал", располагал "множеством лошадей, верблюдов, рогатого скота и баранов".

...Вскоре после выхода моего на берег ко мне подъехало несколько стариков без оружия с вопросом, что мы за люди и зачем пришли. Я принял их весьма дружелюбно, потчевал табаком, подарил им по куску маты и отвечал, что мы б а л ы к ч и, рыболовы, зашли поискать дров (которых, однако.тут не нашлось) и хотим выменять у них баранов. Они обещали пригнать баранов на другой день - мне необходимо было сделать здесь несколько наблюдений,- однако не исполнили своего обещания. Они смотрели на нас облизываясь, а на оружие и астрономические инструменты с большою недоверчивостью...

(В "Дневнике" последнее предложение читается иначе и определеннее: "Несмотря на наружное дружелюбие этих аксакалов (белобородых стариков), нетрудно было видеть по их глазам и выражениям лиц.что если бы мы были не так хорошо вооружены, то они бы не упустили случая доставить нас в Хиву").

Каждый волен представить себе ту встречу по своему. По мне, Бутаков записал ее в своей тетради достаточно полно, деталей тут хватает и без расшифровок не очевидца, не участника.

Меж тем день дипломатического общения на том не закончился.

...Скрепчавший около полдня ветр с моря не позволил мне возвратиться на шхуну, и я должен был переночевать на берегу.Разу-меется, что все предосторожности были приняты, но киргизы не делали никакого враждебного покушения, узнав, вероятно, по возвращении своих стариков, что мы хорошо снабжены огнестрельным оружием и готовы дать сильный отпор.Ночь прошла благополучно...

Спокойная ночь объяснялась не только боязнью оружия в руках "балыкчи" с вооруженной шхуны, но и миролюбием людей этого рода, к у р у с а м вполне лояльных. Мена же не состоялась

потому.что они боялись мести, разорения со стороны воинственных соплеменников,которые зло, беспощадно карали заподозренных в малейшем нарушении требований усура или гушура - подати, якобы освященной Кораном.

("Усур, или гушур,-от арабского слова гашара, значит десять, га-шарун десятый или десятая часть", так писал подполковник Матвеев Обручеву, донося ему, как пользуются законной якобы податью корыстолюбивые, алчные султаны и бии. Ценя защиту со стороны русских, усилившуюся с постройкой Раимского укрепления, аксакалы некоторых родов и отделений изъявили желание платить дань за спокойное безопасное кочевание в степи представителям царя, сдавая баранов - по два с кибитки, а равно хлеб нового урожая, в Раиме или других местах по указанию русских властей. По этому поводу шла переписка с военным губернатором и Пограничной комиссией, но она была далека от окончания, хотя в деле - ГАОО,ф.6,оп.16,д.16 - уже насчитывались десятки листов).

Пока они друг друга опасались.

Взаимопонимания -и небоязливого мира - еще не было.

И когда желанный мир наступит? - спрашивал себя Тарас, премного наслышанный обо всем этом и на Косарале, и в Раиме.

.

В Раиме пребывал сейчас индеец Вайхатрио; или Вайкатрио - в деле 6166 (ГАОО.ф.6, оп.10) фамилия называется и так, и сяк.

Явился он сюда "неизвестным человеком", назвавшим себя "индийским уроженцем города Мултан Гемроджем-Мундасом Вайхатрио", и попросил об одном - проводить его дальше, до колодцев Акджулпаса. Спешит, дескать, в Орскую крепость, где товары его, верно, находятся уже давно и могут быть взяты в казну "по неявке...в срок".

Так заявил нежданный гость в своих показаниях, самим же им потом подписанных. Снимавший показания майор Дамис услышал, что дядя нежданного гостя имел в тридцатые годы "торговые обороты" в Санкт-Петербурге и тогда еще племянник выехал к нему, чтобы включиться в дело, а заодно познакомиться с манившей смолоду Россией. Побывал и в столице, и в других местах державы - в Астрахани. Нижнем Новгороде, на Мангышлаке... Многое повидал, научился русскому языку, обзавелся добрыми знакомыми. После смерти дяди стал одним из его наследников.

Писарь записывал: ему двадцать восемь лет, принадлежит к секте и касте брама, "умеет читать и писать по санскритски и по индийски и говорить на русском, турецком, персидском и немного на французском языках". Приметы, заносили в протокол.такие: два аршина и пять вершков, волосы черные, глаза карие большие, лицо смуглое, борода небольшая окладистая...

"Удостоверившись, что Вайхатрио действительно торговец, что видно из имеющегося у него вида, данного ему в Бухарин,...я отпустил его без провожатых, т.к. в Каракумах совершенно спокойно, и он с двумя киргизами.прибывшими с ним из Бухарин, 8 числа поутру отправился в дальнейший путь в крепость ОрскукГ.Так Дамис докладывал в рапорте своем Обручеву.

Вайхатрио же в сопровождении проводников Синзирбая Кильды-баева и Баймена следовал по своему маршруту.

Но отчего, каким образом индийский гость попал сюда, на эти страницы? Только ли из случайного совпадения дат ?

О Вайхатрио и Бутаков и Шевченко узнали уже по окончании плавания.Алексей Иванович засвидетельствовал это в своем отчете А.С.Меншикову. Соответствующее место цитирую:

"...В августе был, как мне рассказывали, один индеец,видно свободно говоривший по-английски и французски,а также по-русски и бывавший с караваном в Орской крепости. Разговорившись с одним,, находившимся при Раимском укреплении, башкирским хорунжим и выпив порядочно вина, он сказал ему между прочим: "Чего ваши русские спят сХивою, там англичане работают себе не по-вашему .Стыдно вам будет после!" Я очень жалею, что он был в Раиме без меня - может быть, мне бы удалось узнать его несколько подробнее".

4.

Двинуться дальше шхуна не могла долго.Иногда местоположение свое меняла, но все в том же районе, из которого, казалось,не выйти никуда.

Из "Дневных записок"

...8-9. Постоянные свежие ONO ветры, стихавшие к вечеру, но крепчавшие около полудня. По утрам я ездил для наблюдений на берег и возвращался немедленно по сделании их на шхуну.

10. Ветр отошел к NNW, почему после наблюдения я снялся с якоря и начал лавировать на север.

11. Вскоре, однако, заштилело, и я стал на якорь.

12. Продолжал лавировку с весьма малым успехом при легких переменных ветерках; штиль часто заставлял становиться на якорь. Сколько было возможно, я делал с судна глазомерную съемку южного берега Аральского моря от Кынъкамыса до острова Токмак-ата, берега низменного, заросшего камышом и отмелого на большое растояние.

13. Задул NNO ветр, и я снялся с якоря, но вскоре засвежело, ветр перешел на N0 , и я стал на якорь против мыса Улькун-тумсука (на Устюрте).

14. Простоял на обоих якорях за крепким ветром.

15. Утром снялся, но вскоре снова скрепчало, и я опять стал на якорь.

16. Сделал еще одну бесполезную попытку отойти. (В течение 3 дней) жег шхунские весла.

17. Простоял на якоре.

18. На якоре, и послал на конце шлюпку за дровами...

Маета была бесконечной. Юго-западный угол моря держал их цепко, самым коварным образом не пуская "Константин" ни в одном, ни в другом направлениях. Здешнюю съемку закончили сполна, давно следовало из залива уйти, перебраться поближе к Царским островам, так нет же - болтайся на этом отвратительном ветродуе, пляши на нескончаемых волнах и, главное, без всякой пользы.

Давно кончились дрова. Без них не сваришь ничего горячего, не добудешь кипятка, а люди на бесконечном ветру зябнут, иной раз зуб на зуб не попадает, хоть и летний, по календарю жаркий, месяц август.

Три дня огонь разводили, подкладывая запасные весла судна. Но сожгли их и опять оказались ни с чем. Пришлось идти на риск -пускаться к берегу. В выработке плана операции участвовали, почитай, все матросы, но активнее всего марсовой Иван Петренко. Стоя на якоре, связали несколько тросов в один, получился большой, длинный канат, к нему прикрепили шлюпку, на весла сели добровольцы и - к земле. Через силу, но добрались. Дрова нарубили, загрузили. А ветер тем временем усилился еще больше. "Петренко - на спасательной машине" - только это Бутаков и записал, сохранив память о сметливости расторопного матроса, крепко выручившей всех.Шлюпка с людьми и дровами возвратилась на "Константин".

...19. Утром снялся, но через 1/2 часа снова на якорь.В начале 5-го пополудни снялся, пошел к 0, но в 3/4 8-го, заштилев, снова на якорь.

20.В 5 ч. утра снялся с якоря при штиле, который в 10 ч. превратился в легкий попутный ветерок...

Наконец-то пошли дальше.

5.

Чем занимался в эти скучные дни Шевченко?

Рисовать новое он не мог за неимением...нового. Глазомерная съемка издалека - одно, рисунок с натуры - другое. Может изредка и доставал карандаш, но следы этого рисования в альбоме не выделишь.

Доделывал акварели, начатые раньше? Возможно, и опять же недоказуемо.

Писал? Читал? Разговаривал?

И разговаривал, и читал, и думал.

В офицерской каюте были книги и журналы, принадлежавшие Бутакову, - среди них труды об этом крае, о морских плаваниях, его диккенсовское и всякое другое. Погружался в свою собственность -Библию...Гоголя...Читал,размышлял.Виденное сплеталось с прочитанным,с услышанным; накатывали мысли, строки, рифмы.

"Нет никакого сомнения,что познания его за Аральскую экспедицию бесконечно расширились", - утверждала М.Шагинян.

Действительно, сомневаться в этом не приходится. Но, согласитесь,комплимент, достаточный для ученого, еще не содержит в сути своей главного для поэта, для художника.

Познание новых мест, новых людей бесконечно расширяло его творческие горизонты, его мир творца. Подтверждение тому? Да в с е аральское в поэзии, в живописи,в рисунке! А особо выделить.ска-жем,значение в этом процессе 8-20 августа - дело не из реальных (и обязательных)

Знать же, где был, где находился, - нужно. Знать подневно.

Подходящий, пожалуй, момент договорить то, что недосказал я насчет "земляка из Островной".Напомню: речь шла о стихотворении "Ну що б, здавалося, слова...", датируемом в различных изданиях второй половиной 1848 года.

Матрос,
Таки земляк наш з Островжн,
На вахт! стоя,
Журився сам собі чогось,
Та и запивав...

Песня, услышанная в этот вечерний час на палубе, всколыхнула Шевченко, разбередила его душу.

Вспомнилось свое горькое, сиротское детство.

...Давно, давно колись
Я чув, як, стоя тд вербою,
Тихенько д!вчина ствала,
І жаль меш, малому, стало
Того сірОМу-сироту,
Що вш утомився,
На тин похилився,
Люде кажуть і говорять:
- Мабуть, вш упився. -
І я заплакав, жаль малому
Було ароми-сироти.

Слезы, сиротские слезы навернулись на глаза его и теперь, в одиночестве на далеком от всего света Арале.

...Чого ж тепер заплакав ти ?
Чого тепер тоб!,старому,
У щи невол! стало жаль -
Що свгг зав'язаний, закритий!
Що сам еси тепер москаль,
Що серце порване, побите,

І що хороше-дороге
Було в йому, та розлилося,
Що ось як жиги довелося,-
Чи так, лебедику?! - Еге...

Это "ere", как вздох. Вздох после исповеди перед людьми и перед
собою.

Исповеди свершившейся, но незаконченной.

...Дорогие, глубокие чувства вызвала в нем песня матроса-украинца родом из оренбургского села Островного... Такая примета! Неужто не удастся установить его имя?

Рассказывал я уже как пришел в своих поисках к Васильеву.

Но в списке команды 1848 года обладателем такой фамилии оказался матрос по имени Прокофий, а "ревизские сказки" села возражали:

нет, там был Иван.

Иван Васильев пришел на шхуну "Константин" перед навигацией 1849-го! Он был среди "взятых из Раимского гарнизона в ' дополнение". Нижний чин 4-го линейного батальона, рядовой

пехоты, солдат, Иван, в отличие от своего однофамильца Прокофия, матросом стал только теперь и только здесь.

Но, стало быть, услышать матроса из Островного, его грустную, горестную песню в сорок восьмом Тарас не м о г. Услышал в сорок девятом и тогда же сложилось, выдохнулось это самое "Ну що б,здавалося, слова..."

Значит и публиковать его среди созданного в 1849 году.

Исключено ли, что стихотворение написалось в том самом заливе, в те самые дни августа?

ПУСТЬ И НЕ УПОМЯНУТ...

1.

На пути к острову Николая мореходы разглядели небольшой, и по всему судя неизвестный, клочок суши. Открылся он их глазам в четвертом часу дня, и Бутаков тотчас к нему направился. Побуждение было естественным: подойти - снять - описать. Но - "...как ветр не дозволил к нему приблизиться, то я назначил на карте место его по счислению с намерением заняться им, кончив дело у Царских островов, и пошел далее, чтобы не упустить южного ветра, который в здешнем море так редок".

Работа предстояла большая.

Во-первых, морской промер акватории Царских островов (а это выяснение и глубин, и рельефа дна, и характера грунта).

Во-вторых, съемка острова Константина, в прошлом году только начатая и сейчас требовавшая окончания.

В-третьих, осмотр (а, значит, и промер) заливов о.Николая.

Можно ли было забыть об этом, даже если встретилось на пути совсем неведомое? К этому острову они вернутся потом, непременно вернутся, пока же главное - не потерять благоприятный, не часто балующий попутный ветер. Вперед, и только вперед...

Радуясь ветру, шли, не останавливаясь. Спряталось солнце, все окутала темень, а они шли. И наконец-то цели достигли.

...21. Вскоре после полуночи стал на якорь у южной оконечности острова Константина, на который с рассветом отправил топографа для съемки...

Вымерили, выходили островок во всех направлениях, обшарили его вдоль и поперек. На все и про все хватило немногих часов.

...Остров Константина длиною 7 верст, узкий, низменный и песчаный, как большая часть островов Аральского моря. К югу от него тянется песчаная мель, а по восточную его сторону в нескольких местах подводные камни, весьма опасные.С западной стороны присоединяется к нему песчаными косами небольшой островок. Съемка кончилась около полдня...

Оказалось, что поспешили зря.Снова этот "противный ветр", снова привычные - и так часто досаждающие -аральские препоны. В южную бухту острова Николая попасть будет ох как тяжело...Попадут ли сегодня вообще?

Лавировал "Константин" несколько часов кряду, и все бесполезно. Впрочем, без пользы только для выхода на курс."Заметил течение от S к N",- внес Бутаков в "Дневные записки".Но на якорь стали не там, где рассчитывали. Стали, убедившись, что все попытки выплыть обречены на неуспех.

...22. Видя, что ветр не переменяется, яобогнул остров Константина и пошел по западную сторону острова Николая 1, у которого противный ветр заставил меня, однако, около полдня стать на якорь...

В этот раз застряли ненадолго.

...23.На рассвете снялся и пошел для промера в северную бухту острова Николая...

Бухта, разумеется, еще не остров. Но острова начинаются с бухт -входных ворот любого клочка земли среди моря.

Входя в эту. .."Шхуна чертила рулем по дну, но потом в самой бухте в южной половине глубина до 5 саж., а в северной ее части до 12. Поперек всей бухты... идет песчаная мель, доходящая до острова Наследника; при восточных ветрах через нее можно проходить, но при NW)W и SW

ветрах она весьма небезопасна. Против острова Наследника мне случалось коснуться до нее рулем, и зыбью ударило меня с такой силой, что все судно вздрогнуло и показалась течь, и я с большим трудом оттянулся... " Последнее происшествие встрепенуло всю команду. Удар о подводную мель, течь в корме, неимоверные усилия , предпринятые для того, чтобы стянуть шхуну с песчаной косы под водою и вывести ее на более глубокое место, стоили многих волнений и сил.

Но карта, которую они составят, предохранит других мореплавателей от истории вроде этой, предупредит, остережет - и в том их миссия, их долг. Хулить остров по неудаче начала негоже.Ра-

довать ему еще многих.

...В северной бухте якорные стоянки весьма удобны: закрыты от всех ветров, дров множество, и вода в копанях весьма хороша, не говоря о многочисленных стадах сайгаков, которые делают остров Николая 1 столь благодетельным для людей, проживших долгое время

на соленой пище...

Для Арала уголок поистине райский."...Рыболовная компания посылает туда для зимовки свою шхуну, которая будет стоять под северным берегом.чтоб с ранней весною ловить икряную рыбу". Это п о ч и н - добрый и первый. В прошлогоднее плавание Захряпин от здешних благ был прямо-таки в восторге.Может, со своими рыбаками на острове уже сейчас? .Рыбацкой удачи Николай Васильевич не упустит...Но если он тут и впрямь, то скорее в бухте южной. Туда пойдут при первой возможности.

Из северной вышли спокойно. Отправились к северо-востоку: в том году промер не получился, надо было восполнять. За Барса-кельмесом столкнулись с жестоким северным ветром. Волнение на море было огромным, но под штормовыми парусами продержались.

...24. На рассвете взял курс на остров Барса-кельмес, от которого определил свое место, после чего пошел с промером для осмотра южной бухты острова Николая. К нему я приблизился около солнечного заката, но войти в бухту никак не мог, потому что совершенная темнота не дозволила рассмотреть входа. В бухте ярко горел камыш, потому я полагал найти здесь рыболовную шхуну, которая, однако, как я после узнал, ушла за день до моего прихода.Я стал на якорь в 8 ч. вечера около юго-восточного мыса...

Что ни день, то сюрпризы.И все не из приятных - напротив, один

другого хуже.

...25. В ночь ветр скрепчал, почему отдал другой якорь; на рассвете я увидел себя в огромных бурунах, валившихся на песчаную косу, которая тянулась у меня за кормою...

Буруны - явление опасное. Для маленького судна особенно.Но оказались они, эти могучие прибрежные волны, только предвестник а м и еще больших неприятностей.К утру ветер усилился, волны стали

яростнее, шхуну швыряло во все концы. Водяной вал поднял ее на свой кипящий, бушующий гребень и с необычной силой ударил судно килем о дно. Ударившись о железный погон гика шкота - металлический прут, по которому скользит блок подвижной части горизонтального дерева, держащего нижнюю кромку парусов, - руль оказался согнутым. "...Вся корма.-записывал Бутаков,- затрещала так,что я думал, что ее разворотит. К полудню ветр достиг наибольшей жесткости, и шхуна была в значительной опасности".

В какой уж раз не то, что за все плавание,- в самые последние его недели и дни!..

Но, излив всю свою злую силу, исчерпав ее, море стало стихать.В восемь часов вечера "Константин" уже стоял на якоре в южной бухте острова Николая. Сутки "шел" он сюда от юго-восточного мыса, было до которого всего-то ничего - рукой подать.

Между тем кротость моря оказалась призрачной.

...26-27. Простоял в южной бухте, желая сделать астрономические наблюдения, но в эти дни ветры были так сильны, что не было к тому возможности...

Это не значило, что смотрели на остров со стороны, с палубы... Бутаков свидетельствовал:"Во время стоянки у острова Николая команда, как и в прошлом году, освежалась в изобилии сайгачиной". Но выезды были не только для охоты. Пока Истомин с группой матросов занимались добыванием пищи, другие исследовали бухту, берег, остров.

...Южная бухта представляет отличную якорную стоянку, закрытую от всех ветров, кроме SW, да и те не могут быть опасны...Соль превосходна в озерке в северной части бухты...Воды пресной, к сожалению, там нет, дров много... Основанием восточного берега служат пласты

известняка... к западу известняк этот переходит в песчаник и потом в глину... На возвышенности отличная трава...

Острова не отпускали от себя.держали у своих берегов.Не мог и не хотел Бутаков уйти, не довершив работы или хотя бы не осуществив по возможности больше

...28. Сделав утром наблюдения, я снялся и пошел с промером вокруг Царских островов.Штиль заставил вечером стать на якорь.

29.Снялся для продолжения промера и , так как ветр скрепчал и воды оставалось немного, перешел к западной стороне острова Николая, к копаням, где налил свои цистерны...

Лаконично до предела. Две-три строки на день. Писать некогда.Писать будет потом.Сейчас - счисления, промеры, пробы, съемки.Сейчас - астрономия, топография, геология, флора, фауна.Многое и многое, что, упустив, не восполнишь. Меж тем времени остается совсем мало.Заканчивается август, на сентябрь надежды невелики - Арал к легкомыслию не располагает.

...ЗО.На рассвете снялся и пошел отыскивать новооткрытый 20 августа остров.Находясь севернее полагаемого места новооткрытого острова.в 10 1/2 ч. увидел с топа мачты в западной части буруны и вскоре после того глубина стала вдруг уменыпаться.Поднявшись на топ, я увидел за бурунами желтеющий песок..

Топ - верхний конец мачты, видно оттуда далеко.Еще один неизвестный остров?

...Ветр в это время начал крепчать и по всем признакам надобно было ожидать шторма...Я привел к ветру и в час пополудни зашел за узкий песчаный остров...Длина островка 31/2 версты, а ширина 25

саж...

Успели к шторму, ударившему, накатившему с севера. Был он жестоким - это по оценке самого Бутакова.Но шторм же и помог.Помог уяснению "добросердечия" островка.Писал: "...От обеих оконечностей его идут мели, и я простоял в этом убежище ночь так спокойно и безопасно, хотя и на обоих якорях, как в самой удобной гавани.Если б этим ветром прижало к южному берегу, совершенно открытому, то канаты наверное бы не выдержали, и нам бы не миновать крушения...

- Остров этот я назвал в честь адмирала Беллинсгаузена.

Назвал в тот же день.А на следующий...

Время до полудня было посвящено новооткрытому острову, названному именем прославленного флотоводца.

...31.Сделав на нем астрономические наблюдения утром и в полдень и съемку .снялся с якоря и пошел к югу. В исходе 2-го часа стал на якорь у острова, открытого 20 августа, куда немедленно отправил для съемки партию.Остров этот, названный мною в честь г.главного командира Черноморского флота Островом Лазарева, весь каменный и состоит из тех же пластов, как восточный берег острова Николая и каменная коса Узункаира, т.е. геологический характер его совершенно отличен от Устюрта.Остров приглуб, длиною около 21/2 верст, и на нем разбросаны кусты джангыла, а по закраинам...растет

камыш...

Карта Арала заговорит, увенчается теми именами, которые для Бутакова и его семьи, для всех моряков неотделимы от славы флота российского, земли русской. ...Тем август и завершился.

2.

Но как же это, слышу голос въедливого читателя, на всем протяжении главы Шевченко и не упомянут.Или вовсе автор забыл, о ком его книга?

Книга - о Шевченко. Только - не в первый раз повторяю - не может ее истинный герой быть вне времени своего, вне людей, его окружавших, вне пространства, на котором протекала жизнь - каждый год и месяц, каждый день.

Вот и август Тараса неотделим от августа "Константина".

Все, что было со шхуной, с ее командой, было и с ним самим. Все штормы (надо сказать, частые), все невзгоды и опасности, все тревоги и волнения.

Записи о делах и днях в большинстве своем - почти всюду - без имен. Где-то в них авторское "я" это действительно Бутаков, и только Бута-ков.На военном судне руководствовались уставами военными. Решения, приказы исходили от командира, начальника - от него единолично. Но во

многих случаях за "я" стояло "мы". Труженикам и моря выказывали себя все. Бездельников быть не могло - таких служба не терпела. Не был без дела и Шевченко.

Дело это - рисование?

Рисовал, когда было нужно и ...возможно.

Далеко не всегда возможность представлялась. До рисования ли, когда накатывает девятый вал, парусник становится чуть ли не игрушкой рока, вот-вот опрокинет его с людьми в свирепую, пенящуюся, разъяренную бездну, разорвет, разметает?

Каждый делает все, что в такой обстановке требуется, что по силам ему и даже сверх сил .Часто или не часто крестится, вымаливая заступничество всевышнего (иной раз и креститься забудет, о молитве не вспомнит - может миг наступил последний, может уже не выбраться) ,а все ж делает, а все ж не сдается, берет на себя труднейшее.

Где мы видели осеняющего себя крестным знамением Шевченко? Свят-свят-свят, не смей о таком и думать.

Решили: атеист. Огласили: противник религии. И пошло, и пошло. На десятилетия зарядили, слыша только себя. А кого было слушать? Да хотя бы самого Шевченко. Поэзия его напраслине противится, рисованные им распятия ярлыку противоречат... Отношения с Богом порою осложнялись. Но был и оставался он верующи м,х р и с т и а нином.

Крестился непритворно и никакого дела не чурался.Как другие матросы, прочие солдаты.Тем паче, когда становилось тяжко.

И крестился.и матерился, и в бучу рвался со всеми вместе. Не представляю себе Тараса, крестьянского сына, белоручкой. Не был он таким - готов побожиться сам.

Так и выходит: ни один из тех дней мимо него не прошел; каждый его коснулся. Особенно те, которые с ревом моря, треском шхуны,

страхом гибели, борением со страхом. Было их - ох! - много, в последние недели, казалось, и не счесть.

В такие страшные, тяжкие дни не порисуешь. Альбома навесу не удержишь, карандаш из рук выбивает. На утро выворачивает, всего тебя - какое тут рисование?

Рисовал меньше -рисовал мало-и потому, что устал, и оттого, что не воодушевляло повторение.

Художника вдохновляет новизна. Но на Царских островах, скажем, новизна была увидена, схвачена, запечатлена в дни их открытия, наречения. Тогда возник в нем и был положен на бумагу целый цикл рисунков, достаточно удачных, выразительных. Теперь, в предверии оренбургской работы над завершением видов, первоначальные впечатления поверялись новыми; старался вобрать, впитать в себя все разноцветье красок - уже для будущего. Съезжал на берег, разумеется , не без альбома, но зарисовки этих дней с полной определенностью не выделить.

По чести говоря, больше меня удивляет отсутствие в рисунках каких-либо следов новооткрытых островов. Понятно, у о.Беллинсгау-зена были они в шторм. Но О.Лазарева оказался вполне доступны м, и Бутаков отправлял туда съемочную партию.Скорее всего, не сумели мы рисунок этот (может и акварель) обозначить. Попытка же такая не безнадежна, тем более, что есть несколько точных м а з к о в - они в бутаковских заметках.

Однако что же, я снова о рисунках, а стало быть о служебной обязанности Шевченко в экспедиции? Да ведь это был Шевченко - личность, стоявшая выше любых функций, любых узких обязанностей!

Рисовал мало - думал много.

...Думи душу осщають,
І капають сльози.
І хочется сповщатись,
Серце розповити,
І хочется...Боже милий!
Як хочется жити,
І любити твою правду,
І весь св!т обняти!...

Думы, о эти думы бесконечные...

«ГОТОВО! ПАРУС РОЗПУСТИЛИ...»

1.

...Благо тоб1, друже-брате,
Як е в тебе хата.
Благо тоб1, як у хат!
Е з ким розмовляти.
Хоч дитина немовляща,
І воно вгадае
Тво! думи весели...
Сам Бог розмовляе
Непорочними устами...

Попутный ветер благоприятствовал переходу в юго-восточную . часть Арала. Шли, не прекращая промера, привычного ему, как и все в этом плавании, которое уж скоро, если не воспрепятствует Господь, закончится.

Ветер не подвел и... из августа перебрались в сентябрь.

...1. Утром был против высот Джидели на материке (недалеко от острова Обручева) и оттуда спустился к Бишкуму для наблюде-ний.Вход туда довольно затруднен по множеству мелей, в особенности в свежий ветр с волнением...

Джидели, Бишкум - что места, что названия, знакомые еще по маю. Были тут, снимали.Шевченко рисовал. Рисунок (в восьмом томе он предпоследний, 189-й) сделан тогда, 25 июня.Не "1-3 IX 1849", как указано в публикации, - в этот раз, по всему судя, на Бишкум и не съезжали: остров уже был на карте, исходили и описали его достаточно. Все внимание привлекал остров, находившийся "по западную сторону входа". О существовании его прежде не подозревали, имени своего он не имел.

...Зайдя за остров,находящийся по западную сторону входа, нет во всем Аральском море якорной стоянки более спокойной и удобной.От острова этого, названного мною Островом Ермолова, до устьев Джан-дарьи, расстояние около 4 миль, и вода во всем этом обширном заливе пресная, и рыбы, по-видимому, несметное множество.На самом острове дров в изобилии и водятся кабаны...

Это был уже пятый остров, открытый в навигацию сорок девятого года.

Ермолова Алексея Петровича, боевого генерала, сподвижника Суворова и Кутузова, героя войны с Наполеоном, отправленного Николаем 1 в отставку за покровительство тем, кого ссылал он под пули горцев на Кавказ, в России чтили. Ермолов (и Бутаков,и Шевченко это знали) пользовался большой популярностью в декабристских, и вообще оппозиционных, кругах; его уважал и ценил Пушкин. Сейчас отставной генерал, опальный военный и госу-

дарственный деятель, уже семидесятидвухлетний старик, был не у дел и жил в Орле.

Но почему все-таки его именем решил Бутаков назвать аральский остров? В знак уважения - это, безусловно, так.Но, думается, еще и в пику тем, кто два года назад оставил на карте имя генерала Паскевича, назвав им залив.Перечеркнуть его, дело ясное, был он не вправе, не в силах. Так хоть как-то нейтрал и зоват ь...

Генерал-фельдмаршал'Иван Федорович Паскевич сменил Ермолова в Грузии и кичился безусловным доверием, всегдашним покровительством Николая 1. Граф Эриванский,светлейший князь Варшавский, наместник Царства Польского с особыми полномочиями, сей фаворит монарха пользовался славой реакционера, душителя всякой свободы.Кстати, помнились его слова, сказанные сразу после гибели великого поэта России:"Жаль Пушкина как литератора...,но человек он был дурной".

На чаше весов Паскевичу противостоял Ермолов.Отныне и на карте Аральского моря.Как только эту дерзость воспримут в Петербурге?

...2-3. Простоял на якоре , делал наблюдения.

...4. Сделал утреннее наблюдение, после чего, чтобы не упустить попутного ветра, снялся с якоря...

Наблюдения касались не одного лишь вновь открытого острова, а и всего этого района.Бутаков, Рыбин, Вернер, Шевченко делом были заняты, как говорится,поверх головы.

Но на пороге завершения навигации - и всей описи моря - Тарас вглядывался в него с особой пристальностью.

В море, в берега - и в конце концов в себя.

...А тоб!,мш одинокий,
Мш друже единий,
Горе То6і на чужиш
Та на самотиш.
Хто з тобою заговорить,
Прив1тае,гляне?..
Кругом тебе простяглася
Трупом бездиханним
Помаршлая пустиня,
Кинутая Богом.

Пустыня тут всюду. Оживет ли она когда?Кто и что вдохнет в нее жизнь?

С якоря "Константин" снялся для того, "чтобы иметь еще полосу продольных промеров и зайти в Сырдарью для наблюдений перед

теми, которые должно было сделать в северной части Аральского моря".

Работы хватало.Не хватало все того же - погоды.

2.

"Беспрестанно налетавшие шквалы..." "Переменившийся ветр и зыбь..." "При жестком ветре, разведшем огромное волнение..." "Заштилело..."

Все это из записей дней последующих.Но из них же выписываем и такое:

- ...стал на якорь против острова Кызылчалы...
- ...подошел к острову Меншикова...
- ...пошел далее к северу ... значительно подался вперед...
- ...находясь в виду острова Кугарала...

Вопреки всему, дело подвигал ось. Использовали не дни, но часы. Работать приладились в любых условиях.

Глядя на Бутакова, Тарас видел в нем тех, кто подвиг его на службу морскую, на труд первопроходца. И Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, и Михаила Петровича Лазарева.Нет, не случайно их именами назвал он новооткрытые острова. Помнил кругосветные плавания будущих адмиралов в поисках южного материка, многое извлек из их уроков открытия Антарктиды. В тех плаваниях было потяжелее, чем на Арале, да только у русского военного моряка сила необыкновенная

- это доказано, притом не раз.

В шканечном журнале, на листах топографических съемок появились новые записи, новые обозначения.Шли местами вроде бы знакомыми, а обнаруживали неизвестное.

...9.Простоял на обоих якорях за крепким N ветром.

10.Несколько стихло, и я начал лавировать к Косаралу,но по причине зыби выигрывал весьма мало. К ночи стал на якорь против южного устья Сырдарьи...

11 .Снявшись утром, лавировкою и завозом, а потом несколько более благоприятным ветром вошел,наконец,в Сырдарью в час пополудни...

Первым, что увидели с "Константина", была шхуна "Николай". "Отлично исполнившую все возложенные на нее поручения" (записал Бутаков в тот же день или вечер) приветствовали шумно, радостно. Флотилия соединилась, команды оказались вместе. Сделав доклад официальный, Поспелов теперь просто рассказывал

- обо всем, что происходило на море, островах, берегах "их Арала".Рассказывали, собственно, все. Говорил и наперебой.Самое тяжелое вспоминали весело.

Три последующих дня занимались работами гидрографическими, наблюдениями астрономическими - тут, в устье.Но за экспедицией оставался должок:дополнительные исследования в заливе Перовского и поблизости от него.

Для их проведения достаточно было одной шхуны. Поспелов перешел на "Константин" - вернуться в море решили сообща.На "Николае" команде приказали "плести из камыша маты для крыш на суда".Камышовые маты пусть в слабой мере, но все-таки могли предохранить шхуну от дождя и снега.Надвигалась нудная осень; с нею, и с зимою здешней, суровой,спознались достаточно.

Залив Перовского, а затем гавань Чубартарауз, южную ее сторону, вместе с полуостровом того же имени, осматривали с особым тщани-ем.Вызвано это было предположениями Бутакова об использовании гавани и полуострова при учреждении аральского пароходства и в случае военной экспедиции. Напомню его вывод: "путь войску и транспортам от Орской крепости до Чубартарауза... гораздо короче расстояния от Орской крепости до Раима, и, по словам киргизов, гораздо удобнее, ибо пролегает через изобильные кормами,топливом и водою пески Малые Барсуки, а не через тяжкий Каракум".Теперь в своих мыслях он утверждался еще более - уже окончательно.

Можно было возвращаться. ...18. В исходе 7 часа при попутном ветре снялся и пошел обратно в Сырдарью...

3.

Около семи утра ветер был попутным, а уже через час он переменился, стал крепчать и совсем скоро превратился в шторм.

...Рассчитывая, что у входа в Сырдарью глубина местами меньше 1 сажени и что при таком сильном волнении судно может быть подвержено опасности удариться килем о дно, я решился переждать, когда стихнет, укрывшись за мысом Уччека, находящимся по западную сторону входа в залив Сарычеганак.Там я положил оба якоря в исходе 1 часа пополудни...

Шхуне было суждено пережить еще один жестокий шторм. Море без "гостинца" не выпускало.

"Усь-чека" - таков последний рисунок в восьмом томе.

Под названием - дата: 18.09.1849.

Но рисовано это не в тот штормовой день, а гораздо ранее - еще в июле.Достаточно сравнить рисунок Шевченко с записью Бутакова и все сомнения рассеются.

Возвращались в Сырдарью.Шли к Косаралу.

Шли не так скоро, как хотелось.

Худо когда шторм,неладно и в штиль.

Б у т а к о в, его"Дневныезапис ки".

...19.К утру ветр и волнения несколько смягчились, почему снялся с якоря под зарифленные паруса.

Ветр.не позволивший обогнуть мель, находящуюся недалеко от входа в Сырдарью, заставил стать на якорь в 11 часов.К ночи заштилело.

20.После штиля,продолжавшегося почти до солнечного заката, снялся с якоря и.несмотря на темноту, при помощи фалшфееров, со-жигаемых по очереди то у меня, то на стоящей в устье Сыра шхуне Николай и пускаемых по очереди ракет, вошел благополучно в устье в 9 1/2 ч. вечера.

21.Оба судна,выгрузились, пошли к месту зимовки.Шхуна Николай, мелко сидящая в воде, под парусами; шхуну Константин приходилось протаскивать через мель силою, заводя становые якоря.

22.Утром пришел на место зимовки, а вечером спустил брейд-вым-пел и флаги и кончил кампанию.

В "Дневнике Начальника описной экспедиции Аральского моря" последняя запись и шире, и точнее, детальнее:"Утром пришел на место зимовки ипосле полдня спустил свой брейд-вымпел и и а обо их судах флаги и гюйсы и кончил кампанию".

Гюйс - для несведущих - это флаг, поднимаемый и опускаемый на пойсштоке в носовой части судов ежедневно.

Готово! Парус розпустили,

Посунули по синш хвшп

Помеж кугою в Сирдарью,
Байдару та баркас чималий;
Прощай, убогий Косарале...

Тарас прощался не только с Косаралом.

Обращался он к Сырдарье и Аральскому морю, "Константину" и "Николаю", к спутникам-товарищам, ко всему тому, что испытал и пережил.

В нем и с ним это останется навсегда.

Часть шестая: МОРЕХОДНЫЙ АУЛ.

ЕЩЕ ОБ ИСТОЧНИКАХ

1.

Основные вехи этой, заключительной, части книги проставлены Бутаковым.

Опираюсь на его письмо к родителям, посланное в начале ноября из Оренбурга, но содержащее ретроспективу недавнего путешествия:

"Я выехал из Раима 9 октября и прибыл в Орскую крепость 28 октября. Переход до Новоуральского укрепления /в 325 верстах от Раима/ я сделал на 10-й день, а оттуда до Орской крепости /413/ на 9-й день. В Оренбург я приехал 31 октября..." /ЦГАВМФ, ф.4, д.82, л.91/.

Такая она, стержневая основа того, что предопределяет дальнейшее и ждет читателя на ближайших страницах.

2.

А название части? Что за "мореходный аул"? Откуда это?

От того же Бутакова.

"Привет вам из морского аула..."

"Весь мореходный аул кланяется вам..."

Но письмо надо прочесть целиком, и внимательнейше. Хранимое в фонде рукописей Института литературы им.Т.Г.Шевченко Академии наук Украины и, насколько мне известно, никогда не публиковавшееся, оно обращено к Макшееву.

Адресат известен, все остальное загадочно. Письмо "б.д." /без даты/ и "б.м." /без места/ написания. Загадки в нем на каждом шагу.

"...Привет вам из морского аула, который общими силами намерен сочинить грозную поэму под заглавием "Клеветникам Каракума"! Все мы спрашиваем друг друга: да где же этот Каракум, знойный, тяжкий, подавляющий двуногих и четвероногих, горбатых и негорбатых? И только эхо отвечает - где?

Вопрос этот мы делаем утром, восстав от сна, и паки вечером, на сон грядущий. Мы перелетаем с джигитом Филатовым от колодцев к колодцам, как бабочки с цветника на цветник, беспечные, веселые, счастливые..."

Когда это писано?

На пути из Раима?

Октябрь в Каракумах еще жаркий, для доброго настроения оснований больше, чем прежде. Долг выполнен, возвращаются с почетом. "Джигит Филатов" мог следовать вместе, скажем во главе казачьего конвоя. Как и Петров /тот самый, которого, как "хорошего человягу", рекомендовал Тарасу, перед выступлением в поход на Арал, ФЛаза-ревский/.

"Прелестная жемчужина цветет, как роза, в сердце еще джигита-сотника уральского воинства Петрова, юноши скромного, с поэтическими наклонностями, не преданного пьянству и выражающегося поэтически, свысока..."

Жемчужиной слыла попадья, оставшаяся в Раиме.

"...Словом, мы счатливы, тра-ла-ла, тра-ла-ла-ла ... Право, не хочется расставаться с Каракумом..."

Весточка с пути? Явилась оказия и послал в Оренбург?

Но нет.Бутаков задает вопрос:

"...Правда ли, будто у вас кони изнурены? Так писал зур кутак Филатову - наши, напротив, приветствуют каждое утро веселым ржанием и, приходя на место ночлега, дивятся тому, что переход уже кончен, и как будто говорят: только-то?..."

А такое:

"...Морс Матильды Петровны, сберегаемый для самого скверного пути Каракума, все еще в целости, я боюсь, что его вовсе не придется откупоривать - так здесь хорошо..."

Для любого морса, даже подаренного самой губернаторшей, полтора года - срок слишком большой.

Однако еще определеннее далее: "...помышляем с соболезнованием о том, что остается до Раима только шесть переходов..."

До Раима...

Шесть переходов до места назначения - значит, писалось в июне п р о ш л о г о, сорок восьмого.

"...Но довольно о нас. А что поделываете вы, архитаксыр? Чем увеселяется ваше сердце? К сожалению, в здешних странах вам негде купаться с нимфами, жрицей и фельдшерицей, но зато вам остается интересная и занимательная беседа с /нрзб/, зато вы теперь единственный великий сказочник, и насчет Екатеринбурга вам комар носу не подточит. Не забудьте о нас и сообщайте от поры до поры какие-нибудь письменные признаки жизни: нам усладительно думать, что и вы блаженствуете - веселая жизнь не сделала нас эгоистами.

Мы иногда, спешившись, ботанизируем - собираем дикий чеснок, которым изобилует богатая почва здешней страны; наука, кроме отрады умственной, доставляет нам еще вкусную приправу к ужинам, которые как вкусно умеет готовить наш Иван Тихов..."

Вот тут и читаем:

"...Весь мореходный аул кланется вам. У-р-р-р-р-ааа Каракум! Дня и числа не знаю - счастливым, нам до того ли?..."

День и число - сомнений уже нет - из июня 1848 года. Бутаков, Поспелов и некто еще из будущих участников Аральской экспедиции, в сотовариществе с казаками, взятыми с собою Филатовым в качестве сопровождения-конвоя, на какое-то время отделились от транспорта и углубились в пески Каракумов. Не праздной прогулки ради - науки для. Но и прогулки тоже; она, судя по письму, оказалась приятной.

Макшеев оставался при Шрейбере /штаб его бригады находился в Екатеринбурге, отсюда "насчет Екатеринбурга вам комар носу не подточит"/. Шевченко был тут же, в основном транспорте,- вместе с Макшеевым и неподалеку от генерала, к живописи благосклонного. И по обязанности, и из чувства дружбы Бутаков подавал вести - кроме официальных, еще и такие. Степная почта действовала, подтверждением чему уже это приятельское письмо одного Алексея Ивановича другому. /ИЛ, ф.1, N 286/.

Из него и почерпнуто мною название завершающей части книги. Это самое: "Мореходный аул".

3.

Последняя часть документирована меньше предыдущих.

Хотя, как сказать...

Меньше печатных источников. Прямых - никаких, косвенные - у того же Макшеева и того же Бларамберга, у путешественников более близких.

Основа основ - поиски в разных архивах и фондах. Они-то позволили обнаружить небезынтересные штрихи времени, существенные детали к характеристике тех недель и мест, которым суждено было войти в биографию главного героя моей хроники.

Переписка относительно взаимоотношений россиян со степняками и положения на дорогах, которыми пролегал теперь путь на север; материалы о степных укреплениях по всей этой линии, их жизни, их буднях с тревогами, радостями, печалями; рапорты и письма, записи в церковных книгах - многое и многое, что так бережно, так терпеливо хранят архивы...

Далеко не всегда мы доискиваемся. Пора искать поглубже.

"ПРОЩАЙ, УБОГИЙ КОСАРАЛЕ..."

1.

Дела и прощания, прощания и дела...

У Бутакова, Поспелова, Истомина, других в командах "Константина" и "Николая" дел было по самое горло.

Готово! Парус розпустили...

Паруса парусами; под присмотром Егора Бобылева, парусника 3-го рабочего экипажа в Петербурге, со всеми предосторожностями их распускали, снимали, сворачивали; занимались этим матросы из Астрахани, в морском деле искушенные; унтеры следили, чтобы работа шла споро и ничего упущено не было. Одновременно шла разгрузка трюмов и палуб. Многое сразу перегружали в баркас и байдару - им предстояло следовать в Раим.

"Байдара - речное судно...лодка местной постройки, изредка деревянная, а большей частью обтянутая...кожей...; величина байдары или байдарки определяется...числом гребцов..." /Даль/.

И тоже из Даля: "Баркас - самое большое гребное судно, чернорабочее, для завоза якоря и перевозки людей и тяжестей; один или два бывают при каждом военном судне..."

Суда оставались у Косарала - там, где однажды уже благополучно зимовали. В укрепление снарядят "байдару та баркас чималий".

Если бы туда следовали шхуны /как пишет, комментируя стихотворение, Ю.А.Ивакин: "Отселе /т.е. от Косарала - Л.Б./ в начале октября корабли экспедиции поднялись вверх по Сырдарье до форта Раим.../, Бутаков не распорядился бы спустить брейд-вымпел и флаги именно здесь, не занес в дневник, что тут он "кончил кампа

нию".

Нет, заканчивалась она у Косарала и на самом этом острове, который, как было у Шевченко сначала, "таки пропестував два л!та" /потом поправит: "Ти розважав - таки два лгга'7.

Не чурался, не сторонился всеобщего этого дела и он, Тарас.

Пока не "посунули по синш хвил! помеж кугою в Сирдар'ю", делал он всякое-разное. Не по службе, так из чувства товарищества. Где нужно было, подставлял плечо. Требовалось - становился в рабочую

цепь.

Дел хватало каждому. И ему тоже. На все и про все отводились

считанные дни.

По-людски должно было проститься с теми, кто на Косарале оставался.

Оставались многие.

2.

Хозяйственный, и по-хозяйски предусмотрительный, Истомин приберег ради такого случая ему известное количество спирта. Рыбаки, с ведома и благословения Захряпина, попридержали к встрече-расставанию увесистого икряного осетра; казаки припасли мясо - охота была удачной.

На рыболовной ватаге, как сразу приметил Шевченко, появились новые, незнакомые люди. Это были казаки-переселенцы, прибывшие в Раимское укрепление из Городищенской.

"Из прибывших на Раим поселенцев служащие казаки Петр Цыцы-лин с женою, Иван Муравьев и Александр Батурин, по согласию с приказчиком рыболовецкой компании, изъявили желание наняться на год в работники на...промыслы, первый с женою за 350 рублей и последние двое каждый за 250 рублей ассигнациями, предполагая вырученные за этот наем деньги употребить в пользу своих семейств и для найма киргизцев, дабы чрез них более успеть в обрабатывании полей под засев озимового и ярового хлеба, потому что, не привыкнув к местности и не ознакомившись еще с здешним хлебопашеством, без помощи местных жителей, киргиз, особенно в первом году, они

не надеются надлежащим образом обработать пашни, требующие искусственного орошения..." /ГАОО, ф.6, оп.Ю, д.6061, л.71-71 об.

Мысль о работе на промыслах желающих того оренбургских казаков одобрил во время своей инспекторской поездки генерал-майор Федяев. "Ежели рыболовецкая компания будет нуждаться в рабочих, то ей весьма выгодно нанять их из числа поселенцев, - предписал он, тут же заметив, что "в обоюдную сделку эту начальство, как кажется, не должно вмешиваться". Федяев подчеркнул: "Начальник укрепления не должен препятствовать наемке этой, но никак, противу собственног желания, не отправлять поселенцев еа Косарал в качестве рабочих..." /ГАОО, ф.6, оп.6, л.12734, лл.3-10/.

Как и рекомендовал генерал, договор был заключен беспрепятственно. "Вследствие чего, - докладывал в Оренбург начальник Раима, -помянутые казаки отправлены мною 1-го числа сего месяца /августа - Л.Б./ на вышеизъявленных условиях к приказчику рыболовной компании мещанину Захряпину на Косаральский форт, а принадлежащая казаку Цыцылину скотина оставлена на руках казаку Филиппу Муравлеву с письменным договором, заключенным между ними". /Указ.дело 6061, л.71 об./

На самодельных столах всего было выставлено много - хватило на всех. Пели песни - всякие песни: и волжские, и оренбургские, и украинские. Веселых было меньше, чем грустных. Уже в самом начале застолья Шевченко понял, что провожают не только их, а и своих.

Николай Васильевич Захряпин не замедлил воспользоваться результатом работы описной экспедиции. Вот и в этом году весь август "производил опыт рыболовства в окружности острова Николай", откуда привез и осетров, и сомов. Теперь он снаряжал туда шхуну "Михаил". Снаряжал надолго. Лоцман Андрей Постное, кормщики Николай Агафонов и Семен Шилкин, рабочие Иван Кирилов, Василий Козлов, Иван Колтурин, Иван Жаворонков, а вместе с ними казак из поселян Петр Цыцылин в ближайшие дни отправлялись "для рыболовства при острове Николай", где должны были "пробыть по этому рыболовству до будущего лета". /ГАОО, ф.6, оп.Ю, д.6134, л.18/.

Сотник Уральского казачьего войска Федор Чеботарев, сейчас начальник Косаральского форта, без умолку говорящий Захряпин, рыбаки, казаки, матросы чувствовали себя тут одной семьей. Произносили тосты, пили-ели, пели песни, рассказывали всяк свое, снова пили и пели, кто-то анекдоты сыпал, кто-то плакал - одни прощались навсегда, другие надолго, все раздумывали над судьбой собственной, заливали тоску вином и слезой.

...Прощай, убогий Косарале.
Нудьгу заклятую мою
Ти розжавав-таки два лгга
Спасибо, друже; похвались,
Що люде і тебе знайшли
І знали, що з тебе зробити...

Совсем уже расходились, когда молчаливый Цыцылин проговорился: жена его, Авдотья Афанасьевна, она в Раиме, вот-вот родит, а ему до отхода на "Михаиле" может даже не узнать, кого послал им Господь. Бутаков принял услышанное близко к сердцу. Пообещал: ежели родит, когда они в Раиме будут, крестным станет. "Уважь, хороший человек", - только и выговорил взволнованный казак.

Прощались душевно.

3.

В какой уж раз обходил он остров, и до того исхоженный из конца
в конец.

Жал руки то одному, то другому. Обнимался с казаками и казахами.

Делал последние наброски, вбирая, впитывая в себя каждую деталь сурового, своеобразного пейзажа.

Едва ли какое место рисовал он больше и чаще, чем это. Имя острова само просилось в поэзию. ...Прощай, убогий Косарале...

Тарас величал его другом. Другом он и стал. Тут чувствовал себя вольным: о безжалостном царском приговоре не напоминало ничто. ...Прощай же, друже! Ні хвали, АН! ганьби я не сшптаю Твош пустит; в шопм краю, Не знаю, може и нагадаю Нудьгу колишнюю колись

ОДосарал ему помнить по век жизни. Да и потом, доныне, быть острову символом этих лет его биографии, получить бессрочную прописку в украинской, русской, казахской поэзии.

Но мешкать с отплытием было нельзя. Все быстрее приближался капризный октябрь, путь же предстоял не близкий и - долгий. ...Посунули по синш хвил!

Помеж кугою в Сирдар'ю...

Даже до Раима добраться не так уж просто. Не забылись плавания предыдущие, с неожиданностями на всем этом речном протяжении.

"Помеж кугою" - не самое важное. Куга только примета: "кругло-стебельное, безлистное растение... тросник, осока, ситник" /Даль/. Одна из примет берегов, ему, художнику, в память запавшая.

"Посунули..." Дремать на такой реке не приходится - переменчива она, сулит всякое.

...Так прощай же, Косарал... В путь обратный!

ЗАГОВОР ?

1.

В Раиме Тараса приютили медики, от них же узнал он и последние новости, причем не только сугубо местные.

С изрядной задержкой, какими-то своими, неведомыми каналами дошло до них содержание переписки военного министра князя А.И.Чернышева с В.А.Обручевым, а того, в свою очередь, с другими должностными лицами губернии. Переписка касалась некоего Черно-свистова, Черносветова или Черносвитова, но, как утверждали информаторы, но и гораздо большего. Недаром письмо от Чернышева было снабжено выразительным грифом "Весьма секретное и нужное".

Дело с этой перепиской отложилось в Оренбургском архиве под заголовком "О разыскании отставного офицера Черносвитова" (ГАОО, ф.6, оп.18, д.193), и мы сейчас можем увидеть его воочию, прочесть каждый лист, и прежде всего - само письмо министра.

"Арестованный в Санкт-Петербурге помещик Спешнее, - уведомлял он, - показал, что жительствующий постоянно в Иркутске и в ноябре месяце 1848г. приезжавший в Санктпетербург отставной офицер Черносвитов, при разговоре с ним, Спешневым, о плане востания в России, излагал этот план в таком виде: сначала надобно, чтобы возмущение вспыхнуло в Восточной Сибири; пошлют корпус войск, но едва он перейдет Урал, как восстанет Урал и посланный корпус весь останется в Сибири; с 400 тыс.заводских людей можно кинуться на низовые губернии и на землю донских казаков; на потушение этого потребуются все войска, и если к тому произойдет восстание в Санкт-Петербурге и Москве, то все будет кончено.

Сделав распоряжение к задержанию Черносвитова, равно сообщив о вышеизложенном генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири, для надлежащих с их стороны разысканий, по высочайшему

государя императора повелению, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство приказать немедленно произвести наистрожайшее дознание, не распространены ли Черносвитовым на Урале, особенно между заводскими людьми, какие-либо вредные мысли, и принять дальнейшие меры осторожности; о последующем же удостоить меня уведомлением, для всеподданнейшего доклада его императорскому величеству.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности". Письмо военного министра, им собственноручно подписанное, было послано в июне сорок девятого. Сразу по получении Обручев разослал по губернии, и прежде всего гражданскому губернатору в Уфу и главному начальнику горных заводов Уральского хребта в Екатеринбурге, свой циркуляр, предписав "веем-веем" посылать ему "еженедельные донесения" о каждом "путешественнике".

Кое-какие следы отыскались вскоре. "Преследуемый офицер Чер-носветов известен под настоящим его прозванием Черносвитова, отставного подпоручика, - того самого, который прежде служил в Пермской губернии в городах Ирбите и Камышлове земским исправником". Другое

сообщение было таким: "В марте нынешнего 1849 года, 17-го числа, Черносвитов проезжал из России в Екатеринбург по подорожной, выданной от Ярославского военного губернатора". И наконец еще одно: "Вышеупомянутый отставной подпоручик Черносвитов провезен 8 числа прошлого июля в Санкт-Петербург через здешний город (Екатеринбург - Л.Б.) в сопровождении жандармского офицера капитана Шевелева..."

Лавров и Килькевич с уверенностью говорили о раскрытом в столице заговоре, о новом тайном обществе, которое якобы замышляло переворот. Сообщенное ими не могло не заинтересовать Шевченко. Просто слухи? Или под ними весомые основания?

В недалеком будущем ему предстоит узнать о петрашевцах; с некоторыми причастными к этому кружку он, как окажется, был знаком, и даже довольно коротко.

Но прояснится главное уже в Оренбурге, месяцы спустя.

2.

Не как местную, но как личную, лично его касающуюся, новость, и только так, воспринял он отношение командира линейного батальона N4 Дамиса к командиру пятого Мешкову.

Совсем недавно, в сентябре, Дамис отправил в Орскую крепость "Именной список нижним чинам, переведенным из линейного Орен-

бургского батальона N5, на которых нет письменных сведений". Такие сведения он и запрашивал.

Список был довольно длинным:

Медведсков Авдей
Бутенко Михей
Лаптев Сезонт
Буковиков Ефрем
Битинев Терентий
Ткачев Степан
Петров Афанасий
Шилоносов Яков
Максимов Петр
Чемерда Михаила
Балыкин Иван
Пинюгин Иван
Знаменщиков Дмитрий
Пигохин Егор
Внуков Николай
Богомяков Ларион
Марьин Сергей
Грущенко Алексей
Шевченко Тарас
Нильский Арон
Кожевников Михаила
(ИЛ,ф.1,д.431)

Двадцать фамилий, двадцать рядовых, вместе с которыми выступал в дальний поход в мае сорок восьмого. Товарищи по солдатской службе в Орской, по многотрудному переходу через степи и пустыни, по Раимскому укреплению, где продолжали тянуть свою лямку. Яков Шилоносов, как и он, ходил по морю - только на шхуне "Николай". Виделись, значит, и на Косарале. С другими поддерживал связи в Раиме - тем же, скажем, Михайлой Чемердой. Некоторых только в лицо и знал - здоровались, и все тут. У каждого была своя жизнь, своя доля. Когда-нибудь, уже заканчивая солдатчину, Тарас занесет в свой дневник: "Солдаты - самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, одним словом, все."

Никого из с и л ь н ы'х не интересовало в этих людях ничего. Но почему именно сейчас запрашивал сведения об орских солдатах майор Дамис? Что понудило его к такому шагу? Не

строгости ли в связи с тем заговором, о котором рассказывали раимские медики? ...Тарас Шевченко...

В списке он девятнадцатый. На Арале ощутил себя свободным, но нет - "нижний чин", и тол*ко-то. Был, остается и будет нижним ч ином, да еще штрафованным, самим царем отправленным в солдаты "под строжайший надзор", с запрещением писать и рисовать.

Сейчас ему разрешено следовать с Бутаковым в Оренбург, а не переменится ли ближайшая судьба, пока достигнут они той же Орской, куда послал запрос Дамис? не остановят ли, и даже повернут вспять, чтобы не нарушал монаршью волю?

Мысли были тревожными.

Новости, новости...

"МУРЧИСОН СКАЗАЛ БЫ СПАСИБО"

1.

Сначала выписки из оренбургского архивного дела, на этот раз более давних годов. Дело N11744 (ГАОО, ф.6, оп.6) озаглавлено: "Об оказании геологам Мурчисону и де Вернелю содействия и законного пособия в предпринятых ими по высочайшей воле горноученых изысканиях".

В апреле 1841 года из штаба корпуса горных инженеров прибыло письмо Оренбургскому военному губернатору. Оно гласило:

"Производившие в прошлом году геогностический обзор некоторых частей России председатель Лондонского геологического общества Мурчисон и вице-президент Парижского геологического общества де Вернель изъявили желание продолжать в течение сего лета прежние их изыскания.

Государь император, соизволив на сие предложение, высочайше повелел: оказать сим геологам в предполагаемом ими ученом путешествии по России возможные пособия и содействия..."

В Оренбургскую губернию Родерик Импей Мурчисон и Ф.Э.Вер-нёйль прибыли вместе с известным русским палеонтологом А.А.Кейзерлингом, в сопровождении инженера-поручика Кокшарова. По облюбованным учеными местам их возил казак Оренбургского войска Николай Иванов.

Путешествие оказалось результативным. Исследователи собрали обширный материал для своего двухтомного труда "Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского".

Книги вышли в Санкт-Петербурге, и произошло это в 1849 году.

Успел просмотреть их сразу по выходе в свет? Увидел позднее - в Оренбурге или на Мангышлаке?

Факт тот, что и увидел, и познакомился. Иначе не было бы в "Близнецах" слов и строк о "земляке", который участвовал в описной экспедиции на Арале и сообщил "самые дельные сведения о берегах и островах Аральского моря, - такие сведения в геологическом отношении, за сообщение которых сам Мурчисон сказал бы спасибо".

...Разумеется, многими полезными сведениями об англо-франко-российской экспедиции Мурчисона Шевченко был обязан Вернеру, Макшееву, Бутакову. Но помнили иноземных путешественников и некоторые из казаков, несших свою службу давно.

Возвращался он обогащенным знаниями.

2.

Обручев предписывал: "по возвращении с моря представить...подробный отчет и составленное вами описание по обозрению Аральского моря и берегов оного с приложением карты и снятых видов, также и шканечный журнал" (ГАОО, ф.6, оп.10/2, д.2, л.7 об.)

Это относилось и к Шевченко. "Снятые виды" обязан был представить он. Какие-то - сразу по возвращении, другие - некоторое время спустя (после "отделки"). Раскрывая альбомы перед

раимцами, показывая новые картинки - результат второго хождения по морю, ,а художник заодно отбирал готовое, прицеливался к беглым зарисовкам, обдумывал последующие свои шаги.

Алексей Иванович за "подробный отчет" принялся еще на шхуне, продолжал его на Косарале, а теперь использовал и дни раимские, любой не занятый в них час.

"...В течение этих двух кампаний сделана съемка всех берегов Аральского моря, астрономическая установка его и достаточный для судоходства промер глубины; более подробного промера нельзя было сделать по краткости времени, постоянно неблагоприятствующей погоде, в особенности продолжительных кратких ветров, от которых суда бывали нередко в крайней опасности..."

Господствующие ветры... наибольшие глубины...мели...острова-угли... "Чтобы употребить Аральское море с пользой, которая несомненна в'случае военной экспедиции, необходимы мелко сидящие в воде железные пароходы, уголь для которых есть в пластах полуострова Куланды, в яре, отстоящем сажень на 150 от прибрежья, и в заливе Каратамаке; достоинство последнего однако ниже, чем первого..." Но думалось не только и не столько о перспективах военных. А рыболовство? охота? земледелие? мирные кочевья? коммерческие фактории?

(Так бы думалось тем, кто уже в наше время обрек Аральское море на исчезновение! Из письма Игоря Кононова, вновь прошедшего с товарищами "По маршруту экспедиции Бутакова" (помните, "Пома-рэкс"?): "И в 1989-м наше плавание удалось. Мы выбрались до Барсакельмеса, прожили там три дня и на южном его мысе установили памятную доску. Но , конечно, лучшим памятником первопроходцам было бы полноводное, бурливое Аральское море. К общей нашей тревоге, оно серьезно болеет , можно даже сказать - погибает, но пока смертный час не наступил,'надеемся, что здравый смысл восторжествует и Арал останется живым вовеки веков").

Думалось о многом - и Бутакову, и Поспелову, и Шевченко - всем, кто походил по этому, дотоле неисхоженному, "Арал-Тынгызу", то-есть "Островному морю". Меткий у здешнего народа глаз, зоркий. Не один раз ссылаться Бутакову в отчете на сведения, почерпнутые от коренных обитателей края, его аборигенов...

В этом году казахам придется особенно туго. Абдулкадир Субхан-кулов, старший толмач Оренбургской пограничной комиссии, следуя в Раим после объезда аулов батыра Джанходжи Нурмухамедова, увидел в урочищах огромные скопища еще не вполне развившейся саранчи, истреблявшей по Сырдарье и хлеб, и молодой камыш, и траву. Появление новых скопищ саранчи навело большой страх на казахов-земледельцев. Урожай нынешнего лета оказался убогим и без того... "Уборка ячменя и пшеницы у кочующих близ укрепления киргизов, - доносил Субханкулов в Оренбург, - в августе месяце совершенно была окончена и в сравнении с прошлогодним урожаем оказалось хлеба в четверо и даже в пятую менее... некоторые киргизы от своих засевов получили по одному, не более двух процентов, а другие одни лишь семена..." Произошло это "от малого и несвоевременного разлития Сырдарьи; затем хлеб на лучших местах-почти совершенно уничтожен саранчею, а просо (обещавшее хороший урожай) саранча съела совершенно".

Дороговизна хлеба была и в самом начале уборки, сейчас же следовало ожидать, что "продажи хлеба вовсе не будет, особенно при поставке его в казну; почему едва ли не откроется между туземцами голод, если правительство не примет мер к поддержанию разоренных бедствием ордынцев". (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6222, лл.1-3).

Виды на эту зиму были тяжелые. Ожидать чуда не приходилось.

Поэт - и крестьянин - Тарас воспринимал чужое горе как свое.

Рождавшиеся строки были его вздохом о недоле братьев и сестер -таких же бедолаг, как земляки на родной Украине.

3.

В Раиме звонили колокола.

Главный среди них был весом в 41 пуд и 20 фунтов, другой - в девятнадцать пудов, третий - в десять.

Первоначальный церковный намет сняли - укрепление обрело свой постоянный храм. Тот самый, что на его, Шевченко, карандашном рисунке (в восьмом томе он под номером 148).

Не бог весть какой большой, совсем не помпезный, не монументальный, во многом близкий тем родным, приветливым церквям, которые видел, в которые заходил на своей Украине, в ее селах; иные из них тоже взял на карандаш - они и в этих его альбомах, напоминающих о дорогом, любом сердцу.

...Среди множества раимских хлопот не забыли участники экспедиции обещания, данного казаку Цыцылину на Косарале. Жена его 2 октября родила дочь, 4-го новорожденную крестили в церкви.

В метрической книге "Воскресенской церкви, состоящей в Раим-ском укреплении", есть запись от 4 октября 1849 года. В ней значится, что у Оренбургского казачьего войска служащего казака Петра Цыцы-лина и законной жены его Авдотьи Афанасьевны появилась дочь Пелагея. Воспреемники перечислены в таком порядке: "департамента морского ведомства капитан-лейтенант Алексей Иванович БуТаков, оренбургского батальона N4 поручик Александр Трофимович Богомолов, ее высочество великая княгиня Александра Николаевна (заочно) и дочь чиновника 8-го класса Петра Максимова Александра Петровна". (ГАОО, ф.173, оп.11, д.186'

Ми восени таки похож! Хоч капельку на образ божий, -Звичайне, що не вс1, а так, Хоч деяк!...

Шевченко был расстроган. И рождением нового человека, и тем, как раскрывались навстречу ему задубелые, казалось, суровые души.

С ЛИНИИ И НА ЛИНИЮ

Косаральская встреча с Петром Цыцылиным и его товарищами уже сама по себе настраивала на знакомство с переселенцами в Раиме.

Со времени его выезда из укрепления - тогда, перед плаванием этого года - перемены тут произошли заметные.

В Раим переселились 23 семьи - 107 душ мужского пола и 65 женского, а всего 172 человека.

Иэ Городищенской станицы Оренбургского казачьего войска прибыли Кожуховы, Батурины, Муравлевы, Цыцылины, из Краснохолмской - Белунины, Никольской - Бибиковы, Толмачевы, Данияровы, Пречистенской - Обертышевы, Красногорской - Абдрах-мановы, Рымникской - Луценковы, Кваркенской - Кармановы, Уртазымской - Кузнецовы, Худяковы, Тереклинской - Щербаковы, Подгорной - Максимовы, Коноваловы, Прокофьевы, Сухаревы, Остроленской - Кузьмины, Уйской - Ярины, Степной - Лебедевы, Кособродской - Ведерниковы.

Многие семьи были большими: по четырнадцать Лебедевых и Бибиковых, двенадцать Луценковых, десять Сухаревых. Другие - по девять, восемь, семь; только две семьи - как у Цыцылиных - состояли

из трех душ.

Что их вело? Охота к перемене мест? А может нужда? Переселенцам полагались льготы и пособия:

-"восьмилетняя льгота от службы и всех существующих в войсках

повинностей",

-"безденежное, в продолжение двух лет, казенное довольствие казакам, женам и детям их, провиант по положению, т.е. от 7-ми лет и старше полными, а моложе 7-ми лет половинными дачами",

- предоставление переселенцам в степные укрепления "тех же самых прав на промышленность и пользование земельными и другими угодьями,какие имеют поселенные на линию казаки"...

И так далее. Те, кому жилось хорошо, богато и в своих станицах, р тяжелый этот, рискованный путь не пускались.

...Сведения, приведенные здесь, почерпнуты из тома "Материалов по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска (вып.X!, 1913, с.163-166).

Люди приехали работящие.

Прибыв в июне, они без передышки после многотрудной дороги

сразу взялись за дело.

Из этой же книги: "Поселенцы успели посеять гречиху, просо, огурцы, дыни и арбузы, накосить сена, нарезать камышу, приготовить кизяк и засеять озимую рожь. Резка камыша... затянулась потому, что он был съеден саранчою и остались только небольшие кусты его".

А теперь из старых бумаг, хранящихся в архиве (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6061 "О поселенцах в киргизской степи").

О посевах: "Произрастание проса посредственное, гречи ненадежные, огурцы, дыни и арбузы цветут, но плодов не оказывается, вероятно по позднему их засеву", (л.67).

Из книги: "...переселенцы помещены в киргизских кибитках (ко-шах), а затем...в домах из сырцового кирпича на каменных фундаментах; в домах вырыты подполы для хранения овощей и сделаны деревянные полати. Из сырца же сделаны службы и дворовые заборы..."

Из дела: "Поселенцы эти, до устройства для них жилых помещений...помещены вне укрепления в кибитках. По настоящее время (письмо начала июля - Л.Б.) они заготовили для себя своими средствами около 10 стогов сена, засеяли в виде опыта полторы десятины проса и десять фунтов гречи; а средствами гарнизона, на постройку для них домов, сделано 20000 сырцового кирпича, заготовлено сена 25 стогов и камыша один скирд и устроены две хлебопекарные печи". (л.26)

Заведывание переселенцам было возложено на подпоручика Богдановича, он же, вместе с инженером-прапорщиком Васильевым, командовал постройкой домов для прибывших семей.

О быстром развороте работ свидетельствовали рапорты раимского начальства Обручеву.

К 27 августа в выстроенные дома перешло 8 семей, к 9 сентября -еще 4, к 25 сентября - тоже 4, а 10 октября в Оренбург доносили: "Постройка помещений для поселенцев совершенно окончена..." (л. 176). Понятное дело, работы велись при участии самих поселян, с использованием их собственных быков и лошадей. С собою казаки привели 75 лошадей, 41 корову, 24 вола и 168 овец. Это уже не считая потерь в пути.

Оседали, обживались. Приходили в дома новоселов и раимские радости, и раимское горе. "Переселенного на Раим казака Арсентия Прокофьева пасынок Сиденок Василий Демидов, 19 лет, сосватал за себя родную дочь переселенца же казака Антона Ярина Ирину, 18 лет..." (л. 175). В дни, когда Шевченко и другие участники Аральской экспедиции еще находились в укреплении, Дамис доносил оренбургскому начальству, что у Ефима Обертышева родился сын Сергей, а у Ивана Луценкова от цынги умер десятилетний Николай. "Новорожденный зачислен на казенное довольствие, а умерший исключен с оного..." (л. 156).

Чему-то радовались, многим огорчались. "Поселенные на Раиме 23 семейства Оренбургского казачьего войска...вспахали 8 десятин и посеяли ржи всего 64 пуда на вершинах озера Камышлыбаш и всходы оказываются посредственными; посев же большего количества оказался невозможным по недостатку земли, для сего способной..." (л. 177).

Не от хорошей жизни нанялись в рыбаки Цыцылин, Муравлев и Батурин. Поняли: без помощи здешних земледельцев, постигших секреты обработки своей земли, а тем паче искусственного ее орошения, им не обойтись, наемным же работникам надлежало платить...

...Крутий баГ'рак,
Неначе циган чорний, голий,
В ддбров! вбитий або спить.
А по долин!, по раздолл!
1з степу перекотиполе
Рудим ягняточком 61жить
До р!чечки со6і напитись.
А р!чечка його взяла
Та в Дншр широкий понесла,
А Дншр у море, на край свгта
Билину море покотило
Та и кинуло на чужинь..

Перекотиполе - это и они, переселенцы с линии, и он, возвращавшийся на линию. А хочется не в Оренбург - к берегам Днепра, на землю родную. Всего больше хочется именно этого.

ДАТЫ И ДОРОГИ

1.

В летописях жизни и творчества Тараса Шевченко датой выхода из Раима названо 10-е октября.

Исходит эта дата от самого Шевченко.

Но вспомним, где, когда, при каких обстоятельствах она была названа.

...Гауптвахта Орской крепости, по сути своей тюрьма. Подполковник Чигирь ведет следствие над арестантом и задает ему свои "вопросные пункты".

Арестант отвечает по памяти - никаких записей перед ним нет.

Чигирь вопрошает: "которого года, месяца и часла отправился с Раима..."

Допрашиваемый ответствует: "1849 года 10-го октября под командою капитан-лейтенанта Бутакова отправился я из Раимского укрепления..."

В его памяти отложилось десятое - это число и называет.

Достоверно, однако, девятое - как в письме А.И.Бутакова, посланном родителям сразу по возвращении в Оренбург, по свежим, неостывшим еще следам тысячеверстного перехода.

Правота Бутакова, прямо или косвенно, подтверждается другими источниками, в частности записями в формулярных списках.

9-е октября, а не 10-е, должно быть в летописях будущих, более подробных и точных.

2.

Но коль скоро с летописей начал, размышления над ними и продолжу.

...Нет на их страницах дат "промежуточных". Между выходом из Раима и прибытием в Оренбург пустота совершеннейшая. А это как-никак почти три недели.

Однако будем, по возможности, избегать компромиссного "почти". Жизнеописание должно быть достаточно полным.

Так где взять основания для записей промежуточных?

Прежде всего, в том же письме Бутакова. Тем более, что нужные сведения подтверждаются записками Макшеева. Да, Макшеева, проделавшего этот самый путь в октябре сорок восьмого, ровно за год до того, и оставившего нам всем о нем пусть краткие, но воспоминания.

Выступив из Раима 3 октября, Макшеев въехал в Оренбург 26-го, через двадцать три дня.

Столько же находилась в пути команда Бутакова - с 9-го по 31-е.

До Орской крепости они следовали двадцать дней (Туда, напомню, - от Орской до степного укрепления - путь занял вдвое больше, сорок).

В Уральское укрепление Бутаков со всеми "мореходным аулом" и сопровождавшим его конвоем попали на десятый день по выходе с места, значит 18 октября. Разве эта дата не заслуживает быть внесенной в шевченковскую летопись?

18-19 октября они находились в Уральском - сомнения в том нет. Передышка требовалась всем - что людям, что лошадям. Дневка под-тверждается и сопоставлением приведенных в письме двух точных ориентиров: в Орскую крепость путники прибыли 28 октября, на 9-й день пути от укрепления Уральского (или Новоуральского). Значит, оттуда выступили именно двадцатого. Ни днем раньше, ни днем позже.

В Орской задержались ненадолго, но на сутки наверняка. (Это, второе, прибывание Шевченко в крепости из поля зрения биографов выпадало). И дальше, в Оренбург, куда добрались 31 октября. Тридцать первого, как в письме, а не в первый уже день ноября, как в

летописях, опирающихся опять же на показания Шевченко Чигирю. ("Которого года, месяца и числа...прибыл в Оренбург..." - "...прибыл в г.Оренбург того же года 1-го ноября").

31-е октября, как день приезда в Оренбург, подтверждается и подкрепляется записями в формулярных списках Бутакова и Поспелова. Эта дата тоже сомнений не вызывает.

Такой он, мой спор с летописями жизни и творчества Т.Г.Шевченко. Такие-вот исправления и дополнения вношу я в будущие их издания, уже назревшие.

3.

Описаний этого похода никто из его непосредственных участников не оставил. Прибегну потому к аналогиям, а, следовательно, к вычитываемому из книги А.И.Макшеева "Путешествия по Туркестанскому краю и киргизским степям".

О составе походной колонны.

"...Нам, - писал Макшеев, - были даны верховые лошади, 6 подвод для поднятия багажа и провианта и конвой в 15 казаков... Кроме того, с нами же должны были следовать жена султана-правителя Араслана со свитою и воловий обоз с кампанейскою рыбою..."

Точное совпадение исключается. Ни жены султана, ни обоза с рыбой в этот раз могло и не быть. А вот верховые лошади по числу офицеров и унтер-офицеров, подводы (возможно, в большем количестве) и казачий конвой при всем оружии были наверняка.

Ни в какое сравнение с колоссальным транспортом, которым двигались на Арал, этот отряд не шел. Не было тысяч лошадей, верблюдов, телег, людей - двигалирь почти налегке, а стало быть имели и явное преимущество мобильности.

"...Любя развивать свои фантазии при полном спокойствии, Шульц двигался с своею командою медленно, делая по одному переходу в день, тогда как легкие отряды делают обыкновенно не менее двух переходов, особенно в осеннее время. К счастью, холода стояли еще не сильные, и мы имели на ночлегах прекрасные дрова из разбросанных по дороге транспортных телег..."

Взбалмошного Шульца, тем паче в роли "главнокомандующего", в их отряде не было, первое и решающее слово принадлежало тут старшему по чину и званию Бутакову, а это нелепые капризы исключало напрочь. Двигались по обстановке, иногда один переход, но много чаще два и даже три.

Насчет "не сильных" холодов и "прекрасных дро*" ситуация повторялась.

О "дровах" можно и подробнее. Основываясь при этом на предложениях подполковника Матвеева с замечаниями генерал-майора Федяева.

Матвеев: "Башкирских лошадей, пришедших в изнурение (речь шла о транспортах в дальнее укрепление - Л.Б.), с согласия хозяев брать по оценке в казну, оставляя в Раиме, без чего на возвратном пути лошади эти гибнут сотнями. Телеги тоже; лучших телег брошено в 1849 году 414 из числа 1164, между Раимским и Уральским укреплениями, где кроме того сложено их в прошлых годах более 1000".

Ф е д я е в: "Это была бы особая милость начальства. Но, с другой стороны, не лучше ли стараться достигнуть того, чтобы башкирские лошади не были доводимы до крайнего изнурения, тем более, что для казны весьма будет невыгодно тратиться на покупку лошадей, исправление коих весьма сомнительно. Башкирские телеги, оставленные в Уральском укреплении без всякой пользы, я полагал бы с первым транспортом доставить в Раим и приобрести в казну, тем более, что телеги эти для башкир потеряны и самое незначительное вознаграждение будет уже благодеянием для них". (ГАОО, ф.6, оп.6, д. 12734, лл.3-10).

"...Когда мы подошли на ночлег к речке Джаловлы, казаки привели несколько совершенно голых киргиз, скрывающихся в камышах... Это были барантовщики, пойманные на месте преступления и по киргизским обычаям раздетые донага и отпущенные на свободу..."

Я снова цитирую Макшеева. Происшествия случались наверняка и в октябре сорок девятого, во время следования отряда Бутакова. Но знать нам о том не дано.

4.

Камышлыбаш - Сапак - Аккудук - Акджулпас - Алтыкудук - Куль-кудук - Дунгурлюксор - Каракудук - Джюлюс - Терекли - Джаловлы - Китайкуль - Джалангач - Уральское укрепление-Места знакомые - прошлым летом они шли этими же дорогами, только в обратном порядке. Знакомые и незнакомые одновременно. Прежние - первые - впечатления поверялись новыми, становились глубже. Осень принесла с собою свои цвета, свои краски. Художник Шевченко отчетливее, осознаннее других видел эти степные контрасты, вбирал их в себя профессиональным взглядом, впитывал и потому что не мог не впитывать, и оттого, что предстояло передать их

на бумаге - там, в Оренбурге, где надеялся рисовать и много, и хорошо. Он следует туда для отделки видов, он будет работать по-настоящему, это же его кровное, то, ради чего живет.

А губы шептали строки; были они все о том же степном перекати-поле, о Днепре и Украине, но больше о себе самом - своих чувствах и настроениях.

...Гай шепоче, гнуться лози
В яру при дороз!,
Думи душу осщають,
І капають сльози.
І хочеться...Боже милий!
Як хочеться жити,
І любити твою правду,
І весь сеіТ обняти!
Благо То6і, друже-брате,
Як е в тебе хата...

Хаты у него нет. И нет здесь того или тех, кому он мог бы излить свою душу, признаться в сокровеннейшем.

...Благо тоб1, як у хат!
Е з ким розмовляти.
Хоч дитина немовляща,
І воно вгадае
Тво! думи весели...
Сам Бог розмовляе
Непорочними устами.

Друже - брате это его внутреннее "я", его разум и совесть. Поначалу обращения такого не было.

...Як хочется жити,
На с!м сеіТі, і любити
Чолов1ка брата - і не брата
І весь св; гобняти! Не так, не так...
...На с!м свт, і любитись
...І брата - і не брата
...Брата - і не брата

"Друже добрий", потом "друже-брате" придут позже. Но обращается он к себе самому, по-прежнему к себе, одинокому. ...А тоб1, м!Й одинокий,

Мш друже единий,
Горе То6і на чужиш
ТФФа на самотиш.
Хто з тобою заговорить,

Привггае, гляне?.. Кругом тебе простяглася Трупом бездиханним Помарншая пустиня, Кинутая Богом.

Покинутая Богом пустыня была перед ним, окружала его каждый день. Каждый долгий этот день среди немой, неживой бесконечности.

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

1.

Уральское укрепление внешних изменений не претерпело.

Теми же и такими же оставались его постройки, вся его фортификация.

Во всех отношениях прежним, неизменным и не меняющимся был главный здешний начальник майор Лобанов.

М а к ш е е в: "...Майор был добродушный старик, а майорша, несмотря на не первую молодость, большая любительница наряжаться. Перед, окнамиб посреди укрепления, перетянуты

были веревки, на которых красовались крахмаленные юбки майорши. Вся обстановка и даже самые разговоры живо напоминали мне "Капитанскую дочку" Пушкина..."

Майорша, и в этот раз принимавшая участников экспедиции, была в курсе всех служебных дел мужа, а многое, чувствовалось, решала за него, человека слишком мягкого и нерешительного.

М а к ш е е в: "...вышла распорядиться ужином, но через минуту вернулась напуганная, с восклицанием: "Тарасинька! У нас табун угнали". При этих словах с бедным майором едва не сделался удар, он растерялся, не мог ничего сказать и опустился на диван..."

Такие происшествия будоражили укрепление и в сорок девятом -нападений более серьезных не было уже давно.

Зато в этом году на Уральское со страшной силой набросилась цынга. Неумолимо коварный скорбут, испытанный Шевченко на себе еще в Орской, скосил чуть ли не треть личного состава укрепления. Читаю книгу актов - метрическую книгу - Георгиевской церкви, скрепленную подписью священника - отца Тимофея (Архангельского). За 49-й, значится в ней, похоронили 46 (!) солдат, казаков, поселенцев. Умер сам лекарь, Павел Иванович Лебедев, которого, следуя к Аралу, видели здоровым, крепким, молодым еще человеком.

Выходит, не уберегся и он. Умирали от горячки, от "худобы" (это дети), но в большинстве своем именно от цынги. (ГАОО, ф.173,оп.11,д.177).

Прихожан, однако, по сведениям того же отца Тимофея, не убавилось. Действительно, появились новые лица...много новых лиц... В июне зауряд-хорунжий Пискунов, начальник конвойной команды, привез сюда десять семейств из разных станиц Оренбургского казачьего войска - тех, кто вызвался ехать добровольно, либо на кого выпал жребий. Федоровы, Утарбаевы, Вольхины... В половине семей от семи до десяти душ, меньше трех не было. Теперь по укреплению и вблизи его ходили и женщины, и дети. Не воинский заслон только, но и мирная станица - одна такая на сотни верст вокруг.

К Уральскому прижимались мирные аулы, чувствовавшие себя здесь поспокойнее, чем где-то еще.

М а к ш е е в: "В Уральском укреплении мы пробыли двое суток и в это время я ездил на кочевку султана Гали, переведенного сюда из Раима дистаночным начальником. Гали зарезал для меня барана и угощал пилавом, кумысом, чаем и прочее. Это было мое первое посещение богатого киргиза".

Они тоже прожили двое суток, во всяком случае не меньше полутора. С Гали приходилось общаться в Раиме, у Матвеева, стало быть знакомство было давним. Вряд ли гостеприимный султан отказал себе в удовольствии выразить почтение и этим высоким гостям, пригласить русских путешественников в свои богатые апартамен ты.

Предположение, конечно, но - оснований не лишенное...

...Никаких сведений об остановке в Уральском укреплении никто из членов отряда, а равно хозяев, не сообщил. Приходится привлекать данные косвенные.

Но два эти дня были, определенный след оставили. И можно ли их обойти?

2.

Следующим притягательным пунктом на пути являлся форт Кара-бутак.

Девять официальных дневных переходов вдоль Иргиза, со множеством переправ вброд - и через эту большую реку, и в устье Якши-кайраклы, и по донному грунту Яман-кайраклы, Ащесая. Каракумы были до Уральского, теперь напомнили о себе пески Яманкума. И знакомые места - ну вот могила Дустана.

Сделали эти двести верст за...

За сколько же?

25 октября начальствовавший в Карабутакском форте майор Энг-ман докладывал о проследовании капитан-лейтенанта Бутакова "с будущими при нем сего числа" (ЦГВИА, ф.1441, оп.1, д.34).

По его же сообщению, "конвойная команда подвижного резерва в числе 1-го урядника и 7 казаков" была "оставлена при форте потому, дабы не обессилить форт" (л. 138).

Понимать это можно только так, что в Карабутаке произошла частичная смена конвоя. Урядник с семью казаками готовы были следовать дальше, до конца, но Энгман выполнял приказ и в то же время не мог не думать, как бы сохранить боеспособность форта. На нем лежала ответственность и за поселившихся тут переселенцев. Прибыло всего четыре семьи из Николаевской и Орловской станиц: тринадцать мужеска пола и тринадцать женска. Но для небольшого форта и этого было немало...

М а к ш е е в: "Форт был уже окончен, он был построен на крутом, скалистом берегу речки того же имени, в виде редута, три бока которого имели по 17, а четвертый 14 сажен длины. Вал сложен из местного камня и окружен рвом с подъемным мостом. В одном углу вала поставлено орудие, а в другом устроена сторожевая башня. Внутри форта сделаны казармы из привозного с линии леса. Издали форт походил на рыцарский замок".

Он написал это по впечатлениям октября 1848 года.

Сейчас шел октябрь сорок девятого, рыцарский замок был и достроен, и обжит.

Форт предстал перед Шевченко таким, каким видим мы его на акварели. Да, уже при первой встрече художник мог - благодаря Герну - представить себе Карабутак в законченном виде. Теперь это "представление" получило вполне реальные очертания, материализовалось. Акварель, поднесенную Обручеву, он, конечно же, создал уже по наиболее свежим, октябрьским, своим впечатлениям. Не архитектурный прогноз, но осуществленную реальность увидел Шевченко 25 октября; реальность и воплотил в рисунке красками.

И в дороге Тарас оставался художником экспедиции, художником вообще. Приятно, должно быть, ему было сознавать свою причастность к этому форту от самой закладки, самого освящения...

...Уже в 1851-м форт предстал перед тем же Макшеевым явно устаревшим. "Теснотою помещения, - писал он, - особенно страдает Карабутакский форт. Для устранения этого представляется два средства: или увеличить форт и внутри его поставить другую казарму для части гарнизона и для лазарета, или, не увеличивая его, возвести эту казарму вне. Последняя мера избавила бы чинов гарнизона от трудной работы расширения форта, при каменистом грунте, и не представила бы особенных неудобств в оборонительном отношении. Форт, сам по себе сильный, можно сказать даже неприступный для азиатцев, будучи занят пехотинцами и артиллеристами, мог бы служить цитаделью..."

Расширение форта произошло уже в губернаторство В. А.Перовско-го. Но Шевченко здесь больше не проходил. У него были другие, не им для себя выбранные, дороги.

Итак, еще одна дата в будущую летопись: 25 октября - Карабутак.

3.

Через Карабутак они проследовали.

Были здесь не дольше, чем на других привалах.

Река Аймула (Курпе) - верховье Ащесая - Таетыбутак... Орь перед переправой - овраги у Ори - залив Ори...

Последняя передышка, еще короче других, - на реке Мендыбай...

Многое на их пути он узнавал, но многое видел сейчас как бы впервые, будто тогда этого и не было.

"Джангыс-агач" - одинокое дерево, святое для казахов... Рисовал его, посвятил ему стихи. "Здравствуй, друг, живи на радость и в надежду людям!.."

Тут останавливались они на дневку; она в карандашной зарисовке - для памяти. Память услужливо воспроизводила детали - даже самые крохотные, вроде и незначительные.

А здесь прокатился тогда жаркий и раздольный степной пожар; пожар то в его акварели, она у старого генерала Шрейбера, а, может, кому и подарил уже.

Так и быть должно: каждый художник пишет свое, пишет душой, но не для себя - для других, для людей. Он, Шевченко, лишен возможности и права открыто показывать им сделанное широко, свободно, а сколько мог бы показать, открыть многим. Целый мир показать... незнакомый континент открыть...

Не обнародовать и стихи, в неволе рожденные, если под запретом все когда-либо им написанное, вся его поэзия, его тоненький "Кобзарь". Помнят ли своего поэта, своего сына на Украине или саму память о нем вытравили, арестовали, сожгли?

Думалось о разном. Обо всем, что видел, слышал, узнал, о людях, которых встретил. Некоторые из них были рядом и сейчас - Бутаков,

Поспелов, Вернер, Истомин, Рыбин; им общаться, им вместе работать в Оренбурге.

Как страшил его Оренбург, когда июньскими днями сорок седьмого мчал туда фельдъегерь Виддер... Теперь с этим городом он связывал свои надежды. Авось и повернется там доля лицом к нему, авось стать для него Оренбургу и воротами свободы. Экспедицией там и в столице довольны, а ведь экспедиция это и он, ее художник от первого до последнего дня, ее участник.

Восемь переходов от Карабутака одолели за три с небольшим дня. За Мендыбаем, поближе к крепости, остановились, чтобы подогнать амуницию, почистить коней, поправить и смазать телеги. В Орской могло оказаться и корпусное начальство - не ударить же в грязь. Хотя какая грязь, если морозно и снежно.

...Орь. Рукой подать Орская крепость, "Яман-кала" - одна такая на сотни и сотни верст. Вот и встретятся они снова - ее не обойти, не объехать. Впрочем, сейчас движется не туда - дальше. А друзей-приятелей повидать кортит. Может и весточки какие с Украины ждут.

- Орская!..

ДЕНЬ В ОРСКОЙ

В Орскую въезжали в пятницу, двадцать восьмого.

Выезжали двадцать девятого, в субботу.

Бутаков твердо решил попасть в Оренбург до конца месяца - быст-робегущего октября. Торопил и участившийся снегопад с ветром - в степи мог даже разыграться буран, по этим местам и в это время не редкость.

Задерживаться не приходилось.

Официальное представление коменданту лежало на начальнике экспедиции.

Что касается Шевченко, то он отправился представляться Александрийскому.

Михаил Семенович встретил его распростертыми объятиями, сходу порадовал тем, что скоро переселится в Оренбург и сам. Дело было в том, что в Пограничной комиссии открылась вакансия секретаря исполнительного и счетного отделений, он выразил готовность занять это место, Ладыженский согласился, и теперь оставалось дождаться утверждения нового назначения Обручевым. Вряд ли его высокопревосходительство станет перечить, и недели через две-три вопрос решится окончательно. Сразу после этого, сдав дела, они с Ларисой Дмитриевной и детьми переселятся в свой оренбургский дом. Так что милости просим быть его гостем и там. Желанным гостем, подчеркнул он. Это хорошо, думал Тарас, значит общение со славным, надежным оросим приятелем не прервется.

Писем для него, Шевченко, Александрийский не получал. "Может дожидаются в Оренбурге, у Лазаревского", - обнадежил он, душа добрая.

От Михаила Семеновича путник получил достаточно полную информацию о наиболее важных орских новостях. Главные касались смертей - сначала Левитского Гаврилы Гавриловича, потом Исаева Дмитрия Николаевича, двух бывших комендантов крепости, двух генерал-майоров.

Исаев умер несколько месяцев назад, в конце апреля, - от старости, как говорили все и даже записали в церковной книге. Старый служака, за полвека в офицерском звании, кавалер разных орденов, он был живой историей Орской, где прослужил десятилетия, еще от начала двадцатых годов. Александра Афиногеновна, его еще вдова, осталась в бедственном положении: старый комендант не нажил ровным счетом ничего. В свой дом она вынуждена была пустить Бархвица с женою, но тот верен себе - и не платит условленное, и хозяйку притесняет. Мерзкий человек, зря ему Тарас поверил - обманет и продаст, не сморгнув с глаз. И ничего не стребуешь. Что с него, что с тестя его, войскового старшины Мальханова.

Все громче поговаривают: приложил Бархвиц руку и к истории с Л свитским, человеком честным, порядочным, боевым офицером во многих сражениях. Он был справедливым, к людям относился по-людски (Тарас это знает). Поблажливость к "политическим" и поставили ему в вину,

придравшись к последнему случаю, с Аполлоном Гофмейстером. Сместили, не приняв во внимание никакие заслуги, больше того - предали военному суду. И не выдержал старый вояка удара -сгорел в несколько недель, хоть и крепким вроде был, всегда в делах-заботах. Подсудимым преставился, без оправданий; семье его даже во вспомоществовании отказали.

Теперь комендантом полковник Недоброво. От этого добрых дел и не видит никто и не ждет, а насчет штрафных он крут особенно. Александрийский ему не подчинен, но от такого коменданта предпочитает быть подальше и он. Это тоже причина ухода с должности попечителя прилинейных казахов. Ну, даст Бог, Обручев препятствовать не станет - служил исправно, кроме благодарностей, не имел ничего, сейчас приобрел право на получение знака отличия за пятнадцать лет.

Насчет долга с Бархвица поднимать вопрос Михаил Семенович не посоветовал. "Подлый человек" - только и сказал. Что ж, он, наверное, прав. Уж если смог подвести под суд генерала Левитского, то с ним, рядовым, да еще таким, расправиться ему вполне под силу. Нет, с ей ч ас надо поостеречься...

Переговорили о разном. И об орском, и об аральском, и - конечно -о европейском вкупе с петербургским. Во Франции революция потерпела поражение, республиканцы пошли на большие уступки монархистам, и на майских этого года выборах в верховное собрание победила "Партия порядка". В Австрии, после поражения народного восстания в Вене, разогнали выборный рейхстаг и создали правительство из представителей монархических кругов. Контрреволюция восторжествовала в Германии. Поражением закончилась революция в Венгрии; в удушении ее сыграли свою черную роль войска российского царя. Закручивал гайки России и в стране собственной. Усиливался полицейский сыск, жандармский надзор. Все круче прижимали печать, культуру, просвещение, свежую мысль и вольное слово. Да, разговоры о заговоре, раскрытом в Петербурге, имеют под собою основания, хотя официально о нем не говорят и не пишут. Но, надо полагать, скоро дождутся новых заговорщиков и Отдельный Оренбургский корпус, и Орская крепость...

Вести были недобрые. Перемен к лучшему, о которых писал ему на Арал Александрийский, не произошло и не предвиделось.

...Простились дружески, сказали взаимно до свидания. До ев ид а н и я в Оренбурге!

Не мог не зайти в с в о ю казарму. Осенний день уходил, темнело. Занятия на плацу и в экзерцисгаузе закончились, все, кого хотел видеть, отдыхали. Шумная, разноголосая, вонючая казарма жила своей обычной, от него уже далекой, жизнью. За эти тридцать месяцев от всего этого он отвык. Только сейчас смог оценить, от чего был избавлен в день, когда отправлялся в далекий, многотрудный поход.

Поляки по-прежнему держались особняком. Хипполит Завадский, Северин Буковский и другие встретили его братски, как давнего и не забытого друга. Пошли расспросы, рассказы. Познакомили его с новыми своими собратьями по несчастию. Только этой весной, в мае, привезли сюда Владислава Докальского, в недавнем прошлом помещика Ковенской губернии. Его арестовали в сорок восьмом - "за сокрытие оружия, при общем отобрании оного у частных лиц, ложную подписку и подтверждение на допросе, что у него, кроме представленных двух ружей, не осталось никакого оружия, так же за хранение, в противность постановлений, более пуда пороха и непредставление доказательств, откуда приобрел оный". Без долгих разбирательств, только за это, Докальского лишили дворянства и отдали в солдаты. Из "Европы" он прибыл гораздо позже других и мог сообщить нечто новое. Европейские новости равнодушным Тараса не оставляли. Одно дело слухи, совсем другое, когда исходит от очевидца, живого свидетеля и даже участника событий. У поляков, убедился давно, были свои источники информации, причем такие, которым стоило доверять. Сейчас, увы, ничего утешительного в рассказах не звучало...

На привычном месте нашел Шевченко и своих земляков - Ивана Дарчюка, Якова Михалько, Петра Маслюка. Передал им привет от Михаилы Чемерды, оставшегося в Раиме. Тосковали по родным местам, по близким людям. Никаких вестей оттуда у них не было. И ни малейшей надежды на возвращение...

...Пожимали руки, обменивались приветствиями, обнимались. Казарма была полна людьми знакомыми.

Заглянул к Лаврентьевым. Подняли чарки, закусили чем Бог послал, поговорили недолго. Орская какой была, такой и оставалась, не менялось в ней, кажется, ничто. А главное - не убывало людей хороших. К ним и тянуло.

Засиживаться, однако, не приходилось. Поутру, да пораньше, предстояло отъезжать.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕЕЗД

И снова знакомая дорога.

Но тогда его везли из Оренбурга, теперь же следовали в Оренбург.

Тогда было жаркое лето - теперь стояла морозная осень, по здешнему уже зима.

Ехали налегке: телеги с грузом следовали отдельно. Продвижение вперед это ускоряло. Темп сходу взят был быстрый. Конечно, не такой, как описанный И.Ф.Бларамбергом в своих воспоминаниях о собственной поездке начала сороковых годов: "...В легком тарантасе, сопровождаемый только поручиком Емельяновым, полетел по почтовому тракту из Орска в Оренбург... Преодолев довольно крутые Губерлинские горы, которые прорезаны рекой Уралом, я проехал в этот день 150 верст. В ночь на 5-е (сентября - Л.Б.) было холодно. На чистом степном небе мерцали звезды. На почтовых станциях я встречал молодых казачьих девушек и женщин, которые в длинные осенние и зимние вечера допоздна вязали из тонкой козьей шерсти ве ные платки... Проехав 5 сентября еще 115 верст, все время правого берега Урала, я наконец благополучно прибыл в час Оренбург..."

Они не летели: и дорога была не сентябрьской, и их следе поболее, и холода чаще загоняли в теплые станции на пути. Так 150 верст в один день и 115 в другой, да еще сразу пополудни, выглядели бы фантазией автора. Но и двое с чем-то, может с по ной, суток на такое расстояние являлись скоростью немалой, более, что ночи из этого счета исключались: их предпочитали пр дить в тепле. Не из любви ккомфорту ночевали на промеж} станциях - ночные переезды представлялись попросту опасными; і ло и заморозить, и занести.

Где ночевали - гадать не стану и незачем. Где настигала ночь, о. и располагались. В последний раз, быть может, и в хорошо знаке Тарасу Островной. Будущий романист, развернув на многих і цах сцены встречи поэта со своими знакомыми-земляками, погрешит перед фактами истинными, потому что их, этих фактов, і и уже не сыскать. Ни в воспоминаниях, ни в казенных бумагах.

Ехали споро. Истомина ждала семья; только у него и был там < дом, свой очаг. Остальные спешили ради дела, работы. Орел довелось стать начальным, ему же быть и конечным пунктом их і педиции. Для Шевченко он становился началом новых надежд; возвращение свободы, права писать и рисовать. Сбыться ли этим і деждам? осуществиться желаниям?

"Вследствие ходатайства капитан-лейтенант Бутакова... < на линию с этим штаб-офицером для окончательных с ним занятий 1 возложенному на него поручению унтер-офицера Вернера и рядов Шевченко..."

Однако есть в предписании и такое:

"...с тем, чтобы нижние чины эти...по минованию в них здесь і ности были возвращены в Раимское укрепление..."

Дозволили -и на привязи держали. До каких пор?

"...были возвращены..."

Невольником был, невольником остается. Не едет он в Оренбур его везут туда.

Сколько еще оставаться ему безмолвным и бесправным испс лем чужой воли? всего лишенным нижним чином?

...Каламутними болотами,
Меж бурьянами, за годами
Три года сумно протекли.
Багато дечого взяли,

3 мое! темно! комори І в море нишком однесли. І нишком проковтнуло море Мое не злато-серебро,
Моі л!та, мое добро,
Мою нудьгу, Моі печал!,
Тіі незрима скрижал!,
Незримим писан! пером...

Третий год он в этом краю, а кажется, что уже и три полных, и чуть не всю жизнь его поглотила неволя. Оренбург - Оренбург, что несешь

с собой ты? л

Их долгая дорога заканчивалась. Оренбург был совсем уже близко.

и зимние вечера допоздна вязали из тонкой козьей шерсти великолепные платки... Проехав 5 сентября еще 115 верст, все время вдоль правого берега Урала, я наконец благополучно прибыл в час дня в Оренбург..."

Они не летели: и дорога была не сентябрьской, и их следовало поболее, и холода чаще загоняли в теплые станции на пути. Так что 150 верст в один день и 115 в другой, да еще сразу пополудни, тут выглядели бы фантазией автора. Но и двое с чем-то, может с половиной, суток на такое расстояние являлись скоростью немалой. Тем более, что ночи из этого счета исключались: их предпочитали проводить в тепле. Не из любви ккомфорту ночевали на промежуточных станциях - ночные переезды представлялись попросту опасными: могло и заморозить, и занести.

Где ночевали - гадать не стану и незачем. Где настигала ночь, там и располагались. В последний раз, быть может, и в хорошо знакомой Тарасу Островной. Будущий романист, развернув на многих страницах сцены встречи поэта со своими знакомыми-земляками, не погрешит перед фактами истинными, потому что их, этих фактов, нет, и уже не сыскать. Ни в воспоминаниях, ни в казенных бумагах.

Ехали споро. Истомина ждала семья; только у него и был там свой дом, свой очаг. Остальные спешили ради дела, работы. Оренбургу довелось стать начальным, ему же быть и конечным пунктом их экспедиции. Для Шевченко он становился началом новых надежд на возвращение свободы, права писать и рисовать. Сбыться ли этим надеждам? осуществиться желаниям?

"Вследствие ходатайства капитан-лейтенант Бутакова... отправить на линию с этим штаб-офицером для окончательных с ним занятий по возложенному на него поручению унтер-офицера Вернера и рядового Шевченко..."

Однако есть в предписании и такое:

"...с тем, чтобы нижние чины эти...по минованию в них здесь надобности были возвращены в Раимское укрепление..."

Дозволили -и на привязи держали. До каких пор?

"...были возвращены..."

Невольником был, невольником остается. Не едет он в Оренбург -его везут туда.

Сколько еще оставаться ему безмолвным и бесправным исполнителем чужой воли? всего лишенным нижним чином?

...Каламутними болотами,

Меж бурьянами, за годами

Три года сумно протекли.

Багато дечого взяли,

3 мое! темно! комори І в море нишком однесли. І нишком проковтнуло море Мое не злато-серебро,

Моі л!та, мое добро,

Мою нудьгу, мо! печал!,

Тіі незрима скрижал!,

Незримим писан! пером...

Третий год он в этом краю, а кажется, что уже и три полных, и чуть не всю жизнь его поглотила неволя. Оренбург - Оренбург, что несешь с собой ты?

Их долгая дорога заканчивалась. Оренбург был совсем уже близко.